

II-10.
22-153.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ,

Издаваемый И. Песоцкимъ, подъ редакціею О. А. Кони.

797
7962
7012

1847.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТРЪ ДРАМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 Января 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ОП
РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

1847.

I.

Издатель: И. Пероукинъ.

Редакторъ: О. А. Кони.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 1.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Двойникъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Соч. П. Каратыгина.

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ТВАРДОВСКІЙ: Романъ Іосифа Игнатія <i>Крашевскаго</i> , взятый изъ польскихъ народныхъ преданій. (<i>Часть первая</i>). Переводъ съ польскаго. С. П. <i>Побьдоносцева</i>	1.
II. БЮГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Воспоминаніе о князѣ Александрѣ Александровичѣ <i>Шаховскомъ</i> . Статья П. А. <i>Смирнова</i>	101.
III. ИСТОРІЯ РУССКАГО ИСКУССТВА. Начало драмы, оперы и балета въ Россіи, со временъ Петра Великаго. Статья О. А. <i>Кони</i>	125.
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.	
1. Завѣщаніе. (Изъ Платена.) Н. П. <i>Грекова</i>	157.
2. Два стихотворенія изъ Виктора Гюго. <i>Его же</i>	158.
3. Разлука съ жизнью (изъ Гервега). П. П. <i>Крешева</i>	169.
Изъ Рюкертъ. . . . . <i>Его же</i>	—
V. ЮМОРИСТИКА. Отрывки изъ народнаго драматическаго представленія: <i>Марья Егоровна Борецкая</i> , <i>посадница Новгородская</i> . Соч.—О. V. <i>Жгутикова</i>	161.
VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
1. Драматическая фантазія, вмѣсто предисловія. О. А. <i>Кони</i>	1.
2. АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ: Критическій разборъ бенефисовъ гг. <i>Каратыгина</i> 2, <i>Григорьева</i> 1 и <i>Сосницкаго</i>	
a. <i>Двойникъ</i> , драма П. Каратыгина.	
b. <i>Женитьба на скорую руку</i> ; водевиль А. П—ча.	
c. <i>Приключеніе въ Жидовской корчмѣ</i> ; опера <i>Семенова</i> .	
d. Два брата съ Арбата; водев. г. <i>Ленскаго</i> .	
e. <i>Дипломатъ и Наборщикъ</i> ; комедія г. <i>Фурмана</i> .	
f. Еще комедія съ дялюшкой; водевиль г. <i>Григорьева</i> 1.	
g. <i>Горка на именинахъ</i> ; русская картина, г. <i>Григорьева</i> 1.	
h. <i>Школа мужей</i> ; комедія Мольера, переводъ А. <i>Григорьева</i> .	
i. <i>Невидимка</i> ; водевиль.	
k. <i>Королевская охота</i> ; водевиль.	
1. <i>Москаль-Чаривникъ</i> ; малороссійская оперета <i>Котляревскаго</i> . Статьи О. А. <i>Кони</i>	10.
VII. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.	
1. Франція: « <i>Отверженіе Фауста</i> »— <i>Берлиоза</i> ; « <i>Агнеса Мерани</i> »—драма <i>Понсара</i> ; « <i>Робертъ Брюсъ</i> »—опера <i>Россини</i> ; « <i>Тайное покровительство</i> »—комедія <i>Скриба</i> .—« <i>Вѣрный мужъ</i> », водевиль <i>Вареня</i> ; и проч.	
2. Германия: « <i>Ученики Карловой школы</i> »—драма <i>Лаубе</i> ; « <i>Гуттенбергъ</i> »—опера <i>Фукса</i> .	
3. Англія: <i>Новости Лондонскихъ театровъ</i> .	
VIII. СМѢСЬ.	
1. Новые историческія свѣденія о желѣзной маскѣ	63.
2. Магнетическія представленія	66.
3. Перенесеніе праха Керубини	67.
4. Рецептъ для составленія романовъ	—
5. Листъ и гирлянда Гименей	68.
6. Золотая медаль	69.
7. Мужъ, отыскивающий жену	71.
РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.	
АНЕКДОТЫ.	

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Изданіе «Репертуара и Пантеона», которое нынѣ поступило въ вѣденіе новой редакціи, составилось изъ двухъ прежнихъ изданій, совершенно различныхъ по цѣли и содержанию, изъ «Репертуара русской сцены», издававшегося г. Песоцкимъ, и «Пантеона русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», издаваемого книгопродавцемъ Поляковымъ, подъ редакціею, г. Кони.

«Репертуаръ» долженъ былъ знакомить читающую публику съ драматическими произведеніями, являющимися на русской сценѣ, какія — бы они ни были,—и только.

Цѣль «Пантеона» была знакомить съ замѣчательнѣйшими явленіями драматической поэзіи всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, въ переводахъ вѣрныхъ и художественныхъ. Кроме того, онъ обязался, дѣльными и учеными статьями по всемъ отраслямъ искусствъ, указывать на современное ихъ состояніе въ Европѣ; давать направленіе русскому творчеству положительною и безпристрастною критикою; сообщать жизнеописанія и взгляды на искусство знаменитѣйшихъ художниковъ; слѣдить за всеми явленіями европейскихъ театровъ, за развитіемъ драматической литературы въ Россіи и излагать исторію театра у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Изъ этой задачи, предложенной «Пантеономъ» видно, что онъ имѣлъ положительную цѣль и направленіе.

Нынѣ, когда оба изданія соединены подъ одною общою оберткою, мы находимъ необходимымъ сдѣлать подраздѣленіе во внутреннемъ содержаніи, подраздѣленіе, которое выражало — бы первоначальную мысль каждаго изъ нихъ. Первый отдѣлъ каждой книжки, мы назовемъ «Репертуаромъ русской сцены», потому что онъ будетъ заключать въ себѣ исключительно только пьесы, игранныя на русской

сценъ; второй отдѣлъ — «*Пантеономъ театровъ*» — и въ составъ его войдутъ всѣ рубрики, означенныя въ нашей программѣ.

Въ «*Репертуаръ*» пьесы постунаютъ прямо со сцены, стало быть, редакція ни за достоинство ихъ, ни за внутреннее содержаніе отвѣчать не можетъ. Въ этомъ случаѣ она будетъ только руководствоваться успѣхомъ, который пьесы эти имѣли на сценѣ. Если-же онѣ не будутъ удовлетворять строгому вкусу и разборчивости читателей, вину надо отнести — къ театру и къ тѣмъ, которые для него подвизаются. Мы — же умываемъ руки.

«*Пантеонъ*,» напротивъ, весь лежитъ на ответственности редакціи и она постарается всегда быть вѣрной своему воззрѣнію, предположенной цѣли и тому направленію, которое почитаетъ необходимымъ для этого изданія. По этому, читатели не должны удивляться, если въ той же книжкѣ «*Репертуара и Пантеона театровъ*» — они часто встрѣтятъ въ первомъ отдѣлѣ — драму, комедію или водевиль, — а во второмъ, въ «*Пантеонѣ*», — строгую и, можетъ быть, невыгодную для нихъ, оцѣнку этихъ пьесъ. Выборъ пьесъ сдѣлала публика, которая доставила имъ успѣхъ, и которая руководствуется нерѣдко въ такихъ случаяхъ своей минутной прихотью, мимолетнымъ расположеніемъ или не совсѣмъ отчетистымъ вкусомъ; оцѣнку пьесы — дѣлаетъ критика, кототорая должна быть вѣрна себѣ и руководствоваться неизмѣнными законами эстетики и правилами искусства.

Если намъ когда нибудь попадется въ руки драматическое произведеніе съ истиннымъ внутреннимъ достоинствомъ, по чему-либо не принятое на сцену, мы охотно распахнемъ для него объятія «*Пантеона*» — и даже — «*Репертуара*», въ случаѣ нужды, но отмѣтимъ въ такомъ случаѣ «*что пьеса эта не была удостоена принятія на театрѣ.*»

Объяснявъ это дѣло однажды навсегда, мы сообразно съ нимъ и будемъ дѣйствовать.

ДВОЙНИКЪ

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. П. КАРАТЫГИНА.

(Сюжетъ заимствованъ изъ разсказа Поля-Февалля.)

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Александрійскомъ
Театрѣ, 3-го Декабря, 1846 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ричардъ Лаутеръ, Лондонскій банкиръ.

Клариса Лаутеръ, жена его

Дженни, дочь ихъ.

Стивенсонъ, Манчестерскій банкиръ.

Генрихъ Стивенсонъ, сынъ его.

Самуилъ Чортонъ, кассиръ Лаутера.

Томасъ, камердинеръ.

Маэнезъ, трактирщикъ.

Жоржета, его племянница.

Патро, слуга въ Трактирѣ.

Дорваль.

Морель.

Жоржъ.

Бернаръ. } молодые люди.

Гилью.

Едмондъ.

Евгеній.

Констабль.

1. }
2. }
3. } Ковторщики Лаутера.

4. }

Слуга.

Г. Каратыгинъ 1-й.

Г-жа Дюръ.

Г-жа Самойлова.

Г. Каратыгинъ 2-й.

Г. Смирноевъ 2-й.

Г. Максимовъ 1-й.

Г. Сосницкій.

Г. Мартыновъ.

Г-жа Цыткова.

Г. Марковецкій.

Г. Смирноевъ 1.

Г. Ширяевъ.

Г. Славинъ.

Г. Толченоевъ 4.

Г. Горшенковъ 1.

Г. Сергеевъ.

Г. Люстихъ.

Г. Третьяковъ.

Г. Максимовъ 2.

Г. Разсказовъ.

Г. Горшенковъ 2.

Г. Антополини.

Г. Чайскій.

Первое и третье дѣйствія происходятъ въ Лондонѣ, второе въ Парижѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет роскошную гостиную банкира, направо отъ зрителей дверь въ кабинетъ съ окошкомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Самуилъ одинъ, потомъ Томасъ.

самуилъ. Мистеръ Ричардъ! Мистеръ Ричардъ! извините, что я васъ беспокою, но эти бумаги очень важныя... Гм! даже не пошевелился, сидитъ какъ вкопанный. Мистеръ Ричардъ... скажите, по крайней мѣрѣ...

томасъ *входитъ*. Что вамъ здѣсь надобно?

самуилъ. А! это вы, г. Томасъ... доложите, пожалуйста, г. Ричарду, что я...

томасъ. А сколько разъ приказывалъ вамъ г. Ричардъ, чтобы вы не беспокоили его въ кабинетъ.

самуилъ. Но эти бумаги очень нужныя.

томасъ. Большая мнѣ нужда до вашихъ бумагъ. Я исполняю приказаніе моего господина; и если вы сейчасъ отсюда не уйдете, то сего дня же отправитесь искать себѣ другаго мѣста; а такого другаго, вы навѣрное, не скоро найдете... понимаете?

самуилъ. Не сердитесь, г. Томасъ, я вѣдь изъ усердія къ хозяину...

томасъ. Чортъ возьми всякое усердіе! Хозяинъ запретилъ даже и женѣ своей его беспокоить, когда онъ работаетъ... и она, другой разъ, подойдетъ къ окошку, поглядитъ и не смѣетъ сказать ему словечка, а если что и скажетъ, такъ ни полслова не дождется отъ него.

самуилъ. Да, вотъ и я теперь минутъ десять стоялъ у окна, а онъ даже и рукой не пошевелилъ. Признаться, во

всемъ Лондонѣ, вѣрно, не найдется банкира трудолюбивѣе его: цѣлую ночь сидитъ за дѣломъ; и для чего? Кажется, наша контора совершенно исправна. Писцовъ въ иной канцеляріи нѣтъ столько.—Кассиръ тоже человѣкъ, кажется, неусыпный, точный; дѣла идутъ—какъ нельзя лучше; капиталъ необъятный, обороты гигантскіе, кредитъ неимовѣрный, а онъ все еще работаетъ по ночамъ. Нѣтъ, вѣрно человѣкъ никогда не можетъ быть совершенно доволенъ своимъ состояніемъ. Вѣдь взглядишь на г. Ричарда, такъ подумаешь, что онъ самый несчастный человѣкъ; цѣлый день—какъ ночь, не улыбнется... а изъ какого горя? Жена у него добрейшая женщина, дочь—ангелъ; нѣтъ, все недоволенъ, все мало!.. Ахъ, еслибъ Богъ привелъ мнѣ имѣть десятую долю такого состоянія, сколькихъ бы я облагодѣтельствовалъ, бѣдные бы меня благословляли и я бы, кажется, жилъ только для того, чтобы наслаждаться своими благодѣяніями.

ТОМАСЪ. Да, это всегда такъ говорятъ, когда нѣтъ гроша въ карманѣ.

САМУИЛЬ. Нѣтъ, г. Томасъ, вѣрно честиѣ меня конторщика не найти нашему хозяину... я его собственность берегу, какъ свою.

ТОМАСЪ. Охъ, то-то и бѣда, что иные конторщики ошибкою принимаютъ хозяйскую собственность за свою, а его мѣшокъ за свой карманъ.

САМУИЛЬ. Сохрани Богъ! честь для меня дороже миллионъ!

ТОМАСЪ. Какова честь... иная похожа на старинную монету: блеститъ, а штемпеля не видно; и право, истинно честный человѣкъ рѣдко говоритъ о своей чести.

САМУИЛЬ. Нѣтъ, г. Томасъ, я бѣденъ, но что касается до чести...

ТОМАСЪ. Ахъ, какъ вы надѣли съ своей честью... Никто у васъ объ ней не спрашиваетъ. Вы честны, я честенъ, всѣ честны, а мошенниковъ не оберешься.

САМУИЛЬ. Зачѣмъ говорить личности, г. Томасъ; я, кажется, не подамъ никакого повода; всѣмъ извѣстно мое поведеніе. Мистриссъ Лаутеръ обходится со мною съ уваженіемъ, миссъ Женни также очень учтива, и я, право, не заслуживаю...

ТОМАСЪ. Да я и не думалъ обижать васъ; я только такъ, примѣрно говорю, а мнѣ до вашей чести дѣла нѣтъ. Вы кассиръ, я камердинеръ, должности наши совершенно разные. Считать деньги я неумѣю, да и нечего; а считать всѣхъ людей за честныхъ, не вижу надобности.

самуилъ. Полноте, г. Томасъ, не сердитесь; оставимъ это, поговоримъ о другомъ. Мы такъ рѣдко съ вами видимся, а я давно искалъ случая посовѣтоваться съ вами. Хозяинъ вась очень любитъ, онъ къ вамъ, кажется, больше всѣхъ имѣетъ довѣренности, и если вы будете такъ добры, что...

томасъ. Что такое? чего вы отъ меня хотите?

самуилъ. Я хочу повѣрить вамъ тайну.

томасъ. Напрасно беспокоитесь; я со всѣмъ не любопытенъ и не мастеръ совѣтовать.

самуилъ. Но, г. Томасъ, вы сами были молоды и вѣрно знаете, что бываютъ *душевные* тайны, отъ которыхъ наконецъ становится *душно*, пока ихъ не выскажешь комунибудь. Вы конечно любили когданибудь?

томасъ. Не помню; кажется, никогда.

самуилъ. Ахъ, я и самъ боялся этой страсти, убѣгалъ отъ нея... но отъ судьбы не уйдешь: миссъ Джени лишила меня свободы!

томасъ. Какъ! что? хозяйская дочь! гм! не дурно, вкусъ хорошъ, и расчетъ коммерческій.

самуилъ. Неужели вы думаете, что моя любовь основана на расчетахъ? Сохрани Богъ... Конечно я ничего не имѣю, но еслибъ она даже была бѣднѣ меня, мое сердце и тогда бы ее выбрало.

томасъ. Не спорю, сердце можетъ выбирать сколько ему угодно, только дочь банкира, единственная наследница отцовскихъ милліоновъ, должна быть разборчивая невѣста.

самуилъ. Ваша правда, я и не смѣю мечтать объ этомъ недоступномъ блаженствѣ; но я уже счастливъ тѣмъ, что живу съ нею подъ одной кровлей, дышу однимъ воздухомъ, хотя въ недѣлю разъ увижу ее, скажу одно слово... и знаю, наконецъ, что труды мои и занятія посвящены на пользу ея родителя.

томасъ. Послушайте, г. Самуилъ: я хотя и старъ, но не болтливъ, я хозяину ничего не скажу, но если онъ самъ догадается, то берегитесь: онъ шутить не любитъ, и, вѣрно, никогда не позволитъ, чтобы вы свои шесть нулей приписали къ его единицѣ.

самуилъ. Какая мысль... я вамъ повторяю, что и не думаю о его милліонахъ... эта любовь мечта, но мечта, которая дѣлаетъ меня совершенно счастливымъ!

томасъ. Мечтайте себѣ на досугъ; но теперь уже утро, на-

до заниматься дѣломъ, всѣ заняты работой—вотъ нашъ хозяинъ вамъ примѣръ.

самуилъ. Иду, иду, не сердитесь, г. Томасъ, я вѣдь приходилъ за дѣломъ. До свиданія... я возвращусь сюда, когда хозяинъ выйдетъ изъ своего кабинета.

томасъ. Ну, ну, ступайте, ступайте.

ЯВЛЕНІЕ II.

Томасъ (одинъ).

Негодяй! прошу покорно, что онъ забралъ себя въ голову. Влюбиться въ хозяйскую дочь! да съ ея милліонами она можетъ выйти за лорда, пера, за герцога!.. Однако-жъ мой хозяинъ меня сегодня беспокоить не на шутку: утро уже давно, а онъ... Нѣтъ это добромъ не кончится. Прежде бывало часовъ до семи... а нынче... худо! если это откроется, весь его кредитъ пойдетъ къ чорту! Что-то зашумѣло... нѣтъ ничего не слышно. Ну! мистриссъ Лаутеръ опять идетъ сюда... чортъ возьми, прошу покорно тутъ вывертываться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Томасъ, Клариса и Дженни.

клариса. Здравствуй Томасъ.

томасъ. Мое почтеніе, сударыня.

клариса. Неужели онъ еще не кончилъ свою почную работу?

томасъ. Нѣтъ мистриссъ, онъ все еще занятъ.

клариса. Ахъ, Боже мой, какъ онъ себя изнуряетъ.

дженни. Бѣдный папенька! съ его богатствомъ онъ такъ себя мучить. Позвольте маменька, я съ нимъ поздороваюсь въ окошко...

клариса. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого: онъ разсердится, а онъ и безъ того всѣ эти дни такъ печаленъ, мраченъ, что мнѣ даже страшно становится.

Дженни. Что это значить маменька? что его можетъ такъ огорчать? чѣмъ онъ недоволенъ? развѣ мы не любимъ его? развѣ онъ не любитъ насъ? что съ нимъ сдѣлалось?

Томасъ. Бѣдныя женщины; еслибъ онѣ знали...

Дженни. Томасъ, добрый Томасъ, не можешь ли хоть ты намъ сказать что нибудь...

Клариса. Да, ты всегда съ нимъ. Не замѣтилъ-ли изъ его словъ или поступковъ...

Томасъ. Ахъ, сударыня, не спрашивайте, ради Бога, я самъ не меньше васъ беспокоюсь о моемъ добромъ господи-нѣ... но, вѣроятно, это скоро кончится... Какое нибудь важное предпріятіе, обороты, проекты, въ которыхъ я ничего не смысло... онъ все при мнѣ пишетъ, а я рѣшительно ничего не понимаю. Мое дѣло — молчать, когда мнѣ приказано, и не отвѣчать, когда нечего говорить.

Уйду отъ нихъ, а то еще проболтаешься. Бѣдныя женщины! еслибъ онѣ знали... эхъ! не хорошо, право, не хорошо!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клариса и Дженни.

Дженни. Какой несносный этотъ Томасъ; молчаливъ и холоденъ, какъ рыба. Я увѣрена, что онъ все знаетъ, а только не хочетъ намъ сказать. Это для меня непонятно! Какъ, кажется, не рассказать тайны, когда ее знаешь... меня напротивъ всякая тайна мучить! Бывало въ пансіонѣ чуть что нибудь услышу по секрету, на другой же день всѣ узнаютъ... такъ и должно, а то что за глупые секреты!.. Вы меня еще въ дѣтствѣ учили, чтобъ я отъ васъ ничего не скрывала, я такъ и дѣлаю: у меня что на душѣ, то и на языкѣ. Вотъ, напримѣръ, люблю Генриха и призналась вамъ, онъ меня тоже любитъ и сказалъ своему отцу;—вотъ дѣло и пошло своимъ порядкомъ, а то еслибъ мы оба секретничали, чѣмъ бы это кончилось, Богъ вѣсть!.. Да улынитесь, добрая маменька, право, вы сегодня скучите обыкновеннаго... вѣдь я все болтаю для того, чтобъ васъ развлечь, развеселить, а вы, какъ нарочно, не догадываетесь.

Клариса. Милая Дженни, ты права, мнѣ сегодня ужасно грустно, какъ будто какое предчувствіе...

Дженни. Полноте, маменька, неужели вы вѣрите предчувствіямъ? Это, просто, воображеніе. Конечно, сама я нынѣшнюю ночь видѣла предурной сонъ объ васъ и объ папенькѣ, но я не люблю толковать сны; они вообще очень безтолковы.

Клариса. Что жъ ты видѣла?

Дженни. Пустяки, не стоитъ говорить. Поговоримъ лучше о томъ, о чемъ я готова бредить днемъ и ночью. Мой Генрихъ скоро будетъ сюда съ своимъ отцомъ и сдѣластъ формальное предложеніе вамъ и папенькѣ... Вы-то согласитесь, я увѣрена, не правда ли, маменька?... да, да, вѣдь вы знаете моего милого Генриха. Но вотъ что-то папенька скажетъ, онъ видѣлъ Генриха, когда ему было лѣтъ 12. Мы съ нимъ вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ шалили. Бывало его гувернеръ оставить безъ завтрака, а я приду, да потихоньку и накормлю его; а если меня гувернантка накажетъ, такъ онъ принесетъ мнѣ свой завтракъ:—вотъ бывало то и дѣло кормимъ другъ друга завтраками; и еслибъ вы знали, какъ это было вкусно! Забьешься гдѣ нибудь въ уголкѣ, или убѣжишь въ паркъ, и ѣшь съ такимъ аппетитомъ, какого никогда не бываетъ, когда сидишь за накрытымъ столомъ... а это все отъ того, что мы уже тогда любили другъ друга, какъ братъ и сестра. О! мы съ нимъ были большіе шалуны, за то теперь сдѣлались маленькими философами: мы терпѣливо ждемъ своей участи. Я увѣрена, что папенька его не узнаетъ: онъ изъ рѣзваго мальчика сдѣлался степеннымъ молодымъ человекомъ, а что больше всего должно папенькѣ понравиться, такъ это то, что онъ помогаетъ въ торговыхъ дѣлахъ своему отцу, ворочаетъ капиталами, завѣдываетъ всей конторой. Это не шутка... Вѣдь вы сами говорили, что папенька былъ очень друженъ съ отцомъ Генриха, и что только занятія и дальность мѣста разлучили ихъ въ послѣднее время. За то они теперь снова сойдутся и ихъ старинная дружба укрѣпится болѣе прежняго. Авось, папенька, глядя на наше счастье, броситъ свою угрюмость. О, лишь бы только онъ согласился на нашу женитьбу, а то я все здѣсь передѣлаю по своему: у насъ будутъ каждую недѣлю балы, обѣды, концерты, не такъ-ли маменька? Да вы меня, кажется, и не слушаете. Вотъ мило! я тутъ строю возлущные замки, придумываю, выдумываю, а вы думаете совсѣмъ о другомъ... Ахъ, какой скучный папенька! Это все по его милости вы такъ печальны! Нѣтъ, ужъ это несносно!

Чтобы ни было, а я пойду, закричу въ окошко, чтобы онъ бросилъ свою несносную работу.

Клариса. Нѣтъ, ради Бога...

Дженни. Нѣтъ, нѣтъ, воля ваша... (*Подходитъ къ окошку*) Папенька! милый папенька! мы цѣлые полчаса здѣсь васъ ожидаемся; выйдите къ намъ, или, по крайней мѣрѣ, пустите насъ къ себѣ... Посмотрите, маменька, посмотрите... хоть бы пошевелился... точно вкопанный, точно приросъ къ своему несносному столу! Боже мой! Боже мой! какъ ему нестыдно: для своихъ цифръ и оборотовъ не хочетъ даже оборотиться ко мнѣ. (*Отходитъ*) Что это такое? вотъ, кажется, и у меня слезы навертываются. Пойдите, пойдите... вотъ хорошо, онъ задернулъ занавѣску. Только этого не доставало, онъ не хочетъ даже, чтобы мы и видѣли его. Пойдемте-же отсюда, маменька... Богъ съ нимъ, если ему бухгалтерскія книги дороже нашей любви... нѣтъ, нѣтъ, погодите, погодите... вотъ ключъ щелкнулъ въ замкѣ, дверь открывается. Слава Богу... наконецъ онъ выходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Ричардъ.

Дженни. Здравствуйте, папенька! насилу-то вы кончили!

Клариса. Другъ мой...

Ричардъ. Здравствуй, Дженни... здравствуй, Клариса. — Давно-ли вы здѣсь?

Дженни. Вотъ хорошо; развѣ вы не слышали, какъ я съ вами говорила?

Ричардъ. Нѣтъ.

Дженни. Прекрасно, когда вы заняты своей работой, такъ ничего и слышать не хотите.

Ричардъ. А сколько разъ я вамъ говорилъ, чтобы вы не приходили сюда, чтобы не мѣшали мнѣ...

Клариса. Извини насъ, мой другъ, но мы такъ беспокоились о тебѣ... Сегодня ты работалъ необыкновенно долго... прежде ты кончалъ, по крайней мѣрѣ, къ семи часамъ, а сегодня...

ричардъ. Перестаньте пожалуста; не могу же я кончить мою работу потому только, что вы пришли сюда. Часомъ раньше, часомъ позже, вамъ все равно, а мнѣ иногда лишняя минута слишкомъ дорога.

клариса. Но ты себя изнуряешь, ты можешь захворать.

дженни. Конечно; маменька правду говоритъ; если вы потеряете сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, вы еще не раззори-тесь, а здоровья вы не купите за миллионы.

ричардъ. Спасибо за правоученіе.

дженни. Развѣ это не правда?

ричардъ. Молодые люди, если захотятъ умничать, всегда говорятъ старыя фразы.

дженни. Правда никогда не устарѣетъ, а жизнью надо пользоваться.

ричардъ. Жизнь? Понимаешь ли ты, что такое жизнь?

дженни. Ну хоть и не понимаю, да люблю ее, люблю по-тому, что получила ее отъ добрыхъ родителей, потому что люблю ихъ всею душою, потому что мы созданы для любви, и грѣшно тому, кто ничего не любитъ.

ричардъ. Ты сегодня особенно краснорѣчива; тема доволь-но веселая и вариации красивы, жаль только, что все это немножко фальшиво.

дженни. Развѣ вы думаете, что я притворяюсь?

ричардъ. Еслибъ ты и хотѣла притвориться, такъ не сгу-мѣешь. Ты, вѣроятно, заговорила о дочерней любви съ тѣмъ, чтобы свернуть разговоръ на любовь другого рода?

дженни. А, такъ стало быть вы оттуда слышали, о чемъ мы здѣсь говорили съ маменькой?

ричардъ. О чемъ же ты говорила?

дженни. О! какой вы хитрый; вы все слышали, а хотите только, чтобъ я вамъ сама призналась.

ричардъ. Въ чемъ? Что такое? Я ничего не знаю.

дженни. Нѣтъ, нѣтъ, вы все знаете, все, все... я вижу по глазамъ. Да, милый папенька, Стевенсонъ ѣдетъ сюда. Вѣдь онъ вашъ старшій другъ, не такъ-ли? Вы, вѣрно, будете такъ добры и примете его предложеніе.

ричардъ. Что? какое предложеніе?

дженни. Извѣстно какое... онъ будетъ просить руки моей.

ричардъ. Какъ? онъ хочетъ на тебѣ жениться?

дженни. Ха, ха, ха!.. вотъ хорошо... какъ это можно, вѣдь онъ старикъ.

ричардъ. Такъ что же ему надобно?
дженни. А вы развѣ забыли... что у него есть сынъ...

ричардъ. Да, да, сынъ... помню... мальчишка... шалунъ...

дженни. Ахъ, папенька, какіе вы смѣшные... неужели же вы думаете, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ вы его не видали, остался мальчикомъ? Онъ теперь ужъ мужчина, женихъ...

ричардъ. А, да, да, конечно...

дженни. Онъ уже пять лѣтъ занимается на конторѣ у своего отца, а мной... мной гораздо прежде.

ричардъ. А вотъ что? Такъ ты его любишь?

дженни. Послѣ васъ обоихъ, больше всего на свѣтѣ.

ричардъ. Вотъ теперь я понимаю, почему ты такъ горячо заговорила о любви.

дженни. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ онъ хорошъ, какъ любезенъ... Прошное лѣто, когда мы были на водахъ, онъ все общество свелъ съ ума; какъ онъ говоритъ, какъ пишетъ, какъ танцуетъ, какъ поетъ.

ричардъ. Короче сказать, онъ имѣетъ все, чтобъ сдѣлаться прекраснымъ мужемъ... Съ такими качествами, онъ будетъ вполне наслаждаться жизнію. И точно, свѣтъ не прихотливъ: пой съ нимъ одну и ту же пѣсню, пляши подъ его глупую дудку, пересышай изъ пустато въ порожнее... сегодня то же, что вчера, завтра тоже, что сегодня—и вотъ цѣль этой прекрасной жизни... Весело, очень весело...

дженни. (матери) Что это онъ такое говоритъ, маменька? Ахъ Боже мой... да у васъ слезы на глазахъ.

клариса (отворачивается). Нѣтъ, нѣтъ, ничего, это тебѣ показалось.

дженни. За чѣмъ же вы отвертываетесь. Ай, ай, ай, папенька, папенька! Вотъ всегда ваши насмѣшки этимъ кончаются.

ричардъ. Не моя вина... я хвалю веселую жизнь, а вы плачете. Это, вѣрно, тѣ слезы, которыя льются черезъ золото, какъ говоритъ пословица.

клариса. Ричардъ, Ричардъ!.. ты не справедливъ, ты несправедливъ (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дженни и Ричардъ.

ДЖЕННИ. Маменька! маменька!

РИЧАРДЪ. Пстой, останься здѣсь... тебѣ будетъ еще довольно времени утѣшать ее, побудь со мною... Обними меня... И такъ, ты любишь Генриха, онъ любитъ тебя, отецъ его согласенъ на вашу женитьбу и пріѣдетъ его сватать, ты будешь счастлива, какъ тебѣ кажется, и я душевно радъ, радъ, что ты при мнѣ выбрала себѣ мужа, и стало быть, новый родъ жизни, свѣтскія удовольствія могутъ развлечь, утѣшить тебя, въ случаѣ потери отца.

ДЖЕННИ. Что? что такое... что вы хотите этимъ сказать?

РИЧАРДЪ. Ничего, это одно предположеніе. Можетъ-быть, по моимъ дѣламъ, по необходимости, я принужденъ буду... уѣхать куда нибудь, можетъ статься надолго, это, я надѣюсь, тебя не слишкомъ огорчитъ; у тебя останется мать, которую ты любишь одинаково со мною; добрый, честный мужъ; я оставляю вамъ богатство, котораго вы не проживете при всей возможной роскоши... стало быть... вы будете счастливы, вполне счастливы, по вашему понятію...

ДЖЕННИ. Ахъ Боже мой! Да что это у васъ за странныя мысли? Куда вамъ ѣхать? къ чему? Развѣ мало у васъ конторщиковъ, которыхъ вы можете послать хоть на край свѣта.

РИЧАРДЪ (*мрачно*). Нѣтъ, въ эту сторону, куда я думаю отправиться, мало охотниковъ, и никто другой не можетъ замѣнить меня.

ДЖЕННИ. Извините... папенька, но если бъ я смѣла сказать, что думаю...

РИЧАРДЪ. Говори, говори; дѣти всегда говорятъ, не подумавши, а взрослые не говорятъ того, что думаютъ. Такъ ужъ заведено на свѣтѣ.

ДЖЕННИ. Ну, а я такъ думаю, что вы для вашего богатства слишкомъ многимъ жертвуете; вы отказываете себѣ во всякомъ удовольствіи, вы, для своей конторы, оставили вашихъ друзей, удалились отъ свѣта, и всю жизнь посвятили только на то, чтобы увеличивать ваше необъятное состояніе.

РИЧАРДЪ. Гм! какъ ты еще худо знаешь своего отца, Дженни... Ты, съ дѣтскимъ легкомысліемъ воображаешь, что золото мой кумиръ, что я живу только для богатства... О еслибъ ты могла понять, какъ мало я дорожу своими милліонами! Не

для нихъ я оставилъ свѣтъ и такъ называемыхъ друзей; нѣтъ, банкиръ можетъ имѣть ихъ тысячи и не имѣть ни одного настоящаго. Свѣтъ также можно подкупить... и что мудренаго; въ немъ все на откупъ: честь, знатность, уваженіе, дружба, все, что хочешь можно купить, были бы деньги. Мой отецъ мнѣ ничего не оставилъ; богатствомъ своимъ я обязанъ самому себѣ. Когда я вступилъ въ свѣтъ, я также ребячески думалъ, что жизнь дана намъ для труда, что трудомъ пріобрѣтается богатство, что богатство дѣлаетъ насъ счастливыми... О, какъ грустно было мое разочарованіе. Я испыталъ все, я исчерпалъ наслажденія до дна — и что же на этомъ днѣ?.. грязь, земля, дрянь!..

дженни. Ахъ, папенька, какъ мнѣ страшно слышать отъ васъ такіа мрачныя рѣчи....

ричардъ. Да, точно, я много наговорилъ глупаго, и глупаго именно потому, что все это говорилъ тебѣ... но ты не тревожься... Вашъ полъ иначе понимаетъ жизнь, иначе ею наслаждается, и потому вы всегда будете счастливѣе насъ!

дженни. Хотите ли вы, папенька, я вамъ доставлю новое наслажденіе, котораго, можетъ быть, вы еще не испытали.

ричардъ. Сдѣлай милость.

дженни. Именно милость; объ ней-то я и хочу говорить. По моему, нѣтъ выше удовольствія, какъ дѣлать благотворенія, утѣшать бѣдныхъ, отыскивать несчастныхъ, которые, можетъ быть, умираютъ съ голоду, возвращать ихъ къ жизни, обезпечивать ихъ жалкое существованіе и сдѣлаться ихъ ангеломъ хранителемъ. — Вотъ отрада, вотъ наслажденіе тѣхъ счастливицевъ, которыхъ судьба надѣлила своими дарами!

ричардъ. Мнѣ пріятно видѣть въ тебѣ эти добрыя наклонности, Дженни; но неужели ты воображаешь, что я не испытывалъ этого наслажденія?—Было время, когда я отыскивалъ бѣдныхъ, благотворилъ имъ, облегчалъ ихъ страданія; но чѣмъ же кончилось? Меня стали обманывать на каждомъ шагу; выдумывали небывалыя несчастія, приготавливали плачевныя сцены, сочиняли фальшивыя банкротства, играли моимъ легковѣріемъ и во зло употребляли мое добродушіе! Я плакалъ, глядя на жалкое чело-вѣчество, а оно.... оно смѣялось надъ своимъ благодѣтелемъ... Я узналъ людей и завязалъ мой кошелекъ.... Конечно, добро мое не увеличитъ неблагодарныхъ и не будетъ кормить тунеядцевъ, плутовъ и лѣнтяевъ. Попробуй выкинуть изъ окна кошелекъ съ золотомъ первому прохожему нищему, и будь увѣ-

рена, что завтра цѣлая толпа негодяевъ будетъ стоять противъ твоего окна показывать пальцами и говорить: «Вотъ здѣсь живетъ богатый сумазбродъ, который бросаетъ деньги на улицу.»—Поди, отыщи въ грязномъ углу истинно-несчастнаго человѣка, и ты въ другой разъ уже не пройдешь по этой улицѣ, чтобы тебя, какъ дурака, не обманули, или не ограбили изъ благодарности. Дѣлай добро, какое хочешь, люди съумѣютъ обратить его во зло.... Довольно, я *разсчитался* съ людьми, они меня *обсчитали*; больше мнѣ съ ними дѣлать нечего.

джени. Ахъ, папенька, какъ мнѣ сдѣлалось теперь грустно.

ричардъ. Полно, полно, Джени. Чистый источникъ души твоей не возмущенъ еще грязнымъ опытомъ. Наслаждайся же жизнью. Тебѣ еще готовится много неиспытанныхъ радостей.—Будь-же счастлива и вспоминай иногда объ отцѣ своемъ... Прощай! Прощай!

джени. Вотъ мило! Утро только что началось; я не успѣла съ вами поздороваться, а вы ужъ прощаетесь со мною.

ричардъ (*мрачно*). Да, для тебя утро, для меня ночь!

джени. Какъ!?

ричардъ. Ты забыла, что я еще не ложился спать; я всю ночь работалъ.

джени. Ахъ да! Такъ прощайте же милый папенька — до свиданія.

ричардъ. Да, да, до свиданія... можетъ быть.. до свиданія. Прощай!..

джени. Нѣтъ, у него что-то странное сегодня въ глазахъ и въ голосѣ. Пойду все расскажу маменькѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ричардъ (*одинъ*).

Да, да, пора лечь отдохнуть отъ этой глупой жизни... Мои послѣднія ночныя развлечения наконецъ мнѣ надоѣли... Жизнь нестоитъ того, чтобы жить. Одна только дочь привязывала меня къ жизни, но она нашла себѣ жениха, любитъ его и скоро позабудетъ обо мнѣ. Жена!.. жена найдетъ себѣ другаго мужа и

можетъ быть лучше, моложе меня, и будетъ счастливѣе. Стало быть и съ этой стороны дѣло очищено. Рѣшено; я и то слишкомъ долго откладывалъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ричардъ и Томасъ (*который вошелъ прежде*).

томасъ (*тихо*). Ну! опять самъ съ собою разговариваетъ... худо, это добромъ не кончится.

ричардъ. А ты здѣсь, Томасъ?

томасъ. Здѣсь, сударь.

ричардъ. Здравствуй!

томасъ. Здравствуйте, сударь.

ричардъ. Спряталъ?

томасъ. Заперъ, вотъ и ключъ.

ричардъ. Хорошо... оставь его у себя. Ну, Томасъ, наша комедія скоро кончится.

томасъ. Какъ вамъ угодно.

ричардъ. Тебѣ, я думаю, тоже надоѣли ночные караулы.

томасъ. Ничего; днемъ высплусь.

ричардъ. Жена приходила нынѣшнюю ночь?

томасъ. Два раза.

ричардъ. Говорила что нибудь?

томасъ. Ни полслова—вздохнеть и уйдетъ.

ричардъ. А поутру разспрашивала тебя?

томасъ. Разспрашивала.

ричардъ. Что же ты?

томасъ. Да что я ей скажу, когда самъ ничего не знаю.

ричардъ. Такъ ты и не подозреваешь ничего?

томасъ. Не мое дѣло, приказано молчать и молчу.

ричардъ. Неужели тебя самого не мучить любопытство?

томасъ. Я не женщина.

ричардъ. Хорошо. (*Молчаніе*) Послушай, Томасъ, что еслибъ я умеръ?

томасъ. Что же? Тогда бы я спалъ по ночамъ, а днемъ вспоминалъ бы объ васъ.

ричардъ. Томасъ!

томасъ. Что сударь?

ричардъ (*съ глубокимъ вздохомъ*). Тяжело жить на свѣтѣ!

томасъ. Тяжело—а можно.

ричардъ. Любилъ ли ты кого нибудь?

томасъ. Больше васъ—никого.

ричардъ. И у тебя не было ни жены, ни сына, ни брата?

томасъ. Ни души.

ричардъ. Для чего же ты живешь?

томасъ. Не мое дѣло разсуждать. Живу, стало быть такъ нужно.

ричардъ. Ты философъ?

томасъ. Не знаю.

ричардъ. Такъ стало быть, просто, дуракъ.

томасъ. Можетъ быть.

ричардъ. Какая же польза въ твоей жизни?

томасъ. Я вамъ служу.

ричардъ. А еслибъ я тебя прогналъ?

томасъ. Тогда... тогда бы, можетъ быть, я умеръ съ горя—и грѣхъ былъ бы на вашей душѣ.

ричардъ (*подаетъ ему руку*). Ты добрый старикъ; ты долго еще проживешь, и проживешь именно потому, что не понимаешь жизни.

томасъ. Э, всякій понимаетъ ее по своему, и никто ничего не знаетъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, все умрешь дуракомъ. Вы грустите отъ пресыщенія, другой горюетъ, что вѣтъ нечего, а кто правъ, кто виноватъ—Богъ знаетъ.

ричардъ. Игралъ ли ты когда нибудь въ карты?

томасъ. Никогда, потому что нечего было проигрывать.

ричардъ. А еслибъ у тебя были деньги, хотѣлъ-ли бы ты попробовать счастья?

томасъ. Не думаю, кто не жаждетъ къ деньгамъ, тотъ никогда не будетъ игрокомъ.

ричардъ. Право? А знаешь ли ты, что я... я игрокъ.

томасъ. Вы?

ричардъ. Да, я! Страсть къ игрѣ сдѣлалась для меня послѣднимъ наслажденіемъ, которое я могъ придумать!

томасъ. Какъ! неужели вы все ночи проводите въ игорныхъ домахъ?

ричардъ. Да, въ такихъ домахъ, гдѣ человѣчество, какъ филинъ, боится дневнаго свѣта; гдѣ иногда отчаянная бѣдность ставитъ на карту послѣдній пенсъ, гдѣ собираются люди, ко-

которые все проиграли въ обществѣ и живутъ только этою почною работою. Въ лондонскихъ улицахъ есть закоулки, куда не заглядываетъ ни дневной свѣтъ, ни полиція... тамъ то, въ кругу этого жалкаго человѣчества... я еще нахожу людей, которые не похожи на ежедневныхъ автоматовъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, я вижу страсти, волненіе, тамъ я невольно принимаю участіе въ судьбѣ своего противника; его удача меня сердитъ... я удваиваю куши, ставлю большія суммы, всѣ смотрятъ съ адскимъ нетерпѣніемъ, я проигрываю, это меня бѣситъ, волнуетъ и въ то же время доставляетъ мнѣ наслажденіе!

томась. Боже мой!.. И вы не боитесь играть въ такомъ домѣ, гдѣ отъявленные негодяи могутъ посягнуть на вашу жизнь?

ричардъ. О, между ними, вѣрно, не найдется ни одного такого дурака. Какой расчетъ убить меня и взять изъ кармана въ одинъ разъ то, что я проигрываю имъ каждую ночь.

томась. Но если въ свѣтѣ узнаютъ объ этомъ... неужели вы не боитесь потерять вашей репутаціи, всеобщаго кредита?..

ричардъ. Тамъ никто не знаетъ моего настоящаго имени; и ни одна душа не заботится объ немъ, потому что каждый изъ нихъ давно проигралъ свое собственное.

томась. Кто бы могъ это подозрѣвать. Во всемъ Лондонѣ, вы слывете примѣрнымъ супругомъ, бережливымъ хозяиномъ, самымъ расчетливымъ банкиромъ, и проводите ваши ночи въ вертепѣ негодяевъ, которые, можетъ быть, обыгрываютъ васъ навѣрняка.

ричардъ. Да... можетъ быть... а развѣ въ нашихъ блестящихъ обществахъ играютъ честнѣе. Тотъ еще не опасный плутъ, котораго всѣ знаютъ за плута, настоящіе бездѣльники всегда сливуютъ за порядочныхъ людей. Въ этомъ вертепѣ, какъ ты его называешь, не увѣряютъ меня, по крайней мѣрѣ, ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни въ преданности, не стараются влезть въ душу, а прямо лезутъ въ карманъ... и я имъ, какъ собакамъ, бросаю кости, они грызутся, и это меня тѣшитъ, я доволенъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше презираю это жалкое твореніе, которое называютъ по ошибкѣ человѣка. Да, всѣ мы обманываемся и обманываемъ другъ друга. Меня тоже почитаютъ счастливейшимъ человѣкомъ, примѣрнымъ семьяниномъ, оборотливымъ капиталистомъ. О, близорукіе глупцы! какъ вы понимаете счастье? Большое веселье, что мои сундуки наполнены золотомъ, бюро векселями, контора

пользуется всеобщимъ кредитомъ; когда здѣсь (Показываетъ на сердце) здѣсь все истрачено—Послушай Томасъ.

томасъ. Что прикажете, сударь?

ричардъ. Можетъ быть, завтра—можетъ быть, сегодня, я совсѣмъ не возвращусь.

томасъ. Какъ, сударь...

ричардъ. Не твое дѣло; слушай что тебѣ говорить.

томасъ. Слушаю, сударь.

ричардъ. Если я черезъ сутки не приду домой, — первымъ твоимъ дѣломъ будетъ истребить эту вещь, которую ты сейчасъ заперъ въ шкафъ...

томасъ. Слушаю.

ричардъ. Сожги ее въ моемъ каминѣ; только, чтобъ никто не видалъ этого—слышишь... Дай мнѣ честное слово—исполнить въ точности мое приказаніе.

томасъ. Все будетъ исполнено.

ричардъ. Потомъ, служи моей женѣ также вѣрно, какъ служилъ мнѣ, не оставляй ея; она наградитъ твое усердіе... твоя старость будетъ обезпечена; я... я прикажу ей это сдѣлать.

томасъ. Послушайте сударь... у васъ что-то недоброе на умѣ... Куда? куда вы собираетесь... ради Бога. Самоубійство грѣхъ, смертный грѣхъ.

ричардъ. Полно, полно, старикъ, ты меня не понялъ... Я—я ѣду отсюда; дѣла мои этого требуютъ, но ты не бойся за меня — я ворочусь, непременно ворочусь... Ступай-же, ступай, мой ночной сторожъ, отдохни, тебѣ скоро будетъ покойнѣе. Прощай.

томасъ. Прощайте, сударь... Я пойду помолюсь за васъ...

ричардъ. Томасъ!..

томасъ (ворочается). Я, сударь.

ричардъ. Не забудь же, помолись за меня! (Жметъ ему руку) Прощай... прощай...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ричардъ (одинъ).

И такъ... рѣшено.. разсчитать съ жизнью кончить, итоги подведены, въ остаткѣ одинъ безконечный нуль. «Умереть—уснуть»

говорить Гамлетъ. Смерть можетъ пугать однихъ только глупцовъ. Да, я чувствую, что сегодня, болѣе нежели когда нибудь, я приготовилъ себя къ этому рѣшительному переходу. При мысли о смерти сердце мое хладнокровно, голова спокойна, одно мгновеніе — и жизненная комедія кончена... остается одинъ только вопросъ: какъ? и чѣмъ? Темза глубока, но на берегу такая пропасть зѣвакъ: найдется много охотниковъ вытащить меня; люди всегда такъ великодушны — днемъ, при свидѣтеляхъ... здѣсь же есть благотворительныя общества, которыя награждаютъ за спасеніе человѣчества... какъ не броситься въ воду, кто умѣетъ плавать... Нѣтъ, великодушные друзья, отъ меня вамъ будетъ плохая пожива — добрый камень съ мостовой отобьетъ у васъ охоту пускаться на смерть для моего спасенія... Гм! не лучше ли пуля: нѣтъ, она бываетъ иногда такъ глупа, что сдѣлаетъ калѣжкой, пройдетъ насквозь, не повредивъ ни одной артеріи... Ядъ... нѣтъ, физическія страданія могутъ быть нестерпимы... Да, да, рѣшено: Темза, родная Темза должна быть моею могилою! — Ея широкая грудь носила мои корабли, пусть же добрый хозяинъ заплатитъ ей за эту услугу! Съ дочерью я уже простился... жена... ея слезы могутъ поколебать мою рѣшимость — лучше не видать ея больше... вотъ и она... уйдемъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Клариса.

Его здѣсь нѣтъ... онъ опять въ своемъ ненавистномъ кабинетѣ... Боже мой... Боже мой!... чѣмъ это кончится? Безсонныя ночи, дневныя занятія совершенно измѣнили его — и мнѣ еще завидуютъ! говорятъ: какъ она богата, счастлива... счастлива!... о, Ричардъ, Ричардъ! неужели ласки жены и дочери тебѣ уже наскучили? Неужели ненависть къ жизни овладѣла тобою?... О это было бы ужасно! Но его холодное молчаніе, ядовитыя насмѣшки надъ жизнью, блѣдное, изнуренное грустью лицо — все заставляетъ это думать... Еслибъ мы были бѣднѣе, мы были бы счастливѣе... но твое богатство, Ричардъ, твое золото, какъ тяжелый свинецъ тяготитъ мою душу.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дженни и Клариса.

ДЖЕННИ. Ахъ, маменька!.. вы здѣсь... я васъ искала. Какая радость, какое счастье!.. Генрихъ сейчасъ прислалъ мнѣ записку, что онъ съ отцомъ своимъ уже пріѣхалъ; онъ остановился въ гостинницѣ и проситъ меня сказать, когда они могутъ придти къ намъ... Извините, маменька, я такъ обрадовалась, что отвѣчала посланному: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Вы, вѣрно, не разсердитесь за это на меня.

КЛАРИСА. О, конечно.

ДЖЕННИ. Ахъ, какъ я рада! Вѣдь я цѣлый годъ не видѣла Генриха. Я готова прыгать, какъ ребенокъ... Но гдѣ же папенька... надо его попросить, чтобъ и онъ не сердился за мою торопливость.

КЛАРИСА. Онъ, кажется, опять въ своемъ кабинетѣ.

ДЖЕННИ. О, несносный кабинетъ! Папенька, папенька, прошу оставить вашу бухгалтерію, выйдите на минуточку... на одну только минуту.

КЛАРИСА. Не шуми, мой другъ, можетъ-быть, онъ заснулъ.

ДЖЕННИ. Ахъ, какая я глупая... точно.. точно... тамъ не видно его у конторки...онъ, вѣрно, спитъ... Ну все равно, вы примете отца Генриха, а я ужъ сама займусь съ нимъ; папенька отдохнетъ, выйдетъ къ нимъ; они переговорятъ немножко, и дѣло кончено. Я упрошу папеньку сдѣлать сегодня же нашу помолвку, потомъ маленькій балъ на скорую руку, приглашу своихъ пансіонскихъ подругъ... какъ онъ удивится, какъ обрадуются, станутъ меня поздравлять. Ахъ, Боже мой! я сама не вѣрю своему счастью!

КЛАРИСА. Тихе, тихе, не разбуди его...

ДЖЕННИ. Да, да, ваша правда... видите какая я болтушка... Пойдите, пойдите, что то я еще хотѣла сказать... Да! я пойду надѣну другое платье... и кажется, я сегодня причесана не къ лицу, не правда-ли?.. Хотя я увѣрена, что Генриху все равно, онъ не обратитъ вниманія на мой нарядъ, да его отецъ-то давно меня не видалъ, надо и ему понравится... Я сію минуту ворочусь, милая добрая маменька. Счастливіе меня теперь нѣтъ никого на свѣтѣ.

(Убѣгаетъ)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Клариса, потомъ Самуилъ.

Клариса. Милое дитя... вотъ такъ и я радовалась 17 лѣтъ назадъ. Сколько прекраснаго, веселаго сулила мнѣ судьба — и какъ быстро было мое разочарованіе. Дай Богъ, чтобъ она была счастливѣе меня!

Самуилъ. Извините, мистрисъ... но я не знаю, какъ вамъ сказать, это такъ странно. Развѣ вашего супруга нѣтъ дома?..

Клариса. Какъ, нѣтъ дома; онъ у себя въ кабинетѣ.

Самуилъ. Я и самъ такъ-же думалъ, дожидаясь его цѣлый часъ въ нашу контору и наконецъ рѣшился пойти къ нему съ своей бухгалтерской книгой, какъ вдругъ Вильямъ, одинъ изъ нашихъ конторщиковъ, который былъ куда-то посланъ, на возвратномъ пути встрѣтилъ нашего хозяина... блѣднаго, въ безпорядкѣ... онъ остановилъ Вильяма и велѣлъ отлатъ вамъ эту записку.

Клариса. Записка отъ моего мужа!

Самуилъ. Такъ точно, мистрисъ.

Клариса. Но гдѣ же Вильямъ его встрѣтилъ?..

Самуилъ. Онъ шелъ очень скоро къ берегу Темзы.

Клариса. Къ берегу Темзы, о Боже, что это значить! Прочтемъ: «Прощай, Клариса, будь счастлива; мы больше не увидимся; я благословляю союзъ Джени съ Генрихомъ, бракъ ихъ можетъ быть совершенъ когда тебѣ угодно... Прощай... навсегда.» Боже мой! *(Падаетъ на кресло)*

Самуилъ. Мистрисъ, успокойтесь! ради Бога придите въ себя. *(Поднимаетъ записку съ полу)*. Гм! «я благословляю союзъ Джени съ Генрихомъ»... Нѣтъ этого никогда не будетъ! Смѣлѣе, Самуилъ, смѣлѣе! Вотъ рѣшительная минута, пользуйся своимъ счастьемъ, сама судьба вручаетъ тебѣ эту записку.

Клариса. Гдѣ я? гдѣ онъ? Вы здѣсь—пойдемте, пойдемте со мною, позовите Вильяма, разспросите его... гдѣ? на какомъ именно мѣстѣ онъ встрѣтилъ моего мужа; можетъ быть, мы еще успѣемъ его удержать... пойдемте, пойдемте скорѣе!..

Самуилъ. Остановитесь, мистрисъ, успокойтесь... не дѣлать такъ скоро оглатки... Сегодня должна у насъ совершиться важная коммерческая операція... огромный заемъ... и если это происшествіе сдѣлается извѣстнымъ, нашъ домъ въ одну минуту потеряетъ весь свой кредитъ.

Клариса. Что мнѣ до этого; пустите меня, пустите... гдѣ онъ?

Самуилъ. Нѣтъ, нѣтъ, мистриссъ, я, какъ главный бухгалтеръ, долженъ беречь честь нашего торгового дома. Вы женщина, вы не можете судить о той опасности, которой онъ подвергается! Надо подождать день—два... чтобъ принять необходимые мѣры. Малѣйшее сомнѣніе въ чести такого банкира можетъ погубить его кредитъ, его репутацію.

Клариса. Но гдѣ онъ? гдѣ онъ. Пустите, пустите меня!

Самуилъ. Умолю васъ, мистриссъ, успокойтесь... Я сію минуту отправлюсь съ Вильямомъ отыскивать хозяина, станемъ всѣхъ разспрашивать, но потихоньку, осторожно... Бѣда, можетъ быть, не такъ велика... можетъ быть, онъ куда нибудь уѣхалъ... можетъ быть...

Мистриссъ. Бѣгите же скорѣй... бѣгите!

Самуилъ. Сію минуту... подождите только одинъ часъ, полчаса, нѣсколько минутъ... Ради Бога, не объявляйте никому объ этой запискѣ... главное не говорите ничего вашей дочери. Ея женихъ сейчасъ пріѣдетъ... такой ужасный переходъ отъ радости къ отчаянію можетъ погубить ее. Скажу вамъ болѣе... я даже увѣренъ, что супругъ вашъ живъ; я подозреваю кое что, о чемъ не могу еще сказать навѣрное, но во всякомъ случаѣ не предавайтесь отчаянію и вѣрьте моей преданности! Если вы скроете отъ всѣхъ объ этомъ происшествіи, я вамъ все расскажу, если-жъ нѣтъ, вы ничего не узнаете, и только погубите своего супруга!

Клариса. Но что-же это такое? Не мучьте меня.

Самуилъ. Общаетесь-ли вы никому не говорить объ этой запискѣ?

Клариса. Да, да, Боже мой, Боже мой! я сама не знаю, что дѣлаю, что говорю!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Стевенсонъ, Генрихъ и Дженни.

Дженни. Вотъ они, вотъ они, маменька!

Стевенсонъ! Мое почтеніе, мистриссъ... Сколько лѣтъ мы

съ вами не видались... Пожалуйста, извините мою невѣжливость: я еще не успѣлъ снять дорожнаго платья; но во всемъ виноватъ мой повѣса: дома онъ мнѣ не давалъ *отдыху*, здѣсь не далъ *отдохнуть*. Что прикажете дѣлать? вытащилъ меня изъ моей конторы, втискалъ въ дилижансъ, и мы скакали сюда точно на пожаръ. Здравствуйте, милая Джени, здравствуйте! Ну Генрихъ, теперь понятно, отчего ты такъ торопился... Чортъ возьми, въ твои годы я бы тоже не успѣлъ на мѣстѣ. Вы вѣрно забыли меня... я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ лѣтъ 8 назадъ—вы были тогда прелестный ребенокъ, и тогда еще, я, какъ человѣкъ коммерческій, рассчитывалъ на васъ, но въ эти 8 лѣтъ столько прибавилось вамъ процентовъ, что и сказать нельзя.

Джени. Нѣтъ, я васъ не забыла... вы, напротивъ, насколько не перемѣнились: такъ же любезны, веселы, шутливы...

Стивенсонъ. Смѣшно бы было мнѣ скучать. Если милліонеры будутъ ходить повѣся голову, такъ куда же дѣвать ее бѣднякамъ? Но гдѣ же мой другъ Ричардъ?.. Вѣрно, онъ удивится моему посѣщенію... мы съ нимъ вспомнимъ прошлое, порадуемся настоящему и устроимъ будущее... Да, чортъ возьми! соединеніе двухъ такихъ домовъ не шутка; это будетъ капитальная женитьба. Но извините меня мистриссъ, я съ горяча все болтаю, а вы, какъ кажется, чѣмъ-то разстроены. Ужъ во время ли мы пріѣхали? Пожалуйста, не церемоньтесь.

Клариса. Нѣтъ, ничего, мистеръ Стивенсонъ, я... я не очень здорова.

Стивенсонъ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, я прежде и не замѣтилъ, а вы дѣйствительно очень блѣдны.

Джени. Маменька, что съ вами сдѣлалось? вы дрожите.

Клариса. Ничего, ничего.

Стивенсонъ. Но дайте же мнѣ поскорѣе увидѣться съ моимъ другомъ... Вѣрно, онъ въ своей конторѣ. Въ такомъ случаѣ, я не буду ему мѣшать...

Клариса. Онъ..... онъ...

Самуилъ (*тихо ей*). Ради Бога удержитесь.

Клариса. Вы еще здѣсь?

Самуилъ (*переходитъ къ Стивенсону*). Тсс! Мистеръ Ричардъ не очень здоровъ... я сію минуту былъ въ его кабинетѣ... онъ извиняется, что не можетъ прійять васъ сегодня.

Джени. Какъ? папенька боленъ?... не можетъ быть, я четверть часа назадъ говорила съ нимъ....

СТЕВЕНСОНЪ. Что же это значитъ? Ну, Генрихъ, мы точно съ тобой, кажется, пріѣхали не во время.

ГЕНРИХЪ. Я не понимаю, батюшка.

СТЕВЕНСОНЪ. Я тебѣ говорилъ, я тебя предупреждалъ, и вышло по моему; надобно было лучше письменно сдѣлать ему предложеніе: онъ, вѣрно, обидѣлся...

КЛАРИСА. Бѣгите же скорѣй... узнайте...

САМУИЛЬ. Сію минуту; надо только ихъ удалить отсюда....

СТЕВЕНСОНЪ. Чортъ возьми! они перешептываются. Ну, любезный сынокъ... я не ожидалъ такого пріема... Стоило бросать контору, терять время... трестись такую даль. Я сейчас же уѣду отсюда.

ГЕНРИХЪ. Батюшка... ради Бога, подождите....

СТЕВЕНСОНЪ. Да что-же это въ самомъ дѣлѣ, онѣ насъ дурачатъ; дочь говоритъ, что отецъ здоровъ, этотъ рыжій, что онъ боленъ, мать ничего не говоритъ,—это хоть кого такъ взбѣситъ! Скажите же наконецъ, сударыня, что все это значитъ? Этакъ съ старинными друзьями не дѣлаютъ. Если наше предложеніе негодно вашему супругу, такъ все-таки можно отказать учтивѣе... воля ваша, это очень странно.

ДЖЕННИ. Маменька, въ самомъ дѣлѣ что же это значитъ? растолкуйте намъ, пожалуйста...

КЛАРИСА (съ ужасной борьбою). Джени! милое дитя мое.. мы... мы... очень несчастливы! (Падаетъ въ обморокъ)

ДЖЕННИ (бросаясь къ ней). Маменька! маменька! что съ нами?

СТЕВЕНСОНЪ. Мистриссъ! Чтоже это значитъ?

САМУИЛЬ (тихо Стевенсону). Ради Бога, сударь, удалитесь, не тревожьте ее, дайте ей успокоиться...

СТЕВЕНСОНЪ. Чортъ возьми! — Ступай за мною! мы сію минуту уѣдимъ отсюда... этой свадьбѣ не бывать!.. слышишь ли ты, не бывать!! (Уводитъ сына)

ГЕНРИХЪ. Батюшка, батюшка!

ДЖЕННИ. Генрихъ! Матушка! матушка!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет садъ, сзади рѣшетка, въ стол-
бонь домъ, на сценѣ нѣсколько столовъ и стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дорваль, Жоржъ, Морель, Бернаръ, Гилью, Эдмондъ.
(сидятъ за столомъ; на другой сторонѣ Генрихъ куритъ си-
гару и читаетъ газету).

ХОРЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Да здравствуетъ радость, среди наслажденій!

Пока неостынетъ кипучая кровь,

На свѣтъ такъ много для насъ развлеченій:

Игра и охота, вино и любовь.

Дорваль.

Въ любви несчастныхъ утѣшаетъ

Судьба счастливою игрой.

Кого игра не занимаетъ,

Займись охотой удалой!

Когда жъ она не удастся,

Вино утѣшитъ грустный вѣкъ,

Но если и вино припѣтся,

Такъ тотъ погибшій человекъ!

ХОРЪ.

Да здравствуетъ радость... и проч.

дорваль. Эй мальчикъ! еще бутылку Бордо!

жоржъ. Мальчикъ!—бутылку Бургонскаго.

морель. Мальчики!—мнѣ того и другаго!

дорваль. Ну что, Жоржъ, ты былъ вчера въ Фраскати?

жоржъ. Какъ же! просидѣлъ до полуночи.

дорваль. Какая досада!—Я никакъ не могъ попасть туда.

Ну, что же, счастливо игралъ?

жоржъ. Да, благодаря этому сумасшедшему англичанину.

дорваль. А Джонъ—буль опять явился?

жоржъ. Какъ же цѣлую недѣлю онъ куда то пропадалъ, но вчера пришелъ утѣшить насъ... И ужъ точно потѣшилъ... ставилъ чертовскіе куши.

дорваль. И что же?

жоржъ. Что?—по обыкновенію ни разу не выигралъ.

дорваль. Неужели—ни разу?

жоржъ. Ни одного.

морель. Воля ваша господа, а этотъ Джонъ—буль долженъ быть счастливъ въ любви.

дорваль. Ну врядъ ли! онъ глядитъ такимъ медвѣдемъ.

жоржъ. Однакожъ, господа, это странно, вотъ уже три недѣли онъ почти безвыходно въ Фраскати, и до сихъ поръ никто изъ насъ не подумалъ развѣдать объ его имени.

бернаръ. Очень нужно, пусть его, по обыкновенію, молчитъ, его гиней ясно говорятъ за него... онъ богатый чудакъ,—и больше ничего.

дорваль. Воля ваша, я не могу на него безъ смѣха взглянуть... придетъ очень важно, сядетъ на завѣтное мѣсто, положитъ деньги; самъ какъ темная ночь и всегда ставитъ темную... проиграетъ нѣсколько сотъ франковъ, иногда даже тысячу... и болѣе, не улыбнется, не поморщится, заплатитъ наличной монетой — и спокойно уйдетъ, какъ дѣло сдѣлалъ...

жоржъ. А главное, ни съ кѣмъ не скажетъ ни одного слова.

эдмондъ. Чортъ возьми! въ самомъ дѣлѣ это презабавно. Я хоть никогда не играю, но завтра непременно отправлюсь въ Фраскати, полюбоваться на этого чудака.

дорваль. О, стоитъ, стоитъ. Его бы можно за деньги показывать, а онъ — еще самъ платить.

жоржъ. Я полагаю, господа, что онъ долженъ быть лордъ, непременно лордъ.

бернаръ. Нѣтъ, нѣтъ; онъ такъ много думаетъ, что, вѣроятно, членъ парламента.

дорваль. Пустяки, просто банкиръ,

морель. Скорѣе не квакеръ ли какой нибудь.

гилью. Нѣтъ, онъ, вѣрно, американецъ.

дорваль. А ты Эдмондъ, что думаешь объ немъ?

эдмондъ. Я?—ничего.

дорваль. Ну вотъ ты, кажется, одинъ не ошибаешься.

жоржъ. Впрочемъ къ чорту всѣ догадки! кто въ Парижѣ заботится объ имени какого нибудь Джонъ-буля; онъ прѣхалъ во Францію проживать свои полновѣсныя гиней, и прекрасно, надо помогать ему.. Вышьемъ за его здоровье!

всѣ. Прекрасно! здоровье Джонъ-буля! вивать!—

эдмондъ. Тише господа, тише.... тамъ сидятъ тоже англичанинъ.

дорваль. Ну чтожъ, очень радъ..... Вы англичанинъ?

генрихъ. Да,

дорваль. Ваше здоровье.

генрихъ. Благодарю.... Извините только, что я не могу выпить за ваше.

дорваль. Почему же?

генрихъ. Я не пью вина.

дорваль. А вы не употребляете крѣпкихъ напитковъ! Въ такомъ случаѣ мы велимъ подать чего нибудь послабѣе: грогу, рому, виски, джину, все, что вамъ угодно, только кромѣ пива, его надо поберечь для вашихъ ремесленниковъ.

генрихъ. Я ничего не пью.

дорваль. Ничего!—Ну такъ это не англичанинъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Евгений.

евгеній. Господа! вы здѣсь! важное открытіе! Знаете ли, кто живетъ въ здѣшней гостинницѣ?

всѣ. Кто?.. кто?

евгеній. Нашъ знаменитый Джонъ-буль, который такъ счастливо играетъ каждый день въ Фраскати. Я его сейчасъ видѣлъ въ окнѣ квартиры подъ № 7.

всѣ. Bravo!

дорваль. Вотъ прекрасно! а мы сію минуту объ немъ говорили. Надо позвать хозяина и разспросить его.

жоржъ. За чѣмъ?

дорваль. Нѣтъ, господа, мы наконецъ доберемся до истины. Эй, хозяинъ, хозяинъ!

всѣ. Полно, что за глупое любопытство, какое тебѣ дѣло.

дорваль. Эй, хозяинъ! хозяинъ!

трактирщикъ (за кулисами). Чортъ возьми! Я тебѣ говорю рѣшительно, чтобъ ты убирался отсюда!

дорваль. Хозяинъ! хозяинъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и трактирщикъ.

трактирщикъ (въ дверяхъ). Я ничего не хочу слушать..... Я сейчасъ же съ тобою разочтусь, а къ вечеру—чтобъ духу твоего здѣсь не было.

дорваль. Эге! кого это нашъ хозяинъ такъ угощаетъ?

трактирщикъ. Что вамъ угодно, господа?

дорваль. Что это у тебя за исторія, на кого ты кричалъ?

трактирщикъ. Это, господа, до васъ не касается, это семейныя дѣла. Негодай, молокососъ... осмѣлился влюбиться въ мою племянницу.

дорваль. А вотъ что! Кто же этотъ дерзкій?

трактирщикъ. Патро, мальчишка, котораго я принялъ къ себѣ въ услуженіе изъ милости.

жоржъ. И ты, жестокий трактирщикъ, ихъ разлучаешь.

дорваль. Ну къ чорту любовныя дѣла; займемся нашимъ Джонъ—булемъ. Послушай, хозяинъ, кто у тебя живетъ въ седьмомъ номерѣ?

трактирщикъ. Мальчишка! нищій, неблагодарный!

дорваль. Онъ все свое. Мы у тебя спрашиваемъ, кто занимаетъ седьмой номеръ?

трактирщикъ. Да въ этомъ-то номерѣ онъ и служитъ; я его туда помѣстилъ, какъ самаго исправнаго служителя; а онъ....

дорваль. А, твой волокита служить, этому англичанину?

трактирщикъ. Да, господа, англичане народъ щедрый, но и взыскательный; они требуютъ, чтобъ все было въ исправности... Моя гостинница славится порядкомъ, честностью и благопристойностью, а негодий Патро...

жоржъ. Но кто же этотъ англичанинъ?

трактирщикъ. А какое мнѣ дѣло... Онъ живетъ смирно, платитъ исправно, ѣсть, пьетъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку; рѣдко бываетъ дома, ни съ кѣмъ не говоритъ... такой жилецъ находка;—а мошенникъ Патро волочится, чѣмъ-бы угождать нашему постояльцу.

дорваль. Но давно ли онъ у тебя живетъ?

трактирщикъ. Вотъ ужъ около мѣсяца.

дорваль. А какъ его имя?

трактирщикъ. Онъ называется Джонъ Гарлей, но, кажется, это не настоящее его имя.

дорваль. Почему же ты это думаешь?

трактирщикъ. Потому что здѣсь недавно былъ одинъ изъ его земляковъ и говорилъ, что онъ очень похожъ на мистера Лаутера, извѣстнаго лондонскаго банкира.

жоржъ. А, это одинъ изъ первыхъ коммерческихъ домовъ въ Лондонѣ.

генрихъ *(тихо)*. Что это значитъ?

бернаръ. Мистеръ Лаутеръ... Пойдите, я недавно читалъ въ какой-то газетѣ объ немъ, гдѣ говорятъ, будто онъ помѣшался.

дорваль. Не можетъ быть; вѣрно это его родственникъ.

жоржъ. Но неужели ты не могъ замѣтить изъ его словъ, въ своемъ ли онъ умѣ?

трактирщикъ. О! онъ долженъ быть преумный человѣкъ; потому что платитъ безъ отговорокъ по моимъ счетамъ.

дорваль. Ну ступай—больше намъ ничего не нужно. И такъ, господа, мы ничего не узнали вѣрнаго объ нашемъ чудакѣ. Впрочемъ и я, какъ трактирщикъ, скажу: играетъ онъ дурно, платитъ прекрасно, чего же вамъ больше? Однакожъ, намъ пора; господа. Лошади наши отдохнули, пора на охоту; вечеромъ мы опять увидимъ нашего золотого чудака.

всѣ. Маршъ на охоту.

(Уходятъ)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Трактирщикъ и Генрихъ.

генрихъ. Послушай, хозяинъ. Скажи мнѣ пожалуста... этотъ англичанинъ, объ которомъ ты сейчасъ говорилъ, выходитъ иногда сюда?

трактирщикъ. Нѣтъ, сударь, онъ цѣлый день сидитъ взаперти и выходитъ только по ночамъ, Богъ знаетъ куда.

генрихъ. Нельзя ли какъ нибудь его увидѣть?

трактирщикъ. Почему же? Ночью, когда ничего невидно, вы можете увидѣть, какъ онъ выходитъ закутанный въ широкій плащъ.

генрихъ. Каковъ онъ собою?.. Какихъ лѣтъ?

трактирщикъ. Лѣтъ за сорокъ; высокій, свѣжій мужчина.

генрихъ. Ты говорилъ, что кто-то принялъ его за банкира Лаутера.

трактирщикъ. Такъ говорятъ, сударь.

генрихъ. Странно... Я непременно долженъ его увидѣть.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Патро.

патро. Хозяинъ!—Нашъ англичанинъ велѣлъ приготовить себѣ завтракъ здѣсь въ саду.

трактирщикъ. Вотъ чудеса! этого никогда еще не бывало.

генрихъ (*тихо*). Прекрасно, я его увижу.

патро. Только онъ приказалъ никого сюда не пускать, и спросилъ счетъ, что будетъ это стоить.

генрихъ. Какой чудакъ!.. Впрочемъ, я не уйду отсюда... этотъ садъ общій, и всякой имѣетъ право быть здѣсь.

трактирщикъ. О, конечно, сударь, но въ такомъ случаѣ, онъ не выйдетъ сюда, и вы лишите меня двухъ, трехъ гиней—ни за конейку.

генрихъ. Ну хорошо, хорошо, я уйду..... Какъ досадно... Нѣтъ, чортъ возьми, во что бы то не стало, я его подкараваю.

(Уходитъ)

трактирщикъ. Смотри же, негодяй.... сегодня ты въ послѣдній разъ будешь служить нашему англичанину, вечеромъ я съ тобой разочтусь, и ты ищи завтра себѣ другаго мѣста.

патро. Послушайте, г. Майонезъ... вы доводите меня до крайности.... Я...я чортъ знаетъ что съ собою сдѣлаю.

трактирщикъ. Еслибъ нашъ англичанинъ не былъ такъ капризенъ и не требовалъ, чтобъ всегда одно лицо ему прислуживало, я бы не сталъ дожидаться вечера, а вытолкалъ бы тебя сію же минуту.

патро. Неужели же мое преступленіе такъ велико?

трактирщикъ. Осмѣлиться волочиться за хозяйской племянницей!

патро. Я совсѣмъ не волочусь; я, просто, люблю ее.

трактирщикъ. Негодяй, нищій!

патро. Тѣмъ больше мнѣ чести, что я въ три года ничего у васъ не наворовалъ.

трактирщикъ. Воровъ посылаютъ на галеры.

патро. А вы честнаго человѣка посылаете къ чорту.

трактирщикъ. Да, да, убирайся къ чорту! За деньги я всегда найду честнаго слугу, а у кого нѣтъ денегъ, тотъ не женихъ моей племянницѣ.

патро. А сколько же мнѣ надо имѣть, чтобъ она была моей невѣстой?

трактирщикъ. Разумѣется чѣмъ больше, тѣмъ лучше.... но еслибъ у тебя было, по крайней мѣрѣ, на первый разъ 1000 франковъ...

патро. 1000 франковъ! Когда же я ихъ накоплю?

трактирщикъ. Это ужъ твое дѣло, но до тѣхъ поръ ты не увидишь Жоржеты, я ее заперъ на чердакѣ.

патро. На чердакѣ! на чердакѣ! Ты тамъ дашь отвѣтъ за это тиранство... жестокосердый трактирщикъ!

трактирщикъ. Не бѣси меня, негодяй, а не то я тебя заставляю прохладить твою любовь въ моемъ погребѣ.

патро. Въ погребѣ? гм! Еслибъ я былъ пьяница, вы бы побоялись это сдѣлать.... Но хорошо же... я вамъ докажу, что я человѣкъ съ душой, съ чувствомъ.. Я утоплюсь и объявлю въ полицію, что вы меня до этого довели!

трактирщикъ. Что?, что... утопишься?..

патро (*плачетъ*). Да, да, утоплюсь. Я пойду ко дву, а васъ за меня притянутъ, потащутъ въ судъ, запечатаютъ вашу гостиницу и заставятъ кормить мою бѣдную матушку... Да-съ!..

вотъ что!... Я знаю, что я изъ воды попаду прямо въ адъ; ну, да авось мы тамъ съ вами сойдемся!

трактирщикъ. Пошелъ вонъ, негодяй! Я вотъ сейчасъ дамъ знать въ полицію, и тебя свяжутъ, какъ сумасшедшаго.

патро. Тѣмъ лучше! — Съ связанными руками я скорѣй пойду ко дву. Хозяинъ! г. Майонезъ.... Послушайте, неужели ни мои слезы, ни вода, которая ждетъ меня, не могутъ смягчить васъ... Подумайте хорошенько, послѣ будетъ поздно.

трактирщикъ. Отвяжись отъ меня.... Подай завтракъ нашему постояльцу; послѣ мы съ тобой разочтемся, и ступай на всѣ четыре стороны.

патро. Я не пойду по сторонамъ... я отправлюсь прямо въ Севу, и концы въ воду.

трактирщикъ. Ты мнѣ наложъ своей болтовней... мнѣ некогда здѣсь съ тобой раздобарывать... Завтра не смѣй сюда носу показывать! Вотъ тебѣ мое послѣднее слово.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПАТРО (одинъ).

Крокодилъ!.. дикобразъ !.. у тебя, вмѣсто сердца, кусокъ недѣльной говядины!.. Въ тебѣ, около очага засохли человѣческія чувства!... Хорошо же.... Я не стану ждать, что бѣ онъ меня вытолкалъ въ шею!.. Я сію же минуту уйду отсюда... Но бывшая моя Жоржета!.. она теперь, какъ голубка, на чердакѣ.... Это ужасно!.. Любить такъ вѣжно, такъ пламенно, и сидѣть на чердакѣ! Конечно, пойду, прощусь съ нею въ послѣдній разъ, и ужъ тамъ я знаю, что съ собою сдѣлаю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ричардъ и Патро.

ричардъ. Готовъ ли мой завтракъ?

патро. Сію минуту, милордъ.

Ричардъ. Запри эту калитку, чтобъ никто сюда не входилъ.
патро. Слѣшаю, милордъ.

Ричардъ. Ну чегожъ ты еще ждешь?

патро. Я хотѣлъ вамъ сказать....

Ричардъ. Пошелъ вонъ.

патро. Онъ сегодня довольно таки любезенъ и разговор-
чивъ. *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ричардъ *(одинъ)*.

Завтра равно три мѣсяца, какъ я уѣхалъ изъ Лондона.. До сихъ поръ все что нибудъ да мѣшало мнѣ исполнить мое намѣреніе: несносная судьба точно смѣялась надо мною... За то сегодня моя очередь.—Когда я пришелъ на берегъ Темзы съ твердымъ намѣреніемъ въ нее броситься, бездна народу толпилась на берегу;—я подошелъ поближе,—и чтоже, какаго-то оборваннаго утопленника, только что вытащили изъ воды; полицейскіе хлопатали около него, доктора суетились, употребляли какія-то глупыя средства... Толпа хладнокровно смотрѣла на эту комедію. Лицо этого несчастнаго было такъ искажено, что мнѣ стало гадко рѣшиться на такое самоубійство.... После моего письма, которое я послалъ жень, глупо бы было возвратиться домой; я машинально пошелъ по берегу Темзы... Пароходъ готовился къ отплытію въ Гавръ. Я рѣшился удалиться во Францію.... Шумъ парижской жизни на время развлекъ меня; потомъ страсть къ игрѣ опять возобновилась во мнѣ еще съ большей силой.... Французы играютъ слишкомъ расчетливо, и они мнѣ надобно скорее моихъ земляковъ.. Вчера я почти все проигралъ... въ моемъ бумажникѣ осталась ничтожная сумма. Этимъ деньгами я заплачу за послѣдній мой завтракъ; остальное пусть возьметъ тотъ, кто меня похоронитъ. И такъ... сегодня послѣдній срокъ, отсрочки не будетъ никакой. *(Вынимаетъ pistolеты)* Вотъ здѣсь два кондуктора, которые пособятъ мнѣ кончить мое послѣднее путешествіе; въ каждомъ изъ нихъ сидитъ по двѣ добрыя пули... Кажется, неудачи быть не можетъ... Я застрѣлюсь систематически, не такъ, какъ проиграв-

шійся игрокъ, или кассиръ, который промоталъ хозяйскія деньги; вѣтъ,—я лишу себя жизни въ полномъ разсудкѣ, когда солнце такъ привѣтливо свѣтитъ, голова свежа, всѣ члены пользуются избыткомъ жизни. Я вкусно позавтракаю, выпью бутылку вина, и на закуску—разможу себя голову... Кажется, невозможно благоразумнѣе и хладнокровнѣе распорядиться. Довольно, довольно я полурачился на этомъ свѣтъ, пора взяться за умъ.... Всѣ мы гости на землѣ, счастливы только тѣ, кто умѣетъ сдѣлаться хозяиномъ своей жизни.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ричардъ и Патро.

ПАТРО. Вотъ, сударь, завтракъ.

РИЧАРДЪ. Хорошо... Вотъ письмо... чтобы глупые люди не подумали, что я лишилъ себя жизни въ бѣлой горячкѣ или въ какомъ нибудь припадкѣ. У меня все рассчитано...

ПАТРО (*послѣ нѣкотораго молчанія, со слезами*). Прощайте, сударь... я сегодня въ послѣдній разъ подаю вамъ кушанье.

РИЧАРДЪ. Какъ? что? Развѣ ты подслушалъ меня?

ПАТРО. Нѣтъ, милордъ, я ничего не слыхалъ; только мы съ вами больше не увидимся.

РИЧАРДЪ. Почему ты это знаешь?

ПАТРО. Какъ-почему. Ужъ я знаю!—На томъ свѣтъ, можетъ-быть, сойдемся, а ужъ на этомъ—кончено! Прощайте, сударь!..

РИЧАРДЪ. Послушай, негодяй, если ты въ самомъ дѣлѣ догадался, то молчи... не говори никому, не твое дѣло.

ПАТРО. Да что говорить! Это дѣло рѣшеное. Кто пожалѣетъ объ несчастномъ самоубійцѣ. Скажутъ: однимъ дуракомъ меньше.

РИЧАРДЪ. Что? что такое? Какъ ты смѣешь?

ПАТРО. А почему жъ бы не смѣть? Вы думаете, что одни ваши земляки только на это способны? Нѣтъ, и я человѣкъ рѣшительный... Не знаю только, откуда бы лучше броситься, съ мосту, или съ набережной.

Т. I. Огд. I. Кв. I.

ричардъ. Какъ! и ты хочешь лишить себя жизни? — для чего?

патро. Да что мнѣ за жизнь безъ Жоржеты.... Прощусь съ нею, и—бултыхъ вверху ногами!

ричардъ. Ты хочешь утопиться.. Это глупо. — Тебя могутъ вытащить живаго.

патро. Ну что жъ, тѣмъ лучше. Тогда этотъ людоедъ, можетъ быть, побоятся слѣдствія полиціи и выдастъ за меня Жоржету.

ричардъ. А почему онъ не соглашается?

патро. Потому что у меня ничего нѣтъ.

ричардъ. А еслибъ у тебя были деньги?

патро. Ну—у кого есть деньги, такъ тотъ утопится развѣ не въ своемъ умѣ.

ричардъ. Гм! Такъ ты думаешь что съ деньгами нельзя лишить себя жизни?

патро. Вотъ хорошо! Кому есть чѣмъ жить, такъ, вѣрно, умереть не захочетъ. Извините, милордъ, говорятъ въ вашей землѣ есть такіе сумасброды, а у насъ въ Парижѣ топятся только тѣ, у кого нѣтъ ничего за душой.

ричардъ. Послушай, ты такъ глупъ, что долженъ жить на свѣтѣ.

патро. Благодарю васъ, сударь, за ласковое слово, но я ужъ рѣшился!...

ричардъ. Постой, куда же ты идешь?

патро. Сперва на чердакъ, а потомъ—въ воду...

ричардъ. Постой! Этотъ глупецъ, можетъ быть, въ одно время со мной лишить себя жизни, или, по крайней мѣрѣ, покусится на самоубійство... Надо его удержать, а то завтра во всѣхъ журналахъ напечатаютъ, что какой-то богатый англичанинъ и трактирный негодяй окончили жизнь самоубійствомъ... Я сдѣлаюсь предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ... Глупо!.. Надо его остановить. На томъ свѣтѣ я обойдусь и безъ слуги! Послушай, негодяй, сколько тебѣ нужно денегъ, чтобъ жениться на твоей Жоржетѣ?

патро. Мнѣ съ Жоржетой ничего не нужно; мы такъ любимъ другъ друга, что намъ и ѣда на умъ не пойдетъ; а вотъ только дядя-то ея, трактирная вывѣска, завдастъ наше счастье. Накопи 1000 франковъ! 1000 франковъ! гдѣ ихъ взять! Я мошенничать съ умомъ.

ричардъ. Такъ 1000 франковъ сдѣлали бы тебя совершенно счастливымъ, и ты бы не подумалъ топиться?

патро. Вотъ дурака нашли!.. Да я бы тогда, кажется, съ нею вмѣстѣ съ крыши соскочилъ отъ радости.

ричардъ. Вотъ этихъ денегъ слишкомъ достаточно на мои похороны, этими заплатитъ за завтракъ, а эти мнѣ некуда лѣвать. На, негодай, возьми эту дрянь и наслаждайся своей глупой жизнью.

патро. Что это! что это! Боже мой!..

ричардъ. Бери, говорятъ тебѣ, и убирайся къ чорту!

патро. Ваше сіятельство!.. Да можетъ ли это быть?.. Мнѣ... мнѣ... столько денегъ... за что же это?

ричардъ. За то, чтобы ты не лишалъ себя жизни вмѣстѣ съ порядочными людьми.

патро. Жоржета! Хозяинъ! г. милордъ, ваше превосходительство... да вѣдь, я съ ума сойду!.. Да вѣдь это небывальщина... вѣдь это чудеса!.. вѣдь это въ сказкахъ только такіе штуки случаются!.. Ахъ, Боже мой!.. да кажется я сейчасъ умру съ радости! Ахъ, ваше милордское превосходительство, какъ васъ благодарить!..

ричардъ. Довольно, довольно, оставь меня.

патро. Дай Богъ вамъ за это прожить сто лѣтъ.

ричардъ. Убирайся вонъ, говорятъ тебѣ!

патро. Ваше сіятельство... ваше графское сіятельство!..

ричардъ. Уйдешь ли ты?

патро. Да вы видите, у меня ноги подгибаются отъ радости, я земли подъ собой не чувствую, вотъ, кажется, такъ на небо и улечу... Побѣгу сейчасъ на чердакъ... лбомъ двери выломаю... и на рукахъ выташу оттуда мою милую Жоржету... Жоржета, хозяйинъ! г. Майонезъ! хозяйинъ! виватъ, виватъ!..

(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ X.

Ричардъ (одинъ)

Жалкіе люди! Горсть золота,—и они счастливы!.. И этотъ негодай воображаетъ, что я помогъ ему изъ человѣколюбія.

Они будутъ прославлять мое великодушiе, а я заплачу ему только за то, чтобъ онъ избавилъ меня отъ своего глупаго сосѣдства на томъ свѣтѣ. И такъ рѣшено; послѣ завтрака я лягу отдохнуть и ужъ больше не встану.. Въ послѣднiй разъ потышимъ нашу жизненную потребность — Завтракъ. пригото- вленъ со вкусомъ, солнце свѣтитъ приветливо, все въ природѣ, кажется, улыбается мнѣ, и я все это оставляю съ полнымъ хладнокровiемъ, съ равнодушнымъ презрѣнiемъ ко всему окружающему.. Вотъ это значитъ быть хозяиномъ своей жизни?

ЯВЛЕНIЕ XI.

Ричардъ и Генрихъ.

генрихъ. Что это! Въ самомъ дѣлѣ, какое сходство!..

ричардъ. Что вамъ здѣсь надобно?.. Я просилъ хозяина не пускать сюда никого.

генрихъ. Извините, я сейчасъ уйду отсюда, только не могу придти въ себя отъ удивленiя!

ричардъ. Чему же вы удивляетесь?

генрихъ. Вашему сходству съ однимъ извѣстнымъ мнѣ человекомъ.

ричардъ. Что жъ тутъ удивительнаго, все люди одинаковы.

генрихъ. Еслибъ я даже вчера еще... Нѣтъ, нѣтъ... это непостижимо!

ричардъ. За кого же вы меня принимаете?

генрихъ. Я навѣрно знаю, что Ричардъ Лаутеръ не имѣетъ родственниковъ, а васъ можно принять, просто, за его близнеца, даже за его двойника.

ричардъ. Ричардъ Лаутеръ, лондонскiй банкиръ?.. Да, я объ немъ слыхалъ...

генрихъ. Я не могу судить объ его голосѣ, потому что говорилъ съ нимъ, когда еще былъ ребенкомъ. Но ваше лицо, ростъ, волоса... Это коловство!

ричардъ. Но кто же вы, молодой человекъ?..

генрихъ. Я Генрихъ Стевенсонъ.

ричардъ. Стевенсонъ, сынъ манчестерскаго банкира?

ГЕНРИХЪ. Такъ точно.

РИЧАРДЪ. Знаю, знаю... И я объ васъ слышалъ... Садитесь, молодой человекъ, садитесь; не хотели вы со мной позавтракать.

ГЕНРИХЪ. Благодарю васъ, но я бы желалъ, чтобъ вы прежде разрышили мое недоумѣнiе.

РИЧАРДЪ. То, что вамъ кажется колдовствомъ, дѣло весьма обыкновенное. Хотя я не знаю лично Лаутера, но мнѣ многiе говорили, что я очень похожъ на него. Полноте, полноте смотреть на меня такъ пристально. Какое вино вы любите?

ГЕНРИХЪ. Позвольте... позвольте. Я вамъ сказалъ свое имя.. теперь, бы кажется, следовало...

РИЧАРДЪ. Называйте меня Лаутеромъ, если хотите; называйте, какъ угодно... Позавтракаемъ вмѣстѣ въ первый разъ, а можетъ быть, и въ послѣднiй.

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ, воля ваша... а такая игра природы невѣроятна... Я готовъ сквозь землю провалиться, если мнѣ укажутъ еще одно такое сходство.

РИЧАРДЪ. Ха, ха, ха!.. Вы меня начинаете смѣшить... Ваше здоровье, мистеръ Стевенсонъ!.. Пейте же, молодой человекъ, пейте, только, пожалуйста, не за мое здоровье... я рѣшительно не нуждаюсь въ немъ.

ГЕНРИХЪ. (въ сторону). Чудеса, просто, чудеса... Впрочемъ, если разсудить, такъ это дѣйствительно не возможно... Вчера я цѣлую четверть часа смотрѣлъ на Лаутера.. и его лицо...

РИЧАРДЪ. Ну же, мистеръ Стевенсонъ, не отставайте отъ меня! Пейте здоровье вашей невесты, а можетъ и жены... Я слышалъ, что вы были помолвлены на миссъ Джени, дочери моего двойника.

ГЕНРИХЪ. Да, это дѣло было бы кончено, если бъ вашъ двойникъ не сошелъ съ ума, и если бъ не замѣшался тутъ еще одинъ негодяй, который все передѣлалъ по своему.

РИЧАРДЪ. Что такое? Лаутеръ сошелъ съ ума?

ГЕНРИХЪ. Да, всѣ такъ думаютъ, даже было напечатано къ газетамъ...

РИЧАРДЪ. Что Лаутеръ въ припадкѣ безумiя лишилъ себя жизни?

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ, этого и журналы не могли сказать, потому что онъ дѣйствительно живехонекъ. Я самъ его вчера видѣлъ, въ его проклятомъ кабинетѣ.

ричардъ. Вы видели?.. Теперь ужъ моя очередь глядѣть на васъ рознія ротъ.

генрихъ. Да, видѣлъ... онъ сидѣлъ, какъ истуканъ, у своей конторки. Ни слезы дочери, ни мои просьбы, ни моленія, не заставили его пошевелиться ни однимъ пальцемъ... Согласитесь же, что такое адское хладнокровіе можетъ имѣть только сумасшедшій.

ричардъ. Вы сами его видели?

генрихъ. Почти также, какъ васъ теперь... Онъ сидѣлъ спиною къ дверямъ, но профиль его... нѣтъ... Это ужасно... Чѣмъ больше смотрю на васъ...

ричардъ. Пойдите, пойдите... Я начинаю догадываться. Вы его видели въ кабинетъ?...

генрихъ. Вотъ уже почти третій мѣсяцъ онъ не выходитъ изъ него, ни съ кѣмъ, кромѣ своего проклятаго кассира, не хочетъ говорить; не пускаетъ къ себѣ никого, даже жену и дочь свою. По вечерамъ, только Самуилъ Чортонъ, который одинъ имѣетъ доступъ въ его заколдованный кабинетъ, самъ приносить ему обѣдъ и свѣчи.

ричардъ. Отъ чего же одинъ только Самуилъ Чортонъ?

генрихъ. Отъ того, что онъ управляетъ всеми его дѣлами, черезъ него Лаутеръ высылаетъ въ контору свои распоряженія, и за порогомъ хозяйскаго кабинета, этотъ негодий становится полнымъ хозяиномъ.

ричардъ. Но что жъ дѣлаетъ Лаутеръ въ своемъ кабинетъ?

генрихъ. Чортъ его знаетъ! пишетъ, думаетъ... Просто, помѣшался на своихъ счетахъ.

ричардъ. И никто его не видитъ?

генрихъ. Всѣ видятъ въ окошко, которое сдѣлано въ дверяхъ его кабинета.

ричардъ. И что жъ, онъ ни ѣстъ, ни пьетъ?

генрихъ. Я уже вамъ говорилъ, что обѣдъ приносить ему проклятый Самуилъ, и въ это время онъ задергиваетъ занавѣску у дверей. Такъ мнѣ говорила Джени, которая нѣсколько разъ хотѣла подсмотреть.

ричардъ. Но отъ чего же вы не женитесь на Джени?

генрихъ. Отъ того, что всему причиной этотъ дьяволъ кассиръ; онъ влюбленъ въ Джени, она, разумѣется, его терпѣть не можетъ; но по его мимости мнѣ отказали.

ричардъ. Отказали?

генрихъ. Да, почти на отрывъ.

ричардъ. Гм! А давно ли помѣшался Лаутеръ?

генрихъ. Должно быть, въ тотъ самый день, какъ мы съ батюшкой прѣехали въ Лондонъ.. А можетъ быть, и прежде. Онъ выслалъ намъ сказать съ Чоргономъ, что не можетъ принять насъ. Жена его была тоже разстроена; она, конечно, хотѣла скрыть отъ насъ ужасное состояніе своего мужа. Мы принуждены были уладиться; на другой день, я былъ опять у нихъ, но ужъ не видѣлъ мистрисъ Кларисы; она слегла въ постель, а Самуилъ рѣшительно объявилъ, что Лаутеръ не согласенъ на нашъ бракъ.

ричардъ, *(съ досадой потирая руки)*. Хорошо, хорошо, это все похоже на правду.

генрихъ. Чортъ возьми! Это совсѣмъ не хорошо, и это ни на что не похоже!

ричардъ. Но гдѣ же старый Томасъ? Какъ онъ могъ допустить до этого?

генрихъ. Томасъ на другой день скрылся, и до сихъ поръ не возвращался.

ричардъ. Старый плутъ! неужели онъ съ нимъ за одно... Ну, а Джени, что дѣлаетъ бѣдная Джени?

генрихъ. Что же ей дѣлать? Она плачетъ, горюетъ, а пособить не-чѣмъ... Надо ждать, пока отецъ образумится.

ричардъ. Чортъ возьми!.. Но какъ же можетъ существовать коммерческій домъ безъ хозяина, который, какъ чурбанъ, сидитъ на одномъ мѣстѣ.

генрихъ. О, разумѣется, теперь уже домъ Лаутера не пользуется прежнемъ кредитомъ. Кто захочетъ повѣрить ему свои капиталы. На биржѣ всѣ объ немъ перешептываются, и хоть, явно не говорятъ, но по всему видно, что Лаутеръ скоро принужденъ будетъ объявить себя банкротомъ,

ричардъ, *(вскочивъ и ударивъ по столу)*. Что! Чортъ возьми! банкротомъ! Сомнѣваться въ моей чести! Не довѣрять Лаутеру! Какъ я прежде объ этомъ ни подумалъ? Какъ я этого не предвидѣлъ, не устроилъ. Если бъ я былъ одинокъ, мнѣ бы все равно, чтобы обо мнѣ ни говорили послѣ моей смерти; но пятнать мой домъ, мою дочь, мою жену! Проклятый Самуилъ, я понимаю, чѣмъ ты воспользовался... Но погоди, негодяй, я съ тобой разчѣнусь.

генрихъ. Что съ вами случилось, что вы такое говорите?

ричардъ. Лаутеръ пришелъ въ разсудокъ, Лаутеръ опомнился, Лаутеръ не позволитъ играть собой... Какъ они смѣли по-

чтатъ меня за сумасшедшаго! Какъ могли огорчить мою милую Дженни; мою добрую жену?

генрихъ (*въ сторону*). Что это значить? Этотъ человекъ, вѣрно, не въ своемъ умѣ!..

ричардъ. Что вы на меня смотрите? Развѣ и вы меня считаете за сумасшедшаго. Я вамъ говорю, что я Лаутеръ, лондонскій банкиръ, тотъ самый, котораго вы вчера видели въ Лондонѣ.

генрихъ. Не можетъ быть! Вы здѣсь живете цѣлый мѣсяцъ.

ричардъ. Что же? Развѣ это мнѣ мѣшаетъ быть Лаутеромъ. Давеча вы не хотѣли мнѣ вѣрить, когда я выдавалъ себя за другаго, теперь сомнѣваетесь, когда я вамъ говорю настоящее мое имя!

генрихъ. Но это сверхъестественное дѣло; не можетъ же одно и то же лицо жить и въ Парижѣ и въ Лондонѣ.

ричардъ. Тамъ мой двойникъ... а я здѣсь... Я настоящій Лаутеръ... Развѣ я могъ бы сидѣть спокойно, когда моя милая Дженни плакала у моихъ дверей, когда ея женихъ умолялъ меня?... Нѣтъ, нѣтъ, я соединяю васъ... Даю честное слово, ты будешь ея мужемъ, я снова сдѣлаюсь отцемъ моей Дженни, а этого двойника, вмѣстѣ съ моимъ кассиромъ, я выброшу изъ окна!

генрихъ. Ну, кажется, теперь я съ ума сойду...

ричардъ. Скажите мнѣ только, за чѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ?

генрихъ. Меня послалъ батюшка по своимъ коммерческимъ дѣламъ.

ричардъ. Долго вы здѣсь останетесь?

генрихъ. Дней шесть или восемь.

ричардъ. Ни одной минуты! Вы сейчасъ-же ѣдете со мною... Одно только мнѣ бы хотѣлось знать. Дѣла не могли идти безъ подписи Лаутера. Какъ они это сдѣлали? Какъ я могъ, живучи въ Парижѣ, подписывать вексели въ Лондонѣ.

генрихъ. У меня есть вексель, подписанный рукою Лаутера. Мой батюшка на прошелшей недѣлѣ его получилъ.

ричардъ. Покажите, покажите!..

генрихъ (*подаетъ ему бумагу*). Вотъ онъ.

ричардъ. О, о, чортъ возьми! Это уже слишкомъ! И все это работа мистера Самуила, и это благодарность за мою довѣренность... Постой же! я съ тобой раздѣлаюсь. Я тебя уничтожу...

я тебя раздавлю, какъ змѣю, которую пригрѣлъ своимъ благо-
дѣяніемъ. О, во всю жизнь мою я не былъ такъ възбѣшенъ!!
Бѣдемъ, бѣдемъ, сію минуту!

Я В Л Е Н І Е XII.

Тѣ же, Трактирщикъ, Патро, Жоржета и слуги.

ПАТРО. Вотъ онъ! — вотъ онъ, Жоржета! благодарн его!..
Онъ нашъ спаситель. Ему мы всемъ обязаны по его необык-
новенной милости.

ЖОРЖЕТА. Ахъ сударь, какъ васъ благодарить.

ТРАКТИРЩИКЪ. Какое удивительное великодушіе.

РИЧАРДЪ. Убирайтесь вы все къ чорту! Бѣдемъ, Генрихъ,
бѣдемъ.

ВСѢ. Позвольте, позвольте намъ, милордъ ....

РИЧАРДЪ. Провалитесь вы сквозь землю, съ своей дурацкой
благодарностью. *(Уходитъ съ Генрихомъ).*

ВСѢ СЛУГИ, *(вслѣдъ ему).* Да здравствуетъ великодушный
милордъ! Да здравствуетъ благородная Англія! Вивать, вивать!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ два комнаты; на правой сторонѣ отъ зрителей кабинетъ Лаутера, роскошно меблированный; у стола сидитъ восковая кукла, представляющая банкира, около него стоятъ ширмы; на другой сторонѣ сцены гостиная: сжатая декорация перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Самуилъ, въ кабинетъ стоитъ у стола, нагнувшись къ куклѣ и подаетъ ей бумаги. Конторщики, въ другой комнату, смотрятъ въ окошко у дверей кабинета.

1-й конторщикъ. Да, да, вотъ онъ сидитъ и подписываетъ бумаги.

2-й конторщикъ. Пусти-ко, пусти-ко меня посмотрѣть.

3-й конторщикъ. Постой, постой я еще не видалъ.

2-й конт. Да что же, господа, до которыхъ поръ это продолжится?.. Въль, если онъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, такъ можетъ же сойти съ мѣста... а то онъ точно приросъ къ своему столу... Хоть бы повернулся къ намъ... сказалъ одно слово съ своими конторщиками.

4-й конт. Это все Самуилъ умничаешь... вонъ онъ съ нимъ шепчется.

1-й конт. Постой же, была не была, я ему закричу...

3-й конт. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого, онъ, пожалуй, какъ вскочить да прибѣтъ насъ!

1-й конт. Ну пусть прабѣтъ... (Кричитъ въ окно). Добрый

нашъ хозяинъ! Мистеръ Лаутеръ!.. Сдѣлайте милость выйдите къ намъ хоть на минутку.

САМУИЛЬ (въ полумолоса, подходя къ окну). Какая дерзость!.. Какъ вы осмѣлились?.. Подите прочь!.. Онъ завтра къ вамъ выйдетъ, а сегодня онъ очень занятъ. (*Выходитъ изъ кабинета*). Вотъ, вамъ работа! Это тебѣ, это тебѣ... Ступайте, занимайтесь своимъ дѣломъ, нечего глазѣть по пустякамъ.

1-й конт. Но послушайте, г. Самуиль—это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ нашъ хозяинъ не приходитъ къ намъ, и послѣ того, что стали говорить на биржѣ, больше половины нисцовъ оставили нашу контору.

САМУИЛЬ. А что же тамъ говорятъ?

1-й конт. Дѣло извѣстное, всѣ говорятъ, что нашъ хозяинъ сошелъ съ ума.

САМУИЛЬ. Первый, кто только повторитъ этотъ вздоръ, будетъ сейчасъ выгнанъ отсюда! Вы сами съ ума сошли, негодяи! Чего вамъ надобно?.. Вамъ платятъ жалованье исправно; я уполномоченъ нашимъ хозяиномъ и передаю вамъ его приказанія; онъ занятъ важнымъ предпріятіемъ, о которомъ не нужно вамъ знать — вотъ и все... Всѣ по своимъ мѣстамъ!.. Я вамъ нѣсколько разъ говорилъ, чтобъ не ходили сюда! Всѣ по своимъ мѣстамъ!

2-й конт. Каково покрикиваетъ? Прежде бывало его голоса не слышать, а теперь откуда что берется.

САМУИЛЬ. Ну... что же, уйдете ли вы?

1-й конт. Послушайте, г. Самуиль. Я до вашего опредѣленія сюда, лѣтъ шесть занималъ должность перваго бухгалтера и такого разстройства при мнѣ никогда не бывало. Наша контора всегда славилась исправностью, а теперь, напротивъ, съ каждымъ днемъ, мы теряемъ кредитъ; дѣла идутъ, чортъ знаетъ, по каковски. Мы всѣ любимъ нашего хозяина, и если въ самомъ дѣлѣ его голова не въ порядкѣ, такъ не можетъ быть порядка и въ конторѣ. Однимъ словомъ, я васъ предупреждаю, что сегодня-же пойду къ моему крестному отцу, — Г. Ковстаблю. Онъ знакомъ съ мистеръ Лаутеромъ. Пусть же зайдетъ къ нему и переговоритъ, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть, онъ совсѣмъ обезумѣлъ, а вы, себя на умъ, только дурачите честныхъ людей...

САМУИЛЬ. Что, что такое?.. И ты осмѣлишься... Вы начинаете бунтовать!.. Вонъ, говорятъ вамъ. Всѣ по своимъ мѣстамъ! Вы дождетесь того, что нашъ хозяинъ прогонитъ васъ палкой...

2-й конт. Ну пойдемте, братцы... съ этимъ мошенникомъ нечего больше говорить.

1-й конт. Вотъ мы посмотримъ, что-то онъ заговорить, какъ прилетъ сюда Констабль.

самуилъ. Вонъ, вонъ сію минуту! *(Конторщики уходятъ)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Самуилъ *(одинъ)*.

— Ушли!.. Чортъ возьми, это худо, они начинаютъ сомнѣваться, и если въ самомъ дѣлѣ придетъ сюда Констабль, тогда наша комедія кончится слишкомъ драматически: придется мнѣ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Надо въ послѣдній разъ переговорить съ мистриссъ Кларисой.. Эй, кто нибудь! *(Входитъ слуга)*. Скажи хозяйкѣ, что я прошу ее сюда пожаловать. *(Слуга уходитъ)*. Сегодня же потребую у нее рѣшительнаго отвѣта, и заставлю согласиться на мое предложеніе. Женюсь на миссъ Джени, и съ тремя миліонами, которые на всякій случай отложены здѣсь... уѣду въ Соединенные Штаты. Тамъ она полюбитъ меня, а не полюбитъ, такъ съ этой суммой, можно и безъ любви обойтись. *(Входитъ въ кабинетъ и запираетъ его)*. Ну, мистеръ Лаутеръ, дали же вы на себя палку... Страсть къ ночной игрѣ заставила его выдумать эту восковую куклу; онъ цѣлый годъ надувалъ насъ; теперь наша очередь. — Сперва мы эту куклу принимали за него, теперь, въ его отсутствіе, можемъ играть имъ, какъ куклой. Невозможно имѣть болѣе распорядительнаго кассира, и болѣе терпѣливаго банкира; дѣлай съ нимъ что хочешь, слова не добьешься. До сихъ поръ всѣ мои планы и расчеты удавались, какъ нельзя лучше. Самое трудное дѣло было удалить соперника, въ этомъ я успѣлъ довольно счастливо... Правда, плоды моихъ трудовъ и замысловъ мнѣ многого стоятъ: я долженъ день и ночь беречь своего восковаго хозяина. Ночь сплю у самыхъ дверей, днемъ почти не отхожу отъ него; но я чувствую, что скоро наступитъ конецъ этимъ Овидіевымъ превращеніямъ. Главное дѣло—деньги!.. Они здѣсь, подъ этой до-

ской; пружина такъ искусно сдѣлана, что самъ чортъ не догадается (*открываетъ ящикъ*). Вотъ они... Три мильона!!.. Чортъ возьми, въ три мѣсяца — три мильона!—Этого хватитъ на мой векъ. Тсъ!—что-то зашумѣло! Что-то стукнуло, у этой стѣны... нѣтъ.. мнѣ послышалось. О, дьявольщина! когда же наступитъ время, что мнѣ нечего будетъ бояться... Запремъ же нашъ кладъ и отправимся къ мистрисъ Кларисъ для окончательнаго переговора... Ну, до свиданія, мой восковой банкрпъ... Какъ скоро я женюсь на вашей дочери, вы тотчасъ растаете отъ радости... Вамъ, какъ доброму тестю, я доставлю тепленькое мѣстечко... съ благодарностью сожгу васъ, такъ, что и духа вашего больше здѣсь не останется. (*Закрываетъ его ширмами*) Ну, теперь вы можете отдохнуть отъ любопытныхъ... А, вотъ, кажется, и мистриссъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

САМУИЛЬ и КЛАРИСА. (*Она одѣта просто, блѣдна и разстроена*).

КЛАРИСА. О, Боже мой... Чего еще хочетъ отъ меня этотъ ужасный человекъ.

САМУИЛЬ (*въ дверяхъ*). Угодно вамъ сюда войти, мистрисъ или тамъ остаться?

КЛАРИСА. Нѣтъ, нѣтъ, выйдите сюда.. Я не могу ступить въ этотъ ужасный кабинетъ... мнѣ страшно, страшно.

САМУИЛЬ (*затираетъ кабинетъ*). А! въ такомъ случаѣ, я къ вашимъ услугамъ.

КЛАРИСА. Вы посылали за мной?

САМУИЛЬ. Посылалъ просить васъ...

КЛАРИСА. Говорите же, что вамъ отъ меня надобно?

САМУИЛЬ. Я долженъ вамъ, наконецъ, сказать, мистрисъ, что наши дѣла идутъ очень худо. Завистники распространили слухи на биржѣ о сумасшествіи вашего пропавшаго супруга. Нѣсколько минутъ назадъ сюда приходили наши конторщики; они начинаютъ роптать не на шутку, и нашъ обманъ можетъ скоро открыться. Я неуспѣшно старался поддержать всеобщій кредитъ, но все напрасно!; теперь, чтобъ уничтожить эти зловредные слухи, нужно личное присутствіе банкира.—Съ каждымъ днемъ

нашъ торговый домъ слабѣетъ, зданіе колеблется, одинъ толчекъ, и—оно разрушено; но вы понимаете, что при этомъ разрушеніи оно задавитъ насъ обоихъ. Я изъ дружбы къ вамъ и изъ любви къ вашей дочери отважился на мѣру опасную, но видя въ Богѣ, что я дѣйствовалъ съ тою только цѣлью, чтобъ сохранить репутацію нашего несчастнаго хозяина. Мы теперь зашли слишкомъ далеко и бѣда уже стучится въ наши двери.

КЛАРИСА. Какъ, неужели нѣтъ никакой надежды?

САМУИЛЬ. Я не вижу никакой....

КЛАРИСА. Но можетъ ли это быть? Такой огромный кредитъ?..

САМУИЛЬ. Кредитъ безъ хозяина, какъ тѣло безъ души. Сколько было примѣровъ, что одна неудачная торговая операція — и все потеряно. Чтобъ поправить наше опасное положеніе, я въ послѣдній разъ, умоляю васъ уговорить миссъ Дженни принять мою руку... этой только рукой вы спасетесь отъ совершеннаго раззоренія... Вы молчите, вы все еще нерѣшаетесь... я жду вашего отвѣта, мистриссъ. Скажите же, согласны ли вы?

КЛАРИСА. Никогда!

САМУИЛЬ. Подумайте хорошенько... я терпѣливъ, но время не терпитъ.—

КЛАРИСА. Никогда, говорю я вамъ! Я узнала наконецъ вашу черную душу и не погублю моей дочери. Наше богатство было такъ огромно, что возбуждало всеобщую зависть, а вы не имѣли ничего.... Теперь это все ваше, а мы... мы будемъ нищія! Мало того, что вы воспользовались моею слабостью и заставили меня дѣйствовать такъ, что я должна страшиться законовъ Божіихъ и человѣческихъ, вы теперь хотите отнять мою дочь?.. Вы, виновникъ моего несчастія, моего преступленія!.... вы, какъ злой демонъ, овладѣли мною... въ первыя минуты отчаянія могла ли я разсудить о послѣдствіяхъ, могла ли предвидѣть бѣду, въ которую вы теперь меня влечете?... Нѣтъ, нѣтъ, возьмите все, но не лишайте меня моей дочери.

САМУИЛЬ (*съ скрытою злостью и наружнымъ хладнокровіемъ*). Продолжайте, сударыня, продолжайте. Это награда за мое стараніе, за мою къ вамъ привязанность, за мои неусыпные труды!... Вы сказали, что ваше имѣніе перешло ко мнѣ, да, оно точно теперь въ моихъ рукахъ. Вашего супруга, вѣроятно, уже нѣтъ на свѣтѣ, всѣ наши розыски были тщетны.... Повторяю вамъ, теперь только одно средство все исправить: отдайте за ме-

ня вашу дочь... ей, какъ законной наслѣдницѣ, передастся все имѣніе, вы получите отъ насъ такую часть, какую сама назначите... Кажется, съ моей стороны невозможно быть сговорчивѣе....

Клариса. Никогда, никогда! Я имѣла несчастную слабость согласиться на преступное молчаніе, на подлогъ, потому что вы напугали меня раззореніемъ; я согласилась на это для сохраненія имѣнія своей дочери, но ничто въ мірѣ не заставитъ меня погубить ее союзомъ съ такимъ чудовищемъ!

Самуилъ. Чудовищемъ! гм, какъ женщины не разборчивы на слова. Хорошо же, сударыня, вы заставляете меня перемѣнить мою роль. Я нѣсколько недѣль назадъ умолялъ васъ объ этомъ союзѣ, но вы просили отсрочки... Срокъ прошелъ... Больше я ждать не хочу! Надо все сегодня кончить, завтра будетъ поздно. Теперь вы принуждаете меня напомнить вамъ объ извѣстномъ вамъ обстоятельстве... Вспомните, мистрисъ, что двѣ или три бумаги были вами подписаны... Одна изъ нихъ и теперь еще у меня...

Клариса. Извергъ! ты воспользовался слабостью больной, испуганной женщины, представилъ наше положеніе въ такомъ ужасномъ видѣ, что одно только отчаяніе водило моею рукою...

Самуилъ (съ язвительнымъ хладнокровіемъ). Однакожъ подпись весьма похожа. Въ послѣдствіи мнѣ стоило большого труда поддѣлывать почеркъ вашего мужа. Вы хоть и слабая женщина, однакожъ, вѣрно, знаете силу нашихъ законовъ: гдѣ рука, тамъ и голова...

Клариса (съ сильнымъ отчаяніемъ). Такъ погибнемъ же, чудовище, погибнемъ вмѣстѣ. Ты вовлекъ меня въ преступленіе, но ты самъ продолжалъ поддѣлывать фальшивые векселя.

Самуилъ. За кого же вы меня принимаете, мистриссъ. Неужели вы думаете, что я признаюсь передъ судомъ въ моемъ преступленіи? Нѣтъ, человѣкъ, который отважился на такую рѣшительную мѣру, счумѣетъ выпутаться изъ бѣды. Я ни одной изъ этихъ подписей не признаю за свою. Свидѣтелей между нами не было..... Вы жена, вы молчали, — дѣло ясное.. я буду въ сторонѣ, а вы за все отвѣтите передъ закономъ!

Клариса (садится). Боже мой, я погибла!

Самуилъ. Да, вы точно погибли, если не примете моего спасительнаго предложенія. —

Клариса. Несчастная! до чего довела меня моя безразсудная опрометчивость. Умоляю васъ, возьмите все наше богатство

кредитъ, деньги... Но дочерью... дочерью... я не могу пожертвовать... Сжальтесь, умилосердитесь, ради Бога!..

САМУИЛЬ. Сжальтесь вы надъ моею страстью. Забудьте мои угрозы, помните только объ своей единственной дочери. Я ее люблю, я не могу жить безъ нея...

КЛАРИСА. Боже мой! Я теряю рассудокъ!

САМУИЛЬ (*беретъ ее за руку*). Вы всегда найдете во мнѣ пѣжнаго, покорнаго сына. Я для вашей же пользы ишу этого союза...

КЛАРИСА, (*взглянувъ ему прямо въ глаза*). Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ холодномъ, убійственномъ взглядѣ, нѣтъ ни искры человеческого чувства... Прочь, прочь отъ меня, демонъ, адское чудовище! Я не могу тебя видѣть...

САМУИЛЬ. А! Такъ это последнее ваше слово?..

КЛАРИСА. Да, да, последнее... оставь меня.

САМУИЛЬ. Ну, стало быть, говорить больше нечего, начнемъ дѣйствовать. Приготовьтесь же, мистрисъ, встрѣтить незваныхъ гостей: черезъ четверть часа явится полиція полюбоваться на вашего восковаго супруга... Ужъ одинъ мой доносъ докажетъ всѣмъ, что я въ этомъ дѣлѣ чистый человѣкъ... До свиданія, сударыня. (*Идетъ*)

КЛАРИСА, (*останавливая его*). Постойте! Умоляю васъ!..

САМУИЛЬ. Ну, что же, вы передумали?.. Рѣшились? Согласны отдать за меня Джени?..

КЛАРИСА. Нѣтъ, нѣтъ, не могу... Не въ силахъ!

САМУИЛЬ. Такъ прощайте же, до свиданія... До роковаго свиданія! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

КЛАРИСА (*одна*).

Боже мой! Что съ нами будетъ? Я не переживу этого безчестія! Я погубила мою дочь... обезславивъ себя и покрывъ вѣчнымъ позоромъ честное имя моего мужа!.. Я погибла, теперь, ничто не спасетъ меня!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Клариса и Дженни.

Дженни. Маменька, маменька, вы здѣсь!.. Но что съ вами? Вы плачете... вы, вѣрно, были у папеньки?.. Скажите пожалуйста, вы говорили съ нимъ?

Клариса. Да; да.

Дженни. Ну, что же, лучше ли ему?..

Клариса, *(удерживая рыданія)*. Нѣтъ, онъ, по-прежнему, грустенъ и молчаливъ.

Дженни. Уговорите же его, чтобъ, онъ наконецъ согласился меня впустить къ себѣ; можетъ быть, мои нѣжныя ласки разсѣять его меланхолю. Вотъ уже нѣсколько дней вы общаете мнѣ эту радость, и все откладываете до завтра. Я только два раза въ день вижу папичку, и то черезъ это ненавистное окошко. По утру приду поздороваться—онъ молчитъ, вечеромъ приду проститься—опять тоже гробовое молчаніе... Три мѣсяца онъ не говорилъ со мной ни слова! Я уже стала совсѣмъ не та, что была прежде; куда дѣвалась моя веселость, рѣзвость? Боже мой! сколько горя я перенесла въ эти три мѣсяца, сколько грустныхъ дней, безсонныхъ ночей... И какъ, наконецъ, объяснися странное поведеніе папеньки? Неужели правда, что онъ...

Клариса. Что такое?

Дженни. Всѣ въ домѣ у насъ говорятъ, что его разсудокъ... Ахъ, ради Бога, скажите; если это правда, зачѣмъ же вы не призовете лучшихъ докторовъ; не посоветуетесь съ ними? Можетъ быть, ему нужно путешествіе, можетъ быть, перемѣна мѣста будетъ имѣть на него благотѣльное дѣйствіе.

Клариса *(съ стороны)*. Какое мученіе! *(ей)* Я... я предлагала ему, но онъ не соглашается.

Дженни. Такъ пустите же меня къ нему; я его уговорю; буду на колѣнахъ умолять... можетъ быть, одна счастливая минута прояснитъ его мрачную, убійственную задумчивость...

Клариса. О, Дженни, милая дитя мое... еслибъ ты знала...

Дженни. Что такое? говорите, говорите, ради Бога... эта невѣдѣнность сдѣлалась наконецъ мнѣ нестерпима! Что бы я отъ васъ не узнала, все будетъ легче для меня... Говорите, говорите, ради Бога!

Клариса. Нѣтъ, не въ силахъ... Я.. я погубила тебя, дитя мое!

Дженни. Вы! что вы говорите... Не вы ли одѣ меня утѣшаете, подаете мнѣ сладостную надежду, что я не навсегда лишилась моего Генриха. Передъ отъѣздомъ въ Парижъ, онъ заѣзжалъ къ намъ; вы все-таки приняли его ласково, папенька только не хотѣлъ выйти къ нему; но я понимаю: всему причиною нашъ домашній демонъ, этотъ отвратительный Самуилъ... его любовь ко мнѣ причиною этого разрыва съ Генрихомъ. — Боже мой! какъ могъ папенька допустить, чтобъ этотъ извергъ распоряжался здѣсь вмѣсто его... и чѣмъ онъ заслужилъ такое довѣріе? Если его искусство въ коммерческихъ дѣлахъ такъ важно для папеньки, то неужели же страданіе дочери онъ ни во что ставитъ? Онъ отказалъ Генриху въ рукъ моей... что же? Я плакала, но покорилась его волѣ... за чтоже онъ лишаетъ меня своихъ ласкъ, своей отцовской нѣжности? Развѣ я не всегда была послушной дочерью, развѣ я....

Клариса. *(рыдая)*. О, перестань, ради Бога, перестань! твои слезы, какъ адское пламя, жгутъ мое сердце!.. Пощади, пощади меня, дитя мое!!

Дженни. Простите меня, маменька! Я знаю, что вы не меньше моего страдаете; но, по-крайней мѣрѣ, вамъ все извѣстно, что здѣсь дѣлается, а мнѣ суждено только страдать и плакать въ этой мучительной неизвѣстности. Боже мой! къ чему служить намъ богатство.

Клариса. Богатство... нѣтъ, Дженни, мы скоро всего лишимся. Ужасный переворотъ уже близокъ... можетъ быть, сегодня... можетъ быть черезъ нѣсколько минутъ, все откроется, и мы останемся нищими!

Дженни. Что вы говорите? Развѣ это возможно? Развѣ наше положеніе такъ перемѣнилось?.. А! — теперь я догадываюсь — вѣрно разстройство въ дѣлахъ причиною ужаснаго затворничества папеньки. О, нищета меня не ужасаетъ; но что будетъ съ вами, съ моимъ несчастнымъ отцомъ?

Клариса. Милая Дженни!.. ты одна только могла бы отвратить эту ужасную грозу, которая собралась надъ нашимъ домомъ, но такую цѣною, что мой языкъ не всостояніи выговорить.

Дженни. Скажите, скажите скорѣе! Нѣтъ жертвы, которую бы я не рѣшилась принести для вашего спокойствія.

Клариса. Нѣтъ, кроткій ангелъ; мнѣ не вымолить небеснаго прощенія и за прежній мой проступокъ; будь же покойна... это чудовище не осквернитъ тебя своимъ прикосновеніемъ.

дженни. Что такое? о 'комъ вы говорите?

клариса. Самуилъ — требуетъ руки твоей!.. Вотъ какою цѣною должно искупить наше благосостояніе.

дженни. Боже мой! Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Пусть мой отецъ возьметъ мою жизнь, все, что хочетъ, но быть женою этого ужаснаго человѣка... нѣтъ, нѣтъ, не могу... Одна мысль объ этомъ леденить всю мою кровь! Пощадите!.. Я не могу!

клариса. Не ужели ты думала, дитя мое, что я допустила бы тебя до этого, если бы ты даже и рѣшилась, изъ любви къ намъ, на такую жертву? О, нѣтъ, будемъ вмѣстѣ плакать и покоримся нашей судьбѣ.

дженни. Маменька, маменька! Не убивайте себя... Богъ милостивъ... можетъ быть, Онъ пошлетъ намъ спасеніе!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Слуга.

слуга. Мистриссъ... сейчасъ возвратился нашъ старый Томасъ.

клариса. Томасъ!

дженни. Томасъ! Ахъ, какъ я рада! При немъ все было хорошо, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ...

слуга. Онъ проситъ позволенія войти.

клариса. Гдѣ онъ! гдѣ онъ? Пусть войдетъ. Можетъ быть, онъ принесъ намъ какое нибудь радостное извѣстіе.

дженни. Да, да, вы говорили, что онъ уѣхалъ отъ васъ по приказанію папеньки... Что же это значитъ? За чѣмъ онъ былъ посланъ? Развѣ коммерческія дѣла по его части?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Томасъ (въ дорожномъ платьѣ).

томасъ. Мистриссъ! Миссъ Дженни!

клариса. Ну что? говори, говори скорѣе...

томасъ (*тихо*). Какъ, развѣ уже миссъ Дженни все знаетъ..
 клариса. Нѣтъ, нѣтъ, погоди, погоди... Дженни, другъ мой,
 оставь насъ на одну только минуту, я сейчасъ приду къ тебѣ..
 дженни. Боже мой! будетъ ли конецъ этимъ несноснымъ
 тайнамъ. Добрый Томасъ, я прежде на тебя сердилась, но я
 была неправа. Безъ тебя у насъ все идетъ хуже. Маменька
 тебѣ все расскажетъ... Не принесть ли ты намъ какого нибудь
 утѣшенія? (*Уходитъ*)

Я В Л Е Н І Е VIII.

Томасъ, и Клариса.

клариса. Ну что, Томасъ?

томасъ. Все напрасно! я объѣхалъ пол-Англіи, часть Шотландіи, былъ во Франціи, развѣдывалъ, спрашивалъ.. но не могъ отыскать ни малѣйшихъ слѣдовъ моего несчастнаго господина!

клариса. И такъ, все кончено! Последняя надежда исчезла!

томасъ. На обратномъ пути, я еще надѣялся—не найду ли его здѣсь, не возвратится ли онъ во время моего отсутствія.. но нѣтъ!.. О, бѣдный мой господинъ! Вотъ до чего довела его проклятый сплунъ! Но скажите же, сударыня, что у васъ въ это время случилось?.. Я спрашивалъ конторщиковъ и они всѣ въ обманѣ: они увѣрены, что нашъ господинъ здѣсь, у себя... Я догадываюсь, что это значить: мошенникъ до сихъ поръ продолжаетъ обманывать всѣхъ этой дьявольской куклой!

клариса. Да, Томасъ, она будетъ причиною всѣхъ нашихъ несчастій... За чѣмъ ты не сжегъ ее, какъ приказывалъ тебѣ мой мужъ?..

томасъ. За чѣмъ! за тѣмъ, что этотъ дьяволъ Чортонъ по-мѣшалъ мнѣ... На другой же день, какъ исчезъ нашъ господинъ, я въ точности хотѣлъ исполнить его приказаніе, но въ торопяхъ незадернулъ занавѣску у этихъ дверей; онъ все увидѣлъ, началъ шумѣть, призвалъ васъ; ваши слезы заставили меня все выболтать; онъ уговорилъ васъ только на нѣсколько дней согласиться обманывать домашнихъ этой куклой; вы... вы не могли устоять противъ его дьявольскихъ доводовъ.. и вотъ

уже прошло три мѣсяца, а обманъ до сихъ поръ не открылся, и ваши дѣла все въ одномъ и томъ же положеніи...

клариса. Нѣтъ, Томасъ, гораздо хуже. Время только увеличило наше несчастіе... Но скажи мнѣ, Томасъ, давно ли у него родилась несчастная мысль обманывать насъ своимъ двойникомъ?

томасъ. Разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ онъ пристрастился къ проклятой игрѣ. Недаромъ я ее всегда ненавидѣлъ. Въ 11 часовъ вечера онъ приказывалъ мнѣ сажать на свое мѣсто этого двойникъ, а самъ проводилъ ночи въ игорныхъ домахъ! Сколько разъ я представлялъ ему всю опасность, но все напрасно, вы сами знаете желѣзную волю вашего супруга. Всякое противорѣчіе его бѣсило... я долженъ былъ молчать и исполнять его приказаніе.

клариса. Но знаешь ли ты, чѣмъ можетъ кончиться этотъ несчастный обманъ. Самуилъ Чортонъ, оскорбленный отказомъ въ рукѣ моей дочери, хочетъ донести обо всемъ правительству!

томасъ. Полноте, сударыня. Я здѣсь! я не допущу его до этого... Да, вѣроятно, и онъ не посмѣетъ... онъ, просто, какъ подлый мошенникъ, пользуется женскою слабостію и хочетъ васъ напугать, чтобъ только вынудить согласіе...

клариса. О, этотъ злодѣй способенъ на все! Онъ сейчасъ ушелъ отсюда съ угрозами и, можетъ быть, въ эту самую минуту мое безчестіе всѣмъ извѣстно!

томасъ. Ну такъ вѣтъ же! Чортъ меня возьми!—Я знаю, что сдѣлать... Не беспокойтесь, мистриссъ, я все улажу. Въ этомъ кабинетѣ есть потаенная дверь, черезъ которую проходилъ вашъ супругъ; я сію же минуту ее выломаю, уничтожу эту алскую куклу и онъ съ своимъ полицейскимъ комиссаромъ останется въ дуракахъ. Когда не будетъ улыбки на лицо, тогда мы еще съ нимъ поспоримъ... Если же онъ осмѣлится быть донощикомъ, то я буду обличителемъ его самого! Я умру, но не выдамъ васъ! Ради Бога, будьте какъ можно хладнокровнѣе. Я знаю, что мнѣ говорить, знаю, чѣмъ сбить его съ толку... Я его оболваню и вмѣсто куклы посажу въ дураки! Скорѣе, скорѣе... въ двѣ минуты все будетъ кончено. (Убѣгаетъ)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Клариса, потомъ Дженни.

клариса. Добрый старикъ; можетъ быть, его сама судьба посылаетъ для нашего спасенія.

женни, *(выбывая)*. Маменька, маменька! Генрихъ возвратился изъ Парижа, онъ говоритъ, что ему непременно нужно видѣть папеньку... онъ, вѣрно, привезъ какое нибудь важное извѣстіе, которое обрадуетъ папеньку...

Клариса. Генрихъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Генрихъ.

Генрихъ. Мое почтеніе, мистриссъ...

Клариса. Что это значить, серъ Стевенсонъ?—Вы уѣхали въ Парижъ на цѣлую недѣлю, и такъ скоро воротились... Не случилось ли чего нибудь? Ваше смущеніе, безпокойство...

Генрихъ. Гдѣ вашъ супругъ, мистриссъ... ради Бога скажите: онъ никуда не уѣзжалъ?... Онъ все еще попрежнему сидитъ въ своемъ кабинетѣ? Разсѣйте мое сомнѣніе.

Клариса. Что за вопросъ? Что вы хотите этимъ сказать?

Генрихъ *(въ сторону)*. Что я дѣлаю? я далъ честное слово этому странному человѣку молчать обо всемъ до вечера; но я до тѣхъ поръ съ ума сойду. Нѣтъ, что бы нибудь, я долженъ его видѣть; это невѣроятнo, nepocтижимо... *(Ей)* Умоляю васъ, мистриссъ, позвольте мнѣ взглянуть на вашего супруга... со мной дѣлаются необыкновенныя вещи...

Клариса. Что такое? Объяснитесь...

Дженни. Послушайте, Генрихъ, я, просто, разсержусь... что съ вами дѣлается? Васъ точно выпустили изъ Бедлама. Вмѣсто того, чтобъ поздороваться со мной, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, вы забросали меня какими то безтолковыми вопросами; теперь снова начинаете говорить Богъ знаетъ что... Ужъ это совсѣмъ не по парижски. Маменька, не говорите ему ничего, пока онъ не попроситъ у меня прошенія.

Клариса, *(глядя въ окно)*. Боже мой! что я вижу! вотъ онъ! и съ нимъ Констабль!.. Все кончено!

(Падаетъ въ кресло.)

Дженни. Маменька, маменька! что съ вами?

Генрихъ. Мистриссъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Самуилъ, Констабль и конторщики *(въ дверяхъ)*.

Самуилъ. Пожалуйте сюда, г. Констабль.

ГЕНРИХЪ и ДЖЕННИ. Что это значить?

САМУИЛЬ. Генрихъ! онъ здѣсь! какимъ чудомъ?.. Все-равно... жребій брошенъ... теперь ужъ поздно воротаться назадъ...

КОНСТАБЛЬ. Извините, мистриссъ, что я обезпокоилъ васъ; но я имѣлъ счастье пользоваться знакомствомъ съ вашимъ супругомъ, и показаніе вашего кассира такъ странно, такъ необыкновенно, что я, по долгу совѣсти и службы, долженъ дѣйствовать согласно съ данной мнѣ властью отъ правительства.

ДЖЕННИ. Маменька, маменька, что это, скажите ради Бога.

КОНСТАБЛЬ. Странные слухи давно уже ходятъ по всему Лондону, и они весьма огорчали меня, потому что я душевно уважалъ мистера Лаутера... но теперь, послѣ показанія этого господина, дѣло объяснилось... и я долженъ исполнить мою обязанность. Что же касается до васъ, государь мой, подумайте хорошенько о послѣдствіяхъ: несправедливый доносъ подвергнетъ васъ законной отвѣтственности.

САМУИЛЬ. Это мое дѣло, г. комиссаръ. — Теперь не угодно ли вамъ войти въ этотъ кабинетъ.

КЛАРИСА *(въ сторону, тихо.)* Боже мой... если Томасъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія...

ГЕНРИХЪ, *(переходя къ Самуилу.)* Пойдите, сударь, пойдите. Хотя я еще не знаю, въ чемъ заключается вашъ доносъ, но мнѣ кажется, что изъ уваженія къ хозяйкѣ этого почтеннаго дома, вы не должны были позволить себѣ такой дерзости. Вы не войдете въ кабинетъ мистера Лаутера безъ его позволенія.

САМУИЛЬ. Это не ваше дѣло, г. Стевенсонъ. Сію минуту все объяснится. Мистеръ Лаутера мы не обезпокоимъ: вы увидите, что его двойникъ не пошевелится даже при нашемъ посѣщеніи. Милости просимъ... *(Отворяетъ кабинетъ.)*

КОНСТАБЛЬ *(входитъ, а за нимъ и всѣ.)* Что же! здѣсь никого нѣтъ...

САМУИЛЬ. Сію минуту... Улика на лицо. *(Отдвигаетъ ширмы.)* Вотъ онъ! извольте смотрѣть.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ и РИЧАРДЪ. *(Онъ сидитъ у стола, въ томъ же халатѣ и положеніи, какъ сидѣла кукла въ началѣ дѣйствія.)*

САМУИЛЬ. Ротъ эта восковая фигура третій мѣсяцъ представляетъ лицо нашего хозяина.

всѣ. (*крѣпко Кларисы.*) Возможно ли!

самуилъ. И эту ловкую хитрость придумала его вдова, которая за него подписывала всѣ бумаги... Довольно ли вамъ этого... Я, какъ честный человѣкъ, не могу болѣе молчать объ этомъ ужасномъ обманѣ.

констабль. Это невѣроятно! Вы говорите, что это восковая фигура... не можетъ быть... такое разительное сходство... это онъ, живой... онъ самъ...

самуилъ. Вы еще сомнѣваетесь... Подойдите поближе; не угодно ли вамъ своеручно удостовѣриться. Вотъ онъ! вотъ нашъ хозяинъ... ха ха ха... (*Бьетъ его по плечу.*)

констабль (*тоже съ нѣкоторой осторожностью.*) Позвольте... позвольте...

ричардъ, (*приподнимаясь.*) Что вамъ угодно?

самуилъ, (*кричитъ дикимъ голосомъ и падаетъ со всѣхъ ногъ.*) Ахъ!

клариса. О Боже, Ричардъ!

дженни. Папенька... милый папенька!

томасть (*прибѣгаетъ, по тихоньку Кларисы.*) Тсъ! ради Бога, удержитесь! Скройте свое изумленіе; это онъ, онъ самъ; онъ воротился; только не говорите ничего при свидѣтеляхъ.

ричардъ. Повторяю вамъ, чего вы хотите отъ меня? что значитъ это сборище въ моемъ кабинетѣ? Томасть, я тебѣ приказалъ никого не впускать ко мнѣ, когда я занимаюсь дѣлами.

констабль, (*заикаясь.*) Извините... почтеннѣйшій мистеръ Лаутеръ... я... я... долженъ былъ... я пришелъ вслѣдствіе иска и судебного показанія этого господина.

ричардъ. Этотъ господинъ или мошенникъ, или сумасшедшій, одно изъ двухъ. Я только удивляюсь, какъ вы могли повѣрить такой нелѣпости?..

констабль. Ваша правда, показаніе было точно невѣроятно и я первой сомнѣвался въ немъ, просто, не вѣрилъ ему...

ричардъ. Да, я слышалъ, вы невѣрили своимъ глазамъ и хотѣли удостовѣриться собственными руками. Немножко неучтиво... Я никому не позволю играть со мной, какъ куклой... Понимаете—Чтоже вамъ еще нужно?

констабль. Ничего болѣе... доказательства ясны, очевидны. Извините пожалуйста, что мы васъ беспокоили... (*Хочетъ идти.*)

ричардъ. Пойдите... Можетъ быть вамъ показалось странно, что я съ первыхъ словъ этого негодяя непрерывно его клеветы; но мнѣ хотѣлось самому посмотреть, дочего можетъ дойти

его сумазбродная дерзость. Неужели вы думаете, что я напрасно позволилъ вам насильно ворваться въ мой домъ и нарушить мое уединеніе?.. Нѣтъ, приходомъ своимъ вы оказали мнѣ большую услугу: мнѣ нужно было присутствіе ваше, мнѣ нужно присутствіе всѣхъ моихъ домашнихъ... чѣмъ больше свидѣтелей, тѣмъ лучше. Выслушайте меня: человекъ неблагодарный, котораго я осыпалъ моими благодѣяніями, съ давнихъ поръ задумалъ погубить моему дому; онъ распространилъ слухъ, будто я сошелъ съ ума, и тайно подрывалъ мой кредитъ... Наконецъ, случай открылъ мнѣ все. Теперь только не могу понять, чего въ этомъ негодѣй болѣе, бездѣлничества или безумія? Какъ онъ могъ придумать такую глупую ложь? Какъ, наконецъ, нашлись люди, люди благоразумные, которые ей повѣрили.

констабль. О, мистеръ Лаутеръ... вы извѣстны всему Лондону своей безукоризненной честностью. Кто въ этомъ осмѣляется сомнѣваться. Ну, сударь, (*обращаясь къ Самуилу*) что вы теперь скажете въ свое оправданіе?

самуилъ, (*ошеломленный*). Я... я... я...

ричардъ. Вы видите, какъ онъ смутился; онъ не знаетъ, что отвѣчать, на немъ лица нѣтъ, онъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.—Дослушайте же до конца. Этотъ несчастный—по умысленному плутовству, или по несчастному слабоумію,—запуталъ мои дѣла и даже остановилъ уплату по нѣкоторымъ векселямъ, въ то время, какъ моя касса могла бы быть неистощима. Вотъ здѣсь, въ этомъ секретномъ ящикѣ, хранится на всякой случай 130 тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

самуилъ (*съ крикомъ*). Это мое!.. мое! это мои деньги!..

ричардъ. Его деньги?.. ха ха ха! можно ли послѣ этого еще сомнѣваться, что онъ сумасшедшій. Еслибъ этотъ несчастный говорилъ правду, это было бы явнымъ доказательствомъ его вины. Какъ можно повѣрить, чтобъ простой, бывшій конторщикъ, изъ одного жалованья накопилъ три милліона! — не правда ли, г. Констабль.

констабль. Совершенно справедливо: это было бы явное воровство.

ричардъ. Четверть часа назадъ, я самъ видѣлъ изъ моей потаенной двери, какъ онъ открывалъ этотъ ящикъ... Вѣроятно, онъ хотѣлъ посягнуть и на эту сумму.

конторщики (*кричатъ*). Вонъ его! возьмите его! свяжите его!

какъ онъ смѣлъ! какъ онъ могъ! тащите его въ судъ... онъ негодяй! онъ мошенникъ!

ричардъ. Не смѣй никто его тронуть!

самуилъ. Да, да; это мое богатство! я миллионеръ! я здѣсь хозяинъ! я настоящій банкиръ!.. а онъ... онъ не человѣкъ... онъ привидѣнiе... онъ двойникъ!!

ричардъ. Вы слышите? довольно ли вамъ этого? Я надѣюсь, что вы теперь удостовѣрились, г. Констабль,—что этотъ несчастный уже не подлежитъ полицейскому суду: его надо лечить. Я передаю его въ ваши руки....

констабль. Теперь все объяснилось! Возьмите его... мое почтенiе мистеръ Лаутеръ... извините меня, пожалуйста...

самуилъ (*рветъ на себя волосы*). О, самъ сатана вмѣшался въ это дѣло!

конторщики. Хорошъ кассиръ! ай-да—честный человѣкъ!!

(Его уводятъ)

ричардъ. Ступайте и вы, друзья мои... Сегодня вы вволю повеселитесь.

конторщики, (*уходя*). Да здравствуетъ мистеръ Ричардъ! Ура, Ура!..

клариса. Ричардъ!. Ричардъ! прости меня!..

ричардъ. Тсъ... что ты дѣлаешь? я больше виноватъ передъ тобою... я все знаю... Тебѣ, какъ слабой женщинѣ, это было простиительно, прости же и ты меня, Клариса!..

клариса. Ахъ, я теперь совершенно счастлива!..

ричардъ. Дженни! милое дитя мое!..

дженни. Батюшка! О, какое блаженство! я три мѣсяца не слышала вашего голоса, три мѣсяца не цѣловала вашей руки!..

ричардъ. Сюда! сюда, друзья мои... прижмитесь къ моему сердцу... вы разбудили въ немъ уснувшее человечество! Какъ могъ я бросить васъ безъ защиты, безъ опоры!.. О, за эти три мѣсяца скорби я вамъ заплачу сторицею радости и счастья.... Благодарю, съ слезами раскаянiя, благодарю того, кто невидимо удерживалъ мою преступную руку!.. Генрихъ!.. Томасъ!.. Клариса!.. Дженни!.. (*Обнимаетъ ихъ*). Съ этой минуты я снова отецъ, мужъ, я снова человѣкъ!!

Конецъ.

ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

ТВАРДОВСКІЙ.

ПОВѢСТЬ, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ,

ЮСИФА ИГНАТІЯ КРАШЕВСКАГО.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

*О томъ, какиѣ образомъ на отца Твардовскаго на-
пали разбойники, и что изъ того послѣдовало.*

Въ одну изъ темныхъ лѣтнихъ ночей, какія часто случаются въ августѣ, ѣхалъ въ окрестностяхъ Подгоржа (*) шляхцицъ Твардовскій. Собиралась гроза. Усталый конь, которому уже видно пріѣлись острые шпоры всадника, шелъ шагкомъ, выбирая тропинку поудобнѣе, и, будто предчувствуя бурю, безпрестанно поднималъ голову и поглядывалъ на облака. Дорога шла въ густой чащѣ и была вся изрѣзана глубокими колеями, которыя размыли дожди, и потому можно вообразить сколько было работы бѣдному коню, сколько страху бѣдному шляхцицу! Не было видно ни зги, и только по временамъ яркая молнія, прорѣзывая черныя тучи, освѣщала дорогу нашему путнику. Шляхцицъ тяжело вздохнулъ, да и какъ было не вздохнуть ему!.. Давно уже не былъ онъ дома, а тамъ оставалась у него молодая жонка, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Шляхцицъ былъ хотя и не трусливаго десятка, но теперь ему стало страшно... Въ другое время такая дорога была бы ему ни по чемъ, но теперь, когда за сѣдломъ его висѣла добрая кнса денегъ, вырученныхъ имъ отъ продажи наслѣдства по дядѣ,—теперь онъ не хотѣлъ бы повстрѣчаться съ недобрымъ человѣкомъ. Какъ будто сочувствуя господину, и конь его то и дѣло фыркалъ, наостривалъ

(*) Подгоржевъ—предмѣстіе Кракова.

уши, останавливался и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Страшно стало шляхцицу, — и вотъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ попускалъ коня съ большимъ ожесточеніемъ, а конь не слушался и упирался ногами въ землю, блеснула молнія и озарила ужасныя лица нѣсколькихъ разбойниковъ.

— Стой!

И вслѣдъ за этимъ зловѣщимъ крикомъ заблестѣло нѣсколько самопаловъ, — и изъ ближняго кустарника выскочили трое разбойниковъ. Испуганный конь попытался назадъ и бросился было въ чащу, но одинъ изъ разбойниковъ поймалъ его за поводья. Въ первый минуты страха шляхцицъ схватился было за саблю, но три направленныхъ прямо на него дула тотчасъ же показали ему, сколько неблагоразумнымъ было бы съ его стороны сопротивленіе. Руки опустились у бѣднаго шляхцица, и онъ закричалъ въ отчаяніи:

— Спасите меня, если тутъ есть чья-нибудь живая душа: — спаси меня хоть самъ дьяволъ!

Не успѣлъ еще онъ выговорить словъ этихъ, не успѣли еще разбойники выстрѣлить, какъ вдругъ надъ ними раздался чей-то страшный голосъ, который такъ смѣшалъ ихъ, что они стали, какъ вкопанные, и забыли о шляхцицѣ. Раздался лошадиный топотъ, и скоро на дорогѣ показалось нѣсколько всадниковъ, впереди которыхъ ѣхалъ одинъ, огромнаго роста и на черномъ конѣ. Увидѣвъ ихъ разбойники бросились въ кусты, а конь Твардовскаго пустился улетать со всѣхъ ногъ.

Между тѣмъ ночь становилась все темнѣе, пасмурнѣе; вѣтеръ дулъ порывистѣе, а яркія молніи то-и-дѣло блистали надъ головой шляхцица. Съ свѣжею мыслію объ опасности, отъ которой ему только — что удалось избавиться, съ холоднымъ потомъ на челѣ, — онъ уже миновалъ чащу и тутъ только успѣлъ перевести духъ, поблагодарить Господа-Бога за избавленіе отъ напасти, и дать немножко отдохнуть своей клячѣ. Не успѣлъ онъ отъѣхать еще нѣсколько шаговъ, какъ за нимъ снова послышался конскій топотъ; — оглядывается съ безпокойствомъ и видитъ позади себя своего чернаго освободителя. Въ это время блеснула молнія и освѣтила блѣдное лицо незнакомца. Твардовскому показалось, что онъ гдѣ-то видалъ его. Сталъ онъ, что такое точно лицо изображено въ Краковскомъ костелѣ Дѣвы-Маріи, на образѣ святаго-Михаила-Архангела, поражающаго сатану. При этой мысли волосы стали дыбомъ на головѣ его, — хотѣлъ перекреститься — руки

какъ будто припресли къ тѣлу!.. Не смѣлъ обернуться въ другой разъ и только прищипорилъ свою бѣдную клячу.

Между тѣмъ буря разразилась проливнымъ дождемъ. Громъ гремѣлъ безпрерывно. Удары его раздавались въ воздухѣ то протяжно и медленно, то отбитые эхомъ въ горахъ, громко и отрывисто. Казалось, небо готово было лопнуть и разорваться на части; молнія бороздила его во всѣхъ направленіяхъ. Освѣщенная ихъ блескомъ, природа принимала на себя какой то дивный фантастическій образъ. Ливень хлесталъ въ лицо бѣдному путнику цѣлыми пригоршнями воды, вѣтеръ пробиралъ его насквозь. Можно вообразить себѣ весь ужасъ Твардовскаго, когда, не смотря на шумъ бури и свистъ вѣтра, онъ слышалъ за собою слова незнакомца, произнесенные съ какимъ-то дикимъ смѣхомъ.

—Добрый вечеръ, пріятель! Такъ-то ты бѣжишь отъ меня, даже не поблагодаривши за службу!

—Добрый вамъ вечеръ, пробормоталъ шляхцищъ (зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ). Когда же мнѣ было вѣсть благодарить въ лѣсу,—а теперь—скорѣе бы добраться куда-нибудь, да пріютиться отъ бури.

—О, на этотъ счетъ не безпокойся;—до корчмы еще далеко, а отъ разбойниковъ можешь быть безопасенъ... Поѣзжай-ко, пріятель, потише; мнѣ надобно съ тобой кое-о-чемъ поговорить.

Волей или неволей, а надобно было послушаться своего страшнаго избавителя. Мысль, что этотъ избавитель можетъ быть для него гораздо опаснѣйшимъ, чѣмъ разбойники, ужасала его и отнимала послѣднія силы. Онъ сдержалъ клячу.

—Ну,—ты звалъ меня, и я явился на твой призывъ, началъ черный.

—Я?.. спросилъ, заикаясь, шляхцищъ:—я?..

—Да, ты, продолжалъ его товарищъ съ прежнимъ ужаснымъ смѣхомъ. Припомни-ка, развѣ ты не звалъ кого-то на помощь, развѣ не сказалъ: «спаси меня хоть самъ дьяволъ?»

—Да кто же ты?..

—Тотъ, кого ты кликалъ, хладнокровно отвѣчалъ черный: я дьяволъ!

Страшная дрожь проняла Твардовскаго; капли холоднаго пота выступили на лбу. Напрасно хотѣлъ онъ поднять руку, чтобъ перекреститься, напрасно хотѣлъ повернуть языкъ, чтобъ произнести молитву—и руки и языкъ его какъ-будто

приросли къ тѣлу, какъ будто на нихъ налегли пудовыя гири.

—Ну, что-жъ молчишь? или ты мнѣ не радъ? Вѣдь еслибъ не я, пропасть бы и тебѣ и твоимъ деньгамъ, а что-бы тогда стало съ женою?

—Чего жъ ты за это отъ меня требуешь?.. говори скорѣе, только отстань отъ меня,—пробормоталъ шляхцицъ.

—Да мнѣ немногаго надобно, очень немногаго! Денегъ мнѣ не надобно,—а душу твою стерегутъ молитвы жены и твои милостыни.

—Такъ чего же ты хочешь,—чего?.. говори скорѣе!.. продолжалъ ободренный немного Твардовскій.

—Не торопись. Вѣдь ночь еще длинна, а у меня нѣтъ никакой работы.

Тяжко вздохнулъ шляхцицъ, да чтожъ было дѣлать съ дьяволомъ,—надобно было слушаться. Они ѣхали шагомъ. Сивая кляча то-и-дѣло вздрагивала подъ бѣднымъ шляхтицемъ.

—Бери, дьяволъ, что хочешь, только отпусти меня поскорѣе! сказалъ наконецъ Твардовскій.

—Не спиши,—къ чему тебѣ спать?.. корчма далеко—успѣемъ еще; достанетъ времени.

—Да чего жъ ты хочешь отъ меня?

—Объ этомъ-то я и думаю теперь,—отвѣчалъ черный.

Часть отъ часу было не легче Твардовскому... На сердце его налегла какая-то неизъяснимая тяжесть, страхъ такъ оковалъ его, что онъ не слыхалъ ничего, ни грома, который страшно грохоталъ надъ его головою, ни молнии, ни проливнаго дождя.

—Не бойся, я не разорю тебя своей просьбою, сказалъ наконецъ сатана со смѣхомъ;—вотъ, изволишь видѣть,—отдай мнѣ то, что застанешь у себя дома, о чемъ не гадалъ, не думалъ, на что не рассчитывалъ. Отдай мнѣ это, такъ и самъ не разоришься, да и меня не введешь въ убытокъ.

—Что жъ это такое?

—А я почему знаю? отвѣчалъ дьяволъ: это откроется послѣ; мнѣ вѣдь не надобно многого...

—Ну, согласенъ! сказалъ Твардовскій, послѣ минутнаго размышленія... Осемь мѣсяцовъ, какъ я выѣхалъ изъ дому; что-бы тамъ могло быть новаго?..

—Согласенъ! повторилъ съ радостью сатана: въ-самомъ-дѣлѣ, согласенъ?.. ну,—слово?..

—Verbum.

«Verbum nobile debet esse stabile, додалъ дьяволъ, и съ этими словами сдержалъ клячу Твардовскаго, велѣлъ ему остановиться и указалъ мѣсто подъ развѣсистымъ дубомъ, который стоялъ при дорогѣ. Между тѣмъ буря все усиливалась; дождь лилъ сильнѣе.

Когда они стали подъ дубомъ, черный конь дьявола исчезъ подъ нимъ, и онъ, очутившись на землѣ, принялся вынимать изъ кармана разныя вещи, въ числѣ которыхъ Твардовскій съ ужасомъ увидѣлъ огарокъ свѣчки, сдѣланной изъ человѣчьяго жира, длинный листъ пергамента и перо. Все это было дѣломъ одной минуты. Бѣдный шляхтищъ сидѣлъ на лошади и съ трепетомъ смотрѣлъ на эти приготовленія. Дьяволъ потеръ свѣчу объ ногу и зажегъ ее; потомъ сѣлъ подъ деревомъ и, положивъ пергаментъ на колѣно, принялся писать на немъ циркуграфъ. Черезъ минуту онъ подалъ его шляхтицу. При блѣдномъ свѣтѣ огарка, Твардовскій пробѣжалъ актъ, написанный по всѣмъ правиламъ, и взялся было за перо, для того, чтобы подписать его, какъ вдругъ почувствовалъ что кто-то укололъ его въ лѣвую руку... Это былъ сатана. Искуситель обмокнулъ перо въ свѣжей крови и подалъ его Твардовскому. Бѣдный безпрекословно исполнилъ его желаніе и подписалъ циркуграфъ. Тогда какая-то тоска овладѣла имъ; онъ даже ни разу не взглянулъ на дьявола; повернулъ лошадь и погналъ ее во всю прыть. Среди бури и ударовъ грома ему слышались чьи-то слова; чей-то пронзительный хохотъ раздавался за нимъ... Онъ не могъ себѣ объяснить этого страшнаго смѣха, этихъ ужасныхъ словъ. То не былъ крикъ ночной птицы, ни свистъ вѣтра;—что-то говорило Твардовскому что не такъ кричитъ сова, не такъ свиститъ вѣтеръ. Съ такими грустными мыслями подѣзжалъ онъ къ дому.

ГЛАВА II.

О томъ, что нашелъ у себя дома Твардовскій.

Еще издали показался домикъ шляхтища, забѣлѣлась труба, зачернѣлось свитое на ней гнѣздо аиста. Скоро заблестѣлъ и домашній прудъ, по которому безмятежно плавали гуси и утки. Сердце Твардовскаго билось сильно; чѣмъ ближе подѣз-

жалъ онъ къ домику, тѣмъ болѣе становился грустнымъ и скучнымъ. О, какъ хотѣлось ему посидѣть туда поскорѣе! Еслибъ было можно, онъ готовъ бы былъ перескочить туда... Что-то жена его? Здорова ли она? Какъ-то у него въ домѣ?... Тысячи подобныхъ мыслей тѣснились въ головѣ его; онъ задалъ себѣ тысячу подобныхъ вопросовъ, и между-тѣмъ по-нукалъ измученную лошаденку—и молился, и плакалъ вмѣстѣ... Осемь мѣсяцевъ минуло съ того времени, какъ онъ оставилъ домъ.

Онъ всматривался, приглядывался въ даль, не увидитъ ли чего нибудь, не встрѣтитъ ли кого нибудь, кто бы могъ сказать ему что нибудь о его женѣ, о домашнихъ?... Напрасно! На опустѣлой дорогѣ все было такъ тихо, такъ спокойно; не видать на ней ни одной живой души. Нечего дѣлать, надобно дожидаться прѣзда, а ему кажется, что онъ въ вѣкъ не доѣдетъ, что кляча его хромаетъ и едва передвигаетъ ноги. Невыразимое безпокойство овладѣвало имъ все болѣе и болѣе; ему стало жарко и душно; потъ лилъ съ него градомъ, не смотря на то что дневной жаръ ослабъ и солнце клонилось къ закату.

Вотъ, наконецъ, подъѣхалъ шляхтищъ къ воротамъ; видитъ—онѣ отворены настежь, а на дворѣ никого,—на крыльцѣ никого. Лавочка, подъ липою, на которой, бывало, любила сиживать по вечерамъ его Ганна (*), пуста. Брови его морщатся, сжимается сердце; на глазахъ навертываются слезы... Торопится бѣдный шляхтищъ еще пуще; торопится и лошадка, почувявъ домашнее стойло.

Вотъ онъ ужъ и у воротъ дома, а все никто не выходитъ къ нему, не встрѣчаетъ его. Теряясь въ догадкахъ Твардовскій, соскакиваетъ съ лошади вбѣгаетъ въ сѣни... Тутъ только скрипнула дверь и изъ комнаты выбѣжала старая Магда (**).

— Тихе, тихе, пане, шептала она, прикладывая палецъ къ губамъ, въ знакъ молчанія. Пани въ постелѣ; знаете ли вѣдъ Богъ даровалъ вамъ сынка! Не входите къ ней: радость убьетъ ее!

При этомъ извѣстїи Твардовскій вспомнилъ о дьяволѣ; ему даже послышался адской его хохотъ... Онъ схватилъ себя за голову.

(*) Ганна, Hanna—Анна; уменьшительныя. Anusia, Anzia.

(**) Magda, Magdusia,—Магдалина.

—Сына родила, говоришь ты?... сына?...

—Сына; вотъ ужъ съ часъ, какъ я приняла его... Вы всегда желали сына — вотъ и далъ Богъ! Отслужить бы молебень Пречистой-Дѣвѣ!..

Шляхцищъ стоялъ, какъ убитый. Спустя нѣсколько минутъ, вздохнувши тяжело, онъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ между тѣмъ сказать женѣ о своемъ пріѣздѣ. — Изумленная такой неожиданной горестью служанка не могла понять, что сталося съ ея баринномъ, отъ чего его такъ огорчила пріятная новость. — Что съ нимъ сталося?.. ворчала она, уходя въ одну изъ боковыхъ комнатъ, которой ставни были притворены съ улицы. Чѣмъ бы радоваться и благодарить Бога, — онъ груститъ и скуцаетъ! Это что нибуль да значить!..

Въ это время Твардовскій успѣлъ уже снять съ лошади дорожный вьюкъ и отдать его паробку, который кланялся ему низко, поздравляя съ счастливымъ пріѣздомъ и съ новорожденнымъ сыномъ. Грустный Твардовскій даже не поблагодарилъ его за привѣтствіе: онъ не слышалъ ничего.

—Пришла къ вамъ съ доброй вѣсточкой, милая пани, говорила между тѣмъ Магда, сядя на постель родильницы: говорилъ мнѣ паробокъ изъ Ольшова, что видѣлъ нашего пана.

—Гдѣ, Магда, гдѣ? вскричала Ганна, приподнимаясь.

—Тише, тише, пани; не радуйтесь слишкомъ: поберегите себя. Паробокъ встрѣтилъ его вчера на дорогѣ, на обратномъ пути.

—Такъ онъ будетъ сегодня! Онъ, можетъ быть, уже здѣсь! — продолжала хозяйка: бѣги, Магда; посмотри!..

—Можетъ-быть, онъ ужъ и пріѣхалъ!.. на дворѣ слышенъ лошадиный топотъ, отъѣчала старуха.

—Поди же, Магда, встрѣть его, проводи ко мнѣ. Пріѣхалъ-мой дорогой, вернулся! — и она сѣла на постели, вся раскраснѣвшись, какъ маковъ цвѣтъ. Магдалина вышла.

На порогѣ услышалъ Твардовскій въ первый разъ крикъ новорожденного дитяти... Онъ затрепеталъ при ужасной мысли объ его участи, и потомъ уже, подававъ въ себѣ страхъ, бросился къ кровати родильницы. Ганна плакала отъ радости. Отъѣздъ мужа, безпокойство, какое причинило ей его долгое отсутствіе, мысли объ опасностяхъ путешествія и собственныя мученія — все это истомило ее; но теперь, когда она увидѣла передъ собой любимого му-

жа, блѣдность на лицѣ ея уступила мѣсто румянцу. Въ безмолвныхъ объятіяхъ и поцѣлуяхъ высказали они другъ друга всю радость. Въ эту минуту Твардовскій забылъ о сынѣ и о дьяволѣ, но потомъ, когда Ганна подала ему на руки ребенка и просила благословить его, грустный Твардовскій вспомнилъ, что дитя его уже не принадлежитъ ему. Печальный видъ мужа пзумлялъ Ганну, но она не смѣла спросить о причинѣ. Только тяжелый вздохъ вырвался изъ груди ея.

Спустя нѣсколько дней Ганны не стало; грустный Твардовскій остался одинъ съ сыномъ. Домъ его опустѣлъ; широкой дворъ заросъ травою, гумна развалились,—прежнее хозяйство пошло не въ прокъ. Твардовскій не заботился ни о чемъ: ужасная мысль о продажѣ дьяволу сына преслѣдовала его на каждомъ шагѣ.

ГЛАВА III.

О томъ, какъ выросъ Твардовскій и какъ онъ ходилъ въ адъ за отцовскими циррографомъ.

Дитя надобно было окрестить. Твардовскій созвалъ въ кумовья себѣ сосѣдей и послалъ за ксендзомъ въ Прошовицы. Но видно и дьяволъ не дремалъ, потому что кумовья пріѣхали, а ксендза нигдѣ не могли сыскать. Послали за другимъ, да тотъ лежалъ больной въ постели; послали за третьимъ — говорятъ, что его разнесли и разбили въ дорогѣ лошади; за четвертымъ ксендзомъ поѣхалъ самъ Твардовскій (онъ уже подозрѣвалъ въ этихъ неудачахъ штуки дьявола), но также вернулся ни съ чѣмъ. Этотъ ксендзъ ни за что въ свѣтѣ не рѣшился ѣхать къ Твардовскому, потому ли, что отказъ трехъ его товарищей устрашалъ его, потому ли что о ребенкѣ ходили какія-то странныя вѣсти, — неизвѣстно. Всѣ эти препятствія не устроили, однакожъ, Твардовскаго. Онъ поѣхалъ въ Краковъ, къ пробощу ['] Флоріанскаго косцела и, объяснивши ему все дѣло, просилъ его помощи. Набожный старецъ колебался недолго;

(*) *Пробошъ*—тоже почти что у насъ благочинный.

далъ Твардовскому частицу св. мощей и велѣлъ привезти ребенка.

Повѣсивши на шею ребенка святыню, Твардовскій выбрался въ дорогу. Огромную дѣдовскую коляску потащила четверня чухлыхъ клячей. Къ вечеру того же дня думалъ онъ быть въ Краковѣ, но, на бѣду, поднялась такая буря, что онъ принужденъ былъ остановиться въ кормчѣ и ждать въ ней погоды.

Не успѣли насыщать лошадямъ сѣчки (*), какъ небо прояснилось и шляхцищъ принужденъ былъ выѣхать снова. Едва тронулись—и опять все небо заволокло тучами, опять поднялась буря. Рѣшился Твардовскій доѣхать во чтобы ни стало. Укутавши хорошенько дитя, велѣлъ онъ ѣхать далѣе. Два раза коляска его опрокидывалась, два раза понесли Твардовскаго лошади и разбили бы на смерть, не будь съ нимъ честныхъ мощей; нѣсколько разъ блудили они и сворачивали съ дороги, и, наконецъ, послѣ безчисленныхъ бѣдъ и опасностей, добрались до Кракова. Этимъ, однакожъ, не кончились бѣдствія. На другой день, когда мамка понесла ребенка въ косцель, напала на нее огромная собака и, вѣрно, разорвала бы вмѣстѣ съ дитею, еслибы она не догадалась перекреститься. Потомъ, скакалъ за ней какой-то всадникъ, который чуть-чуть не задавилъ ее; послѣ сама она едва не попала подъ колесо огромной коляски; наконецъ, на самомъ порогѣ косцельномъ поскользнулась и упала. Къ счастью, подлѣ нее былъ Твардовскій и успѣлъ подхватить дитя. Ребенка, наконецъ, кое-какъ окрестили. Твардовскій пріѣхалъ домой благополучно, но съ той поры во всемъ стало ему несчастливиться. Дьяволъ безпрестанно наводилъ на него бѣды и напасти. Бури, вѣтры, грады и засуха, дожди и громовые удары, пожары, воровства, скотской падежъ—всѣ это смѣнялось одно другимъ, и Твардовскій сносилъ все безъ ропота.

Между тѣмъ дитя все росло и росло. Способности и понятливость развивались въ немъ изумительно. Всѣ дивились и завидовали счастливому отцу; одинъ онъ только грустно смотрѣлъ на сына, бралъ его на колѣни, цѣловалъ его и плакалъ надъ нимъ. Такъ прошло десять лѣтъ. Смѣтливый ребенокъ, замѣчая грусть и слезы отца, спрашивалъ его о при-

---

(*) *Сычка*—овесъ съ рубленой соломой—обыкновенный кормъ лошадямъ между убогою шляхтою и крестьянами. Такой кормъ называется вообще *оброкомъ*, *obrok*.

чинѣ, какъ будто предчувствуя ее въ своей участи. Бѣдный отецъ, который чувствовалъ всю необходимость облегчить передъ кѣмъ нибудь свое горе, рѣшился, наконецъ, открыть сыну горькую правду. Когда онъ кончилъ разсказъ свой, ребенокъ весело соскочилъ съ колѣнъ его и вскричалъ:

—Папенька! послушай: я... пойду самъ въ адъ и возьму назаль цирюграфъ твой!

Ребенокъ росъ съ этой мыслию; онъ безпрестанно напоминалъ о ней отцу, утѣшалъ его и молился Пречистой-Дѣвѣ, прося у ней помощи. Скоро отецъ отдалъ его въ школу «Всѣхъ-Святыхъ», въ Краковѣ. Молодой Твардовскій учился прилежно и удивлялъ всѣхъ наставниковъ своими способностями. При принятое имъ твердое намѣреніе вырвать изъ когтей дьявола отцовскую записку, побудила его изучать священное писаніе. Цѣлые дни и ночи проводилъ онъ въ молитвѣ, въ размышленіи и въ чтеніи набожныхъ книгъ. Онъ молилъ Бога дать ему силы, помочь ему въ намѣреніи, которое отнынѣ слѣлось съ его существованіемъ. Такъ прошло еще пять лѣтъ и тогда только онъ почувствовалъ, что время дѣйствовать наступило.

Въ то время звонаремъ въ костелѣ «Всѣхъ-Святыхъ» былъ одинъ набожный старичокъ, маленькой, худой и горбатый. Никто не зналъ, сколько ему было лѣтъ, да и самъ онъ позабылъ имъ счетъ. Звали его Доминикомъ. Всякой, кому была извѣстна праведная жизнь старца, чтилъ его; всѣ прибѣгали къ нему съ просьбами и за совѣтами. Говорили, что ему не разъ представлялись видѣнія, — что даже самъ онъ творилъ чудеса. Къ нему-то рѣшился прибѣгнуть молодой Твардовскій. Встрѣтилъ онъ его однажды на кладбищѣ, у церковной наперти. Старичокъ стоялъ на колѣняхъ и пѣлъ литанію Пречистой-Дѣвѣ. Сѣдая борода его покрывала изсохшую грудь; а отъ лысой, какъ лучъ, головы, казалось, отражалось сіяніе. Не смѣя прервать молитвы его Твардовскій подошелъ къ нему только тогда, когда тотъ всталъ, опираясь на посохъ;—поцѣловалъ его руку и тутъ уже просилъ о помощи.

—Отецъ мой! такъ началъ онъ; отвсюду слышу я о святой жизни твоей и о спасительныхъ совѣтахъ твоихъ. Помоги мнѣ;—неминуемая бѣда ждетъ меня.

—Чѣмъ могу помочь тебѣ, сынъ мой? Какого совѣта требуешь ты отъ меня? спросилъ его старичокъ, тихо опускаясь на камень.

—Вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ Твардовскій. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ спасъ дьяволъ отца моего отъ разбойниковъ и взялъ съ него за то обѣщаніе отдать ему то что онъ найдетъ въ домѣ и о чемъ не гадалъ, не думалъ. Въ эту-то минуту родился я и обо мнѣ-то заключалъ сатана ужасный торгъ свой. Много противуставлялъ онъ препятствій, когда отецъ хотѣлъ окрестить меня; но Богу было угодно помочь отцу и пробощъ Флоріанскаго косцела окрестилъ меня. Пришелъ я теперь просить твоей помощи, праведныйъ отче: помоги мнѣ сходить въ адъ и взять оттуда отцовскую записку!..

Приздумался святой старецъ. Долго размышлялъ онъ, долго вздыхалъ, пока наконецъ не собрался съ силами:

—Надѣйся на Бога, сынъ мой; Ему единому все возможно. Старайся напередъ очистить душу свою покаяніемъ. Господь приметъ на себя всѣ грѣхи твои... Возьми съ собой святыя мощи, крохильницу и святой воды: съ ними только ты можешь безопасно войти въ адъ... Много искушеній долженъ ты будешь перенести прежде, чѣмъ придеши туда. Крѣпись, сынъ мой!... Причастившись Св. Танинъ, выйдешь ты въ поле, за Краковъ... увидишь передъ собою полевою мышъ, которая и приведетъ тебя къ воротамъ ада. Подходя къ нимъ начини пѣть святыя псалмы и литаніи и кроши святой водою, и пой и кроши до тѣхъ поръ, покамѣстъ не отдастъ тебѣ дьяволъ записку... Духъ Святой будетъ напутствовать тебѣ и предостерегать отъ искушенія... Молись и бойся грѣха, сынъ мой.

Твардовскій сдѣлалъ все, что ему ни приказывалъ старичокъ. Исповѣдался, причастился, взялъ святой воды и вышелъ за городъ. Увидѣлъ сѣрую мышъ и пошелъ вслѣдъ за нею. Во всю дорогу онъ горячо молился и шелъ опустивши глаза... онъ боялся согрѣшить даже взглядомъ. Во всю дорогу онъ не встрѣчалъ никого, и только къ вечеру послышался ему сзади чей то голосъ:

—Куда ты идешь, добрый молодецъ?

Оглянувшись, и видитъ—бѣжитъ за нимъ дѣвушка. Такой красавицы онъ никогда не видывалъ. Ни одна изъ краковскихъ паней, которыя разѣзжаются въ коляскахъ, облитыя въ золотѣ, не могла бы сравниться съ нею. И эта дѣвушка манила его къ себѣ, звала такимъ голосомъ, такимъ голосомъ, что сердце у него готово было разорваться на части!.. Догадался

наконецъ, что это дьяволъ искушаетъ его,—закрывъ глаза и началъ молиться по прежнему.

—Постой, добрый молодецъ; постой, подожди меня! Я заблудилась, пойдемъ вмѣстѣ! кричала въ-слѣдъ ему красавица.

Твардовскій не отвѣчалъ и молился еще усерднѣе. Но вдругъ слышится ему, что она подбѣжала къ нему, дергаетъ его за платье, говорить ему надъ ухомъ: «Постой, добрый молодецъ, не оставляй меня одну; — ужъ смеркается, а мнѣ страшно идти одной — пойдемъ вмѣстѣ... ты пойдешь... не правда ли?...»

—Я иду въ адъ, отвѣчалъ онъ: если ты хочешь идти туда вмѣстѣ со мною, то иди пожалуй.

Дѣвушка отскочила отъ него съ громкимъ смѣхомъ.

—Въ адъ! Ты шутишь, вѣрно, или сошелъ съ ума!.. Ну, если такъ, посмотрю я гдѣ этотъ адъ...—И она побѣжала за нимъ;—она то отставала отъ него, то опережала его; она то смѣялась надъ его безразсудствомъ, то умоляла его остаться съ нею; но Твардовскій былъ глухъ на всѣ просьбы, на всѣ обольщенія. Солнце уже зашло, а они не встрѣчали еще никакого жилья. Твардовскій молился и шелъ за мышью. Истощивши всѣ просьбы и обольщенія, дѣвушка начала упрекать его, жаловаться на его равнодушіе.—Безстыдникъ! негодный! говорила она ему: хорошо ли это?.. годится ли поступать такъ жестоко? не сказать ни слова бѣдной дѣвчкѣ! Это безчеловѣчно! Умилосердись!.. Видишь, какъ я устала! сядь со мной,—отдохнемъ!

—Я поклялся передъ Богомъ; мне нарушу клятвы.

—Ну, посмотримъ, далеко ли зайдешь ты? — отвѣчала она ему со смѣхомъ.

Скоро они подошли къ дремучему лѣсу. У опушки его стояла великолѣпная гостинница, откуда доходилъ до нихъ соблазнительный запахъ яствъ. Дымъ выходилъ изъ бѣлыхъ трубъ; въ окошкахъ видно было множество народу. Спутница его остановилась въ дверяхъ и стала звать его.

—Пойдемъ, пойдемъ сюда; отдохнемъ здѣсь... теперь ночь, а путь лежитъ дремучимъ лѣсомъ,—пустыней, говорила она, но Твардовскій молился и шелъ дальше, даже не взглянувши на гостинницу. И вотъ снова посыпались на него упреки и жалобы:

—Безсовѣстный! тиранъ! мучитель!... увидишь—не далеко

зайдешь! Тебя ограбятъ, убьютъ въ лѣсу! Останься здѣсь лучше,—ночуй, а завтра чѣмъ-свѣтъ въ дорогу!...

Бѣдный юноша ничего не слушалъ и все шелъ. Страшно ему стало въ лѣсу. Темно, холодно,—а мышъ все бѣжитъ передъ нимъ; глаза ея блистають и свѣтятъ, какъ два карбункула... Долго шелъ онъ, распѣвая кантаты Пресвятой-Дѣвѣ... Вдругъ видитъ невдалекѣ отъ себя какихъ-то людей, которые грабили бѣднаго путешественника.

—Ей, хлопецъ крикнули они ему: поди-ка къ намъ; помоги намъ донести эти деньги до нашей пещеры, — дадимъ тебѣ ихъ за это полную шанку. Стой, — или смерть тебѣ!

Твардовскій шелъ все далѣе... Голодъ и жажда стала мучить его;—и вотъ встрѣчаются ему на дорогѣ, видно потерянные кѣмъ-нибудь, мѣшки съ яствами;—встрѣчаются проѣзжіе, которые приглашаютъ его пообѣдать съ ними;—деревья съ вкусными плодами протягиваютъ къ нему обремененныя свои вѣтви. Твардовскій крѣпится, молится и идетъ все далѣе.

Черезъ нѣсколько дней почувствовалъ онъ запахъ сѣры и смолы; земля сдѣлалась вдругъ горяча. Онъ вошелъ въ черный, густой лѣсъ; широкая, битая дорога вела къ нему. По ней шли и ѣхали тма народу разнаго званія, пола и возраста; одни въ великолѣпныхъ каретахъ, другіе на крестьянскихъ возахъ. Народу было, какъ муравьевъ въ муравейникѣ. Твардовскій примѣтилъ съ ужасомъ, что у всѣхъ глаза были закрыты, что всѣ шли какъ—будто спящіе или мертвые;—одинъ онъ похожъ былъ на живое существо. Мышь, за которою онъ шелъ, исчезла передъ нимъ, и тутъ только онъ догадался, что находится на пути къ вратамъ ада.

ГЛАВА IV.

О томъ, какимъ образомъ Твардовскій пришелъ въ адъ и что онъ тамъ увидѣлъ.

Чѣмъ ближе подходилъ Твардовскій къ аду, тѣмъ усерднѣе молился. Толпы народа кругомъ его росли и росли, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Въ-самомъ-дѣлѣ странное

зрѣлище представляла эта дорога! Множество боковыхъ стежекъ спивалось съ нею, и всеѣ они были полны народомъ. Тутъ ужасная картина раскрывалась во всей ея безобразной наготѣ. Шестимѣстныя вызолоченныя кареты богачей, запряженныя грѣхами ихъ, въ образѣ страшныхъ чудовищъ, неслись во всю прыть. Въмѣсто богатой сбруи, на этихъ ужасныхъ коняхъ свѣтились нанизанныя ожерельемъ слезы, потъ и кровь человѣческія... Другихъ тянуло огромное ненавистное чрево, въ которомъ видны были цѣлыя растратиренныя деревни, замки и села, кучи золота,—утраченное счастье цѣлыхъ фамилій, попоранные и уничтоженные добродѣтели...

Другіе шли пьяные, шатаясь, за огромною бочкою, изъ которой прыскала водка, — и красные, прищуренные глаза ихъ обращались къ ней съ сыновнюю любовію...

Шелъ тамъ и какой-то щедушный діалектикъ, схоластикъ и теологъ, съ фоліантомъ подъ мышкою, съ Аристотелемъ въ рукѣ. Огромное перо, къ которому онъ былъ привязанъ за шею, тащило его за собою...

Передъ другими катились по дорогѣ червонцы и дукаты, и они бѣжали за ними все дальше и дальше...

Иныхъ манила и увлекала черноокая красавица... Напрасно оглядывались они назадъ, — за ними ужъ не было видно ихъ мирнаго домика, ихъ безмятежной жизни, ихъ золотого проплага; — напрасно колебались они — одинъ взглядъ обольстительницы увлекалъ ихъ, а что же, когда она не щадила передъ ними своихъ чудныхъ улыбокъ, своихъ страстныхъ тѣлодвиженій?.. Если они уставали, если колебались въ нерѣшимости, — она, будто ненарочно, показывала имъ изъ-подъ снѣжной одежды, свое выточенное изъ слоновой кости тѣло, — колено, грудь, дивную ногу, роскошныя плечи, — и они забывали объ усталости, — и кровь клокотала въ нихъ, и мозгъ кипѣлъ, и сердце рвалось на части — и они бѣжали, бѣжали, бѣжали...

Были и такіе, которые смотрѣли на небо, а сами шли въ адъ.

Другихъ вели за руки собственные ихъ дѣти, воспитанники слуги, наложницы.

А пные поддерживали шлейфы своихъ госпожъ, подушки своихъ господъ — и съ ними шли въ адъ.

Шли воры, шли и крали дорогою все, что имъ ни попа-

далось на глаза, даже грѣхи изъ чужихъ кармановъ. Радовались они, что не видали по всей дорогѣ ни одного палача, ни одной висѣлицы....

Шли, съ пѣснями и пляскою, какія-то женщины. Волосы на нихъ были распущены, на устахъ ихъ была сладострастная пѣсня, и еще болѣе сладострастная улыбка, которую бросали онѣ, какъ уду, на прохожихъ.

Шли тамъ и магнаты, гордо расталкивая толпу, попирая ногами бѣдность, а передъ ними дьяволы несли булавы, и инфулы, и жезлы, и сенаторскія кресла, и титулы, и ордена ихъ...

Были тамъ дивно подобранныя пары, которыя вели другъ друга за руки, за полы платья, за что ни попало.

Одного бурмистра еймость (*) вела просто за носъ.

Одна пожилая дѣва несла своего любовника, придавленного въ башмакѣ.

Одна молодая дѣвушка тащила въ адъ старика за остатокъ сѣдыхъ волосъ его.

Другихъ тащили немилосердно черти за ноги, за руки, за носъ, за уши...

Въ-самомъ-дѣлѣ, любопытнымъ и ни съ чѣмъ несравненнымъ былъ видъ адекой дороги, но Твардовскій не обратилъ вниманія ни на что; занятый молитвою онъ не видалъ ничего. Наконецъ, остановился онъ вмѣстѣ съ прочими у воротъ ада. Никто не стерегъ ихъ. Богато убранный швейцаръ принималъ каждаго съ низкимъ поклономъ и передъ каждымъ отворялъ настежь дверь. Увидѣвъ Твардовскаго съ кропильницею въ рукѣ, услышавъ священную пѣснь, швейцаръ разсердился и захлопнулъ дверь. Твардовскій покрошилъ ихъ святою водою; они растворились, и онъ вошелъ.

Едва онъ вошелъ, какъ отвсюду начали доходить до слуха его страшные крики и вопли грѣшниковъ, которые мучились въ адѣ. Вопли эти заглушили на минуту робкую пѣснь его, но такова была сила священныхъ словъ, что адекій шумъ скоро затихъ передъ ними,—все смолкло,—и вотъ устрешенная толпа черныхъ дьяволовъ стала передъ нимъ. Твардовскій все пѣлъ и крилъ на всѣ стороны.

—Чего тебѣ надобно, чистая душа? спросилъ одинъ.—За чѣмъ ты пришолъ?—повторили хоромъ другіе. И всѣ они корчились и отскакивали за каждымъ движеніемъ кропила.

(*) Еймость, Jeimose—ея милость.

—Ищу и требую записи, данной отцомъ моимъ на мою душу, отвѣчалъ имъ Твардовскій, а самъ все пѣлъ, все кропилъ, и все шелъ дальше. Черные дьяволы исчезли. Скоро Твардовскій пришелъ въ темную и глубокую пещеру... Тамъ засѣдалъ самъ Люциферъ, вожь и глава низверженныхъ ангеловъ. Черти обскочили Твардовскаго со всѣхъ сторонъ, но никто изъ нихъ не смѣлъ дотронуться до него, потому что онъ былъ очищенъ отъ грѣха покаяніемъ, потому что кропилъ святою водою. Послѣ долгихъ переговоровъ черти начали входить съ нимъ въ уклады. Сказали ему сначала, что цирюграфъ затерялся, и предлагали вмѣсто его деньги, но Твардовскій не соглашался.... Предлагали потомъ любую женщину, какой бы онъ ни пожелалъ,—давали высокія мѣста и должности,—но Твардовскій оставался непреклоннымъ... Отговаривались всячески, увѣрили, что того дьявола, который взялъ отъ отца его цирюграфъ, не было въ аду, что онъ таскался по свѣту, и что всѣ бумаги хранились у него... На все это Твардовскій отвѣчалъ молитвою и кропиломъ, и довелъ наконецъ чертей до того, что принуждены были послать за своимъ сотоварищемъ.

Приведенный черезъ минуту дьяволъ запирался и клялся всѣмъ на свѣтѣ, что не думалъ брать отъ отца Твардовскаго никакой записи. Твардовскій снова принялся за кропило,—снова черти обѣщали ему отдать цирюграфъ; принесли, наконецъ, огромный сундукъ и велѣли Твардовскому самому искать въ немъ цирюграфъ. Испугался Твардовскій: увидѣвъ такое множество бумагъ, и въ такомъ страшномъ безпорядкѣ. Это былъ настоящій сатанинскій архивъ. Тутъ были бумаги на всѣхъ языкахъ, рукописи всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ.. Вспомнилъ тутъ Твардовскій о святомъ патронѣ потерянныхъ вещей Святомъ Антоніѣ, помолился ему и отыскалъ цирюграфъ. Волей или неволей, а надобно было чертямъ отдать его Твардовскому. Отдали, наконецъ. Подскочилъ тогда къ нему тотъ самый дьяволъ, который искусилъ отца его, и поклялся ему, что возьметъ его душу и безъ отцовскаго цирюграфа. Твардовскій не слышалъ словъ и пѣлъ *Te Deum*.

Труднѣйшимъ былъ для Твардовскаго выходъ изъ ада. Ворота закрывались передъ нимъ; исчезала дорога; обваливалась земля подъ ногами; стѣны тряслись; ужасныя чудовища нападали на него; искушали его дорогія яствы и женщины. Знакомые его протягивали къ нему руки, заговаривали

съ нимъ; его окружала богатая шляхта,—но Твардовскій крѣпился, молился еще усерднѣе... Во всѣхъ этихъ страшныхъ призракахъ видѣлъ онъ одно искушеніе; а изъ-за стѣнъ слабо долетали до его слуха вопли страдальцевъ!.. Наконецъ, удалось ему попасть на дорогу и найти выходъ изъ ада. Въ воротахъ прицѣмилъ ему ногу, и вотъ отъ чего прихрамывалъ онъ во всю жизнь. Вышедши изъ ада, Твардовскій палъ на колѣни и благодарилъ Бога за свое избавленіе.

Теперь уже, на этой дорогѣ, прежде такъ многолюдной, онъ не видалъ никого... Крѣпко держалъ онъ цирюграфъ свой и шелъ безъ оглядки. Опять явилась передъ нимъ мышь и провела его къ самому дому, въ Прошовицахъ. Упалъ Твардовскій безъ чувствъ отъ изнеможенія на порогъ отцовскаго дома. Послѣ уже, придя въ себя, разсказалъ онъ отцу всѣ свои походы и отдалъ цирюграфъ. — Обрадованный отецъ тотчасъ же сжегъ его на освященномъ огнѣ, для того чтобъ дьяволъ не могъ взять его и изъ пекла.

Успокоился тогда на старости лѣтъ своихъ отецъ Твардовскаго. Скоро отправилъ онъ сына въ краковскую школу. Недолго жилъ бѣдный старикъ... Въ одно утро пришелъ въ школу паробокъ къ сыну—съ горькимъ извѣстіемъ о смерти добраго старика.

Искренно оплакивалъ его молодой Твардовскій... Неутѣшный въ потерѣ отца, онъ старался искать для себя утѣшенія въ наукахъ,—и остался въ школѣ, ректоръ которой особенно любилъ его за прилѣжаніе и необыкновенныя способности.

ГЛАВА V.

*О томъ, какимъ образомъ Твардовскій, сдѣлавшись
славнымъ ученымъ.*

Не даромъ поклялся Сатана погубить Твардовскаго. Съ того времени не отступалъ онъ отъ него ни на шагъ, слѣдилъ за нимъ каждую минуту, искалъ въ немъ самаго непримѣтнаго отверзтія, куда бы могъ впустить тлетворное свое дыханіе. Но душа Твардовскаго была чиста, какъ душа младенца. Посвятивши себя наукѣ, которую избралъ звѣздой путеводитель-

ницею въ жизни, Твардовскій не видѣлъ свѣта, не прельщался его приманками,—не зналъ искушенія, ни грѣха. Часъ его еще не насталъ,—а въ жизни каждаго человѣка, даже и самаго разумнаго изъ людей, всегда есть одна минута—минута обаянія, минута безумія, съ которой начинается въ жизни переломъ, которая ведетъ къ блаженству или къ гибели,—минута, которую ни предвидѣть, ни подстеречь невозможно...

Твардовскій погрузился въ науку и мысль. Понялъ тогда искуситель, что только однимъ этимъ путемъ можетъ привлечь къ себѣ Твардовскаго, можетъ погубить его—и онъ схватился за эту адскую мысль, со всѣмъ ожесточеніемъ падшаго ангела. Онъ ждалъ только той минуты, когда Твардовскій, вычерпавши всѣ источники знанія, дойдетъ до границы невозможнаго,—до той границы, которую не переступятъ земные учителя, мудрецы свѣта. Минута эта настала. Всѣ законы и условія науки были постигнуты Твардовскимъ. Онъ проникалъ въ самыя сокровенныя тайники ея, разрѣшалъ самыя запутанныя ея вопросы, и скоро превзошелъ всѣхъ извѣстныхъ тогда мудрецовъ и ученыхъ. Такіе успѣхи не могли не возбудить зависти. Всѣ дивились неимовернымъ успѣхамъ юноши; одни превозносили его до небесъ,—другіе злословили; не доучившіеся ставили его въ примѣръ педантамъ,—ученые, говоря о немъ, значительно качали головой. Скоро не было уже ни одной отрасли науки, въ которой бы онъ не сравнился съ первыми ея законодателями. Ему стоило только приняться за какойнибудь предметъ, для того, чтобъ узнать его основательно. Даръ разумнія служилъ ему такъ вѣрно, что, учась, онъ могъ уже поправлять тѣ книги, по которымъ учился; по началу науки онъ уже отгадывалъ ея конецъ, а отгадавши, предсказывалъ и всѣ дальнѣйшія усовершенствованія, какими должны были обогатить ее цѣлые вѣка... Такъ текло для него время. Твардовскій, являясь попеременно то теологомъ, то математикомъ, философомъ, физикомъ, докторомъ,—соединялъ глубокое совершенство въ каждой изъ этихъ наукъ, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ одномъ человѣкѣ, — а онъ былъ еще молодъ!...

При всемъ этомъ онъ не походилъ на тѣхъ мудрецовъ, которые, узнавши начала науки, воображаютъ уже себя совершенными;—чѣмъ болѣе узнавалъ онъ, тѣмъ болѣе былъ увѣренъ въ ничтожествѣ своего знанія: наука представлялась ему неисчерпаемою рудою. Достигнувши въ ней тогдашнихъ столповъ—

Геркулесовыхъ, онъ чувствовалъ все несовершенство свое,—видѣлъ, что многое еще оставалось закрытымъ для ума чело-вѣческаго, которому суждено было открывать эти сокровища вѣками и по-немногу; онъ предвидѣлъ, что людямъ съ ихъ муравьинымъ трудолюбіемъ суждено только разрушать огромное зданіе науки, и снова воздвигать разрушенное.

Этотъ пророческой духъ Твардовскаго былъ такъ противоположенъ духу тогдашняго времени. И въ-самомъ-дѣлѣ, много ли ученыхъ мужей того времени, стоявшихъ въ головѣ науки и мышленія, чувствовали, какъ еще низко стоятъ они!.. Твардовскій, почти ребенокъ, который только что ознакомился съ наукою,—этотъ ребенокъ своей деревянною саблей парировалъ всѣ удары тяжелыхъ желѣзныхъ мечей тогдашнихъ мудрецовъ!.. Любимымъ его занятіемъ было опроверженіе принятыхъ въ то время правилъ. Съ особеннымъ наслажденіемъ осмѣивалъ онъ всѣ нелѣпости ученаго міра, всю безумную гордость тогдашнихъ аристарховъ науки. Всѣ эти опроверженія, всѣ доказательства подкрѣплялъ онъ изрѣченіемъ мудраго Соломона: *Vanitas vanitatum...* За всѣмъ тѣмъ, достигая своей цѣли, убѣждая неразумныхъ, или разсуждая о наукѣ, онъ не обнаруживалъ на лицѣ своемъ радости школьника, которому удалось поставить на-своемъ; скорѣе въ немъ видѣли грусть и печаль старца, которому неожиданное пріятствіе вдругъ заслонило дорогу... При всей своей страсти опровергать фальшивыя мнѣнія, которыя тогдашніе ученые принимали за истины, при всемъ желаніи вразумлять и останавливать дѣтскіе порывы ученыхъ,—Твардовскій старался находить истину тамъ, гдѣ никто не думалъ найти ее—въ ученомъ мусорѣ, въ тѣхъ грязныхъ ямахъ, въ которыя привыкли сливать одни помои разсудка и мыслительности. Осмѣивая всѣ тогдашнія системы, всѣ систематическія раздѣленія науки, онъ, въ то же время, какъ бы невольно, указывалъ къ ней настоящій путь и средства достигнуть его. Эта огромная разниа его мнѣній съ мнѣніями всѣхъ ученыхъ того времени, эта дерзость ученика въ виду важныхъ, глубокомысленныхъ учителей, не была никѣмъ понята, никѣмъ оценена по достоинству. Зависть замышляла свои ковы въ тишинѣ. На все это расчитывалъ дьяволъ: онъ хотѣлъ сначала посягнуть въ разочарованной душѣ Твардовскаго зерно неудовольствія, и потомъ уже влить въ нее каплю отчаянія,—отравить ее, возмутить цѣлую жизнь. Онъ зналъ, что страсти смѣня-

ются отчаяніемъ, а отчаяніе есть самый вѣрный путь къ преступленію...

Переходя всѣ степени науки, Твардовскій скоро достигъ званія доктора и профессора. Его способъ ученія скорѣе походилъ на игрушку, которую даютъ дѣтямъ для забавы. Чѣмъ болѣе открывалъ онъ ученикамъ своимъ истинъ въ наукѣ, тѣмъ болѣе возбуждалъ въ нихъ алчность къ нимъ; научая, онъ, какъ будто дразнилъ ихъ. Не утоляя ихъ голода, онъ разсыпалъ передъ ними тысячи прихотливыхъ яствъ науки, и они невольно становились алчными. Такой учитель не могъ не возбудить опасеній. Видѣлъ все это искуситель и тѣшился заранѣе; онъ зналъ, что душа Твардовскаго рано или поздно, а будетъ принадлежать ему... До-сихъ-поръ онъ еще не былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, — онъ только опутывалъ Твардовскаго сѣтью, но теперь, когда наука готова была вытѣснить въ душѣ его вѣру, — теперь ему нечего было сомнѣваться въ успѣхѣхъ.

Въ душѣ Твардовскаго уже не было прежней младенческой довѣрчивости, прежней вѣры. Его путешествіе въ адъ представлялось ему теперь какъ сонъ, въ дѣйствительность котораго вѣрилъ онъ съ каждымъ днемъ менѣе, слабѣе. Отважныя, дерзкія мысли родились въ умѣ его, и онъ гордо поднималъ голову; онъ дивился, откуда онѣ могли родиться въ немъ, хотя давно уже тревожно предчувствовалъ ихъ въ самомъ себѣ. А между тѣмъ искуситель спавалъ въ немъ эти мысли невидимымъ звѣномъ, одиѣ съ другими, такъ постепенно, такъ искусно и натурально, какъ не спаялъ бы цѣни золота самый ловкій венеційскій ювелиръ.

Между тѣмъ слава о Твардовскомъ распространялась съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему знаменитѣйшіе теологи, философы, астрологи и лекаря; — одни изъ желанія насладиться его бесѣдою, другіе изъ простаго любопытства взглянуть на него, какъ на диво. Они вызывали Твардовскаго на диспуты и ученые споры, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ.

И вотъ, пріобрѣтя славу, возбуждивъ въ людяхъ зависть, Твардовскій увидѣлъ вдругъ себя одинокимъ. Для толпы казался онъ слишкомъ необыкновеннымъ человѣкомъ, для ученыхъ — слишкомъ опаснымъ... Его оставили всѣ родные, друзья и знакомые; — онъ сталъ одинокимъ на свѣтѣ. Отнынѣ наука заступитъ ему мѣсто друзей, замѣнитъ ему цѣлый свѣтъ

и теперь—то онъ схватился за нее еще сильнѣе, еще глубже запустить въ нее когти всеобъемлющаго ума; — теперь, когда ему не къ-чему привязаться на свѣтѣ, когда свѣтъ удаляется отъ него съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой, болѣе и болѣе.

Отцовской домикъ опустѣлъ; — чужіе люди хозяйничаютъ въ немъ. Какая до того нужда Твардовскому!... Для жизни ему надобно такъ немного. Наука—одна изъ самыхъ дешевыхъ страстей и, вѣрно, всѣ бѣдныя были бы сыты, еслибъ продали наукѣ и душу и тѣло свои.

Такъ текли юныя лѣта Твардовскаго, текли безъ обаянія чувствъ, безъ сладостныхъ воспоминаній—этихъ благовоній, которыхъ рѣдкая увядшая юность не оставляетъ по себѣ. Одинокій среди живыхъ, онъ бесѣдовалъ только съ міромъ усоншихъ, съ книгами, которыхъ источники вычерпывалъ ежечасно. Онъ нашелъ въ нихъ однѣ скучныя повторенія стараго, сбродъ выраженій безъ мыслей, — и принужденъ былъ насыщаться собственными мыслями;—онъ жегъ, палилъ самъ себя, для того только, чтобъ не дать потухнуть огню своей умственной жизни.

Онъ скоро почувствовалъ въ себѣ какую-то жажду, какое-то желаніе, котораго не могъ объяснить себѣ, которое терзало и мучило его безпрестанно... Радовался въ эту минуту искустель его; онъ стоялъ на-сторожѣ и готовъ былъ схватить его душу. Напрасно, томимый жаждою знанія, обращалъ вокругъ себя взоры Твардовскій,—напрасно, подобно умирающему, который требуетъ себѣ помощи, требовалъ Твардовскій пищи для изнеможенной души своей,—напрасно хватался за всё: онъ находилъ вездѣ только остова, только кости—и нигдѣ матеріи, нигдѣ пищи!...

И вотъ, дождался поры сатана — и вотъ предсталъ онъ Твардовскому въ образѣ ученаго доктора.

ГЛАВА VI.

О диспутѣ Твардовскаго съ сатаною.

Давно уже стояла глухая ночь, а Твардовскій все еще сидѣлъ въ своемъ чердакѣ, надъ грудой старыхъ запыленныхъ фоліантовъ. Глаза его блуждали по нимъ съ выраженіемъ отчаянія. Блѣдные лучи мѣсяца, проходя чрезъ узенькое косящатое окошечко, освѣщали комнату. Вездѣ, въ безпорядкѣ разбросаны были книги, инструменты и всѣ принадлежности ученаго человека того времени—мумія, чучелы, крокодилы и разныхъ дивныхъ животныхъ, рѣдкія произведенія природы, уроды въ спиртѣ. Все это, поставленное, разбросанное въ безпорядкѣ, какъ будто свидѣтельствовало о тревожномъ расположеніи духа хозяина, какъ будто носило на себѣ отпечатокъ его мыслей, столько же смѣшанныхъ, безпорядочныхъ. Казалось, что онъ бросилъ все это, что все это было имъ узнано, постигнуто,—что теперь онъ не нуждается ни въ чемъ этомъ,—и между тѣмъ самъ не знаетъ, за что приняться, что дѣлать. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыя онъ всего болѣе чувствовалъ необходимость умственной пищи, въ которыя онъ всего болѣе ощущалъ ту жажду, которую тщетно силился утолить... Такую-то минуту выбралъ сатана, и — надо признаться,—выбралъ удачно.

Дьяволъ былъ догадливъ: онъ не явился Твардовскому въ томъ страшномъ видѣ, въ какомъ изображаютъ его, а принялъ на себя образъ ученаго доктора... Онъ вошелъ на цыпочкахъ. Услышавъ шелестъ Твардовскій, медленно поднялъ голову и обернулся...

Передъ нимъ стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ серьезнымъ задумчивымъ лицомъ, приличнымъ ученому. На немъ былъ длинный кафтанъ темнаго цвѣта, похожій на сутану, (*) и высокая меховая шапка; на шеѣ висѣла цѣпь. Одною рукою онъ опирался на длинную трость, въ другой держалъ свитокъ пергаменту. Коротенькая борода торчала у него острымъ кли-

---

(*) *Сутана*—длиннополоый кафтанъ, который носятъ въ Польшѣ священники.

номъ черные глаза искрились; орлиный носъ съ разодранною ноздрею, казалось, выпускалъ паръ; стиснутыя губы выражали насмѣшку. Иероглифы морщинъ исчертили его крутой лобъ и лысую голову, какъ ладонь и къ которой, какъ будто въ насмѣшку, приставлены были уши, не короче ослиныхъ... Онъ вlepилъ въ Твардовскаго черные глаза свои—глаза змѣя, которыми онъ смотритъ на бѣдную птичку, привлеченную ихъ обаяніемъ...

Твардовскій не ошибся, принявъ дьявола за ученаго. Видитъ ученаго не могъ быть для него пріятнымъ; онъ зналъ, что дѣло пойдетъ о рѣшеніи какого-нибудь пустаго вопроса или о какомъ-нибудь ложномъ мнѣніи. Подобные визиты были такъ часты, что не могли не надоесть ему. Твардовскій хотѣлъ было отказать гостю, но хитрый дьяволъ умѣлъ ловко отклонить отказъ,—искусно коснулся его самолюбія (онъ зналъ, что это самая слабая сторона ученыхъ людей), началъ превозносить его ученость, поджигать его тщеславіе,—и не ошибся, потому что скоро на мрачномъ лицѣ мудреца появилась улыбка самодовольствія и скука исчезла, — скука, которая, какъ увѣрялъ дьяволъ, несовмѣстна съ великимъ званіемъ ученаго.

И тутъ Твардовскій, развалившись въ креслѣ, опутивъ руки въ карманы, началъ вычислять незнакомцу все свои мученія, все страданія, обрадованный, что нашелъ, наконецъ, человѣка, который можетъ понимать его, сочувствовать ему. Въ голосъ, во взглядъ, въ рѣчи дьявола, Твардовскій увидѣлъ примѣты, отличающія умъ необыкновенный и высшее направленіе, и не могъ не довериться ему. — не вынуть передъ нимъ всю душу.

—Ты спрашиваешь меня, за чѣмъ я такъ скученъ, сказалъ Твардовскій: — а я спрошу тебя, какимъ образомъ можно быть здѣсь веселымъ?... Людямъ только—этой глупой толпѣ, этой сволочи, этому стаду звѣрей — развѣ имъ только веселиться здѣсь... да, стаду... потому что они немногимъ чѣмъ превосходятъ звѣрей, они, у которыхъ душа—первый невольникъ тѣла! Но намъ, которые смотримъ выше ихъ, намъ хочется не того, намъ нѣтъ времени думать о пустякахъ. Мы леземъ на небо, какъ титаны, мы громоздимъ гору на гору, для того только, чтобъ упасть съ этихъ шаткихъ подмостковъ еще ниже—въ грязь!.. ужасно!.. Спрашиваешь, отъ чего я такъ скученъ? Не смотря на всю славу мою, о которой ты говоришь мнѣ, я не чувствую себя достойнымъ имени мудреца,—я многого не понимаю; мало могу сдѣлать, и такъ много

желаю!.. Въ дѣлѣ науки нельзя ограничить своихъ желаній,— нельзя, подобно цынкамъ, довольствоваться въ ней одной водой и хлѣбомъ! О, какъ упительна эта жажда, какъ роскошно это желаніе — имѣть больше, нежели сколько можетъ дать свѣтъ!.. Несчастливъ тотъ, стократно несчастливъ, кто остановится на томъ, что далъ ему свѣтъ!...

При этихъ словахъ лицо сатаны оживилось невольною улыбкою... Начало беседы показало ему, что Твардовскій стоялъ уже на той дорогѣ, куда такъ добивался онъ навести его самъ.

—Жажда науки, отвѣчалъ онъ, палить и жжетъ тебя, благородный мужъ. Такая же жажда терзала не одного изъ мудрецовъ греческихъ—этихъ свѣтильниковъ древняго міра... припомни себѣ слова Аристотеля, въ послѣднюю минуту его жизни: «поглотите меня, если я не въ силахъ поглотить васъ!»—сказалъ онъ, бросаясь въ пучину Морица. То было отчаяніе чловѣка, томимаго жаждой знанія,—и—признаться ли?—отчаяніе безразсудное... Но прежде лучше испытать — попробовать; не лучше ли до послѣдней минуты жизни искать для ума пищи и свѣта... вѣдь наша жизнь такъ коротка...

—Свѣта!.. пищи!.. вскричалъ Твардовскій... но гдѣ же искать ихъ? Въ книгахъ?.. Я читалъ, что только можно было прочесть, испыталъ все, что только можно было испытать, что только могла обнять мысль чловѣка. И вотъ я перебралъ все, истощилъ все, узналъ все — а какъ многое осталось для меня еще загадкою!.. и какъ же я долженъ презирать себя, когда даже не могу постигнуть того, что окружаетъ меня!..

—Можно еще пытаться, если ты многого не понялъ въ свѣтъ—на это есть еще средство... возразилъ дьяволъ.

—Средства?.. отвѣчалъ Твардовскій: оставляю ихъ въ наслѣдіе скотамъ и невольникамъ!

—Ты забылъ, что прямое наслѣдіе мудреца — терпѣніе и опытъ... на то созданъ нашъ свѣтъ и, если мы не можемъ понять его, то должны пытаться, какъ инквизиторы... замѣть, что когда одни пытаются разгадать его, то въ тоже время другіе пользуются плодомъ труда ихъ и выигрываютъ противъ нихъ вдвое болѣе...

—И неужели до-сихъ-поръ стоялъ я на ложномъ пути?— вскричалъ Твардовскій, ударивъ себя въ голову. Я, который чувствую въ себѣ необузданную страсть къ наукѣ,—я, который, какъ Архимедъ, ищу рычага, на которомъ бы мысль моя могла опереться и приподнять цѣлый свѣтъ;—неужели всѣ попытки

мои, все мое знаніе, — были напрасными, смѣшными?.. Ужели этотъ внутренній жаръ, этотъ огонь, который жжетъ и палитъ меня — ужели все это долженъ я считать мечтою, призракомъ, обаяніемъ?...

Дьяволъ не хотѣлъ подтверждать словъ Твардовскаго. Онъ не хотѣлъ разсердить его, и видѣлъ ясно, что еще не пришло время представить ему науку въ настоящемъ ея видѣ. Твардовскій не хотѣлъ узнать этой истины во-время, а теперь, когда подобный трудъ сталъ ему не по силамъ,—онъ бросался за нею со всѣмъ отчаяніемъ скованнаго узника.

—Нѣтъ,—не говори такъ, отвѣчалъ сатана: увѣренъ ли ты, что перешелъ уже всѣ границы науки и мысли?..

Твардовскій гордо улыбнулся и замолчалъ...

—Попробуемъ свои силы,—посмотримъ, кто изъ насъ выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ,—смѣло сказалъ Твардовскій сатанѣ.

—Попробуемъ, отвѣчалъ тотъ.

—Ночь свѣтлая;—на небѣ мѣсяцъ,—пойдемъ за-городъ.

—Пойдемъ!

Оба встали и вышли.

Г Л А В А VII.

О М а т ю ш ѣ-С и р о т к ѣ.

Никто въ цѣломъ Краковѣ не зналъ о диспутѣ Твардовскаго съ дьяволомъ; никто ихъ не могъ подслушать, а отгадать и подавно. Споръ длился цѣлую ночь, и къ утру Сатана вышелъ побѣдителемъ. Твардовскій былъ такъ изумленъ познаніями и ученостію дьявола, что даже сказалъ, когда они возвращались домой:

—Откуда въ тебѣ столько знанія;—гдѣ ты учился?

—Эту премудрость далъ мнѣ дьяволъ, въ замѣнъ души, которую я ему продалъ—отвѣчалъ тотъ. Ты видѣлъ доказательства и потому не усомнишься въ справедливости словъ моихъ.

Сказавши это, незнакомецъ кивнулъ Твардовскому головою, въ знакъ прощанія, и скрылся въ одной изъ боковыхъ

улицъ... Слѣдствія были предусмотрѣны дьяволомъ : Твардовскому теперь былъ извѣстенъ источникъ мудрости и познаній; онъ только и думалъ объ этомъ. Иными средствами дьяволъ никакъ бы не достигнулъ своей цѣли. Онъ исчезъ для того, чтобъ дать время посѣянному имъ зерну вырасти и подняться. Успѣхъ оправдалъ его ожиданія.

Съ той поры, мысль, что одинъ дьяволъ можетъ дать ему сверхъестественную мудрость не могла выйти изъ головы Твардовскаго, алчнаго науки и славы. Она прильнула къ его сердцу и грызла его, какъ змѣя. Съ каждымъ днемъ убѣждался онъ въ необходимости ужаснаго дѣла; онъ, свикся наконецъ, съ этой мыслию и рѣшился продать свою душу дьяволу. За всѣмъ тѣмъ ему было жаль безсмертной души своей. Онъ припоминалъ себя, какъ сквозь туманъ, какъ дорого обошлось ему вскупленіе отцовскаго цирографа, какимъ опасностямъ подвергался онъ въ аду,—и тутъ овладевала имъ нерѣшимость; мысль о томъ, что онъ долженъ, наконецъ, признать надъ собою превосходство дьявола, страшно терзала его самолюбіе. Всѣ стали находить въ немъ большія перемены... Онъ уже не цѣнилъ такъ, какъ прежде, своей учености,—онъ презиралъ себя; наружность его отпечатывала на себя всю внутреннюю борьбу, всю грусть, которая грызла и точила его. Прежде онъ съ презрѣніемъ бросалъ магическія и волшебныя книги,—теперь искалъ ихъ вездѣ съ жадностію, углублялся въ нихъ, черпалъ изъ нихъ все, что могло бы сблизить его съ дьяволомъ, что могло бы показать къ нему дорогу. При всемъ его желаніи, онъ еще не былъ вполне увѣренъ, можно ли цѣною души и вѣчности купить мудрость;—онъ все еще опасался найти въ ней одинъ призракъ, зловредный напитокъ, который, не утоливъ жажды, только усилитъ ее... Въ эти минуты боренія съ самимъ собою онъ часто съ горестію вспоминалъ свои молодые лѣта, когда въ душѣ его еще были надежда и вѣра,—онъ вспоминалъ школьную скамью свою, гдѣ прошло столько сладкихъ часовъ въ наукѣ религіи, которую такъ жадно изучали и умъ и сердце его; вспоминалъ и мраморный помостъ косяща Дѣвы—Маріи, на которомъ молился онъ и пѣлъ священныя пѣсни; вспоминалъ и тѣ минуты религіознаго вдохновенія, когда самъ онъ складывалъ пѣсни, которыя пѣлись въ цѣломъ Краковѣ... Теперь эти пѣсни уже не отзывались болѣе въ его сердцѣ, не возбуждали въ немъ того чувства, которое породило ихъ. Теперь онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на дѣтскую забаву, глазами

холоднаго мудреца, который уже распростился навсегда съ вѣрою,—мудреца, съ угасшимъ вдохновеніемъ, съ увядшими надеждами... Но, сравнивая настоящее положеніе свое съ прошедшею юностью, онъ горько жалѣлъ о ней. Поздно,—невозможно вернуться къ ней—этого счастья было бы слишкомъ недостаточно для настоящаго его возраста, какъ молока матерняго. Въ жизни, все равно, какъ въ путешествіи,—никто назадъ не возвращается—развѣ только въ мысляхъ. И жаль дома, и жаль молодыхъ лѣтъ, а все спышимъ далѣе, все илемъ впередъ!...

Любимымъ мѣстомъ прогулокъ Твардовскаго было дикое урочище за Вислою, на Подгорьѣ, въ Присеменцахъ. Тамъ проводилъ онъ цѣлые дни, а верѣдко и цѣлыя ночи; туда слѣдовали за нимъ ревнивые къ наукѣ ученики его тамъ, подъ голымъ небомъ, хлесталъ онъ ихъ бичемъ своего невѣрія. Открывая черную бездонную пропасть науки, зіяющую подъ ногами смѣльчака, который хотѣлъ сойти въ нее Твардовскій скорее охлаждалъ его рвеніе, нежели возбуждалъ его. Дикое и печальное мѣсто гдѣ онъ бесѣдовалъ съ учениками своими согласовалось съ его мыслями.. До сихъ поръ народъ зоветъ это мѣсто школой или каедрой Твардовскаго.

Обязанности учителя скоро опротивѣли Твардовскому, и онъ оставилъ ихъ. Въ немъ было еще столько совѣсти, что онъ не захотѣлъ преподавать другимъ зараженную его безвѣріемъ науку. Весьма немногіе изъ учениковъ его ходили къ нему, изъ любопытства или изъ привязанности, но и тѣ оставили его, когда увидѣли, что не могутъ извлечь изъ ученія надлежащей пользы. Только одинъ изъ нихъ остался съ нимъ. То былъ бѣдный сирота, котораго Твардовскій нашелъ однажды на косцѣльномъ погостѣ, на рукахъ умирающей матери, и изъ состраданія взялъ къ себѣ. Ребенокъ росъ на глазахъ Твардовскаго и привязался къ нему, какъ къ отцу. Онъ не оставлялъ его нигдѣ, слѣдилъ за нимъ повсюду, даже въ уединенныхъ прогулкахъ, и стерегъ домъ его.

Его звали Матюшей-сироткою (*). Маленькой, блѣдный, худой, онъ, посвятилъ всю жизни свою тому, кому былъ обязанъ ею. Служить ему было единственною мыслію Матюши;

(*) Maciek, Мацѣкъ, уменьшительное имени Матвѣй, Maciej, Matczus. Мы позволимъ себѣ замѣнить его русскимъ уменьшительнымъ именемъ.

онъ жилъ только Твардовскимъ, — безъ него онъ не понималъ своей жизни. Въ цѣломъ свѣтѣ не было никого, къ кому бы онъ могъ привязаться, не было никого, о комъ бы онъ могъ думать. Только одного Твардовскаго любилъ онъ въ цѣломъ свѣтѣ. Привязанность эта превратилась, наконецъ, въ страсть, — дошла до самоотверженія, до какого-то самозабвенія, какъ въ животномъ. Матюша сиротка, казалось, воплотилась въ Твардовскаго, приросъ къ нему, думалъ только о немъ, на яву и во снѣ, — жилъ имъ. Жизнь его была какъ будто додаткомъ къ чужой жизни — къ жизни Твардовскаго. Это былъ членъ, который можно отсѣчь развѣ съ жизнью. Такая дивная привязанность обратила на себя общее вниманіе. Народъ смѣялся надъ Матюшей, называлъ его юродивымъ и полагалъ, что Твардовскій только посредствомъ чаръ могъ такъ привязать его къ себѣ.

Матюша ничему не учился, даже не зналъ, сущесвуютъ ли на свѣтѣ науки. Вся премудрость свѣта заключалась для него въ священныхъ пѣсняхъ, а ксендзовъ, которые пѣли ихъ въ костелахъ, считалъ онъ первыми мудрецами свѣта. Твардовскій казался ему существомъ такъ необыкновеннымъ, что при одной мысли объ его мудрости у него кружилась голова. Матюшѣ никогда не приходило въ голову слѣдить за поступками Твардовскаго; — это было было бы сверхъ силъ его; онъ служилъ ему вѣрно, былъ послушнымъ и преданнымъ. Если случалось ему быть больнымъ, онъ старался скрывать болѣзнь свою; если былъ голоденъ, — то скорѣе бы согласился украсть кусокъ хлѣба, нежели просить о немъ Твардовскаго; — если платье его распадалось отъ вѣтхости, онъ клалъ на него заплаты до тѣхъ поръ, пока не удалось ему добыть гдѣ-нибудь другаго, болѣе крѣпкаго рубища. Такъ жилъ Матюша, всегда спокойный и счастливый.

Твардовскій, казалось, не обращалъ вниманія на рѣдкую привязанность къ себѣ бѣднаго сироты, и если и вспоминалъ объ немъ, то развѣ тогда только, когда бывалъ недоволенъ какою-нибудь неисправностью, или недосмотромъ. Тогда онъ выталкивалъ его за двери, и Матюша, какъ вѣрная собака, ложился у порога, готовый на первый зовъ хозяина... Мысль оставить Твардовскаго, — убѣжать отъ него никогда не могла прийти ему въ голову.

Во время непрерывныхъ отлучекъ Твардовскаго на Кржеменки Матюша не зналъ, что дѣлать со скука. Сначала онъ хо-

тѣмъ слѣдить за нимъ, сопровождать его издали,—но опасеніе оставить домъ безъ присмотра удерживало его. и онъ оставался. Часто по цѣлымъ днямъ ожидалъ онъ возвращенія Твардовскаго, и мучимый голодомъ, рѣшался сбѣгать на рынокъ добыть себѣ какимъ-нибудь образомъ кусокъ хлѣба.—«Нѣтъ дома пана, панъ за Вислою.» — было неизмѣннымъ отвѣтомъ Матюши каждому изъ многочисленныхъ учениковъ Твардовскаго, которые приходили навѣщать своего учителя. Но отлучки Твардовскаго становились все чаще и продолжительнѣе. Противъ обыкновенія онъ даже не бралъ съ собою книгъ и ходилъ одинъ—одинъ, съ черными своими мыслями. Ученики его стали посѣщать его рѣже, и наконецъ, перестали совсѣмъ. Одинъ только блѣдный Матюша сидѣлъ у порога дома, блѣдный, худой, истощалый, голодный и весь въ лохмотьяхъ, равнодушный ко всему на свѣтѣ даже къ насмѣшкамъ проходящихъ, которымъ онъ казалось отвѣчалъ съ безумной улыбкой: «мнѣ и такъ хорошо!»

ГЛАВА VIII.

О томъ, какимъ образомъ Твардовскій рѣшился продать себя дьяволу, и что происходило въ душѣ его.

Грустенъ задумчивъ сидѣлъ однажды Твардовскій на Кржемѣнкахъ. Долго бродилъ онъ по подгорью, и, утомленный, бросился наконецъ на траву въ любимомъ своемъ мѣстѣ. Солнце давно уже зашло; звѣзды замелькали на небѣ, и мѣсяцъ выходилъ изъ-за синяго лѣса. Хотя осенняя ночь и была ясна, но вѣтеръ шумѣлъ по полямъ, свистѣлъ между деревьями, срывалъ съ нихъ листья, крутилъ ихъ и разсыпалъ по-полю. То тамъ, то сямъ поднималъ онъ съ дороги песокъ, заметалъ имъ дорогу, гналъ его по своей прихоти, куда ему вздумалось. Бурно было на землѣ, — а на небѣ чисто, свѣтло, pogodно, точь-въ-точь, какъ въ душѣ Твардовскаго: въ ней было чище, чѣмъ прежде, но за то вѣтеръ сомнѣніе металъ и крутилъ въ головѣ его мыслями. Слабо свѣтили тамъ звѣзды знаніе надежды; кровавая луна непреодолимой жажды поднималась на осиротѣломъ небѣ его надеждъ и вѣрованія.

Твардовскій рѣшился вызвать дьявола,—видѣться съ нимъ въ эту же ночь, и отдать ему душу свою въ замѣнъ славы и мудрости. странная мысль побудила его ускорить его желаніе. Онъ вспомнилъ, что уже однажды былъ онъ во власти сатаны и что одно чудо помогло ему взять отъ него отцовскій цпрографъ. Какъ игрокъ, который кладетъ на столъ только что отыгранныя имъ деньги, клалъ онъ опять свою душу, оправдывая себя тѣмъ, что былъ уже однажды въ рукахъ дьявола. Такимъ-то пустымъ доказательствомъ старался онъ заглушить свою совѣсть, заглушить сожалѣніе о безсмертной душѣ, которую мѣнялъ онъ на пустой блескъ славы. Онъ рѣшился вызвать дьявола, и ждалъ только полуночи. Съ нимъ были всѣ чернокнижничьи снаряды его, съ которыми въ полночный часъ долженъ былъ онъ выйти на распутіе, на страшное свиданіе...

Долго не наступала желанная минута; время двигалось медленно, какъ будто для того, чтобъ дать ему болѣе свободы для размышленія. Твардовскій не слушалъ голоса совѣсти, которая громко говорила ему... Напрасно тѣснились въ его голову спасительныя мысли, напрасно приходило раскаяніе,—волновалъ душу страхъ... Твардовскій отгонялъ отъ себя этихъ спасительныхъ посланниковъ совѣсти, — но они все-таки, противъ воли его, бѣжали къ нему, налегали ему на грудь, на сердце, на голову... Съ очами, устремленными въ небо, Твардовскій нетерпѣливо ждалъ полночи, но полночь какъ будто отдалялась, медлила приходомъ. Душа Твардовскаго готова была разорваться отъ нетерпѣнія, а мысли, одна другой чернѣе, налетали на него съ болѣею силой—и онъ далъ имъ волю,—онъ противопоставилъ напору ихъ всю силу ума, — онъ отворилъ передъ собою всю свою душу, и говорилъ самъ себѣ:

—Ничто не совратитъ меня съ этого пути; рѣшился—и исполню во что-бъ ни стало! Если въ рукахъ дьявола всѣ тайны науки, которыя тщетно стараюсь я разгадать здѣсь на землѣ, если въ его рукахъ всевѣдѣніе и — если онъ дастъ мнѣ ихъ—я отдамъ ему свою душу,—продамъ ему за нихъ самого себя!

И тутъ предстало Твардовскому воспоминаніе его юности,—въ бѣлой одеждѣ невинности, съ зеленымъ вынкомъ на головѣ, съ вѣрою въ сердце, съ надеждою на чель, съ любовію въ груди.

— «Развѣ тебѣ не довольно надежды, любви и вѣры?» сказало оно ему.

—О, мало мнѣ вѣры, отвѣчалъ Твардовскій призраку: ма-

ло, потому что вѣра слѣпа; — мало мнѣ надежды, потому что надежда обманчива; мало мнѣ любви, потому что любовь не даетъ ничего, — не утолитъ меня ни чѣмъ. Слабѣть во мнѣ надежда и стынетъ любовь; я долженъ дать моей жизни иную вѣру, иную надежду и иную любовь, — недоступныя толпѣ, непонятныя ея и неразгаданныя.

И возстала въ душѣ его ненасытная страсть къ славѣ, — стройная и величавая, въ черной одеждѣ, съ цѣпью на груди, съ лавромъ на челѣ, съ морщинами на лицѣ — встала и сказала ему:

«Доступны и святы все средства къ славѣ. Нѣтъ разницы между червемъ, пресмыкающимся по землѣ, и человекомъ, въ которомъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы онъ отдѣлялся отъ другихъ!..»

И вслѣдъ за ней возстала изъ глубины души его Религія, съ крестомъ въ рукахъ, съ очами полными слезъ и вознесеннымъ къ небу, и, рыдая, отзывалась къ нему:

— За чѣмъ ты хочешь оставить меня и продать себя сатанѣ за пустую славу?.. Развѣ я не служила тебѣ вѣрно? Развѣ не улаждала я тебѣ труда и работы, которые совершалъ ты въ потѣ лица твоего? Развѣ не открывала я тебѣ тайнъ свѣта и жизни, указывая справедливость и мудрость Творца?.. И чего же тебѣ надобно болѣе, кромѣ утѣхъ на землѣ и надежды будущей жизни, которыя я разсыпала тебѣ щедрою рукою?.. Зачѣмъ же покидаешь меня и бросаешься въ бурное море ненасытныхъ страстей твоихъ? Ужели забылъ ты, что блаженны одни нищіе духомъ, и что тѣхъ есть Царствіе Небесное; а Царство Небесное есть вышняя мудрость?.. Ужели забылъ ты, что тамъ, на небѣ, откроются тебѣ все тайны, что тамъ узнаешь ты все ничтожество мудрости человека?.. И за эту-то мудрость рѣшаешься ты отдать свою безсмертную душу!...»

Но тихой голосъ религіи скоро заглушилъ голосъ славы; — съ пылающими глазами, съ распростертою дланью — ей казалось, хотѣлось захватить цѣлый свѣтъ.

— Жажу! жажу! — вопила она: напоите меня хоть оцтомъ и желчью! Не отнимайте отъ устъ моихъ чаши горечи Жажу... жажу!..

Тогда предстала невинная чистая и скромная добродѣтель, и говорила съ плачемъ:

— Отталкиваешь меня отъ себя Твардовскій?.. Что я сдѣлала тебѣ? Развѣ увѣренность, что я всегда была съ тобою, не улаж-

дала тебѣкаждаго шага на тернистомъ пути твоёмъ, не отирала тебѣ пота съ чела, слезъ изъ очей?.. Развѣ, какъ вѣрная жена, не покоила я втосей жизни чистой совѣстью? За что жъ ты хочешь мѣнять меня на наложницу?..

И говоря такъ плакала и закрывала лицо руками.

А слава и страсть всевѣдѣнія отвѣчали ей:

—Жажду! жажду!... Пить мнѣ, пить!.. Оцту—желчи—крови—чего нибудь, только пить, пить!.. чего нибудь, лишь бы новаго, лишь бы безъ мѣры!.. Пить! пить!...

Умолкла и скрылась добродѣтель.

И когда всѣ эти призраки исчезла показалисьна небѣ двѣ бѣлыя тѣни; они—летѣли на темныхъ осеннихъ облачкахъ и спустились на землю: узналъ въ нихъ Твардовскійтѣни своихъ отца и матери. На головахъ ихъ сіяли звѣзды, въ рукахъ держали они пальму, какъ праведные, какъ святыя мученики. Дивною гармоніей зазвучали словами ихъ:

«О сынъ нашъ!.. зачѣмъ тебѣ науки такъ много?.. Мы меньше твоего знали, а достало намъ ее на двѣ жизни и на цѣлую вѣчность... Ищешь счастья, сынъ нашъ? Найдешь его не въ наукѣ, а въ мирѣ, въ любви, въ отреченіи самаго себя. Ищешь славы? Найдешь ея не въ мудрости, а въ геройскомъ самоотверженіи. Ищешь наслажденій? найдешь ихъ въ сочетаніи двухъ душъ и сердецъ. Наука — это пропасть, которую не поглотить человѣку, которая сама поглотитъ его и раздавитъ какъ ничтожваго червя. Познаніе зла и добра погубило первыхъ двухъ человѣковъ и погубитъ всякаго, кто въ безумной гордости осмѣлится равняться съ Богомъ, обнять свѣтъ ничтожнымъ своимъ умикомъ, въ которомъ и малѣйшая частица его отразиться не можетъ!.. Зачѣмъ тебѣ науки и мудрость, сынъ нашъ?.. Станешь проклинать ихъ послѣ, когда онѣ потемняютъ и отравляютъ твою жизнь! О сынъ нашъ! зачѣмъ ты сворачиваешь съ своего пути зачѣмъ идешь въ адъ, откуда вывели тебя однажды милосердіе и помощь Божіи? О, вернись, вернись, сынъ нашъ!»

И плакали тѣни, и слезы ихъ капали на томимую жаждою душу Твардовскаго, но не могли напоить ее, потому что жажда славы и мудрости кричали неустанно:

«Жаждемъ! жаждемъ! Не отвратимъ устъ отъ оцта и желчи, лишь бы напиться чего—нибудь! Пить, пить!...

Въ эту минуту Твардовскій взглянулъ на звѣзды. По тече-

нѣю ихъ онъ увидѣлъ, что полночь уже близка. Всталъ и пошелъ на распутиѣ, гдѣ уже сторожилъ его льяволъ.

На распутии стоялъ крестъ. Старой, гнилой. онъ обросъ мохомъ и сѣва держался. На немъ скрипѣлъ и вертелся маленькой флюгерокъ; вѣтеръ развѣвалъ куски полотна, которые привязали къ кресту набожные крестьяне (*). У подножія лежали кости, сухой хворостъ и вполонину вросшій въ землю камень. Не успѣлъ еще Твардовскій прилѣсти туда, какъ небо, до сихъ поръ ясное и звѣздное, начало хмуриться и заволокло тучами. Съ сѣвера подулъ вѣтеръ и повнесъ съ собою листья, хворостъ и пыль Твардовскій оглянулся... Отъ креста дорога дѣлилась ишла на четыре стороны. Къ сѣверу шла дорога утѣхъ, широкая и удобная;—къ югу, шла въ гору дорога труда, зноя и терзній; къ востоку—дорога надежды; къ западу — дорога отчаянія и горести. Дороги казались широкими и торными; вѣтеръ взвивалъ и несъ по нимъ клубы песку и кучи листьевъ, которые вертелись и прыгали въ воздухѣ, какъ плясуньи на ярмаркѣ;—надъ дорогою утѣхъ и наслажденій летѣло стадо голубей, надъ дорогою труда взвивался соколъ; надъ дорогою надежды тянулись длинной вереницею дикіе гуси, а на западъ кричали совы, вороны и филины.

Твардовскій снялъ платье и надѣлъ его опять, выворотивъ на изнанку. Потомъ вынулъ изъ кармана священныя мѣлъ, свѣчку изъ трупяго жиру, кубокъ съ водою, кропило, книгу и нѣсколько костей человѣческихъ. Волшебную палочку свою (черную съ какими-то бѣлыми знаками), воткнулъ въ землю и мѣломъ обвелъ и вокругъ себя магическую черту. Крестъ круга служилъ центромъ этаго зажегъ свѣчку, разбросалъ кости, кропилъ вокругъ водою и началъ заклинять сатану. Слова закланія были изъ всѣхъ языковъ взяты, живыхъ и мертвыхъ;—вѣтеръ разносилъ ихъ на всѣ четыре стороны.

—Явись, черный духъ!—взывалъ Твардовскій: тебя ожидаетъ человѣкъ, который хочетъ продать тебѣ свою душу;—явись, и при носи съ собой все твое могущество. Не за золото продаетъ онъ себя тебѣ, не за утѣхи и наслажденія свѣта,—за славу и

(*) У крестьянъ въ Польшѣ существуетъ обычай—обвязывать распятія, которые ставятъ на дорогахъ, полотномъ или плахтами. Они вѣрятъ, что этимъ предохраняютъ себя и дѣтей своихъ отъ повѣтрія или внезапной смерти.

мудрость! Возьми его душу и дай ему древо познанія! Явись, предстань предо мною, черный дух! заклинаю тебя именемъ царя твоего, который спалъ съ неба въ преисподнія ада! Заклинаю тебя именемъ твоего униженія, мукъ твоихъ и твоей покорности воли Бога, — предстань предо мною и прими отъ меня дарованную мнѣ Творцемъ душу! Заклинаю тебя именемъ всѣхъ духовъ тьмы, низверженныхъ съ неба въ побѣдный день воскресенія. Спиши ко мнѣ изъ глубины ада, сквозь адское пламя, сквозь души всѣхъ осужденныхъ! Заклинаю тебя именемъ того, за кого терпѣлъ ты и терпишь теперь — именемъ вѣчныхъ мукъ, на которыя осужденъ ты! Зову тебя разъ, — зову другой, — зову тебя трикраты и семь-кратъ и семьдесятъ-семь кратъ. Зову тебя... явись!..

Не успѣвъ еще Твардовскій договорить послѣднихъ словъ, какъ передъ нимъ предсталъ какой-то дивный образъ, освѣщенный красноватымъ свѣтомъ. Всмотрѣвшись пристальнѣе Твардовскій узналъ въ немъ ученаго, съ которымъ недавно велъ споръ... насмѣшливый, хрипаватый голосъ его на этотъ разъ страшно отозвался въ ушахъ Твардовскаго.

Желалъ бы я знать, за чѣмъ, собираясь продѣлать свою душу дьяволу, вѣялъ съ собою священный мѣлъ и святую воду?.. началъ этотъ знакомый голосъ.

— Не хочу, чтобъ ты взялъ меня даромъ, какъ дитя; я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло, отвѣчалъ Твардовскій. — Ты посланникъ ада?...

— Я!... говори, чего ты отъ меня требуешь!...

— Чего требую?.. я требую, чтобъ ты показалъ мнѣ древо познанія; чтобъ ты разрѣшилъ мнѣ вкушать плоды его, чтобъ сдѣлалъ меня мудрѣйшимъ всѣхъ мудрецовъ и сильнѣйшимъ всѣхъ сильныхъ земли; я хочу знать свѣтъ совершенно, хочу знать всѣ тайны его, прошлое и будущее, силы вещей, и силу существа, хочу быть мудрѣйшимъ мудрыхъ, сильнѣйшимъ сильныхъ, величайшимъ великихъ!..

— Многаго требуешь! — отозвался сатана. А что дашь за все это?

— Безсмертную душу мою.

— Душу? — возразилъ, смѣясь, сатана. Да увѣренъ ли ты, что она стоитъ всего того, что ты высчитывалъ мнѣ; увѣренъ ли ты, что она и теперь уже заранѣе не принадлежитъ сатанѣ, что она не на той дорогѣ, на которой была еще въ приходѣ на свѣтъ

Я знаю только то, и увѣренъ въ томъ, что всѣ слѣзанные мною грѣхи окупить покаяніе;—увѣренъ, что не стою на безвозвратномъ пути къ аду; увѣренъ, что мудрость стоитъ того, о чемъ прошу теперь,—потому что она увлечетъ вслѣдъ за собою множество учениковъ, послѣдователей и глупыхъ подражателей;—что эта мудрость увлечетъ ихъ всѣхъ — однихъ доказательствами, другихъ примѣромъ,—иныхъ любопытствомъ, ослѣпленіемъ!

Сатана разсмѣялся.

—Пиши циркуляръ на свою душу!—продолжалъ онъ.

—Не торопись, — отвѣчалъ Твардовскій... Покажи мнѣ напередъ то что, можешь дать мнѣ за мою душу, которую продаю, а не дарю тебя.

—Я доказалъ тебѣ при первомъ нашемъ свиданіи всю силу моего ума, чего жъ тебѣ болѣе?

—Этого мнѣ мало. Докажи мнѣ, власть и силу этого ума на землѣ.

—Какимъ образомъ?

—Предлагаю тебѣ три испытанія во-первыхъ, снеси мнѣ все серебро, сколько его ни есть въ цѣлой Польшѣ въ Олькушскія рукописи. Давно уже засыпало ихъ, и они не даютъ серебра. Этою карою Богъ наказалъ Олькушкаго магистра за святотатство. Пусть лежитъ тамъ все серебро для меня одного, чтобъ одинъ я могъ распоряжаться имъ.

—Ты этимъ разворишь цѣлый край, возразилъ дьяволъ.

—Мнѣ такъ хочется, и пусть будетъ по моему.

Второе испытаніе? спросилъ, смѣясь, сатана.—О, я вижу съ тобой не такъ-то легко устроить дѣло, предвижу, что за твоей душой будетъ мнѣ не мало работы.

Твардовскій самодовольно улыбнулся.

—Во-вторыхъ, продолжалъ онъ: въ эту ночь выкопай мнѣ прудъ подъ Книшиномъ и сдвинь огромный камень, который лежитъ подъ Червѣнскомъ; наконецъ, въ-третьихъ, поставь мнѣ Соколю-скалу подъ Краковымъ такъ, чтобъ верхушкой своей она упиралась въ землю. Все это ты долженъ сдѣлать въ эту же ночь, безъ всякой помощи и въ моемъ присутствіи... Этимъ только можешь удостовѣрить меня въ своей власти и силѣ, и тогда уже я заключу съ тобой уговоръ на душу.

—Такъ всё это только проба ?.. Ну, хитеръ же ты, Твардовскій! А если, послѣ этой пробы, ты откажешься и не про-

дашь свою душу?.. За что же мнѣ трудиться даромъ и понапрасну ворочать свѣтомъ, а?.. Молчишь?..

— Это мое непрѣмное условіе, — продолжалъ Твардовскій. Говори скорѣе: да, или нѣтъ?..

Дьяволъ задумался и долго почесывалъ себя копытомъ за тылокъ. Онъ долго ворчалъ себя подъ ность, какъ будто что-то рассчитывалъ, и наконецъ сказать Твардовскому: «Ну, нечего дѣлать! принимаю условія, какъ ни тяжёлы они. Пиши циррографъ... Пусть будить потвоему!

— Не стану писать, покамѣстъ не докажешь мнѣ своей силы.

— Ты торгуешься?..

— Да. — продаю саму же драгоценную мнѣ вещь — душу... Я долженъ торговаться, потому что это послѣдній торгъ въ моей жизни. Не отдамъ тебя за безцѣнокъ своего безсмертія. — Дѣлай, дьяволъ, какъ хочешь.

— Выходи изъ круга, и слѣдую за мной, сказалъ дьяволъ.

Тогда Твардовскій, окропивъ себя святой водою, взялъ книгу, перекрестился и вышелъ изъ круга. Дьяволъ заскрежеталъ зубами, видя, что ему не удалась его хитрость, и что при такомъ оружіи трудно овладѣть Твардовскимъ. На распутіи налетѣлъ на нихъ песчаный смерчъ, — они съли на немъ и понеслись, какъ стрѣла. Долго носились они по доламъ и горамъ, и стали, наконецъ, въ Олькушѣ. Дьяволъ исчезъ.

У спуска въ мину Твардовскій ждалъ дьявола. Черезъ минуту показалась стая чудовищъ, которыя несли на плечахъ своихъ огромныя куски руды. Постепенно, одинъ за другимъ, подходили они къ отверстию, бросали туда серебро, уходили и снова возвращались съ такою же ношею. Наконецъ, послѣдній показался самъ дьяволъ. Въ когтяхъ своихъ онъ несъ маленькій кусочикъ руды. — Это остатокъ, сказалъ онъ, бросая его въ отворъ.

— Чѣмъ же ты мнѣ это докажешь? — спросилъ Твардовскій.

— А чѣмъ же ты докажешь мнѣ противное, возразилъ хитрый дьяволъ.

Надо было согласиться Твардовскому, хотя онъ и не былъ увѣренъ, все ли серебро свесъ дьяволъ, и въ-самомъ-ли дѣлъ была руда серебряная. Разлосадованный сатана между тѣмъ наклонился къ отверстию и плюнулъ туда, какъ будто внапророчъ: съ той поры копи залиты водою.

Твардовскій съ дьяволомъ изъ Олькуша полетѣли въ Книшинъ. Тутъ Твардовскій показалъ дьяволу урочище Чеховичъ

ко, гдѣ надобно было вырыть прудъ. Дьяволъ сталъ посреди-нѣ и началъ такъ усердно рвать землю копытами и когтями, выбрасывать ее цѣлыми глыбами, что скоро выкопалъ огромный прудъ; потомъ плюнулъ, и вода наполнила прудъ до самыхъ краевъ.

— Сдѣлалъ я тебя и другое дѣло.. Поспѣшимъ къ третьему, покаместъ не заплѣли пѣтухи.

И они снова съѣли на песчаный смерчъ, полетѣли на немъ, и скоро очутились подъ Червѣньскомъ. Тутъ Твардовскій показалъ дьяволу огромный камень, покрытый мхомъ и плесенью, вросшій въ землю, и велѣлъ ему перебросить его за-версту, черезъ лѣсъ и воду — на городскія поля.

Дьяволъ казалось, былъ въ недоумѣннѣ; онъ долго качалъ головою, принимался за камень то съ той, то съ другой стороны, вздыхалъ и нутуживалсяно все было напррсно; наконецъ, удалось ему покачнуть его. Тогда онъ обернулся къ нему спиною; поднялъ его къ себѣ на плеча, какъ мышокъ муки, нутужился, замахнулся,—и черная скала съ громомъ и свистомъ взлетѣла къ облакамъ, мигнула по темному небу, перелетѣла черезъ лѣсъ, и тамъ уже грянула о землю.

—Теперь вернемся въ Краковъ для послѣдняго испытанія, сказалъ дьяволъ; хотя, признаться, довольно бы и этихъ трехъ.

И вотъ прилетѣли они подъ Краковъ къ Соколей, или песчаной скалѣ. Долго посматривалъ на нее сатана, придумывая, съ которой бы стороны взяться за нее, — мѣрять ея верхушку, обходилъ кругомъ — и все не могъ ничего придумать. Съ любопытствомъ посматривалъ на дьявола Твардовскій. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на эту маленькую, червѣнькую фигурку, которую едва было замѣтно у огромной скалы, и которая бѣгала кругомъ ее, чихала и ворчала, посматривая изъ подлѣбья на Твардовскаго.

Но вотъ, видятъ Твардовскій, что фигурка эта поднимается на копытахъ, растетъ все выше и выше; — переросла скалу, — схватила ее за конецъ, какъ палку, перевернула и поставила вверхъ—ногами. Не стала однакожь скала съ перваго разу: трещала и шаталась то въ ту, то въ другую сторону, покаместъ дьяволъ не притиснулъ ее къ землѣ.

—Что, каково? — сказалъ онъ, поровнявшись съ Твардовскомъ.

—Ладно;—пойдемъ теперь писать циркуграфъ.

— Пойдемъ!

И они оба отправились въ школу Твардовскаго, на Кржемѣйки.

ГЛАВА IX.

О томъ, какъ написанъ былъ циррографъ.

Когда они пришли на Кржеменки, Твардовскій зажегъ свѣчку и вынулъ изъ-за пазухи листъ пергамина.

Ты можешь быть думаешь, Твардовскій, сказалъ ему дьяволъ, что циррографы пишутся, какъ ваши *acta et munimenta*, на ослиной или телячьей кожѣ;—ты можешь быть, полагаешь, что купчая на душу можетъ совершиться на этомъ дрянномъ лоскуткѣ, достойномъ развѣ только однихъ вашихъ *omnibus et universis, praesentibus et futuris*, на выдѣлъ земли монахамъ. О,—ошибаешься;—для такого акта есть у меня пергамина, приготовленный въ Италіи изъ человѣческой кожи, изъ кожи висельника. Прочные такого пергамина нѣтъ на свѣтѣ. Его не только выбили и выгладили палками при жизни, да и по смерти славно высушили на вѣслицѣ... Не трудно догадаться, что и простыя чернила и всѣ ухищренныя выдумки миниатюристовъ и рубрикантовъ, будутъ также здѣсь не кстати. Въ аду только ты циррографы принимаются за законныя, которые написаны людскою кровью. Кровь служить тутъ символомъ, задаткомъ тѣлу, такъ точно, какъ выраженная ею мысль задаткомъ душѣ. Это два конца, за которые по смерти тащимъ мы *ad infernos* душу и тѣло... Позволь же пустить тебѣ кровь изъ средняго пальца;—довольно съ меня и одной капли. Редакцію акта ты поручишь мнѣ, какъ самому искуснѣшему нотаріусу.

—Лучше будемъ разбирать вмѣстѣ каждый пунктъ.

—Пусть будетъ по-твоему! Ну, начнемъ же. Ты продаешь свой товаръ;—такъ и говори, что за него просишь! Говори съ толкомъ и явственно. Будемъ брать цѣну круглымъ числомъ; не станемъ торговаться, какъ жида за боченокъ селедокъ.

—Не обманешь меня, сатана, твоими претензіями на честность; не торопись,—успѣемъ! Прежде всего, требую отъ

тебя, чтобъ ты далъ мнѣ знаніе и дьявольскую премудрость во всемъ,—мудрость вдохновенную, которая бы доставалась мнѣ такъ, безъ труда, безъ усилій, по мѣрѣ надобности.

—Согласенъ, но только съ условіемъ: адская премудрость должна быть всегда готова на услуги аду. Дамъ тебѣ ее съ тѣмъ, чтобъ ты употреблялъ ее не иначе, какъ во вредъ людямъ. Инаго употребленія не допускаю.

—По крайней мѣрѣ, ты не долженъ ограничивать ея дѣйствій, и тѣмъ самымъ... возразилъ Твардовскій.

—Даю, что имѣю, отвѣчалъ сатана.

—Какая мнѣ польза отъ твоего подарка, когда ты связываешь имъ мнѣ руки?.. Нѣтъ! я никогда не соглашусь на такіе условія; я хочу быть свободнымъ въ дѣйствіяхъ...

—Этого мы не въ состояніи дать тебѣ. Твое требованіе безъ смысла, чистая абстракція, ложное понятіе, хоть оно и не кажется такимъ съ перваго взгляда. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка съ совершенно свободою волей.

—Въ такомъ случаѣ я разрываю съ тобой все условія.

—Постой, не торопись... выслушай меня. Если хочешь, ты можешь дѣлать, что угодно, но я буду наблюдать, чтобъ все поступки твои клонились ко вреду людямъ.

—Въ такомъ случаѣ все-таки я долженъ поступать не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; слѣдственно, буду связанъ.

—Напротивъ;—тебѣ будетъ казаться, что ты дѣлаешь все по своей волѣ.

—А это предчувствіе—эта мысль, что все сдѣланное мною съ добрымъ намѣреніемъ, послужитъ лишь ко вреду ближняго!

—Нѣтъ, ты не будешь этого чувствовать въ первую минуту...

—Но ты дѣлаешь меня виноватымъ уже тѣмъ однимъ, что говоришь мнѣ объ этомъ теперь.

—Какъ же ты хочешь имѣть со мной дѣло безъ всякаго пожертвованія съ твоей стороны. Въдѣ ты нуждаешься во мнѣ, а не я въ тебѣ.

—Кто нибудь изъ насъ двоихъ попадетъ въ просакъ замѣтилъ Твардовскій, послѣ минуты молчанія.

—Согласенъ ли? спросилъ дьяволъ.

—Согласенъ, отвѣчалъ Твардовскій.

И оба улыбнулись. Такимъ образомъ, первое условіе было окончено.

—Во-вторыхъ, продолжалъ Твардовскій: дашь мнѣ славу...

да, славу, потому что слава равносильна на этомъ свѣтѣ съ *могуществомъ*. Человѣкъ, поступкамъ котораго прелестствуетъ слава, почерпаетъ новыя силы въ самомъ себѣ. Слава — это его патентъ, аттестатъ, — увѣренность, что всѣ дѣйствія его будутъ приняты. Слава привяжетъ ко мнѣ толпу, и слыаегъ меня властелиномъ ее. Славу ищутъ всѣ для насыщенія тщеславія, гордости. Она — громкое имя обманчиваго призрака, она — орудіе дѣйствія, сила, бразды правленія надъ умами. О, — слава великая, дивная вещь!

— Дамъ тебѣ славу; дѣлай изъ нея, что хочешь, продолжалъ сатана: только не забудь, она будетъ для тебя не болѣе, какъ колыбельною пѣснью кормилицы для ребенка...

— Въ-третьихъ, дашь мнѣ власть творить чудеса, то есть, то что не согласно съ законами природы или человѣческой мысли, — продолжалъ Твардовскій.

— Требуй этого не отъ меня, а отъ дьявольской мудрости... Она тебѣ дастъ эту силу. Только не забудь, что во всѣхъ вещахъ, несогласныхъ съ законами природы, власть эта есть только призракъ власти, симюляція — иллюзія... Мы не творимъ чудесъ, но только морочимъ людей.

— Мнѣ больше и не надобно; — согласенъ.

— Ну вотъ, теперь ты видишь, что я покупщикъ великодушный и невзыскательный. Теперь выслушай мои условія. Во-первыхъ, ты отлашь мнѣ по смерти (ты можешь прожить до глубокой старости, душу свою и пойдешь въ адъ, вмѣстѣ со всеми твоими послѣдователями, — со всѣми, кто увѣритъ въ тебя.

— До нихъ мнѣ нѣтъ дѣла, прервалъ Твардовскій. Что же касается до моей собственной души, то я согласенъ отдать ее, но только послѣ самой долголѣтней жизни.

— Это послѣднее условіе не зависитъ отъ меня.

— Но ты можешь сократить мою жизнь.

— Не могу, не смотря на все мое желаніе. Извини меня за откровенность; я не хочу утаивать отъ тебя ничего. Однакожъ, если ты рѣшился продать намъ такъ дорого свою душу, то мы въ правѣ требовать отъ тебя вмѣстѣ съ нею тѣла, прежде, чѣмъ она оставитъ его... Мы возьмемъ тебя за-живо.

— За-живо? — вскричалъ съ ужасомъ Твардовскій: за-живо?!

— Да, за-живо, спокойно отвѣчалъ дьяволъ. Въ противномъ случаѣ я не согласенъ... Развѣ не можетъ случиться, что передъ смертію, на смертномъ одрѣ, вздумалось бы тебѣ покаяться? — пришла бы ксендзы, уговорили бы тебя къ посту, къ

молитвъ... Тогда мы нажили бы съ тобой пропасть хлопотъ. Для собственной безопасности, намъ надобно взять тебя въ предсмертную минуту, живаго и здороваго...

—Ну, быть такъ, отвѣчалъ Твардовскій по минутномъ размышленіи:—но ты долженъ назначить одно какое-нибудь мѣсто, въ которомъ бы ты могъ взять меня.

— За чѣмъ?

—Такъ мнѣ хочется. Препятствіе за препятствіе, — упоръ за упоръ. Ты отламываешь у меня кусокъ хлѣба, а я не въ правѣ вознаградить себя за это чѣмъ-нибудь?.. Возмешь меня не иначе, какъ въ Римъ.

—Вотъ славно! вскричалъ сатана: въ Римъ!.. За чѣмъ же непременно въ Римъ, а не въ другомъ какомъ городѣ? Не хочу въ Римъ.

—А я хочу въ Римъ,—непременно въ Римъ, не иначе, какъ въ Римъ.

--Невозможно.

—Ну такъ конецъ условіямъ.

—Смѣешься надо мною, Тварловскій?

—Скорѣе не ты ли издѣваешься надо мной, сатана?

—За чѣмъ-же въ Римъ?

—За тѣмъ, что отсюда хочу идти въ адъ.

—Не думаешь ли ты, что святость мѣста предохранитъ тебя?

—Нисколько. Мнѣ, просто, хочется попасть въ адъ не прямо изъ моей родины, не прямо изъ тѣхъ мѣстъ, которые для меня дороги, —но изъ отдаленнаго края, гдѣ никто меня не знаетъ, —гдѣ никто не узнаетъ о моей плачевной судьбѣ.

—Ну, такъ для этого тебѣ довольно будетъ выйти только за границу. Зачѣмъ же непременно въ Римъ, — отчего не въ Парижъ, не въ Амстердамъ?..

—Хочу въ Римъ.

—Чудакъ ты, Тварловскій!

—Упоренъ ты, дьяволъ!

—Такъ ты не хочешь перемѣнить своего намѣренія?

—Не могу. Такъ, или нѣтъ,—говори скорѣе.

—Нечего съ тобой дѣлать,—пусть будетъ по твоему. Полумай самъ, что я буду дѣлать, если ты въ пору не пожелаешь въ Римъ, что—говоря между нами—очень вѣроятно.

—Ты можешь постараться объ этомъ. Надѣйся на свою хи-

тлость и на свое умѣнье, отвѣчалъ Твардовскій. Можно побудить меня, убѣдить...

—Ну, пусть и такъ будетъ! — сказалъ дьяволъ. Теперь мы кончили. Торопись писать циркуляръ; скоро запоютъ пѣтухи.

Сказавши это, дьяволъ укололъ Твардовскому палецъ, омочилъ въ крови перо, подаль ему и сталъ диктовать условія. Когда Твардовскій написалъ эти условія на огромномъ пергаментномъ свиткѣ и приложилъ печать чернаго воску, раздался вдали крикъ первыхъ пѣтуховъ. Все исчезло. Блѣдный лучъ утренней зари коенулся утомленныхъ очей Твардовскаго. Истощенный усиленіемъ этой ночи, Твардовскій легъ на траву и крѣпкой сонъ овладѣлъ имъ.

ГЛАВА X.

О томъ, какъ Твардовскій воротился въ Краковъ и что говорили ему колокола.

Солнце стояло уже высоко, когда Твардовскій проснулся. Матюша-сиротка лежалъ у ногъ его и смотрѣлъ ему въ глаза. Твардовскій не зналъ, откуда и за чѣмъ онъ взялся тутъ. Еще утомленный происшествіями прошлой ночи, когда онъ раскрылъ глаза, первой мыслию его было воспоминаніе прошлаго... Тутъ только замѣтилъ онъ въ себѣ страшную разницу. Теперь онъ смотрѣлъ на вещи иными глазами, теперь онъ иначе понимаетъ свѣтъ, иначе мыслитъ, иначе чувствуетъ. Онъ убѣдился въ этомъ при первомъ взглядѣ на міръ Божій... Онъ еще узнавалъ себя, потому что помнилъ свое прошлое; онъ, какъ растеніе, держался въ землѣ на той самой точкѣ, на какой былъ вчера, но между вчера и сегодня стоитъ теперь преграда, граница, отдѣляющая двѣ жизни, совершенно между собою различныя, одна на другую нѣсколько не похожія. Превжняя жизнь его была жизнью труда, сомнѣнія, горести и надежды, — новая жизнь ознаменовывалась горлою самоувѣренностію, желаніемъ злаго, чувствомъ порочнымъ и сладостнымъ вмѣстѣ. Твардовскій задумы-

вался; его чувства и мысли носили на себѣ вѣрный отпечатокъ дьявольскаго вліянія; онъ увидѣлъ, что дьяволъ, вмѣсто желанной мудрости, далъ ему свою злость и гордость. Но, вникая умомъ своимъ въ природу и въ законы мысли, онъ видѣлъ всѣ предметы яснѣе, чище, понятнѣе прежняго. Все теперь представлялось ему безъ покрова; ни въ чемъ не было для него тайны. И онъ не могъ быть недовольнымъ собою, не смотря на чувство какой-то невѣдомой ему до сихъ поръ ненависти къ людямъ, на влеченіе къ злобѣ...

—Какимъ образомъ ты попалъ сюда? сказалъ онъ, обращаясь къ Матюшѣ.

—Я беспокоился о тебѣ,—не зналъ, что подумать. и рѣшился искать тебя.

—Тебя никто не просилъ объ этомъ. Ужъ не считалъ ли ты это своею обязанностію?

—Обязанностію? произнесъ съ тяжелымъ вздохомъ сирота. Благодарность—вотъ моя обязанность.

—Объясни мнѣ, что значитъ благодарность, спросилъ улыбаясь Твардовскій.

—Это... какъ бы назвать тебѣ?.. Это что-то такое, что опутываетъ сердце, какъ цѣпами, и тянетъ его къ своему благодѣтелю,—невыразимое чувство влеченія, самопожертвованія.

—Скажи лучше, возразилъ Твардовскій съ адскимъ смѣхомъ,—удочка на новыя ласки.

—О, нѣтъ, совсемъ нѣтъ!

—Что слышно въ Краковѣ?

—Тамъ только и разговариваютъ, что о тебѣ.

—Что же говорятъ обо мнѣ?

—Всѣ удивляются, отъ чего ты такъ долго сидишь на Подгорьѣ, и даже поговариваютъ, что ты якшаешься съ дьяволомъ (при этихъ словахъ Матюша перекрестился).

—А еще что? спросилъ со смѣхомъ Твардовскій.

—Простой народъ, которому извѣстно, что я служу у тебя, безпрестанно спрашиваетъ меня о тебѣ. Всякой день приходятъ къ тебѣ за совѣтами цѣлыми толпами, и докучаютъ мнѣ своими разспросами... Не знаю, какъ отъ нихъ отвязаться. Имъ кажется, что ты и чудеса творить можешь.

—Могу, отвѣчалъ гордо Твардовскій.

—А если можешь, зачѣмъ не хочешь помогать людямъ?

—За чѣмъ?.. Это не твое дѣло. Объ этомъ ты не долженъ знать.

—Пойдемъ лучше домой. Твардовскій. Пора тебѣ заглянуть въ свою каморку. Одна мышь читають твои покрытыя пылью книги. Развѣ уже онѣ не нужны тебѣ болѣе? Развѣ ты уже успѣлъ вычерпать изъ нихъ всю премудрость?

—Все и вся, отвѣчалъ Твардовскій: и теперь готовъ хоть сжечь ихъ.

—Зачѣмъ же ты скрываешь отъ людей свою мудрость?

—Сказалъ тебѣ, что не твое дѣло знать объ этомъ.

Матюша замолчалъ. Они скоро подошли къ Кракову. Въ это время колокола косцеловъ звонили на Ave Maria. Было что-то не выразимо жалобное въ этомъ вечернемъ звонѣ.

—Видно по чьей нибудь душѣ звонять сегодня такъ жалобно? спросилъ у Твардовскаго Матюша.

Молчалъ Твардовскій. Слышалъ и онъ этотъ жалобный звонъ; который относился прямо къ нему, который говорилъ ему:

—Бѣда тебѣ, душа, бѣда! Ты отвергла Бога для свѣта и земной мудрости, и предалась сатанѣ. Вѣчныя мученія ждуть тебя за кратковременную побѣду, вѣчныя муки раздавятъ тебя, какъ червя, и сгладятъ твою гордость и попрутъ славу. Бѣда, Твардовскій, бѣда душѣ твоей!.. Великій учитель, сегодня ты умеръ для неба и началъ жить для ада!..

Они колокола перебивали другіе, и скоро всѣ они, слившись въ одинъ хоръ, разносили по всему городу страшную свою пѣснь: Бѣда, Твардовскій, бѣда душѣ твоей!

Твардовскому казалось, что колокола говорили для всѣхъ, что не одинъ онъ понималъ вѣщія слова ихъ. Но народъ, не разумѣя ихъ голоса, останавливался и съ нѣмымъ уваженіемъ смотрѣлъ на Твардовскаго. Усмѣшкой и взглядомъ презрѣнія отвѣчалъ Твардовскій.

Частыя отсутствія изъ города и долговременныя пребыванія Твардовскаго на Подгорѣ дѣлали его въ глазахъ простыхъ людей какимъ-то таинственнымъ существомъ. О немъ уже говорили, какъ о великомъ чернокнижникѣ; всѣ смотрѣли на него, какъ на чужую мудрости. Широко разнеслась о немъ слава, и отъ дворцовъ достигла скоро до крестьянскихъ избъ; объ немъ начали говорить всѣ. Твардовскій не зналъ, чему приписать такое вліяніе, заслугамъ ли личнымъ, или дьяволу. Сомнѣніе это навело его на грустныя мысли, которые однакожь, были скоро прерваны приходомъ одной старухи.

—Вылечи мою дочь, отецъ мой, благодѣтель мой, говорила она, обливаясь слезами и цѣлуя у Твардовскаго руку По странному

предчувствію, Твардовскій, никогда не зная этой женщины, угадалъ въ ту же минуту, что она вмѣстѣ съ дочерью жила въ убогой хатѣ на Кленаржѣ, что дочь ея была больна отъ рожденія, и что одна только вода изъ близъ лежащаго рудника могла ее вылечить.

— Чѣмъ больна твоя дочь?.. спросилъ Твардовскій старуху. Старуха начала рассказывать болѣзнь.

Твардовскій перебилъ ее.

— Дочь твоя выздоровѣетъ черезъ три мѣсяца, три недѣли, три дня, три часа и три четверти, только давай ей пить три раза въ день по три рюмки воды изъ рудника, который течетъ въ трехъ шагахъ отъ третьяго отъ васъ дома.

Не успѣла еще уйти обрадованная старуха, какъ къ Твардовскому подошелъ ученый профессоръ, Италианецъ. Они поздоровались по-латыни.

— Отъ чего тебя такъ долго не было видно? говорилъ Твардовскому Италианецъ. Здѣсь всѣ рассказываютъ о тебѣ чудеса; говорятъ даже, что ты знаешь съ дьяволомъ. Признайся, что не совсѣмъ завидная слава для учителя первой школы во всей Коронѣ (*). — Никто изъ насъ не вѣритъ этимъ баснямъ, но твои частыя прогулки, твое уединеніе...

— Ты знаешь, что разсудокъ требуетъ иногда отдыха и уединенія, особенно, если онъ утомленъ трудомъ или отуманенъ горестью. Такія минуты — для него дѣта.

— Правда, правда, отвѣчалъ профессоръ: я знаю, что для своего оправданія ты можешь привести множество доказательствъ, множество изреченій изъ древнихъ писателей; еще больше примѣровъ изъ жизни святыхъ отшельниковъ; но можно ли до такой степени забыть свои обязанности и презирать свѣтъ? Всѣ ученики твои и мы, товарищи твои, ждемъ тебя здѣсь съ одинаковымъ нетерпѣніемъ. Слава твоя говоритъ за тебя на каждомъ шагѣ, — а ты убѣгаешь ее!

— Слава? возразилъ Твардовскій: и ты думаешь, что я имѣю ее, эту славу?... Нѣтъ, любезный другъ, слава одного города, одного края, не есть еще слава. Эта слава только убиваетъ насъ... Оставляя землю, гдѣ жили, и переходя въ другую, мы снова становимся вѣзвѣстными и ничтожными, и снова должны приобрѣтать эту славу.

(*) Корона — Королевство.

—Какой же тебѣ славы? спросилъ Профессоръ, послѣ минутнаго размышленія.

—Какой?.. Такой славы, которая разнесла бы мое имя по цѣлому свѣту,—чтобъ оно было на языкѣ у всехъ людей, отъ королей и до послѣднихъ нищихъ.

—Такая слава въ рукахъ Божіихъ, сказалъ тихо Италіанецъ.

—Скажи лучше: въ когтяхъ дьявольскихъ.

—Не понимаю, сказалъ удивленный Профессоръ, отступая отъ Твардовскаго.

—Я объясню тебѣ это философически, докторъ. Самое величайшее добро и самое величайшее зло могутъ имѣть безграничную славу. Итакъ, слава есть слѣдствіе двухъ противоположныхъ причинъ. Скажи мнѣ, которой изъ этихъ двухъ причинъ обязанъ я своей славою?

—Изъ взаимной совокупности обѣихъ,—если хочешь знать непременно, сказалъ докторъ. Тебя признаютъ мудрецомъ, но общая молва относитъ эту мудрость къ чернокнижію, которое дается не отъ Бога, начала добра, средоточія истины и блага.

—Такъ ты думаешь, возразилъ холодно Твардовскій, что эта толпа можетъ судить объ насъ, о великихъ людяхъ, когда она насъ и понять не можетъ?...

—*Vox populi—vox Dei*,—гласъ народа—гласъ Божій, сказалъ тихо докторъ. Существованіе чаръ никто не можетъ опровергнуть, а чары исходятъ отъ дьявола.

—Сущая правда. Если есть на свѣтѣ дьяволъ, то есть и чары. *Vale*.

—*Vale*.

Толпа студентовъ смѣнила ученаго доктора. То была кипущая, алчущая науки молодость; веселая, хотъ и въ рубищѣ; свѣжая и румяная, хотъ и голодная. Увидѣвъ учителя, студенты не могли ничѣмъ обуздать своего восторга. Шапки полетѣли на воздухъ. Всѣ кричали: *Vivat Tvardovius! vivat!*

Матюша сиротка плакалъ отъ радости. Улыбка сіяла на лицѣ Твардовскаго.

А между тѣмъ колокола пятидесяти краковскихъ косцеловъ звонили и доносили до слуха Твардовскаго ужасную свою пѣснь:

—Бѣда душъ Твардовскаго! Бѣда тебѣ, Твардовскій, съ твоей славою, съ твоимъ величіемъ. Ты продалъ себя сатанѣ—отдалъ за минуту жизни цѣлую вѣчность! Бѣда тебѣ, учитель, бѣда, бѣда!

Понятенъ былъ Твардовскому этотъ голосъ; щемилъ онъ больно его сердце. Твардовскій шелъ въ задумчивости; кругомъ его разлаивались виваты; вдали жалобно выли псы. Изъ всего этого шума, смѣшаннаго разнообразнаго, дикаго, можно было вывести дурное предзнаменованіе;—то не были крики счастья и радости. Недовольный Твардовскій остановился и закричалъ:

—Молчать, колокола!

И въ ту же самую минуту вырвались изъ рукъ звонарей шнуръ колоколовъ. Колокольни тряслись въ основаніяхъ готовые разсыпаться камнями и колокола, глухо простонавъ, умолкли. Скоро Твардовскій пришелъ домой. Толпы народа окружили его и здѣсь привѣтствовали громкими криками: *Vivat Tvardovius!*

ГЛАВА XI.

Какъ Король посылалъ за Твардовскимъ.

Что такое слава? Откуда она? Не похожа ли она на снѣжный комъ, который катится съ горъ въ долину?.. Сначала онъ малъ; потомъ растетъ и растетъ, все больше и больше. Вотъ уже онъ захватываетъ съ собою все, что ни встрѣтитъ на дорогѣ; это уже не прежній комъ, это цѣлое облако снѣгу, скала, лавина,—страшная, всеразрушающая лавина, которая летитъ, какъ молнія, засыпаетъ села, города, и наконецъ, усталая, падаетъ гдѣ нибудь въ долину и разливается озеромъ. Такъ возрождается, такъ растетъ и такъ оканчивается слава. Часто приходитъ она неожиданная и незаслуженная. Иной бѣднякъ ложится спать, а проснувшись видитъ ее у себя на изголовьи, какъ золотую корону, которая не столько украшаетъ голову, сколько тяготитъ ее. Но чаще, она также скоро и исчезаетъ, какъ скоро приходитъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, что такое слава? Мечта, обманчивый призракъ чего-то несуществующаго,—обаяніе! Каждый можетъ дать ее, каждый можетъ отнять, а никто не знаетъ гдѣ она, что она, для кого она?

Слава Твардовскаго была одна изъ тѣхъ, которыя приходятъ во снѣ. На другой день послѣ договора съ дьяволомъ, онъ нашелъ ее у себя подъ изголовьемъ, — и она при-

пласть ему впору, какъ будто нарочно для него была сдѣлана. Ему казалось, что онъ давно уже ждалъ ее, что надѣялся на нее, какъ будто она была ему обѣщана напередъ,—не удивлялся ей и принималъ ее съ равнодушiемъ заимодавца, который принимаетъ въ срокъ уплаченный долгъ.

И однакожъ, могучею была эта слава, слава, для которой не существовало ни невѣрующихъ въ нее, ни завидующихъ ей, ни оспаривающихъ ее, потому что Твардовскiй въ глазахъ народа стоялъ такъ высоко, что никто не осмѣлился бы и подумать завидовать ему. Всѣ горожане съ уваженiемъ преклоняли предъ нимъ головы; ходили дивные слухи о его чудесныхъ исцѣленiяхъ, о совѣтахъ и средствахъ, которые онъ давалъ, о чарахъ и заклятияхъ, которыя онъ производилъ. Безпрестанныя повторенiя слуховъ этихъ увеличивали ихъ вмѣстѣ съ временемъ,—разнообразили до безконечности. У лверей дома Твардовскаго толпился народъ съ утра до вечера; вельможи присылали за нимъ раззолоченныя свои колясы и осыпали его деньгами за каждый визитъ, за лекарства, прописанныя имъ, верѣло за одно слово. Счастье сопутствовало Твардовскому во всемъ: каждый новый шагъ увеличивалъ его славу; за каждымъ шагомъ слѣдовали новые, болѣе прежнихъ дивные слухи,—каждый день ознаменовывался какимъ-нибудь новымъ чудомъ. Могущество чародѣя не знало границъ.

И радовался Твардовскiй, потому что гордость его и жажда славы были уже насыщены; онъ обладалъ тѣмъ, чего желалъ, исполнилъ того, чего жаждалъ. Но былъ ли счастливъ отъ своей славы Твардовскiй—этого не зналъ никто.

Однажды позднимъ вечеромъ Твардовскiй сидѣлъ передъ огромною книгой, хоть и ничего не читалъ въ ней. Лампа горѣла передъ нимъ на столѣ. Матюша спалъ въ углу комнаты. Кругомъ все было тихо. Ничто не нарушало торжественной тиши той минуты, въ которую цѣлый городъ съ молитвою отходилъ ко сну. На огромномъ, покрытомъ грубымъ сукномъ, столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Твардовскiй, стояли и лежали предметы, какiе въ то время можно было найти у однихъ только ученыхъ по ремеслу. Лежали на немъ человѣческой черепъ, кости и ребра такъ называемыхъ *великолюдовъ* (*); чучело крокодила висѣло на потолокъ; въ углу стояла

(*) Великановъ.

египетская мумія, обвитая іероглифическими пеленками; уроды мокли въ спиртѣ, въ огромныхъ банкахъ; скелетъ бѣлѣлся на почернѣвшей стѣнѣ; надъ окномъ распяленъ былъ петопырѣ. Было время, когда Твардовскій по этимъ браннымъ, когда-то оживленнымъ, остаткамъ изучалъ тайны природы, пыталъ прошлое, добивался будущаго. Теперь все это стало для него извѣстнымъ и бесполезнымъ; теперь онъ готовъ былъ бросить все это съ презрѣніемъ, какъ огрызокъ плода, изъ котораго высосана уже вся сладость.

Вдругъ послышался Твардовскому какъ будто чей-то шелестъ, какъ будто чей-то тихій говоръ. Улыбаясь, прищурилъ Твардовскій глаза, и среди мертвой тиши явственно доходили до его слуха слѣдующія слова, которыхъ, кромѣ его, не услышалъ бы и не понялъ никто на свѣтѣ.

Скелетъ. Какая смертная скука стоять, какъ на часахъ, у этаго безумца, — стоять безъ пользы и понапрасну! По крайней мѣрѣ, прежній господинъ мой пересчитывалъ мнѣ иногда ребра, — а этотъ даже и не дотронется до меня. Мыши только огрызаютъ мнѣ на ногахъ пальцы! Ужъ лучше было бы мнѣ въ сырой землѣ! Спокойно выспишься тамъ за всѣ безпокойныя ночи въ жизни, а тутъ стой, вытянувшись, какъ на часахъ рекрутъ... Еще какъ будто на-смѣхъ понацѣплялъ мнѣ пружинки вмѣсто мускуловъ, — жмутъ бѣдныя кости, которыя, бывало, такъ привольно двигались подъ кожей и тѣломъ. Чтобъ тебѣ самому, проклятый мудрецъ, служить по смерти пугаломъ или посмѣшищемъ! За что ты меня держишь по-напрасну?

Рука великана. Молчалъ бы лучше, воробей, если видишь, что я не жалуюсь! А мнѣ-то небось хорошо здѣсь, мнѣ, которая при жизни была не чета тебѣ, ничтожному червяку? И развѣ пріятно мнѣ слушать, когда всѣ этѣ лысыя головы, съ очками на носсахъ, примутся разсуждать обо мнѣ и доказывать, что я никогда не была членомъ человѣка, а какимъ-то безсловеснымъ мамонтомъ, или чѣмъ-нибудь похуже этого? Небось, хорошо мнѣ здѣсь, — мнѣ, рукѣ допотопнаго великана, — мнѣ, которая была такъ сильна въ жизнь?...

Скелетъ. Сильна — по величинѣ, да по глупости развѣ...

Уродецъ въ спитѣ. Ай! ай! И я мучусь, и я терплю, хоть и думаютъ, что будто у меня нѣтъ и не было души и что я не видалъ свѣта. И развѣ пріятно смотрѣть на кусочекъ этого свѣта, который описывали мнѣ такимъ прекраснымъ, — смо-

третъ сквозъ спиртъ и стекло—и не вылить ничего, кромѣ грязной комнаты, да этой лысой головы?...

Мумія. Что это разворчалась тамъ эта противная сволочь? Что они? кто они? люди или рабы? Молчать! я здѣсь царица!

Всѣ. Ха! ха! ха! Царица?... Ты царица? Да зрастуется царица! ха! ха!...

Мумія. Не видите развѣ на пеленкахъ моихъ надписи? Знайте же—я знаменитая великая царица народа египетскаго. Не понимаю я только, кто этотъ безумецъ, который осмѣливается рѣзать меня на кусочки и давать больнымъ вмѣсто лекарства. Бѣда ему, когда настанетъ часъ моего мщенія!

Всѣ. А! бѣда ему, съ тебя знаменитой, всемогущей царицы, которая раздаешь себя по кусочкамъ всѣмъ тѣмъ, кого одолѣетъ колика, у кого отяжелѣетъ голова или прогнѣютъ внутренности!!

Мумія. Во всѣхъ гробницахъ нашихъ не было женщины—моложе и прекраснѣе меня...

Всѣ. О, великая царица! прекрасная царица! какъ жаль, что тебя обпилилъ такъ мучитель нашъ! Сама себя хвалишь, ты—царица безъ двора и безъ штата!

Нетопырь. Не ужели уже на дворѣ ночь? Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ слетѣть съ этаго окна, къ которому меня пригвоздили! За чѣмъ, за что прибили меня?.. Что любопытнаго нашли они въ моихъ крыльяхъ? Я простая мышь, только съ крыльями, какъ отецъ мой, какъ мать моя, какъ вся семья наша. Какъ, я думаю, весело теперь жить на свѣтѣ братцамъ и сестрицамъ моимъ! Сколько тамъ огоньковъ блеститъ въ окнахъ, какіе прохладные, роскошные гвѣзда на чердакахъ и въ подвалахъ! О, зачѣмъ я не могу полетѣть къ нимъ!..

Крокодилъ. Висѣтъ и висѣтъ безконечно въ этой сырой, холодной избѣ! Но когда нибудь должно же кончиться мое мученье! — Когда нибудь да долженъ издохнуть этотъ лысый сторожъ! О,—съѣлъ бы я его, еслибъ могъ!..

Адамова голова. Добрый вечеръ, братцы, добрый вечеръ! Каково вы спали днемъ? Вотъ уже проснулась наша лампада и свѣтитъ прямо въ ечи,—пора вставать! Пора вставать, пора идти прогуляться...

И стуча зубами, поднимался на столъ черепъ.. Въ эту минуту Твардовскій ударилъ рукою по столу, — и таинственный говоръ стихъ... Матюша проснулся.

За дверьми послышались чьи-то шаги; ручка застучала, двери отворились и въ комнату кто-то вошелъ.

Зглянувши на пришельца равнодушно, безъ любопытства, Твардовскій самодовольно улыбнулся. Пришелецъ однакожъ, не отличался ничѣмъ особеннымъ, и приходъ его, по видимому, не предвѣщалъ большой радости. Онъ стоялъ у порога, завернувшись въ черный плащъ, въ шляпѣ съ чернымъ перомъ, въ сапогахъ съ длинными поскама и широкими раструбами. На груди его виднѣлась золотая цѣпь съ медальономъ; изъ подъ плаща выставлялась шпага. Блѣдное лицо незнакомца показывало въ немъ человека еще молодаго; глаза тускло свѣтились въ глубокихъ впадинахъ; губы были стиснуты. Острый и узкій носъ спускался къ чернымъ усамъ, почти закрывавшимъ ротъ, подъ которыми чернѣлась эспаньолка, окруженная рѣдкою, остроконечною бородою, какую носили тогда на Западѣ.

Незнакомецъ снялъ шляпу и подошелъ къ Твардовскому.

—Я ждалъ васъ, сказалъ ему Твардовскій, вставая съ кресла.

—Меня,—меня? вскрикнулъ удивленный пришелецъ.

—Да, да, именно васъ, отвѣчалъ Твардовскій: не удивляйтесь; вспомните, что я умѣю отгадывать все, что случилось и что случится впередъ.

—Ошибаетесь, вашмосьць (*), отозвался съ полунасмѣшливой, полупрезрительной улыбкой незнакомецъ, оскорбленный самоувѣренностію Твардовскаго.

—Я не ошибаюсь никогда, возразилъ Твардовскій. Хотите, чтобъ я вамъ сказалъ, кто вы?—

—Прошу васъ, отвѣчалъ незнакомецъ, увѣренный, что Твардовскій не могъ знать его, и потомъ продолжалъ, указывая на Матюшу:—Но прежде, чѣмъ начнемъ разговоръ, я просилъ бы васъ... выслать... этого человека.

—Это слуга мой, отвѣчалъ Твардовскій, — и далъ знакъ Матюшѣ, чтобъ онъ вышелъ.

Матюша вышелъ въ маленькую дверь.

—Теперь готовъ слушать васъ.

—Вашмосьць — придворный Его Королевской Мосьци, не такъ-ли?

(*) Waszmosc, сокращенное Wasza Mosci,—ваша милость.

—Такъ, но развѣ вы видѣли меня когда-нибудь при дворѣ?

—Король послалъ васъ ко мнѣ. Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ онъ лишился любимой супруги... Говорить ли болѣе?

—Довольно, довольно, вскричалъ удивленный незнакомецъ, приблизившись къ Твардовскому. Выраженіе насмѣшки и гордости исчезли съ худого, блѣднаго лица его; онъ видимо смѣшался. — Скажите мнѣ, ради Бога, откуда вы знаете объ этомъ? Король ни кому не говорилъ объ этомъ, кромѣ меня; могу васъ увѣрить, что въ комнатѣ кромѣ его и меня никого не было; могу поручиться, что никто не осмѣлился бы подслушивать у дверей. Къ тому же король говорилъ мнѣ на ухо. Никто въ свѣтѣ немогъ знать этого, кромѣ меня и его.

—Я знаю третій, отвѣчалъ смѣло Твардовскій, потому что все, сокрытое для другихъ, для меня открыто, и будущее я читаю, какъ книгу.

—По этому я не хочу васъ и спрашивать, продолжалъ придворный, удивленный всевѣдѣніемъ Твардовскаго, можете ли вы исполнять то, чего просить отъ васъ король.

—Могу ли—въ этомъ сомнѣваться нечего; но сдѣлаю ли—это еще сомнительно.

—Какъ! имѣя возможность и средства сдѣлать, вы не сдѣлали-бы для короля?

Твардовскій улыбнулся и отвѣчалъ:

—Для меня нѣтъ короля. Есть нѣкоторыя причины, для которыхъ я долженъ подумать—надобно ли исполнить королевскую просьбу.

—Какія же причины?

—Король огорченъ потерей дорогой ему супруги; ему хочется видѣть ее — ее, или ея тѣнь, и онъ проситъ меня вызвать ее. Такъ-ли?

—Такъ.

—Хорошо ли будетъ, если король увидитъ снова обожаемую имъ Варвару?.. Раны, которыя теперь начинаютъ заживать, откроются; увидѣвъ ее, онъ захочетъ подойти къ ней, прижать ее къ оспротивному сердцу, — поговорить съ нею. Слѣдствіемъ такого свиданія будутъ новыя слезы, новая грусть, новое отчаяніе. Свиданіе это можетъ принести королю больше вреда, чѣмъ пользы, — больше горести, чѣмъ утѣшенія. Каждый день уноситъ съ собою частичку воспоминанія, но когда это воспоминаніе оживится чуднымъ видѣніемъ, то ляжетъ тяжело на-сердцѣ; милый образъ ясіе отразится въ

душѣ, и грусть овладѣтъ ею снова и надолго. Не похоже ли это на желаніе больного, который хотѣлъ бы испытать въ другой разъ одну и ту же болѣзнь?..

—Я разделяю ваши мысли и предоставляю вашей мудрости дѣйствовать, какъ лучше, отвѣчалъ съ покорнымъ видомъ придворный.

—По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, продолжалъ Твардовскій. На свѣтѣ есть вещи, о которыхъ не знаю и которыхъ не вижу, потому что не хочу видѣть ихъ и нарочно отвращаю отъ нихъ взоры. Будущее короля есть именно одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которыхъ не хочу и не смѣю доискиваться.

—На что же вы рѣшитесь?

—Въ эту минуту я не могу дать вамъ рѣшительнаго отвѣта. Мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, три дни на размышленіе. Черезъ три дни и въ такую же пору, какъ сегодня, придите ко мнѣ.

—По крайней мѣрѣ, позвольте ли вы мнѣ, не откладывая до другаго времени, сказать вамъ, что обѣщаетъ вамъ король, если вы исполните его желаніе?

—Любопытно было бы знать, невольно сказалъ Твардовскій: по истинѣ, я не могу отгадать этой награды.

—Предупреждаю васъ, что король, Егомосьцъ, вовсе не считаетъ это наградою. Онъ хочетъ просто оставить вамъ по себѣ память—и этою памятью будутъ золотая цѣпь въ три ста злотыхъ вѣсомъ, драгоценный перстень и соболья шуба, одна изъ тѣхъ, которыя послѣдній царскій посолъ привезъ королю въ подарокъ изъ Москвы, и красотѣ которой не могли въ то время надивиться. Повторяю: король не думаетъ награждать васъ; все это будетъ однимъ слабымъ знакомъ его къ вамъ благорасположенія.

—Благодарю за ласку и милость королевскія для меня, ничтожнаго слуги его, отвѣчалъ Твардовскій. Не забудьте же придти ко мнѣ черезъ три дни.

Съ этими словами онъ поклонился и придворный вышелъ. Задумчивый Твардовскій остался одинъ; но едва только утихли шаги гостя на лѣстницѣ, какъ въ углу комнаты, что-то замельтѣло и изъ подъ огромной кучи книгъ вылѣзъ, зѣвая во весь широкой ротъ свой, дьяволъ.

—Добрый вечеръ!

—А я только что собирался тебя звать.

—Видишь, какъ я легокъ на-поминѣ. Я зналъ, что ты желаешь со мной видѣться и предупредилъ зовѣ.

—Такъ стало быть ты знаешь въ чемъ дѣло?

—Знаю, да не совсѣмъ, равнодушно отвѣчалъ дьяволъ.

—Король нашъ, сказалъ ему Твардовскій, послѣ минутнаго размышленія, потерялъ нѣжно любимую имъ супругу, Варвару (*). Дороже всего на свѣтѣ была она ему, потому что онъ взялъ ее, какъ нѣжную подругу, а не какъ королеву. Не смотря на всѣ прекрасныя качества настоящей королевы, скончавшейся недавно въ Вильнѣ, Варвара взятая королемъ съ бою, умѣла затмить всѣ качества своей предмѣстницы и соперницы. Огорченный ея смертію, король самъ проводилъ тѣло ея въ Вильну, носилъ всегда портретъ ея на груди, и одно воспоминаніе объ ней заставляетъ его проливать слезы. Дошла до него вѣсть о моемъ знаніи. Народная молва разгласила вѣсть о моемъ могуществѣ, посредствомъ котораго я вызываю тѣни умершихъ, и это подало королю мысль взглянуть еще разъ на образъ любимой супруги. Сейчасъ только вышелъ отъ меня посланецъ королевскій, который передалъ мнѣ желаніе и просьбу монарха. Скажи, могу-ли я показать ему духъ умершей? Могу-ли вызвать его?

—Не могу сказать тебѣ навѣрное, что случилось съ душой королевы. Если она полетѣла туда (дьяволъ указалъ пальцемъ на небо), то трудненько будетъ вызвать ее на землю.

—Трудно, но все-таки возможно?

—Ну, не знаю, какъ тебѣ сказать. Есть закліянія и на добрыхъ духовъ; о закліяніяхъ на злыхъ ты знаешь самъ: потому что они гораздо легче первыхъ. Подумай-ко; авось отыщешь в нихъ въ своей головѣ.

—Знаю, отвѣчалъ Твардовскій, глубоко задумавшись.

—Во всякомъ случаѣ, продолжалъ сатана: старайся показать королю духъ такимъ образомъ, чтобъ онъ не влюбился въ него болѣе, чѣмъ любилъ покойницу при жизни,—напротивъ, слѣлай такъ, чтобъ онъ внушилъ ему ужасъ, или отвращеніе. Память и любовь къ умершимъ соединяють живущихъ съ мертвыми неразрывными, таинственными узами, и тогда они меньше грѣшатъ. Многіе,—говорю тебѣ это по опыту,—удержались на пути добродѣтели единственно отъ воспоминанія объ умершихъ.

(*) 1551 г.

Мы, какъ тебѣ извѣстно, стараемся только о томъ, чтобы всѣ грѣшили, потому что грѣхомъ свѣтъ держится, и давно бы провалился, еслибъ не было этого *malum necessarium*. Потому-то я такъ и стою на этомъ. Потомъ, ты долженъ стараться, чтобы король ни подъ какимъ видомъ не приближался къ духу и не коснулся бы его; даже чтобы не заговорилъ съ нимъ, ибо, въ противномъ случаѣ, если духу вздумается отвѣчать, то король непременно умретъ и тебя сожгутъ, или повѣсятъ, какъ колдуна и чернокожника. Впрочемъ, дѣлай себя, какъ угодно. Съ моей стороны будетъ только одно условіе; вѣдь надобно же и мнѣ что-нибудь тутъ выиграть. Ты долженъ отказаться отъ всякой награды. Проси короля только объ одномъ: пусть проститъ перваго преступника, котораго на другой день должны вѣшать на площади передъ ратушей; этимъ ты приобрѣтешь для себя новую славу, — славу безкорыстнаго человѣка, а для ада—окажешь большую услугу, сохранивши человѣка, для него необходимаго. Надобно о себѣ думать: *primo mihi*. За это я берусь помогать тебѣ въ дѣлѣ. Помни же о двухъ главныхъ вещахъ: для себя—чтобы король во время явленія духа не сошелъ съ мѣста и не заговорилъ бы съ нимъ; для меня,—чтобы помиловалъ преступника. Ну, прощай; я тороплюсь въ другую сторону. *Vale et me ama.*—

Дьяволъ исчезъ. Твардовскій бросился на жесткую постель. Лампада, по прежнему, озаряла тусклымъ красноватымъ свѣтомъ своимъ мумію, крокодила, скелетъ и уродовъ въ банкахъ. Твардовскій скоро заснулъ. Тогда только тихонько подошелъ къ кровати его неустанно наблюдавшій за господиномъ своимъ Матюша-спиротка, покрылъ его одѣяломъ въ комнатѣ было холодно), погасилъ лампаду, и, машинально перекрестившись и пробормотавши что-то подъ носъ, улегся на полу, въ ногахъ своего господина.

ГЛАВА XII.

Какъ Твардовскій вызывалъ тѣнь королевы Варвары.

Черезъ три дня, которые Твардовскій выпросилъ на размышленіе вечеромъ, брякнула у дверей желѣзная щекотла, и въ комнату вошелъ королевскій посланецъ. Твардовскій подошелъ къ нему.

— Какой отвѣтъ долженъ я принести королевской Мосъци?—началъ придворный, послѣ обычнаго привѣтствія.

—Желаніе его можетъ быть исполнено, отвѣчалъ по минутномъ размышленіи Твардовскій: только не иначе, какъ на условіяхъ, которыя непременно долженъ принять король.

—Увѣренъ заранее, что король согласится на самыя тяжелыя условія, если только они будутъ приличны его высокому сану. Король такъ горячо любилъ свою супругу, что рѣшится на все, лишь бы увидѣть хоть на минуту тѣнь ея.

—Первое мое условіе—чтобъ король въ минуту появленія тѣни не пытался приближаться къ ней, не говорилъ бы ни слова, не сходилъ бы съ мѣста. Второе—чтобъ при вызовѣ тѣни не было никого, кромѣ меня, короли и васъ. Третье—чтобъ король, вмѣсто всякой награды, помиловалъ осужденнаго на смерть преступника.

—Могу поручиться, отвѣчалъ удивленный требованіями Твардовскаго придворный, что всѣ эти условія будутъ королевомъ исполнены. Что же касается до награды, то я совѣтовалъ бы вамъ не пренебрегать ею: тутъ можно много выиграть. Подумайте хорошенько; не пожелаете ли еще чего нибудь?..

Удивленный придворный поспѣшилъ къ королю съ радостной вѣстью и скоро возвратился, объявить Твардовскому, что король соглашается на всѣ условія и проситъ его явиться къ нему во дворецъ. Гордый своимъ безкорыстіемъ, Твардовскій собрался не долго. Онъ зналъ, что нетерпѣливый король не будетъ откладывать до другаго времени исполненіе своего замысла. Твардовскій взялъ волшебный жезлъ, свитокъ пергамента, книгу, какой-то ящичекъ, завернулъ въ широкой плащъ и вышелъ вмѣстѣ съ придворнымъ.

Они шли молча. Была уже поздняя ночь; гонимыя осеннимъ вѣтромъ тучи волоклись по небу; вѣтеръ гудѣлъ въ узкихъ,

опустѣлыхъ улицахъ Кракова. Не было видно низги. Изрѣдка доходили до слуха путниковъ вой собакъ, или отрывчатые голоса пьяницъ, гулявшихъ въ корчмахъ, не смотря на позднюю пору. Порой раздавалось по улицѣ бряканье сабли, которое тотчасъ же заглушалъ лай собакъ, и потомъ опять наступала тишь, — и опять гудѣлъ одинъ вѣтеръ. Надобно было хорошо знать Краковъ, чтобъ не заблудиться въ немъ въ позднюю пору и темною осеннею ночью. Наши путники, должно быть, знали его хорошо, потому что шли съ увѣренностію по узкимъ и кривымъ улицамъ, поворачивая то вправо, то влево, замѣчая дорогу по разнымъ примѣтамъ, по домамъ, оградѣмъ косцельнымъ и колокольнымъ, пока, наконецъ, не подошли къ королевскому замку.

Они вошли въ калитку, ключъ отъ которой былъ у придворнаго. Потомъ имъ надобно было пройти маленькимъ дворомъ, откуда, черезъ длинную галерею съ тонкими готическими колоннами и нѣсколько корридоровъ, они скоро достигли королевской половины. На крыльцѣ не было никого. Кругомъ царствовали темнота и мертвая тишь, и только въ отдаленіи, въ одномъ изъ оконъ замка, за красною занавѣскою, мелькалъ огонѣкъ. Путники опять поднимались по лѣстницѣ, вошли въ корридоръ, гдѣ ихъ встрѣтилъ королевскій дворецкій и проводилъ до самыхъ королевскихъ покоевъ. Комната, въ которую онъ привелъ ихъ, не отличалась особеннымъ убранствомъ. Это была караульная. Кругомъ, около стѣнъ, стояли дубовыя лавки, — по срединѣ большой дубовый столъ. Въ углу высилась огромная печка съ голландскими изразцами. Большія окна съ оправленными въ олово стеклами шли по одному боку. На потолокъ видѣлись огромныя балки съ рѣзными украшеніями. Комната освѣщена была двумя витыми желтыми свѣчками, вставленными въ огромные мѣдные подсвѣчники, надъ мисками съ водою. На каменномъ и холодномъ полу лежали въ разныхъ мѣстахъ, завернувшись въ плащи, королевскіе коморники и юргельтники. Одни изъ нихъ спали на подостланныхъ кожахъ, другіе просто на связкахъ соломы. Подлѣ каждаго лежали сабля и распущенный поясъ. У дверей, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ вооруженный съ головы до ногъ часовой. Въ эту-то дверь вошелъ Твардовскій съ своимъ спутникомъ. Не успѣли они войти въ нее, какъ нѣсколько головъ приподнялись съ постелей и вслѣдъ за тѣмъ раздалось отовсюду:

— Кто тамъ? Кто идетъ?

—Тсъ!—отозвался придворный, прикладывая палецъ къ губамъ и указывая съ таинственнымъ видомъ на входившаго вслѣдъ за нимъ Твардовскаго. Дворяне (это были они) тотчасъ умолкли. Многіе изъ нихъ, опершись на локтяхъ, съ любопытствомъ осматривали Твардовскаго, перешептываясь между собой съ насмѣшливымъ видомъ, какъ это всегда случается между придворными. Никто изъ нихъ не видалъ Твардовскаго, и они напрасно терялись въ догадкахъ, зачѣмъ бы могъ требовать король въ такую позднюю пору незнакомое имъ лицо. Между тѣмъ дворецкой, который ввелъ Твардовскаго, сказалъ ему, что пойдеть къ королю, доложить объ его приходѣ, и указалъ на лавку. Твардовскій сѣлъ.

Дворецкой, тихонько, на цыпочкахъ, подошелъ къ другой двери, завѣшенной занавѣскою, и скрылся за нею. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и далъ знакъ Твардовскому слѣдовать за собой. Въ то же время онъ разбудилъ одного изъ коморниковъ и тихонько отдалъ ему какія-то приказанія. Другіе коморники начали вставать и надѣвать сабли. Впустивъ Твардовскаго, дворецкой опустилъ занавѣсь. Они прошли двѣ темныя комнаты и остановились у полуотворенныхъ дверей, откуда видѣлся свѣтъ.

Это была небольшая комната со сводами и однимъ окошкомъ. Полъ былъ устланъ персидскимъ ковромъ; по угламъ стояли покрытые мраморомъ столы, на которыхъ лежали оправленные въ пергаментъ книги и связки бумагъ. Въ глубинѣ видѣлась кровать, завѣшенная малиновыми занавѣсками; у кровати стоялъ покрытый сукномъ столъ съ серебряными кубками для вина и воды, съ вызолоченными лаханью и рукомойникомъ. По стѣнамъ шла покрытая ковромъ лавка; по срединѣ комнаты стояли два кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ съ золотой бахромой. Въ углу, на столѣ, горѣла лампа.

У кровати стоялъ средняго роста, сутулый мушкетеръ, весь въ черномъ. Лице его было блѣдно, брови нахмурены. Длинная, раздвоенная борода его падала на грудь; усы и волосы были немного подстрижены. Твардовскій не успѣвъ еще переступить порога, какъ тотъ закричалъ ему:

—Не подходи близко!—издалека! издалека!..

Смѣшавшійся и изумленный Твардовскій остановился у порога. Дворецкой сталъ подлѣ него.

Спустя минуту, король (это былъ онъ), замѣтно волнуемый страхомъ и нерѣшительностію, продолжалъ:

—Ты вызвался показать мнѣ твою дражайшей супруги моей королевы Варвары?

—Да, наяснѣйшій и всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ Твардовскій: я общалъ это вашей королевской мосьщи—только не иначе, какъ съ условіями.

—Какія-же твои условія?—спросилъ нетерпѣливо Августъ.

—Во-первыхъ, ваша королевская мосьща, не должны говорить, не должны прикасаться къ тѣни, не должны подходить къ ней.

—Какъ? не сказать ни слова? не показать и знака чувства? Это ужъ слишкомъ, и если только крайне необходимо...

—Необходимо для безопасности вашей священной особы. Награды я не прошу никакой, кромѣ помилованія преступника, котораго завтра должны казнить.

—Я уже слышалъ объ этомъ, сказалъ король, и желалъ бы знать, почему такъ дорогъ тебѣ этотъ преступникъ?

—Я даже не знаю, кто онъ, отвѣчалъ Твардовскій.

—Прошу тебя, продолжалъ король по минутномъ молчаніи: не употреблять заклятій, запрещенныхъ Церковію. Они могутъ погубить душу. Вызови мнѣ твою королеву простыми заклятіями бѣлой магіи или молитвою.

Твардовскій, вмѣсто отвѣта, отрицательно покачалъ головою.

—Намъ надобно комнату побольше этой, сказалъ онъ потомъ.

По знаку короля дворецкій открылъ другія двери, завѣшенные занавѣской. Всѣ трое вошли въ нихъ. Дворецкій освѣщалъ дорогу лампою. Пройдя двѣ небольшія комнаты, они вышли въ огромную залу о трехъ окошкахъ, обитую чернымъ сукномъ и съ двумя, по обѣимъ концамъ, дверьми, кругомъ залы, по стѣнамъ, тянулись лавки, посрединѣ стоялъ столъ, покрытый до полу чернымъ сукномъ; на стѣнѣ висѣло распятіе. Въ огромномъ каминѣ тлѣли уголья и освѣщали всю залу слабымъ красноватымъ мерцаніемъ. Блѣдный, изнуренный король молча опустился въ кресла; Твардовскій началъ свои приготовления. Разложивъ на столъ свои чернокожичные сваряды, онъ велѣлъ придворному завѣсить распятіе. Король, казалось, не примѣчалъ, или показывалъ видъ, что не примѣчаетъ этого.

Передъ начатіемъ заклинаній, Твардовскій обратился къ королю:

—Прошу у вашей королевской мосьщи, сказалъ онъ: волю покойной королевы.

Августъ снялъ съ груди своей черную книжку съ золотыми

застежками и вынувъ оттуда волосы, послалъ ихъ съ придворнымъ своимъ Твардовскому.

— Повторяю вамъ, государь, наше условіе. Вы должны сидѣть тихо, не должны вымолвить ни одного слова при появленіи тѣни, иначе и съ вами и со мной можетъ случиться большое несчастье.

Король въ знакъ согласія кивнулъ головою. Видно было, что страхъ и радость боролись въ немъ и онъ не могъ пережить въ себѣ ни одного изъ этихъ чувствъ, хотя и старался скрыть ихъ. Брови его нахмурились еще болѣе, тяжелое дыханіе колебало грудь, лицо блѣднѣло, руки судорожно сжались.

Минуту спустя Твардовскій началъ вызывать тѣнь и жечь на лампѣ волосы королевы. Густой дымъ заволокъ туманомъ всю комнату. Потомъ дымъ началъ рѣдѣть; лампа вспыхнула ярче, — противоположная дверь съ трескомъ и скрипомъ растворилась и на порогъ показался чей-то неясный образъ. Онъ обозначался все яснѣе, яснѣе. Скоро можно было различить прелестныя черты молодой женщины небольшого роста, стройной, голубоокой, блондинкой, съ томнымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ бѣлой, легкой одеждѣ, подъ которой виднѣлся блестящій, драгоценный уборъ. Она шла тихими, мѣрными шагами, едва касаясь ногами пола, останавливалась и потомъ шла опять. Прекрасные глаза ея были обращены въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ король, съ выраженіемъ любви и невыразимой грусти.

Въ минуту, когда отворилась дверь, Августъ закрылъ глаза; — но когда, послѣ внезапнаго страха, онъ открылъ ихъ, — передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стояла та, которую любилъ онъ болѣе всего на свѣтѣ. Онъ впалъ въ милый призракъ вѣра, въ которыхъ просвѣчивались грусть и отчаяніе; тяжелый вздохъ вырвался изъ груди его. Тѣнь все приближалась. Когда глаза короля встрѣтились съ небесными очами уснувшей, онъ не могъ преодолѣть своихъ чувствъ, забылъ объ опасности, вскочилъ съ кресла и вскричалъ, протягивая къ Варварѣ руки:

— Это ты! ты! — Варвара!!!

Затрепетала тогда тѣнь Варвары и страшно измѣнилось лицо ея. Въ одну минуту, вмѣсто этого очаровательнаго неземнаго существа, король увидѣлъ передъ собой изсохшій трупъ въ сгнившихъ лоскуткахъ, изъ подъ которыхъ торчали обрывки гнилаго, източеннаго червями тѣла... могильная вонь наполнила комнату.

Король вскрикнулъ и упалъ въ кресло безъ чувствъ. Лампа погасла. Придворный въ отчаяніи ломалъ руки и проклиналъ чернокнижника. Скоро на крикъ его прибѣжали королевскіе придворные и коморники. Обезпамятѣвшаго короля перенесли въ спальню и послали за лекаремъ Шнебергеромъ. Твардовскаго нигдѣ не могли найти: онъ скрылся.

На другой день дивныя слухи ходили объ этомъ происшествіи. Говорили, что Твардовскій вызывалъ тѣнь умершей королевы и едва не погубилъ короля...

Августъ сдержалъ свое слово, и преступникъ, котораго на другой день должны были вести на плаху, былъ помплованъ.

ГЛАВА XIII.

О томъ, какъ дьяволъ объяснялъ Твардовскому свои намѣренія,

Воротившись домой, Твардовскій разбудилъ Матюшу и соби-
рался уже лечь спать, какъ вдругъ явился передъ нимъ
дьяволъ.

— Король не сдержалъ слова? — спросилъ онъ.

Твардовской съ замѣшательствомъ кивнулъ головою.

— И что жъ дальше?

— Тѣнь королевы превратилась въ отвратительный трупъ.

Дьяволъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься, сатана?.. сказалъ съ упрекомъ Твар-
довскій... Видѣ ты самъ не желалъ этого, ты самъ остерегалъ
меня?

— Ты старался, возразилъ дьяволъ, предостеречь короля
всеми мѣрами и однимъ этимъ ты заставилъ его дѣйствовать со-
вершенно напротивъ. Ты знаешь, что людямъ все запрещен-
ное особенно нравится. Возбужденное въ сильной степени лю-
бопытство ихъ не знаетъ предѣловъ, и тутъ они забываютъ
уже все предосторожности. Мнѣ именно того и хотѣлось, чтобъ
прелестный образъ королевы явился передъ королемъ въ отвра-
тельномъ видѣ въ ту самую минуту, какъ тотъ думалъ уже
осязать его. Такимъ образомъ видѣніе это, вмѣсто того, чтобъ
усилить любовь короля, возбудило въ немъ сильное отвращеніе
къ предмету прежняго обожанія. Теперь король будетъ искать

удовольствія и развлеченія между другими женщинами, и наконецъ, совсѣмъ забудеть о Варварѣ. Этого-то мнѣ и хотѣлось. Прощай, Твардовскій!

Задумчивый Твардовскій не отвѣчалъ на привѣтствіе дьявола.

—Итакъ, сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ: я орудіе дьявола!.. Стоило же изъ за этого связываться съ сатаною!

Г Л А В А XIV.

Какъ Твардовскій выѣхалъ изъ Кракова.

Ничто не нарушало глубокой задумчивости Твардовскаго. Безъ цѣли и надежды достигъ онъ того, чего желалъ. Теперь не было невозможнаго для его воли. Онъ оглядывался на свое прошлое, — останавливался надъ нимъ. Какъ сонъ, представилась ему давно утраченная юность; онъ едва вѣрилъ ея существованію. Окружавшіе его нѣкогда предметы и люди, являлись ему, какъ призраки, съ слабымъ подобіемъ существенности...

Эти думы о прошломъ нарушены были внезапнымъ приходомъ королевскаго дворецкаго.

—Учитель, сказалъ тотъ, войдя въ комнату и бросая на столъ тяжелую золотую цѣпь, — король приказываетъ тебѣ тотчасъ же выѣхать изъ города и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ тебѣ вотъ это, на память и въ подарокъ.

—На память? воскликнулъ съ гордой усмѣшкой Твардовскій. Если на память беру, въ подарокъ—не принимаю. Ты говоришь мнѣ о выѣздѣ?

—Такова воля короля. Ему угодно, чтобъ ты сейчасъ же оставилъ Краковъ. Весь дворъ, весь городъ знаютъ уже о томъ, что случилось сегодня во дворцѣ, ночью. Дворяне подслушали у дверей, когда король звалъ Варвару, видѣли тѣнь ея, слышали смрадный запахъ. Короля обвиняютъ въ чародѣйствѣ, говорятъ, что ты совѣтовалъ ему сноиться съ умершими посредствомъ злаго духа (при этихъ словахъ дворецкій плюнулъ и перекрестился). Не совѣтую тебѣ медлить отъѣздомъ: къ завтрашнему утру слухи эти еще болѣе распространятся по городу,—тогда какъ съ отъездомъ твоимъ могутъ забыть объ нихъ.

Если не жалѣешь себя, то не нарушай, по крайней мерѣ, священной воли короля,—подумай объ его спокойствіи. По отъѣздѣ твоёмъ легко можно будетъ разсѣять слухи; — не все имъ тогда повѣрять.

—Ошибаешься, сердито прервалъ его Твардовскій:—если думаешь, что меня, какъ старую беззубую бабу, можно позвать и вытолкнуть потомъ за дверь. Не думаешь ли ты, что тотъ, кто вызвалъ тебя съ того свѣта, не будетъ въ состояніи и спроводить кого-нибудь на тотъ свѣтъ такимъ же порядкомъ.

Дворецкій поблѣднѣлъ.

—Полно, Твардовскій! Чѣмъ же ты обижаешься,—за что месть? Не забудь, что дѣло идетъ о твоёмъ спокойствіи, о твоѣй славѣ?

—О слава??.. Моя слава, отвѣчалъ заносчиво Твардовскій—не боится ничего въ свѣтъ. Глухимъ болтунамъ я зажму губы,—повѣрь мнѣ.

—Ошибаешься, Твардовскій. Молвъ не зажать тебѣ рта. Не одинъ простой народъ и глупые болтуны будутъ нарѣкать на чародѣйство короля. Скоро узнаютъ о немъ радные паны (*) и сенаторы, а что еще хуже, епископы, — заведутъ процессъ, который можетъ повести тебя на костеръ. Припомни свѣжіе примѣры.

—Кто осмѣлится взять меня, — кто будетъ судить меня? — спросилъ Твардовскій.

—Духовная власть. Самъ король не охранитъ тебя отъ нея. Ты знаешь, что было съ людьми, которыхъ осуждали не въ чародѣйствѣ, а въ Виттембергской ереси...

—А ты думаешь, что я дамъ имъ, что позволю судить себя?

—Знаю, и потому то прошу тебя объ отъѣздѣ именемъ короля.

Твардовскій задумался.

—Ты говоришь, что король приказываетъ мнѣ выхвать?..

—Король приказываетъ, а я совѣтую.

—Приказываетъ! приказываетъ! повторилъ Твардовскій. Зачѣмъ же онъ прибѣгалъ къ моей помощи, когда власть его сплѣнѣе моей?

—Ну, дѣлай, какъ хочешь; прощай!—Сказавъ это, дворецкій вышелъ.

(*) Радные паны—сановники, засѣдавшіе въ Радѣ, или Совѣтѣ.

Волнуемый мыслями, Твардовскій долго ходилъ по комнатѣ. Въ порывѣ негодованія бросилъ онъ цѣпь на полъ, топталъ ее; потомъ, какъ будто одумавшись, поднялъ и надѣлъ на шею.

Спустя минуту, онъ позвалъ Матюшу.

—Сейчасъ на коня—и за мной!

—На коня?.. откуда же взять коня?.. У насъ нѣтъ коней, пане, жалобно отвѣчалъ Матюша.

—Какъ нѣтъ коней?

—Нѣтъ и не было.

Тогда Твардовскій взялъ изъ каминна потухшій уголь и нарисовалъ имъ на стѣнѣ двѣ лошади. Матюшѣ приказалъ сѣсть на одну, самъ вскочилъ на другую—и выѣхалъ черезъ окошко на улицу, зажавши порогъ дома, чтобъ никто, въ его отсутствіе, не могъ перейти черезъ него. Разсвѣло уже, когда онъ выѣзжалъ изъ окошка, и народъ выходилъ изъ домовъ на работу. Такимъ образомъ узнали въ цѣломъ Краковѣ о томъ, что Твардовскій выѣхалъ изъ дому чѣмъ-свѣтъ на намалеванной лошади.

ГЛАВА XV.

О томъ, какъ Твардовскій давалъ людямъ добрыя совѣты.

Начало уже смеркаться, когда Твардовскій и его слуга, пересѣвши съ измученныхъ лошадей на пѣтуховъ, вѣзжали въ мѣстечко Быдгощчѣ. Увидѣвъ городскія валъ и ворота и бѣлыя стѣны домовъ, Твардовскій махнулъ имъ рукою, въ знакъ привѣтствія, — и въ ту же минуту отозвались на это привѣтствіе пѣтухи и курицы со всего города, всѣ совы съ колоколенъ, изъ слуховыхъ оконъ, всѣ нетопыри изъ погребовъ и подваловъ. Отъ страшнаго шума и пискотни ихъ не слышно было городскихъ колоколовъ, звонившихъ въ ту минуту на сонъ грядущій. Верхомъ на пѣтухахъ вѣзжали въ городъ Твардовскій съ Матюшей, въ сопровожденіи густой толпы горожанъ, которые не могли надивиться такому чуду. Окружавшая ихъ толпа росла и росла, пока наконецъ такъ стѣснила дорогу, что наши путники едва могли добраться до корчмы, гдѣ намѣрены были остановиться. Подъ окнами корчмы со-

Брался почти весь городъ. Всѣ кричали, шумѣли и толковали только о томъ, кто бы такіе могли быть странные всадники. Желая избавиться отъ докучливаго ихъ любопытства, Твардовскій выслалъ къ нимъ Матюшу съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ великаго ученаго, черпюкнижника и некромана; велѣлъ сказать имъ, что останется въ городѣ недолго, и просилъ разойтись по домамъ.

Едва успѣлъ объявить обо всемъ этомъ Матюша, какъ въ толпѣ раздалась крики и восклицанія:

— Пусть покажетъ намъ чудо! — кричали одни.

— Пусть меня вылечитъ! — отзывались другіе.

— Пусть дастъ мнѣ денегъ!

— Пусть воскреситъ мнѣ покойнаго мужа!

— Пусть исправитъ жену мою!

Оглушенный крикомъ, Матюша заткнулъ уши и скрылся. Не видя Твардовскаго, народъ началъ расходиться и скоро улицы опустѣли. Толки о Твардовскомъ не умолкали цѣлую ночь. Всѣ только и думали о завтрашнемъ днѣ, совѣтовались другъ съ другомъ, о чемъ просить Твардовскаго, и у каждаго, навѣрное, отыскивалось не мало просьбъ и вопросовъ. Любопытство было возбуждено въ такой степени, что рѣдкій могъ сомкнуть глаза въ эту тревожную, полную таинственнаго ожиданія, ночь.

Съ разсвѣтомъ корчма была уже наполнена народомъ. Духота была такая, что Твардовскій черезъ трубу принужденъ былъ выйти на крышу — подышать свѣжимъ воздухомъ. Увидѣли его и тамъ и начали просить со всѣхъ сторонъ. Сжалился наконецъ Твардовскій, сошелъ въ корчму и велѣлъ впускать къ себѣ всѣхъ.

Тутъ-то началась толкотня и давка. Люди всѣхъ половъ, возрастовъ, состояній, тѣснились къ Твардовскому, изъ любопытства или въ надеждѣ помощи. Твардовскій допускалъ къ себѣ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ.

Прежде всѣхъ продразался къ нему старая, беззубая баба, съ палкой и съ четками въ рукѣ, съ книгой подъ мышкой, съ краснымъ рубцомъ на носу отъ ошкловъ, вся въ грязи и въ лохмотьяхъ.

— Много лѣтъ тебѣ здравія, кормилецъ! — сказала Твардовскому баба хриплымъ голосомъ. — Дай ты мнѣ мужа, голубчикъ. Жить не могу безъ мужа. Вотъ ужъ три года, какъ я похоронила моего покойника, и до сихъ поръ

никто еще на мнѣ не сватался. Куда какъ испортился нынче свѣтъ; мужчины только и льнутъ, что къ молодымъ.

Вотъ что ей отвѣчалъ на ея просьбу Твардовскій:

Возьми то, что спрятано у тебя въ изголовьи кровати, положи въ старый сундукъ, и выдешь замужъ! — Не успѣла еще оставить корчму старуха, а уже слѣдомъ за ней пробирался скорнякъ прежній подмастерье ся покойнаго мужа. Дорогою онъ къ ней посватался, а на другой день они обвѣчались.

Молодому парню, который подошелъ къ Твардовскому, вслѣдъ за старухой, онъ сказалъ:

— Тебѣ, вѣрно, надо лекарства для сердца?

— Ахъ, правда, правда, — отвѣчалъ, почесываясь и вздыхая парень. Вотъ уже слишкомъ годъ, какъ я люблю Маргариту, дочь золотыхъ дѣлъ мастера Мальхери, но жестокая и слушать меня не хочетъ. Видно, ничѣмъ не тронешь ее. Помоги....

— Возьми мертваго петопыря, и ночью, на новолуніе, снеси его на кладбище и положи тамъ въ муравейникъ. Жди потомъ, когда муравьи обѣдятъ его и оставятъ одинъ остовъ. Въ полночь выкопай кости и ищи между ними двухъ, одну, загнутую крючкомъ, другую какъ вилка. Захочешь, чтобъ полюбила тебя женщина, дотронься до нее одной косточкой; наложь тебѣ — дотронься другою.

Обрадованный парень побѣжалъ домой и разболталъ тамъ о чудномъ лекарствѣ, данномъ ему Твардовскимъ. Такимъ образомъ, вѣсть эта разошлась скоро по свѣту и перешла въ потомство, по преданію.

Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ Твардовскому сутулый, мужиковатый ремесленникъ, почесывая затылокъ, переваливаясь съ ноги на ногу; подъ мышкой держалъ онъ засаленную свою шапку. Долго шевелилъ онъ губами, стараясь что-то сказать, кряхтѣлъ и потѣлъ, отирая то в дѣло со лба потъ, который выступалъ на немъ крупными каплями. Слова не давались ему отъ страха ли, отъ застенчивости ли, или просто отъ глупости, и Богъ знаетъ, когда кончилась бы его аудіенція, еслибъ самъ Твардовскій не подошелъ къ нему на помощь и не спросилъ его, что ему надобно.

— Ой, бѣда, бѣда пришла на мою голову, отвѣчалъ ему, наконецъ, собравшись съ духомъ ремесленникъ: — изурочили меня недобрые люди. Есть у меня соседка, старая, злая вѣдь-

ма. Околдовала она меня и все добро мое, и съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ ни въ чемъ удачи, — все идетъ не въ прокъ. Погубила она мою душу.

— Поможемъ и твоему горю, сказалъ Твардовскій. Закопай у порога дома перышко съ ртутью, брось туда же горсть иванова цвѣту и жабрею, а въ хатѣ повѣсь ивановой травы — все какъ рукой сниметъ.

Три раза поклонился ему въ ноги ремесленникъ, и не успѣвъ еще онъ протѣсниться сквозь толпу, какъ новый проситель стоялъ уже передъ Твардовскимъ. Это былъ здоровый, краснощекій чело­вѣкъ, средняго роста. Привѣтствовалъ онъ Твардовскаго по-латыни.

— Чѣмъ могу служить вашей милости, г. докторъ? спросилъ его Твардовскій: какому несчастію обязанъ я вашей просьбою?

— Большому несчастію, *celeberime et sapientissime*. Сглазили и меня; чувствую въ себѣ вліяніе чаръ, которыя отнимаютъ у меня силы, здоровье, спокойствіе, — и не нахожу для нихъ лекарства въ моей аптекѣ. Искалъ я совѣта въ мудрыхъ книгахъ отцовъ науки нашей — и не нашелъ его. Околдовала меня женщина, которую не могу полюбить противъ воли, и которую долженъ полюбить теперь дьявольскимъ навожденіемъ. Помогни, учителю!

— Ладно, отвѣчалъ Твардовскій: постараюсь разрушить очарованіе; есть у меня для этого вѣрное средство, вотъ какое: (*)

«*Si quis ad aliquam vel aliquem, nimis amandum, maleficiatus fuerit, tum stercus recens illius quem vel quam diligit, ponatur mane in ocrea vel calceo dextro amantis et calciet se, et quamprimum factorem sentiet, maleficium solvetur.*»

Записавши рецептъ и низко поклонившись Твардовскому, докторъ вышелъ. Вслѣдъ за докторомъ протѣснилась къ Твардовскому шляхтянка, въ измятомъ чепцѣ, съ нечесанной головою, съ лицомъ полнымъ и краснымъ какъ луна въ полнолуніи, вся въ грязи и въ лохмотьяхъ.

— Спаси и помилуй, мой милостивецъ, закричала она: помирн меня съ мужемъ, ты это можешь, для тебя нѣтъ ничего невозможнаго. Вотъ ужъ годъ мы живемъ, какъ кошка съ собакой,

(*) Взято цѣликомъ изъ одной старинной рукописи.

какъ пестъ со ступкой, — бранимся, деремся съ утра до вечера, такъ, что сосѣдамъ житья нѣтъ. Кто изъ насъ виноватъ, знаетъ одинъ лукавый. По моему — онъ, а ему кажется, что все я. Посмотрѣть на него — смотритъ такимъ бараномъ, да и я, такъ себя, ничего баба, сосѣди никогда не терпятъ отъ меня обиды; а какъ сойдемся вмѣстѣ, то ужъ выноси святыхъ изъ избы. Помоги ты мнѣ, милостивецъ; буду вѣчно за тебя Бога молить,—дамъ все, что попросишь; помири ты насъ....

— Можно и твоему горю помочь, отвѣчалъ Твардовскій. Достань ты ворона и ворону, и вырѣжь у нихъ сердца. Сердце воронѣ носи всегда ты, а мужу вели носить сердце ворона. Если исполните совѣтъ мой — не будете больше ссориться.

— И это правда, милостивецъ; не будемъ ссориться?

— Увидишь. Теперь ступай себя съ Богомъ. Помни только, что въ первую недѣлю ты должна уступать мужу во всемъ. Чтобы онъ тебѣ ни говорилъ, какъ бы ни бранилъ, какъ бы ни билъ — молчи. Послѣ — твоя возьметъ.

— Уступать? вскричала женщина: и такъ долго! цѣлую недѣлю!

— Только одну недѣлю.

— Охъ, тяжело, крѣпко тяжело будетъ мнѣ уступать ему; ну да попробую.

Сварливую бабу замѣнила другая женщина, въ слезахъ.

— Помоги и мнѣ, благодѣтель, говорила она, утирая фартухомъ слезы: обманываетъ меня мужъ; скрываетъ отъ меня тайну, не говоритъ мнѣ ничего... высохла я вся съ досады и горя.

— А ты любопытна? спросилъ ее Твардовскій.

— А кто жъ изъ насъ не любопытенъ! отвѣчала женщина. И развѣ не лучше бы было, еслибъ я обо всемъ знала, что въ домъ дѣлается.

Твардовскій улыбнулся. Да, подумалъ онъ: задамъ же я работы дьяволу! — и вслѣдъ за тѣмъ шепнулъ женщинѣ на ухо: разрѣжь живаго тетерева и проглоти его сердце. Будешь знать все, о чемъ задумаешь.

Образованная женщина побѣжала домой.

— А у меня, говорилъ, подхола къ Твардовскому, какой-то эскъ-бурмистръ въ сѣромъ кунтушѣ и грязномъ жупанѣ шафраннаго цвѣта: у меня черти завелись въ домъ.. каждую ночь слышу надъ собой, кругомъ себя, крики, пѣсни, да хохотъ. Спать не могу, боюсь; молюсь Богу до блага дня, по-

тому что съ разсвѣтомъ только исчезаютъ нечистые... не придумаю, что тому за причина.

—А вы женаты?—спросилъ Твардовскій.

—Женатъ, отвѣчалъ эксъ-бурмистръ.

—И жена молодая?

—Разумѣется, не старуха, — продолжалъ бурмистръ, охорашиваясь.

—Ну, теперь я знаю въ чемъ дѣло. Если въ самомъ дѣлѣ завелись у васъ черти, то стоитъ только окурить домъ порошкомъ изъ зубовъ мертвеца; если же нѣтъ чертей, то помочь горю нечемъ. Тутъ надо, чтобъ или жена ваша состарѣлась, или вамъ скинуть съ себя десятка два годовъ.

—А этого нельзя сдѣлать? спросилъ бурмистръ, вытаращивъ глаза на Твардовскаго.

—Почѣмужъ бы и нѣтъ?

—Такъ я могу еще помолодеть? вскричалъ обрадованный бурмистръ.

—Говоря въ тѣсномъ смыслѣ — можетъ быть.

—И безъ большихъ трудовъ, безъ большихъ издержекъ?

—Напротивъ, это такъ трудно, что и думать объ этомъ нечего... Впрочемъ всего вѣрнѣе то, что черти причиною кутерьмы въ вашемъ домѣ. Советую вамъ употребить то средство, о которомъ я говорилъ.

—Довольно, сказалъ Твардовскій по уходѣ эксъ-бурмистра, обращаясь къ тѣснившейся около него толпѣ: ступайте по домамъ; мнѣ теперь нѣкогда!

Не смотря на это воззваніе, толпа не только не уменьшалась, но часть-отъ-часу увеличивалась. Напрасно Твардовскій грозилъ и приказывалъ; всѣ наперерывъ просили, умоляли, заклинали Твардовскаго всѣмъ на свѣтъ помочь имъ. Сотни голосовъ нестройно смѣшивались въ одинъ неясный гулъ; сотни рукъ протягивались къ Твардовскому; — одни лица смѣнялись другими. Не предвидя конца просьбамъ, Твардовскій приказалъ старой вытертой метлѣ, которую замѣтилъ въ углу комнаты, выгнать просителей.

Послушная на зовъ чародѣя, метла встрепенулась и пошла скакать вправо и влево, выметая локучливыхъ гостей, какъ соръ. Черезъ минуту комната была очищена, дверь заперта щеколдою, и метла стала передъ Твардовскимъ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

—Убрайся на свое мѣсто!

И послушная метла, переваливаясь съ боку на бокъ и подпрыгивая, какъ ворона, по прежнему заняла свое скромное мѣсто въ углу.

Едва все пришло въ прежній порядокъ, какъ снова послышался сильный стукъ въ двери. Стукъ постепенно возрасталъ и ветхія двери едва уступали усилямъ новаго, докучливаго просителя.

— Кто тамъ? спросилъ Твардовскій.

— Ради Бога, впустите меня, отозвался чей-то плачевный голосъ: я бѣдный шляхцицъ, — ищу вашего совѣта и помощи; умру у дверей, если не впустите. Давно уже ищу я того, кто бы могъ помочь мнѣ... насилу нашелъ я васъ, благодѣтеля, и ужели просьбы мои не смягчатъ васъ...

— Ступай къ чорту, не мѣшай мнѣ; отвѣчалъ Твардовскій.

— Не пойду, не пойду никуда отъ порога. Умру здѣсь, если не увижу славнаго Твардовскаго.

И онъ началъ плакать и молить Твардовскаго, пока наконецъ не разжалобилъ его. Твардовскій приказалъ метлѣ впустить шляхцица, впустить только его одного.

Когда метла отворила дверь, вошелъ въ комнату блѣдный, худой, высокій мужчина. На немъ былъ вытертый кунтушъ, котораго цвѣта нельзя было различить за старостью; — сапоги его порывались отъ росы и грязи; изъ шапки ключьями выставлялась грязная вата; изъ-подъ воротника кунтуша выглядывали лохмотья рубашки. Бѣдный шляхцицъ низко кланялся Твардовскому, пока тотъ вымѣрлялъ его взглядомъ.

— Чего вамъ надобно отъ меня? спросилъ онъ сурово.

— Бѣдность, нищета, отецъ мой, привлекла меня къ тебѣ, отвѣчалъ шляхцицъ. За богатство отдалъ бы душу дьяволу, — доконала меня нищета, — есть нечего; пришлось хоть умирать съ голоду. Прикрыть нечемъ наготы своей, вотъ, — видишь самъ...

И онъ указалъ на свои лохмотья.

— Обманываешь меня, отозвался Твардовскій: я знаю: у тебя есть деньги.

Шляхцицъ то блѣнѣлъ, то краснѣлъ, и не зналъ, что отвѣчать... Я... я... видитъ Богъ... сказалъ онъ, заикаясь.

— Знай, продолжалъ Твардовскій: что предо мною нѣтъ ничего скрытаго; я могъ бы пересчитать тебѣ до послѣдняго шеляга всѣ твои деньги, которыя прячешь ты въ своей постели, подъ изодраннымъ одѣяломъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу шляхцица. Онъ то пожималъ плечами, то отиралъ потъ.

—Ты не бѣдѣнъ, но скупъ, продолжалъ Твардовскій: тебѣ не довольно того, что у тебя есть; ты хотѣлъ бы все больше и больше.

—Правда, жалобно отвѣчалъ шляхцицъ: не стану запираяться передъ тобой. Я хотѣлъ бы разбогатѣть, и пришелъ къ тебѣ узнать, нѣтъ ли у тебя на то средствъ.

—Есть,—но они слишкомъ трудны.

—Трудны?.. а развѣ желающему кажутся трудными средства, которыми бы онъ могъ достигнуть до цѣли?..

—*Nilhil difficile amanti*, сказалъ Твардовскій, пародируя слова Цицерона: правда твоя. Такъ ты желалъ бы за деньги отлатъ свою душу дьяволу?

—Съ охотою. На что мнѣ душа; были бы деньги; и я отдамъ ее тому, кто дастъ мнѣ денегъ.

—Ну, попробуй; я дамъ тебѣ способъ. Найди въ лѣсу опустѣлую избу, въ которую бы не доходило изъ деревни пѣвiе пѣтуховъ, и запришь въ этой избѣ на цѣлую ночь. Возьми съ собою одну свѣчку и девять серебряныхъ монетъ. Во всю ночь считай безъ устали эти деньги, отъ одного до десяти и отъ десяти до одного. Если не ошибешься ни разу, дьяволъ дастъ тебѣ безчисленныя сокровища; если же ошибешься, устанешь, заикнешься, или одно число повторишь два раза сряду — наживешь большую бѣду. Хочешь разбогатѣть — испытай это средство.

Разспросивши Твардовскаго обо всѣхъ подробностяхъ страшной попытки, шляхцицъ поблагодарилъ его и вышелъ.

—Я всѣмъ имъ далъ хорошіе совѣты, сказалъ смѣясь и садясь за свой столъ Твардовскій, но выходи скряги: по мнѣ кажется, что не всѣ изъ нихъ понравятся дьяволу.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ изъ за печки показался дьяволъ. Съ улыбкою подошелъ онъ къ Твардовскому.

—Желаю здравія великому мудрецу и философу, началъ сатана: я послушалъ твои добрые совѣты, и радуюсь, что нашелъ въ тебѣ достойнаго себѣ помощника, — ревностнаго и усерднаго къ нашимъ адскимъ подвигамъ. Спасибо тебѣ, Твардовскій, спасибо.

— Съ ума ты сошелъ, что ли? возразилъ Твардовскій. Я твой усердный помощникъ?.. Не слышалось ли тебѣ

чего другаго? Въ чемъ же я могъ показаться тебѣ твоимъ помощникомъ?

—Во всѣхъ совѣтахъ твоихъ; давая такіе совѣты, ты, очевидно, имѣлъ намѣреніе подслужиться аду вообще и мнѣ въ особенности. Ты напутствовалъ людей къ ихъ гибели, своимъ, по видимому, невиннымъ, но на самомъ дѣлѣ гибельными совѣтами.

—Объ этомъ я нисколько не думалъ, клянусь тебѣ въ томъ самымъ тобою, дьяволъ, — и говоря противное, ты хочешь или помучить меня, или посмѣяться надо мною.

—Говори что хочешь, а я между тѣмъ докажу тебѣ истину моихъ словъ.

—Прошу тебя, — разувѣрь меня.

—Пойдемъ со мною. Я покажу тебѣ послѣдствія твоихъ совѣтовъ.

ГЛАВА XVI.

Какъ дьяволъ показывалъ Твардовскому послѣдствія совѣтовъ его.

Сначала дьяволъ принесъ на себѣ Твардовскаго въ избу той старой женщины, которая просила его о мужѣ и которой онъ присовѣтовалъ поискать за изголовьемъ кровати. Подмастерье ея прежняго мужа, женившись на ней, началъ обращаться съ нею жестоко, бранилъ безпрестанно, и даже билъ. Тутъ только старуха узнала свое несчастье: она проклинала свое неразуміе и совѣты Твардовскаго.

— Неправда моя? — спросилъ Твардовскаго дьяволъ: а знаешь ли, чемъ это кончится?

— Не знаю и не догадываюсь. Побой кончатся синяками, не болѣе.

— Кончатся преступленіемъ, сказалъ дьяволъ. Увидишь, если захочешь дожидаться конца, который уже и недалеко. Старуха ищетъ зелья, которое приготовить молодому супругу вѣрную смерть.

Оттуда пошли они къ избѣ того парня, которому Твардовскій далъ совѣтъ, какимъ образомъ свискать любовь Магдалины, дочери золотыхъ дѣлъ мастера Малькера. Парень готовился уже къ свадьбѣ; Магдалина влюблена была въ него по уши.

— А! сказалъ, взирая на счастливую пару, Твардовскій, и тутъ ты предвидишь дурной конецъ?

— И тутъ, отвѣчалъ дьяволъ: я вижу неизбежную поживу для нашего брата. Они женятся, — правда, но любовь ихъ, вынужденная дѣйствіемъ чаръ, исчезнетъ вскорѣ послѣ свадьбы. Тогда молодая жена вспомнитъ о прежнемъ полмастерьи своего отца — и необходимымъ слѣдствіемъ такого воспоминанія будетъ во 1-хъ паденіе, во 2-хъ убійство, и въ 3-хъ проклятіе. Всего этого конечно бы не случилось, еслибъ она вышла за мужъ за своего возлюбленного, они любили бы другъ друга и жили бы спокойно и счастливо. Виною противному ты, Твардовскій, и я благодарю тебя за это отъ лица ада.

Твардовскій задумался.

— Все это одни парадоксы, предположенія, замѣтилъ онъ.

— Математическія истины, перервалъ дьяволъ, и вслѣдъ за тѣмъ повелъ Твардовскаго къ избѣ крестьянина, которому даво было antidotum отъ чародѣйства. Тутъ увидѣлъ Твардовскій, что старая чародѣйка, удостовѣрившись въ безсиліи чаръ своихъ, приготовляла своему сосѣду другое средство, гораздо болѣе дѣйствительное, чѣмъ колдовство — ядъ.

— Видишь ли, чемъ и здѣсь кончится? — сказалъ дьяволъ. Отъ прежняго колдовства ея было меньше вреда, но ты далъ лекарство противъ него, и пѣний на себя.

Потомъ они пошли дальше, къ жилищу доктора, которому Твардовскій далъ совѣтъ — избавиться отъ любви постылой ему дѣвушки. Докторъ уже принялъ лекарство и оно произвело ожидаемое дѣйствіе, но за то бѣдная дѣвушка, съ отчаянія, передалась распутству.

— Еслибъ ты не далъ доктору такого совѣта, сказалъ дьяволъ: онъ волею или неволею женился бы на дѣвущкѣ, и они жили бы счастливо; теперь хоть одинъ изъ нихъ пойдетъ въ адъ. И за это тебѣ спасибо, Твардовскій.

— Постой, сатана, не торопись выводить своихъ адскихъ заключеній. Пойдемъ, посмотримъ на двухъ супруговъ, которыхъ я помѣрилъ своими совѣтами.

— А, да вотъ кстати и ихъ изба, отвѣчалъ съ улыбкою дьяволъ, указывая на близъ стоявшую избу.

Сквозь узкое окошко увидѣли они большую выбѣленную избу, въ одномъ концѣ которой сидѣла и зѣвала женщина, а въ другомъ спалъ мужчина.

Вотъ ихъ согласіе, шепнулъ Твардовскому дьяволъ: онъ-напился мертвецки, а она обокрала его. Они уступаютъ другъ другу и прощаютъ свои грѣхи обоюдно. Они согласны, правда, но это согласіе будетъ для нихъ пагубно. Покажьтесь они ссорились, то смотрѣли другъ за другомъ; онъ не смѣлъ пить и долженъ былъ работать; она не крада и не ради-лась въ ленты и кружева, которыя всегда ведутъ извѣстно къ чему.

— Всему этому виноватъ ты, дьяволъ, а не я: намѣренія мои были добрыя.

— Да развѣ я помирилъ ихъ? отвѣчалъ, пожимая плечами, сатана.

— Теперь я начинаю вѣрить, грустно замѣтилъ Твардовскій: что многіе изъ моихъ совѣтовъ привели дурныя плоды. Одной женщинѣ я далъ средство узнавать тайны мужа, которыя онъ скрывалъ отъ ней.

— Въ эту минуту, когда я съ тобой говорю, на городскомъ рынкѣ палачъ рубитъ ему голову, хладнокровно отвѣчалъ дьяволъ; вся его тайна, которую онъ такъ скрывалъ отъ жены, заключалась въ томъ, что съ двумя изъ своихъ товарищей онъ дѣлалъ фальшивую монету. Узнавъ эту тайну, жена проболталась сосѣдкѣ; сосѣдка, подъ строгимъ секретомъ, передала женѣ лавочника, та женѣ бурмистра, эта въ откровенную минуту рассказала муженьку; муженекъ почелъ нужнымъ передать это извѣстіе войту (*), и такимъ образомъ, finis bonus, дѣло дошло до плахи. Славно удался тебѣ твой совѣтъ, Твардовскій; еще разъ спасибо тебѣ за него.

— А бурмистръ, которому я далъ средство избавиться отъ нечистой силы?

— Курилъ онъ твоимъ спасительнымъ ладаномъ по-напрасну. Узнавъ, чему мужъ приписываетъ ея проказы, т. е. тотъ шумъ, который заводили въ домъ ея любовники, жена сдѣлалась еще смѣлѣе и проказить теперь подъ самымъ носомъ

(*) Должность, соотвѣтствующая должности Становаго Пристава.

мужа, въ увѣренности, что онъ не высунетъ его изъ подъ одѣяла, отъ одного страха увидѣть нашего брата во очію. Теперь онъ думаетъ обратиться къ тебѣ съ другой просьбою; хочешь просить тебя помолодить его, или сдѣлать жену старую. Но объ этомъ послѣ.

— Чтожъ? Я охотно сдѣлаю на немъ пробу того элексира, который возвращаетъ старикамъ молодость, прибавилъ Твардовскій.

— Дѣлай, что хочешь, возразилъ дьяволъ; воля твоя, послѣствія — наши, и ручаюсь тебѣ, что будутъ для насъ пригодны.

— Вы думаете сдѣлать меня вашимъ невольникомъ, покорнымъ слугою? — сказалъ, разгорячась, Твардовскій.

— Нимало. Мы не отняли у тебя воли; ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно.

— Зачѣмъ же послѣствія моей воли обращаете вы въ свою пользу, т. е. во зло?

— Такъ ты думаешь, что на свѣтѣ сыщется хоть одинъ человекъ, который бы могъ управлять по желанію своему послѣствіями своихъ поступковъ? Поступки и послѣствія — это то же, любезный, что прицѣлъ и выстрѣлъ. Вѣдь не всегда стрѣла попадаетъ въ ту цѣль, куда мѣтитъ ею стрѣлокъ, даже стрѣлокъ опытный, и за вѣрность выстрѣла нельзя поручиться головой.

— Твардовскій молчалъ. На этотъ доводъ дьявола онъ не придумалъ никакого опроверженія.

— А тотъ шляхтицъ, сказалъ по минутномъ молчаніи Твардовскій, которому я далъ вѣрное средство обогатиться, онъ безъ сомнѣнія, теперь уже въ самомъ тартарѣ?

— Сомнѣваюсь, прошипѣлъ сатана сквозь зубы: надъ нимъ еще надо поработать.

— Всегда мнѣ наперекоръ!... Ты шутишь, сатана; ручаюсь головою, что этотъ шляхтицъ теперь на большой дорогѣ къ вашему царству.

— Тебѣ такъ кажется, возразилъ бѣсъ. Вы, люди, всегда заключаете о вещахъ по наружности; но мы, черти, смотримъ на эти же вещи съ высшей точки зрѣнія. У этого шляхтица есть оборона отъ насъ. Она въ душѣ его.

— Въ душѣ его я видѣлъ только одно сребролюбіе и скуность.

— Ты не примѣтилъ третьяго — трусости, возразилъ дья-

воль. Кстати ты припомнилъ мнѣ объ этомъ шляхцицѣ. Пойдемъ, посмотримъ, что съ нимъ теперь дѣлается.

Была уже темная ночь и бѣсъ, обнюхавши воздухъ съ четырехъ сторонъ и по вѣтру, почуялъ то мѣсто, которое выбралъ шляхцицъ для приведенія въ дѣйствіе совѣта Твардовскаго. Въ сѣверозападной сторонѣ лѣса стояла опустѣлая хата лѣсничаго, погибшаго со всею своею семьею во время послѣдней моровой язвы. Онъ занесъ ее изъ города, куда ходилъ за мукой. Съ того времени хата опустѣла, и хотя вѣтеръ, разгуливавшій въ ней на свободѣ, и порастрясъ ея ветвія стѣны и кровлю, но она все еще держалась. Стояла она вдали отъ большой дороги, въ глубокой чащѣ, и даже тропинка, которая къ ней вела когда то, заросла кустарникомъ, крапивой и лошунникомъ. Развѣсистыя столѣтнія березы, калина и ивы, составлявшія нѣкогда садикъ лѣсничаго, оплели ее своими вѣтвями, едва позволяя выглядывать на свѣтъ Божій... Сгнившій заборъ давно уже повалился; въ хатѣ не было ни дверей, ни оконъ; старая печь вся развалилась и обломки ея наполняли хату. Въ другой комнатѣ, поменьше первой, окошко было забито полусгнившими досками, и въ ней то помѣстился отважный скряга. Старая, разбитая бочка и обломокъ двери послужили ему столомъ, на немъ съ самыхъ сумерекъ считалъ онъ свои девять шеляховъ. Огарокъ, прилѣпленный къ бочкѣ, освѣщалъ избу. Твардовскій и дьяволъ застали его надъ этой работою. Блѣдное лицо его было все въ поту, глаза искрились; онъ казался едва живымъ, дрожалъ со страху, какъ осиноиый листъ, и все считалъ свои шеляги, не переводя дыханія.

Одинъ только вой вѣтра да крикъ совѣ, лохочившій изъ чащи, прерывали глубокую тишину. Самый отважный смѣльчакъ почувствовалъ бы невольный страхъ, еслибъ очутился въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ глубокою ночью. Твардовскій не мало дивился, какимъ образомъ шляхцицъ, котораго дьяволъ называлъ трусомъ, рѣшился на такой подвигъ. И въ самомъ дѣлѣ, старый скряга забылъ о своей трусости; онъ такъ былъ погруженъ въ свою работу, такъ былъ занятъ ею, что не спускалъ съ денегъ глазъ ни на минуту, не оглядывался, даже не поправилъ волосъ, которыхъ длинныя космы спускались ему на глаза: онъ только считалъ и считалъ.

— Наобно его постращать, сказалъ дьяволъ.

И сказавши, спустился въ избу черезъ трубу, забрался въ уголъ и началъ кричать по совинному.

Дрожь прояля шляхцица, но онъ все считалъ. Потомъ, когда дьяволъ принялся кричать и плакать, какъ маленькое дитя, шляхцицъ побѣдился, какъ плахта, но работы своей не оставлялъ. Тогда раздосадованный его отвагой дьяволъ оторвалъ уголъ крыши и бросилъ его черезъ окошко въ лѣсную чашу. Трескъ и гулъ пошли по лѣсу;—на столъ и вокругъ шляхцица посыпались камни, земля и обломки, но скрига не прерывалъ работы, хоть и видно было, что онъ едва держался на ногахъ отъ страха. Послѣ этого дьяволъ оставилъ скригу въ покоѣ, но все-таки забился въ уголъ и отгуда вторилъ однообразному голосу шляхцица, смѣхомъ беззубой старухи.

—Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, одинъ—раздавался дрожащій голосъ скриги.

Дьяволъ махнулъ хвостомъ—и свѣчка потухла. Это не остановило работы скриги: онъ продолжалъ считать и въ потемкахъ.

—Постой же, скрига; мы переломимъ твое упорство, сказалъ дьяволъ и снова зажегъ свѣчку. «Умираетъ со страху, а дѣла не бросаетъ.»

Шляхцицъ считалъ безъ ошибки.

Твардовскій и дьяволъ провели въ избѣ почти всю ночь, наблюдая надъ работою скупца. На разсвѣтъ, помучивши порядкомъ шляхту, дьяволъ подошелъ подъ окошко и отгуда закричалъ во весь дьявольскій голосъ.

—Пане Варооломей! а не ошиблись ли?

—Нѣтъ! отвѣчалъ шляхцицъ.

—А ну-тка, на чемъ остановились. Продолжайте считать, сказалъ бѣсъ.

Шляхцицъ принялся было за счетъ снова, но языкъ прильнулъ ему къ гортани: онъ забылъ послѣднее слово. Оправившись немного, онъ снова началъ перебирать пальцами деньги, и весь дрожа, бормоталъ языкомъ несвязные звуки. Весь плодъ успій цѣлой ночи обращался теперь для него ни во что, и впереди ждала его, по обѣщанію Твардовскаго, страшная кара. Было отъ чего сойти съ ума.

—Два, пять, девять, бормоталъ онъ, заикаясь и вперивъ глаза въ землю. Дьяволъ за окошкомъ помиралъ со смѣху.

—Сбилая съ дороги, почтеннѣйшій, говорилъ онъ: теперь ужъ не найдешь ее; поздно. И едва успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ вся изба затряслась, готовая рассыпаться въ

прахъ, и изъ всѣхъ отверстій, изъ всѣхъ щелей вылезли, выскочили, выползли, вылетѣли черти, во всей страшной наготѣ своей, во всей причудливости своихъ адскихъ нарядовъ. Всѣ они были съ оружіемъ; одинъ съ метлою, другой съ лопатою, третій съ пестомъ, четвертый съ раскаленнымъ до краски уполовникомъ, и всѣ они бросились на обезпамятѣвшаго шляхцица. Безъ чувствъ, какъ трупъ, палъ онъ подъ ихъ ударами.

Жалко стало Твардовскому гнуснаго скрагу; досадно ему было на дьявола.—«Зови къ себѣ на помощь, кого только можешь!» закричалъ онъ.

Дошли эти слова до слуха шляхцица и напомнили ему о милосердомъ Богѣ, о Пресвятой заступницѣ—Дѣвѣ, о святыхъ Угодникахъ Божиихъ,—онъ всомнилъ и призвалъ ихъ на помощь, собравъ послѣднія силы:

—Боже! спаси меня! Заступница Матерь Божія помилуй меня! Угодники Божіи, спасите меня несчастнаго!

Пораженные, какъ громомъ, святыми словами, исчезли адскіе слуги, съ шумомъ, крикомъ и свистомъ.

Вскочилъ тогда шляхцицъ, схватилъ со стола деньги и пустился бѣжать изъ лѣсу со всѣхъ ногъ.

—Теперь видишь ли, сатана, сказалъ бѣсу Твардовскій по уходѣ шляхцица: что не всѣ мои совѣты приносятъ вамъ пользу. Не напомни я ему о Богѣ, онъ палъ бы вашею жертвою; теперь же, спасенный Богомъ, онъ обратится къ нему и забудетъ о деньгахъ.

—Забудетъ о деньгахъ?... Ха, ха, ха! увидишь, какъ онъ забудетъ о нихъ... Впрочемъ, твоя правда; онъ обратится къ Богу. Знаешь ли, куда онъ пошелъ теперь?

—Полагаю, что онъ пошелъ прямо въ Быдгопчъ, гдѣ, вѣрно, вступить въ монастырь къ реформатамъ.

—Угадалъ; онъ именно пойдетъ въ реформаты, отвѣчалъ Мефистофель: но не думаешь ли ты, что отъ этого ему будетъ легче?

—Думаю, что онъ уйдетъ отъ вашихъ когтей.

—Онъ попадется въ нихъ еще вѣрнѣе. При нашихъ стараніяхъ онъ не забудетъ о золотѣ, и я уже напередъ вижу его въ предверіи ада... По моему, такъ лучше бы было, еслибъ онъ сегодня не звалъ къ себѣ никого на помощь, а пошелъ бы прямымъ трактомъ въ адъ. Для него — меньше жизни — меньше грѣха — меньше адскихъ мученій.

Гнѣвно посмотрѣлъ Твардовскій на бѣса, отвернувшись отъ

него и молча пошелъ домой, въ свою гостиницу. Обуреваемый мыслями, заперся онъ въ комнату, приказавъ Матюшѣ не впускать къ себѣ никого.

ГЛАВА XVII.

Что видѣлъ Твардовскій въ четвергъ, на Лысой Горѣ.

Задумчивъ, грустенъ, беспокоенъ былъ Твардовскій. Впервые почувствовалъ онъ тутъ, какъ мало было для несътой души его того всецѣдня, которое далъ ему дьяволъ. Казалось, что все еще недоставало ему всецѣдня и могущества Была однакожъ минута раздумья, въ которую эта жажда еще большаго знанія и могущества показала ему фальшивую и мгновенную.

— Нѣтъ! сказалъ онъ самому себѣ: я еще не испыталъ всѣхъ силъ моихъ; я еще только начинаю чувствовать ихъ въ себѣ. Много разнообразнаго употребленія могу я сдѣлать изъ моей науки; еще многихъ удовольствій не испыталъ я. Последний мой день еще не близокъ, далеко еще до дня той чаши, которой я только что коснулся устами. Попробую еще... поѣду на Лысую Гору! — сказалъ онъ, подумавъ съ минуту — и хлопнулъ въ ладоши.

День этотъ, какъ нарочно, случился въ четвергъ, когда собираются на Лысой Горѣ колдуны и вѣдьмы.

Черезъ минуту Твардовскій былъ уже въ дорогѣ. Усыпивъ Матюшу, который дремалъ въ углу комнаты, Твардовскій сѣлъ на нарисованнаго на стѣнѣ коня и вылетѣлъ на немъ въ трубу. Были уже сумерки; дулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ; красный мѣсяцъ, окутанный пеленою тучъ, выходилъ изъ за дальняго лѣса. Твардовскаго окружала дивная свита: совы, нетопыри, филины, алскіе духи, невиданныя на свѣтѣ чудовища. Въ воздухѣ слышенъ былъ какой-то невнятный шелестъ, и значеніе этого таинственнаго разговора тварей Твардовскій понималъ отъ слова до слова!..

Попалась на встрѣчу Твардовскому кукушка — прорицатель-

лица будущаго, любимая вѣщуны простаго народа, и говорила ему :

— Добрый вечеръ тебѣ, Твардовскій, добрый вечеръ!.. Куда ты спѣшишь такъ, зачѣмъ ѣдешь?.. Что возбуждаетъ любопытство твое? развѣ не знаешь, что скука и грусть слѣдуютъ всегда по пятамъ любопытства?.. Добрый путь тебѣ! поѣзжай все прямо; за калиновымъ мостомъ, за тремя стѣнами, за тремя могилами и за тремя крестами найдешь, чего ищешь, хоть не отыщешь, чего искалъ.

И полетѣла кукушка далѣе.

Потомъ закаркала ему надъ ухомъ ворона :

— Кра, крра!... Привѣтствую тебя, Твардовскій! Спасибо тебѣ! Я только что съ пирu, куда позвали меня мои братья и сестры. Расклевали мы трупъ, четвертованный по твоей милости. Мнѣ досталось сердце его — чудесное сердце, жирное, сочное, розовое. Спасибо тебѣ, Твардовскій! Крра! краа!

— Кого же бы это могли четвертовать по моей милости? — подумалъ Твардовскій, ужъ не того ли молодца, который дѣлалъ фальшивую монету?... Если такъ, то по дѣломъ ему. Пошелъ!

Гналась за Твардовскимъ летучая мышь и хлопала ему въ знакъ привѣтствія перепончатыми своими крыльями.

— Не узналъ ты меня, Твардовскій? защищала она. Я та самая мышь, которая виситъ надъ твоимъ окошкомъ въ Краковѣ и которая заслоняетъ тебя своими крыльями отъ чаръ вражнихъ. Я освободилась на минуту изъ своего заточенія и лечу къ вѣдмамъ на Лысую Гору.

Вслѣдъ за летучею мышью налетѣла сова и кричала :

— Угу! угу! Чую смерть и возвѣщу о ней людямъ; ударю въ оконницу, застучу крыльями въ стекла и скажу имъ : ступайте, ступайте, зоветъ васъ !.. угу! угу!

Другая сова прилетѣла за ней вслѣдъ и кричала :

— Чую: родится дитя; полечу подъ окошко, закричу отцу и матери: будетъ дитя, будетъ, а крикъ мой такъ устраситъ ихъ, какъ предвозвѣстникъ смерти. Родится дитя на слезы, на горе, ждетъ его лютая бѣда, лютая смерть! Виноваты сами, любовники! Не надобно было сидѣть въ зеленомъ салу при коварномъ свѣтѣ мѣсяца... Холодны мѣсячныя ночи; незлорова холодная роса, болѣзнь плетъ вслѣдъ за пресыщеніемъ!..

Чиликали воробы — и понималъ ихъ щебетъ Твардовскій.

— Полетимъ въ житницу богача, выключемъ колосья, выдѣлимъ хлѣбъ; не станемъ просить у него милостыни...

Стрекотала сорока, сидя на завалинѣ:

— Ёдутъ гости! Ёдутъ гости! Ёдетъ панъ на черномъ возѣ, а на немъ бѣлый крестъ, а везутъ ихъ четыре коня, а провожаютъ ихъ поны. Принимай гостя, хозяйка; ёдетъ званый гость, когорого ты ждешь—не дожدهшься!...

И все это слышалъ, все это понималъ Твардовскій; доходили ему эти дивныя рѣчи и до слуха и до сердца: вѣщали они что-то недоброе.

Между тѣмъ въ воздухѣ мимо его летѣли толпы духовъ — какъ и онъ, сѣвшиши они на Лысую Гору.

На Лысой Горѣ толпились уже старыя вѣдьмы, горбатыя, беззубыя, съ включенными волосами, съ безстыдно-распущенною одеждой. Большая часть изъ нихъ сидѣли верхомъ на лопатахъ, на метлахъ; другія прѣѣхали на козлахъ, на черныхъ кошкахъ, на гадкихъ летучихъ мышахъ.

Изъ русскихъ дремучихъ лѣсовъ прилетѣла баба-яга, костяная нога, — прилетѣла въ ступѣ, съ метлой, которою замѣтала свой слѣдъ.

Одну изъ вѣдьмъ везла жаба, другую черная корова; — и всѣ они гнусили себѣ подъ ность безстыдныя пѣсни, и у каждой изъ нихъ за поясомъ висѣлъ горшокъ съ зельемъ, которое дымилося и наполняло воздухъ удушливымъ гаромъ.

Мимо Твардовскаго проскользнулъ бѣлый скелетъ висѣльника съ веревкой на шеѣ; съ громкимъ краканьемъ преслѣдовало его стадо черныхъ вороновъ.

— Отдай намъ остатки твоего тѣла, каркали они: висятъ еще куски мяса на оголенныхъ, костлявыхъ бедрахъ твоихъ; отдай намъ ихъ; они наши!

Увидѣлъ Твардовскій Летавца и Летавицу (*), вѣжную пару, которая также прилетѣла на Лысую Гору.

(*) *Летавецъ, Летавица*. Мы позволили себѣ передать эти названія—вымыселъ народной фантазіи Русиновъ, тѣми же словами, какъ и въ подлинникѣ. *Звѣзда-летавица* падающая звѣзда, до сихъ поръ означаетъ на Ураинѣ и въ Червонной Руси, заколдованнаго любовника, разлученнаго злыми людьми съ своей милою. Летавецъ и Летавица—это Филемонъ и Бавкида славянской міеологіи. Поэты Украины Богданъ

Увидѣлъ малыхъ совѣтъ, которыя спѣшили туда же густыми толпами.

Увидѣлъ вампировъ, блѣдныхъ, въ гробовыхъ саванахъ.

За ними шли оборотни, Вилколаки (*) и были, какъ голодные волки.

Много другихъ дивъ увидѣлъ Твардовскій, подѣзжая къ Лысой Горѣ. Вдали еще завидѣлъ онъ на ясномъ ночномъ небѣ темную фигуру церкви, а внизу, подъ горою, мелькали, мигали и прыгали огоньки. Сюда то съ тѣхъ поръ, какъ Храмъ Божій осѣнялъ гору, стекались вѣдьмы на чародѣйскій шабашъ свой.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ къ Лысой Горѣ Твардовскій, тѣмъ яснѣе представлялось ему скопище вѣдьмъ и дивныхъ чудовищъ, освѣщенныхъ яркимъ пламенемъ отъ разложенныхъ тамъ и сямъ огней. Яснѣе доходили до его слуха, дивныя ихъ рѣчи и пѣсни. Долго, летая надъ головами ихъ, на чародѣйскомъ конѣ своемъ, присматривался Твардовскій къ дивному зрѣлищу. Время отъ времени выбѣгали изъ толпы вѣдьмы, брались за руки и заводили бѣшеный танецъ; движенія ихъ похожи были на корчи прокаженного, на предсмертныя конвульсія умирающаго. Въ кругу ихъ вертелись и бѣсновались черти, которымъ измѣнялъ пламень, мелькавшій надъ головою и сердцемъ ихъ. Черный, смоляной дымъ окутывалъ всю эту группу темною пеленою, в сырость далеко распространялся въ воздухѣ.

— Ладно! ладно! Дидь-ладо! кричали колдуньи и вѣдьмы.

Въ другомъ мѣстѣ вѣдьмы готовили себѣ чародѣйскую похлебку. Огромный котелъ кипѣлъ на угляхъ; густой, душмяный паръ поднимался изъ него.

Съ любопытствомъ присматривался Твардовскій къ новому для него зрѣлищу и тихонько объѣзжалъ гору. Одинъ онъ былъ задумчивъ и грустенъ на этомъ адскомъ пиру; дико

Заѣзскій и Северинъ Гошчинскій, передали намъ въ прелестныхъ тихахъ народныхъ легенды о Летавцахъ.

(*) Wilkolak, оборотень, отъ слова wilk, волкъ. Подъ этимъ именемъ народное суевѣріе Польши разумѣетъ оборотней. О Вилколакахъ смотри у Войницкаго: Stare gawedy i obrazy,

Прим. Перевод.

отзывались въ его сердца звуки и отголоски этой сатанинской радости.

Страшна та веселость, сквозь которую проглядываетъ отчаяніе, мука и смерть!

Скоро подѣхалъ Твардовскій къ тайному совѣту вѣдьмъ.

Сидѣли тутъ семь старыхъ бабъ, на семи надгробныхъ камняхъ, а вокругъ ихъ толпились молодыя. Каждая изъ семи старухъ говорила поочередно и учила, какъ вызывать нечистыхъ духовъ, какъ задерживать дождь на небѣ, отнимать у коровъ молоко, наводить на людей лютыя болѣзни, портить хлѣбъ на гумнѣ и въ полѣ, плаксу насыпать на дѣтей, и т. п. Молодыя слушали уроки ихъ съ любопытствомъ, съ жалостію, и принимали ихъ къ сердцу, потому что искони дурной совѣтъ прививается къ уму и сердцу скорѣе хорошаго.

Далѣе, вѣдьмы, взявшись за руки, заводили хороводъ и пѣли пѣсни, которыхъ значеніе имъ только было понятно. Другія вѣдьмы варили въ котлѣ любовный напитокъ, любчикъ, и бросали въ него дѣвичьи волосы, мѣшая ихъ тамъ съ каплями дѣвичьихъ крови и слезъ и съ разными зельями. Вмѣсто мѣшалки служила имъ лапка негопыря.

— Кто напьется этого зелья, пѣли онѣ хоромъ, будетъ жить только тою, которая поднесетъ его; будетъ ходить за ней, какъ тѣнь, будетъ послушенъ ей во всемъ, будетъ готовъ положить за нее голову, дать сжечь себя за нее, не пожалѣть за нее роднаго отца—матери....

«Кипитъ и варится любовный напитокъ. Надъ нимъ шумъ и пѣна, какъ любовь надъ сердцемъ дѣвушки, подъ нимъ осадокъ и гуща, какъ послѣ любви — горестъ и раскаяніе. На верху сладко, какъ въ первыя минуты любви, внизу горько, какъ въ тѣ минуты, когда пройдетъ она!...

«Шумить вѣтеръ, трещать дрова, подъ огнемъ, кричатъ и поютъ адскія силы, и во всемъ этомъ шумѣ, трескѣ, крикѣ, какъ будто слышится призывъ милаго: Сюда, сюда! Ко мнѣ, ко мнѣ!... Но милый нейдетъ, не придетъ до тѣхъ поръ, пока сама возлюбленная не полюбитъ его, пока сама не поднесетъ ему зелья!...

«Растетъ трава на берегу ручья; цвѣтетъ трава, только въ полночь, цвѣтетъ однажды въ годъ, наканунѣ Иванова дня, и цвѣтъ ея розовый... Сыпьте въ котелъ цвѣтъ, — лѣвой рукой отъ сердца. Носила его на груди дѣвушка;—сожгла его весь, испекла.»

«Бросьте въ котель сердце голубя, у котораго охотникъ застрѣлилъ милую голубку. Тоскуеть по голубкѣ голубь: пусть и онъ тоскуеть и сохнетъ такъ, напившись нашего любовнаго зелья!»

Въ другомъ мѣстѣ, другія старухи—вѣдьмы варили другой чародѣйскій напитокъ, сидѣли вокругъ котла, покачивали головами, махали руками, бросали въ котель разныя снадобья, приговаривая, одна вслѣдъ за другою:

—Бросаю кость человѣческую, взятую съ кладбища: пусть тотъ, кто отвѣдаетъ зелья, высохнетъ и пожелтѣетъ какъ кость эта!

—Бросаю воскъ отъ свѣчи церковной, горѣвшей на похоронахъ: пусть кто отвѣдаетъ зелья, сгоритъ, какъ свѣча!

—Бросаю горсть соломѣ изъ подъ крыши церковной; кто отвѣдаетъ зелья, пусть въ душѣ его гнѣздятся грусть и злые намѣренія, какъ гнѣздились совы и воробьи подъ той церковною крышей!

—Бросаю сердце висьльника, высохшее на висьлицѣ: кто отвѣдаетъ зелья, пусть ему будетъ такъ, какъ тому, когда онъ цѣловалъ крестъ изъ рукъ попа; — пусть умереть онъ, какъ умеръ тотъ;—воронамъ на ужинъ сердце его; воронамъ на обѣдъ его легкія, — коршунамъ и ястребамъ на завтракъ все тѣло его!

—Бросаю гнилушку отъ гроба; кто отвѣдаетъ зелья, пусть въ томъ сгніетъ веселость и счастье, какъ сгнилъ трупъ въ томъ гробѣ.

—Растетъ надъ могиллой цвѣтокъ; цвѣтетъ въ задумный день, чернымъ и бѣлымъ цвѣтомъ... Бросаю цвѣтокъ въ котель, пусть тотъ кто отвѣдаетъ зелья, познаетъ черныя мысли, горе и отчаяніе!

—Бросьте въ котель сердце той совы, которая прячется днемъ и плачетъ ночью, которую преслѣдуютъ люди и птицы: пусть и тотъ, кто напьется зелья, будетъ преслѣдуемъ и ненавидимъ во всю жизнь свою!

Мѣшала они любовный напитокъ мертвыми костями и лила въ него всю желчь и злобу, какія были въ сердцахъ ихъ. Кипѣлъ и шумѣлъ напитокъ, вздымался и пучился, доходя до краевъ котла. И если стекала на землю капля его, то подъ ней выгорала трава и на землѣ оставалась послѣ себя кровавое пятно.

Былъ и другой кружокъ вѣдьмъ, но тутъ, среди смѣха и

шопота, Твардовскій не могъ разслышать о чемъ шла рѣчь. Любопытство не удерживало его и онъ ѣхалъ далѣе.

Увидѣлъ онъ стараго вампира, который училъ молодого—высасывать кровь изъ людей во время ихъ сна; увидѣлъ и старую стрелу, которая учила молодую—садиться на грудь спящимъ и душить ихъ.

Далѣе шла свадьба: козелъ женится на старой бабѣ. Передъ ними шли музыканты и играли на костяныхъ пищалкахъ и били въ барабаны, обтянутые человѣческой кожей. Постель для молодыхъ послали на гробовой доскѣ, а надъ нею разбили шатеръ изъ савана.

Тамъ и сямъ расхаживали духи и привидѣнія, то по одиночкѣ, то попарно съ дьяволами. Нѣкоторые изъ нихъ, отыскивая себя товарищей, приставали къ прохожимъ распутницамъ, передраживая гримасы влюбленныхъ. Были между ними старики и молодые, старухи и цвѣтушія молодостью дѣвицы, солдаты и монахи, дворяне и мужики, купцы и мѣщане. И все это ходило взадъ и впередъ, толкалось, шумѣло, пѣло и кричало, смѣялось и плакало, бранилось и торговалось, спорило и проклинало.

Кое-гдѣ слѣпые гуслисты играли колдуньямъ пѣсни и танцы; въ другомъ мѣстѣ пили и ѣли;—другіе сидѣли вокругъ разложеннаго огня, подлѣ кустарникомъ и вели шумную бесѣду.

Ко всему этому присматривался и прислушивался съ любопытствомъ Твардовскій. Грустныя мысли и чувства волновали его душу.

Вдругъ почувствовалъ онъ, что кто-то ударилъ его по плечу, и въ то же время отозвался знакомый ему голосъ—голосъ Мефистофеля,—его *familiaris*,

—Я зналъ, что найду тебя здѣсь.

—Какъ могъ ты отыскать и увидѣть меня? спросилъ его удивленный Твардовскій.

—По обыкновенію, я шелъ за тобою въ слѣдъ.

—По обыкновенію, говоришь ты?

—Да, по обыкновенію.

—Такъ ты слѣдишь за мной, какъ за своимъ невольникомъ?

—Не какъ за невольникомъ,—взвину, но какъ мать за сыномъ.

—Спасибо за сравненіе, но признаюсь, я не желалъ бы быть для тебя ни тѣмъ, ни другимъ.

И замолчали оба.

—Зачѣмъ же не хочешь ты раздѣлить съ нами веселья? спросилъ бѣсъ.

—Веселиться не люблю, отвѣчалъ серьезно Твардовскій: а выучиться тутъ мнѣ нечему.

—Все у тебя въ головѣ ученье! Долго ли будетъ портить твой мозгъ эта наука, Твардовскій? Развѣ человѣкъ только и долженъ думать, что объ ученѣ?

—Чтожъ бы я сталъ дѣлать тутъ? Полезнымъ здѣсь я быть не могу...

—Развѣ всегда человѣкъ долженъ думать объ услугѣ и пользѣ? возразилъ дьяволъ.

—Чего жъ ты требуешь отъ меня?

—Чтобъ ты гулялъ и веселился съ нами и пользовался бы жизнью, покада она твоя.

—Пользоваться жизнью? повторилъ, смѣясь, Твардовскій: для этого мнѣ не нужны Лысая Гора и ваше общество.

—Но ты также мало пользуешься ею и въ людяхъ.

—Для этого не пришла еще пора;—отвѣчалъ Твардовскій.—Благоразумный человѣкъ долженъ удалять отъ себя удовольствія жизни, покада не узнаетъ свѣтъ совершенно.

—А когда захочетъ пользоваться удовольствіями, то будетъ уже поздно,—шепнулъ дьяволъ.

Эта мысль заставила Твардовскаго задуматься.

—Такой человѣкъ, какъ я, сказалъ онъ, собравшись съ мыслями: исполнить все, чего ни пожелаетъ.

Вмѣсто отвѣта, дьяволъ захохоталъ.

Между тѣмъ, шабашъ подходилъ къ концу. Не дожидаясь пѣвня пѣтуховъ, многія вѣдьмы оставили Лысую Гору. Мало по малу гасли огни, пустела гора; въ воздухѣ раздавался свистъ отъ улетающихъ чудовищъ и вѣдьмъ. Раздался бой церковныхъ часовъ и вслѣдъ за тѣмъ зашелъ первый пѣтухъ въ ближнемъ селеніи.

Твардовскій возвратился въ Быдгощъ и разбудилъ Матюшу, спавшаго крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА XVIII.

Какъ Твардовскій помолодилъ бурмистра Сломку.

Было еще очень рано, какъ кто-то постучался къ Твардовскому. Послѣ возлушной повѣзки своей на Лысую Гору Твардовскій не могъ сомкнуть глазъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, печальный, задумчивый. Мысли и чувства, одни другихъ противоположныя, волновали его.

Вошедшій былъ тотъ самый бурмистръ, которому Твардовскій совѣтовалъ курить порошками изъ мертвыхъ зубовъ. Средство это, какъ извѣстно уже читателю, не помогло бывшему бурмистру, потому что въ домъ его, вмѣсто злыхъ духовъ, проказничали возлюбленные еймосци пани бурмистровой. Не было ничего мудренаго въ этомъ обстоятельствѣ: бурмистръ былъ старъ, а жена его молода. Крайности не всегда сходятся. Догадался объ этомъ наконецъ самъ бурмистръ, и повелъ рѣчь свою такимъ образомъ:

— Sapientissimè! Знаю теперь, что дѣлается у меня въ домъ, — проказить моя жена. Если хочешь поправить бѣду, то помолоди меня, или ее сдѣлай старухю. Лучше однакожь, еслибъ ты выбралъ первое; не даромъ говоритъ пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро; старую печку дьяволъ топить. Какъ помолодью, то если жена и не станетъ любить, то, по крайней мѣрѣ, ея пріятели будутъ меня бояться. Знаю я, что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго; — исполни же мою просьбу, ради Бога.

— Не такъ-то легко исполнить твою просьбу, отвѣчалъ серьезно Твардовскій. Сдѣлать изъ старика молодаго — не шутка. На это нужно много времени, много трудовъ, много издержекъ.

— Не буду жалѣть никакихъ издержекъ, отвѣчалъ бурмистръ: заложу все имущество свое, чтобъ достигнуть цѣли, чтобъ сдѣлаться молодымъ... Какого же рола издержки могутъ быть въ такомъ случаѣ? спросилъ онъ, почесывая свою лысину.

— Значительныя издержки, отвѣчалъ Твардовскій: для этого надо мнѣ рѣзкихъ и дорогихъ зелей, заморскихъ мазей; — одно приготовленіе лекарства отниметъ годъ времени.

— Годъ! вскричалъ изумленный бурмистръ.

— Лучше помолодѣть черезъ годъ, чѣмъ никогда, замѣтилъ Твардовскій:

— Правда; но я могу и не дожить до такого счастья. Годъ — не шутка, особенно для такихъ стариковъ, какъ я.

— Кроме того, мнѣ надобно пріискать помощника, къ которому бы я имѣлъ полное довѣріе. На первый разъ попробую взять моего слугу. Ты долженъ разгласить вездѣ, что оставляешь городъ. Никто не долженъ знать ни о твоёмъ намѣреніи, ни о твоёмъ мѣстопробываніи. Между тѣмъ, мы отыщемъ для себя гдѣ нибудь подальше квартиру, и тамъ примемся за дѣло. Предваряю тебя: если дорога тебѣ жизнь, то ты долженъ хранить все въ тайнѣ и быть нѣмымъ, какъ камень.

— Буду нѣмъ, какъ гробъ, сказалъ, низко поклонившись, бурмистръ. Въ городъ разгласу всѣмъ о повѣзкѣ своей въ Вильну, для покупки кожъ, куда я не разъ уже ѣзжилъ. Квартиру наймемъ себѣ гдѣ нибудь въ отдаленномъ предмѣстьи; я самъ поищу ее, а покуда эти деньги удовлетворяютъ нашимъ первымъ нуждамъ.

И говоря такъ, бурмистръ положилъ на столъ набитую деньгами кису.

— Ну, теперь прощай. Хлопочи о квартирѣ и не отыскивай меня раньше нѣсколькихъ мѣсцевъ. Это время мнѣ также необходимо для приготовленій.

По уходѣ обрадованнаго бурмистра, Твардовскій сказалъ самъ себѣ: не велика была, если не удастся мой опытъ надъ этимъ глупымъ старикомъ. Попробую. . Эй, Матюша!

Явился заспавный Матюша.

— Знаю твою преданность ко мнѣ и потому хочу употребить тебя для одного важнаго дѣла. То, что ты узнаешь, можетъ тебѣ со временемъ пригодиться. Во всякомъ случаѣ ты дашь мнѣ новое доказательство твоего усердія и преданности.

— Слушаю и исполню все, что ты прикажешь.

— Дѣло идетъ о томъ, чтобъ изъ старика сдѣлать молодого.

— Молодаго?... Какъ же ты это сдѣлаешь? спросилъ Матюша, почесывая въ головѣ.

— Сдѣлаю, какъ умю, и ты будешь помогать мнѣ. Съ завтрашняго дня мы примемся отыскивать все нужныя къ тому зелья, начнемъ готовить спарты и мази.

— Слушаю.

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день Твардовскій съ Матю-

шей, одѣтые пустынниками отправились отыскивать зелья. Длинный рядъ названій этихъ травъ былъ записанъ Твардовскимъ на бумагѣ. Большихъ трудовъ стоило имъ собирать ихъ. Однѣ травы надлежало искать при мѣсячномъ свѣтѣ, или въ полнолуніе, другія на свѣжей росѣ, до восхода солнца; однѣ въ цвѣту, другія въ семенахъ, а нѣкоторыя — завядшими. Еще большихъ хлопотъ стоило сбереженіе ихъ.

За другими матеріалами Твардовскій долженъ былъ посылать Матюшу далеко. Матюша отыскалъ и купилъ ему какаовыхъ орѣховъ, носорожьихъ клыковъ, частичекъ мумій и много другихъ рѣдкихъ вещей, за которыя заплатилъ дорого.

Твардовскому необходимы были также члены многихъ рѣдкихъ звѣрей, обитающихъ въ отдаленныхъ странахъ свѣта. Съ великими усиліями и не безъ помощи дьявольской досталъ ихъ Твардовскій. Въ числѣ многихъ другихъ предметовъ, досталъ Твардовскій и воды, имѣвшей свойство молодить. — На неприступной горѣ билъ одинъ изъ семи ключей этой чародѣйственной воды, и оттуда то, съ опасностію собственной жизни, начерпалъ ея Твардовскій.

Наконецъ, Твардовскій далъ знать бурмистру, что все готово и можно приступить къ тяжелой работѣ. Бурмистръ, по обѣщанію, уже собирался въ дальній путь, простился съ женою и поручилъ брату управленіе домомъ и лавкою, и ночью, тайкомъ, перешелъ въ новое свое жилище.

Въ первую ночь на новолуніе принялся Твардовскій за работу. Прежде всего онъ усыпилъ бурмистра спотворнымъ зельемъ, положилъ его, соннаго, въ огромный котелъ и варилъ, подъ напѣвъ чародѣйственныхъ пѣсень, потомъ, вынувъ изъ котла, натиралъ мазию и кропилъ чудесной водою.

Тяжкихъ трудовъ стоила работа Твардовскаго, и только твердость его и присутствіе духа могли помочь ему выдержать ее. Много опытности далъ ему этотъ трудъ. Твардовскій не унывалъ, предвидя близкій конецъ. Во все время страшнаго процесса, которому подвергнуто было дряхлое тѣло бурмистра, душа его, вынутая изъ тѣла, заключена была въ крѣпко-запечатанной и осмоленной банкѣ. Потомъ, когда помолодѣло и посвѣжѣло дряхлое тѣло, Твардовскій вдунулъ въ него душу, и тогда уже въ немъ начали показываться признаки насильственно изгнанной жизни. Едва примѣтно забился пульсъ;

кровь прыснула въ сухія жилы; встрепенулось сердце и уларило въ легкія; лицо начало оживляться румянцемъ; тяжелый вздохъ потрясъ свѣжую, молодую грудь, зашевелились уста, залепеталъ языкъ, раскрылись глаза — и блеснули всей яркостію, всей силою очей влюбленаго юноши...

Бурмистръ ожилъ....

Матюша остолбѣнѣлъ отъ изумленія. Самъ Твардовскій не чувствовалъ себя отъ радости. Оживленный бурмистръ стоялъ передъ нимъ, и какъ послѣ долгаго сна, припоминалъ, что съ нимъ было.

Щедрая плата соответствовала труду и бурмистръ разстался съ Твардовскимъ, осыпая его тысячею благословеній.

Отпуская бурмистра, Твардовскій приказалъ Матюшѣ слѣдовать за нимъ въ домъ его, и о томъ, что увидитъ, пересказать ему. Возвратившись, Матюша говорилъ Твардовскому слѣдующее:

— Было уже темно, когда бурмистръ постучался въ двери своего дома. Въ домѣ было много гостей, кареты и брики стояли у воротъ. Въ окнахъ виднѣлся яркій свѣтъ, и до уха доходили звуки веселой музыки. Бурмистръ не зналъ, что и подумать о такомъ праздникѣ. Время было не запустное (*); именинъ въ домѣ не было; — крестинъ не могло быть. Что за притча! говорилъ самъ себѣ бурмистръ: по погоди у меня, матушка, поидетъ теперь все по маслу. И продолжалъ стучать.

Наконецъ, отворилась дверь, и старшій вѣрный слуга, не узнавъ барина, спросилъ его очень серьезно: кто онъ и что ему надобно?

— Чего мнѣ надобно? Кто я? ха, ха, ха! Такъ ты меня не узнаешь, Оаддей?

Оаддей выпучилъ глаза и стоялъ, какъ вкопанный: онъ все еще не узнавалъ своего пана.

— Проводи меня въ ту комнату, отъ которой ключи у пани, продолжалъ бурмистръ.

— Да что вамъ отъ меня надобно? бормоталъ слуга: что вы мнѣ тутъ рассказываете!... Какой вы мой баринъ! Мой баринъ годится вамъ въ дѣдушки. Въ моего барина влѣзло бы трое такихъ молодцевъ, какъ вы.

(*) Запусты, — послѣдніе дни карнавала.

Продолжая такъ говорить, онъ подставлялъ свѣчу подъ носъ бурмистру и тутъ только началъ замѣчать какое-то сходство прихожаго съ его господиномъ.

—А и вправду, немножко сбиваете вы на моего барина, когда онъ былъ молодъ. И носъ у него былъ точно такой, и глаза такіе, какъ теперь помню... Да что это въ самомъ дѣлѣ,—дурманъ что ли на меня нашелъ? или я пьянъ, или просто съ ума сошелъ. Ни дать, ни взять мой баринъ, когда былъ моложе.

—Ни то, ни другое, отвѣчалъ бурмистръ, всходя на лѣстницу: перемѣнился только я.

—Да какъ же вы могли перемѣниться?—говорилъ слуга, все еще не доверяя глазамъ своимъ.

—Ну ужъ объ этомъ я тебѣ не скажу; это секретъ. И бурмистръ вошелъ въ залу. Въ эту минуту бурмистрша, неселая, красивая и свѣжая, дѣлая фигуры *преслѣдованія* въ народномъ танцѣ, мазуркѣ, то рисовалась, какъ павъ, то порхала, какъ мотылекъ, ускользя отъ преслѣдовавшихъ ее кавалеровъ, которые ловили ее и *отбивали* одинъ у другаго. Музыка играла, какъ говорится, *od ucha*, т. е. что есть мочи. Приходъ бурмистра, не прерывая танцевъ, привлекъ однакожъ на него общее вниманіе.

—Смѣю спросить вашу милость, сказалъ, подходя къ нему одинъ франтъ, закручивая длинные усы и поправляя отвороты кунтуша:—вѣрно изволите быть близкимъ родственникомъ павъ бурмистра, когда на него такъ похожи?

—Имѣю честь быть имъ самимъ, если угодно о томъ знать вашей милости, отвѣчалъ ему бурмистръ, улыбаясь.

—Ваша милость—бурмистръ Сломка?..—сказалъ подходя къ нему другой франтъ: шутить изволите, не во гнѣвъ будь сказано вашей милости. Съ бурмистромъ Сломкой я двадцать лѣтъ сидѣлъ на одной скамьѣ въ ратушѣ,—а у васъ еще, вижу, и молоко на губахъ не обсохло...

—Голосъ-то — нечего сказать — его, а что до фигуры, то ужъ—мое почтеніе! замѣчалъ третій, мѣряя глазами бурмистра съ ногъ до головы.

Вмѣшалась въ толпу любопытныхъ и павъ бурмистрша и осматривала пришельца внимательнымъ взоромъ.—Экой красавецъ!—подумала она, и спросила, прищуривая глазки:

—Кого имѣю удовольствіе видѣть у себя гостемъ?

—Супруга своего, моя кошечка, моя рыбка, отвѣчалъ ей бурмистръ.

—Мужа?..—ха, ха, ха! Желала бы я, чтобъ мужъ мой похожъ былъ на вашу милость. Кунтушъ на васъ, какъ мужнинъ, но что касается до прочаго,—такъ ужъ позвольте усомниться—говорила, охоращиваясь и кокетничая, бурмистрова.

Изумленные претензiей пришельца, гости перестали танцовать и окружили его. Музыканты перестали играть и шептались между собою, выпучивши на него глаза.

—Ужъ если непременно стоите на томъ, что ваша милость мой мужъ—продолжала съ усиленнымъ кокетствомъ хозяйка:—такъ не угодно ли сказать, какой у меня знакъ на лѣвой рукѣ.

—Это сказалъ бы и я, замѣтилъ шопотомъ одинъ изъ уса-
тыхъ франтовъ своему сосѣду.

—Знакъ святаго и животворящаго креста, отвѣчалъ, заикаясь, бурмистръ: выжженный на твоей лѣвой рукѣ покойною твоей матерью, пани Катериною, въ память избавленiя отъ на-
бѣга татарскаго, когда она оставляла тебя еще ребенкомъ на рукахъ няньки.

—Отгадали!—всѣ ричала бурмистрша, присылая и поправляя свою краковскую шапочку: ну, а скажите теперь, какой подарокъ получила я отъ моего мужа на другой день свадьбы!..

—Десять ударовъ плеткою по спинѣ, шепнулъ ей бурмистръ на ухо.

Покраснѣла бурмистрша, какъ спѣлая вишня, но тотчасъ же поправилась и сказала:

—Да какой-же чортъ возвратилъ тебѣ твою молодость?

—А вотъ послушай, отвѣчалъ, садясь на скамью бурмистръ, и когда гости свинулись вокругъ него въ тѣсный кружокъ, то онъ разсказалъ имъ подробно всю исторiю своего превращенiя, заставши ихъ напередъ именемъ Святой Троицы не говорить никому объ услышанномъ. Сказалъ имъ, какъ онъ уговорился съ Твардовскимъ, какъ заснулъ и какъ проснулся молодымъ, чего стоило ему это превращенiе, и въ заключенiе, превозносилъ подъ небеса великую мудрость Твардовскаго. Не вѣрили ушамъ своимъ гости, и нѣкорые изъ нихъ видѣли въ немъ самозванца и обманщика, но наконецъ, всѣ убѣдились, что дѣйствительно видятъ передъ собою бурмистра, которому Твардовскiй силою своихъ чаръ и заклятiй возвратилъ молодость.

Зазвѣнѣли тогда бокалы и стклѣнки — и вино полилось за

здоровье помолодѣвшаго бурмистра. Завели снова веселые танцы и танцевали до разсвѣта, празднуя, такимъ образомъ, вторичную свадьбу бурмистра. Торжественно проводили чету въ снальню и разѣхались, пожелавъ имъ пріятнаго дня. Не мало радовалась и пани, перемѣнивъ такъ кстати стараго мужа на молодого, но долго ли продолжалась эта радость и не помрачали ли ея воспоминанія о добрыхъ пріятеляхъ,—объ этомъ молчить преданіе. Что касается до брата бурмистра, который во ожиданіи кончины бурмистра кончины *improvis et sterilis*, захватилъ очень твердо въ свои руки бразды правленія движимостью и недвижимостью, — то и онъ, хоть и не-хотя, долженъ былъ уступить общей радости и съ кислой рожею вручилъ упавшему съ неба такъ нечаянно владѣльцу ключи и отчеты.

На другой же день грянула по городу и окрестностямъ его вѣсть о чудесномъ превращеніи бурмистра Сломки. Можно представить, какой тревоги надѣлала она между стариками. Исторію, какъ, водится, преувеличивали, дополняли и исправляли по произволу, и скоро разнесли далеко по цѣлой странѣ. Старики толпами тащались къ Твардовскому,—но Твардовскій, разчитывая заранѣе на докучливыхъ просителей, почелъ за нужное оставить городъ и укрыться отъ старыхъ преслѣдователей.

У дверей его опустѣлаго жилища сидѣлъ одинъ грустный Матюша. Куда уѣхалъ Твардовскій, никто не зналъ.

ГЛАВА XIX.

Какъ Матюша наказанъ былъ за свою аличность къ деньгамъ.

Великое дѣло, совершенное Твардовскимъ навело безчужденнаго и равнодушнаго до того Матюшу на глубокія размышленія. Мысли эти не выходили у него изъ головы. Припоминалъ онъ себѣ тѣ дивныя средства, которыя употреблялъ Твардовскій, и не разъ приходила ему въ голову мысль попробовать, не удастся ли и ему совершить такое же чудо.

—Помню все, что дѣлалъ Твардовскій, говорилъ онъ самъ себѣ: знаю зелья, время ихъ сбора, ихъ приготовленіе; чтоже мѣшаетъ мнѣ испытать свои силы?... Тогда бы я могъ сдѣлаться богатымъ, нажилъ бы большія деньги, купилъ бы себѣ деревенку подъ Краковомъ и зажилъ бы себѣ паномъ... Поѣхалъ бы ко двору королевскому, женился бы на краковской паннѣ, воеводской дочкѣ, которую видѣлъ намедни въ костелѣ Дѣвы—Маріи и потомъ, какъ она ѣхала въ своей коляскѣ къ королевскому замку... И отчегожь бы не удалось мнѣ, когда удалось моему пану? Все, что онъ дѣлалъ и я легко могу сдѣлать...

И говоря такъ, Матюша припоминалъ себѣ таинственные слова, заклятія, чародѣйскіе заговоры Твардовскаго, — припоминалъ и повторялъ ихъ вслухъ.

—О, и мнѣ удастся, непременно удастся! воскликнулъ онъ наконецъ.

Нисколько не удивляло его однакожь то обстоятельство, что хотя онъ и хорошо помнилъ всѣ дѣйствія Твардовскаго, но за то не разумѣлъ совершенно, къ чему клонились они, зачѣмъ дѣлались такъ, а не иначе: видъ и форму бралъ онъ за сущность предмета, не заботясь объ остальномъ, какъ всѣ поверхностные люди, которые жертвуютъ наружной формою внутреннему убѣжденію и сущности. Пріѣздъ гонца, остановившагося у воротъ дома, прервалъ его мечтанія. Гонецъ искалъ Твардовскаго.

Судя по его одеждѣ и наружности, онъ походилъ на дворянина (*) изъ свиты какого нибудь знатнаго пана. Тонкаго сукна кунтушъ его былъ покрытъ густымъ слоемъ пыли. Пара турецкихъ пистолетовъ заткнута была за поясомъ, на боку висѣла сабля. На головѣ его была низкая краковская шапка алаго цвѣта, отороченная мерлушкою, къ сафьяннымъ сапогамъ прицѣплены огромныя шпоры. Видно было, что онъ пріѣхалъ издалека.

(*) *Дворянинъ, dworzanin*, служащій при дворѣ короля (*dworzanin królewskoi*) или магната. Не должно смѣшивать этого титула съ названіемъ шляхцица. Хотя каждый шляхцицъ могъ служить при дворѣ короля или магната, но не каждому удавалось получить подобное мѣсто.

—Богъ въ помощь вамъ, сказалъ онъ, соскочивъ съ лошади и привязывая ее къ кольцу воротъ. Не здѣсь ли живетъ великій и славный на всю Польшу Твардовскій, уроженецъ краковскій?

—Здѣсь, къ услугамъ вашей милости, вельможнаго пана, отвѣчалъ Матюша.

—Много лѣтъ ему здравствовать! сказалъ дворянинъ. А дома его милость?

—Нѣтъ дома.

—Скоро вернется?

—Нѣтъ, не скоро. А что вашей милости угодно отъ моего пана?

—Везу къ нему важную просьбу отъ пана Старосты; вотъ и эпистолиа;—сказалъ дворянинъ, показывая Матюшѣ на кусокъ пергамену, который торчалъ у него изъ за пазухи. Что я стану теперь дѣлать, когда нѣтъ пана Твардовскаго и не кому помочь пану Старостѣ.

—А можетъ быть, и я могу какъ нибудь помочь вашему пану, сказалъ Матюша. Я ученикъ Твардовскаго и въ его отсутствіе могу заступитъ его мѣсто. Что онъ дѣлаетъ, то и я могу сдѣлать, прибавилъ онъ нерѣшительно.

—Въ самомъ дѣлѣ? продолжалъ дворянинъ: ну такъ прочитайте, что тутъ написано.

Матюша взялъ пергаменный свертокъ, раскрылъ его и прочиталъ. Просили помощи Твардовскаго въ одномъ важномъ дѣлѣ, о которомъ долженъ былъ увѣдомить посланный.

Матюша спряталъ письмо за пазуху и смѣло спросилъ дворянина:

—Расскажите мнѣ, въ чемъ дѣло; въ письмѣ значится, что вашей милости все извѣстно и что вы о томъ, что знаете, должны сказать моему пану.

— Мнѣ строго приказано держать это дѣло въ тайнѣ, и не говорить о немъ никому, кромѣ Твардовскаго. Вы ученикъ его?

— Если не вѣрите мнѣ, спросите у каждаго изъ здѣшнихъ жителей. Всѣ меня знаютъ; я ученикъ и помощникъ Твардовскаго.

— Вѣрю и передамъ вамъ просьбу пана Старосты. Вотъ, изволите видѣть, въ чемъ дѣло. Нашъ панъ Староста очень боленъ. Ноги у него отнялись, глаза не видятъ; голова и руки трясутся; зубы выпали всѣ до одного. Вотъ видите:

нашъ панъ хотъ и стоитъ одной ногой въ могилѣ, а задумалъ жениться.

— Жениться! вскричалъ изумленный Матюша.

— Да, жениться, продолжалъ дворянинъ: и жениться на молодой дочери своего сосѣда, пана кастеляна, въ надеждѣ оставить потомка, потому что, умирая бездѣтнымъ, ему пришлось бы ломать надъ своимъ гробомъ семейный гербъ, чего крѣпко не хочется. А панна кастелянка плачетъ, бѣдняжка, съ утра до вечера: не хочется ей идти за-мужъ за старика, который старше отца ея; говорить, что прогнѣвала бы Бога, еслибъ вышла за него. Да и ксензы, видно, со словъ ея, говорятъ тоже самое. Не знали мы, чѣмъ тутъ помочь горю, какъ вдругъ узнаемъ о бурмистрѣ Сломкѣ, котораго помолодилъ Твардовскій. Сказали объ этомъ и пану Старостѣ. Сначала не вѣрилъ, потомъ послалъ за бурмистромъ, котораго когда-то знавалъ, а увидѣвши его и услышавши отъ него обо всемъ подробно, повѣрилъ невольно. Съ той поры пришла и ему охота помолодѣть. Спать ночью не можетъ, съ утра до вечера только о томъ и думаетъ, какъ бы помолодѣть. — Чего-бы мнѣ ни стоило,—говоритъ,—хоть бы всей казны моей, а испытаю на себѣ это средство. Послалъ за мной и вельбъ мнѣ ѣхать къ Твардовскому и предложить ему большую награду, если онъ возьмется помолодить его.

— А много-ли, напиримѣрь, судить онъ Твардовскому? перервалъ его Матюша.

— Тысячу венгерскихъ дукатовъ, отвѣчалъ дворянинъ. Часть этихъ денегъ везу я съ собой, въ задатокъ.

— Ну такъ, слушайте же: скажите своему пану, что я могу помолодить его и безъ Твардовскаго: бурмистра Сломку помолодилъ не кто другой, какъ я.

— Въ первый разъ въ жизни позволилъ себѣ клевету и обманъ Матюша: при видѣ денегъ, духъ корыстолюбія овладѣлъ имъ.

— Если хотите, то, не теряя времени, я могу ѣхать съ вами къ пану Старостѣ. Мази и всѣ снадобы заберу съ собою. Покуда ваша милость поищете для меня въ городѣ лошади, я приготовлю, что нужно.

— Но увѣрены ли вы, говорилъ недовѣрчиво дворянинъ, что исполните то, за что беретесь. Не забудьте, что дѣло идетъ о жизни пана Старосты, да и о вашей собственной.

— Увѣренъ, увѣренъ твердо; будьте покойны: это мое дѣло; не въ первый разъ принимаюсь я за такія вещи, говорилъ Матюша, поглядывая на привязанную къ торокамъ кису съ деньгами. — Дѣлывали мы и не такія чудеса, а это дѣло намъ ни почемъ.

— Помните же, что за успѣхъ вы отвѣчаете головою.

— Ступайте въ городъ за лошадыю.

Рѣшившись однажды, Матюша уже не хотѣлъ оставить своего намѣренія. Припоминая себѣ всѣ дѣйствія своего господина, Матюша забиралъ сткланки и узелки съ зельями и снадобьями. Сборы его были не долги. Забравши все нужное, онъ отправился вмѣстѣ съ дворяниномъ въ путь.

Къ вечеру прибыли они въ замокъ Старосты.

Замокъ стоялъ на высокой горѣ. Каменная стѣна и глубокий ровъ окружали его. Четыре круглыя башни съ остроко-нечными кровлями видны были издалека. Изъ-за стѣнъ, въ которыхъ просвѣчивали бойницы и на которыхъ разставлены были пушки, виднѣлись высокія трубы замка. Подъ горою, на берегу небольшой рѣки, расположено было мѣстечко, застроенное крестьянскими и жидовскими избами. Мелкій кустарникъ, да кое гдѣ, прислонившись къ избамъ, одинокія ивы, оживляли дикое, пустынное мѣсто.

Надъ мѣстечкомъ, среди площади, возвышалась ветхая деревянная церковь, а за нею бѣлѣлся парафіальный косель. Жидовская синагога торчала изъ-за жидовскихъ дрянныхъ домишекъ.

Такою-то представилась нашимъ путникамъ эта столица староства, когда они подъѣзжали къ ней, утопая въ грязи. Черезъ опущенный мостъ въѣхали они на дворъ замка. Матюша принятъ былъ дворянами Старосты съ большими почестями. Наѣвшись и напившись вдоволь, Матюша легъ спать, но, не смотря на усталость, онъ не могъ сомкнуть глазъ. Тяжелая предстоявшая ему работа и неувѣренность въ силахъ и опытности не выходили у него изъ мыслей. Онъ уже раскаявался въ своей смѣлости, — но отказаться было поздно. Одна только мысль о богатой наградѣ подкрѣпляла его и заставляла упорствовать въ дерзкомъ предпріятіи.

На другой день Матюша велѣлъ отвести себѣ особый покой, гдѣ и занялся приготовленіями. Цѣлый день варилъ онъ зелья и растиралъ мази; другой день также прошелъ для

него въ приготовленіяхъ. Мучимый сомнѣніемъ въ успѣхѣ, онъ по прежнему не зналъ сна. Во все это время Староста не показывался ему, но, когда онъ проходилъ мимо его комнаты, Матюша слышалъ удушливый его кашель. На третій день, окончивши всѣ приготовленія, Матюша пошелъ осмотрѣть замокъ. Невольно приходило ему тутъ на мысль, что въ случаѣ неудачи, онъ долженъ приготовить всѣ средства къ побѣгу. На бѣду его, усердно и строго охраняемый замокъ не представлялъ къ тому никакой возможности. Рѣшимость Матюши не поколебали и эти справедливыя опасенія.

Въ назначенный часъ, притащился, опираясь на слугъ, въ комнату Матюши больной Староста. Лихорадочная дрожь проняла Матюшу при взглядѣ на дряхлаго старца, который, какъ невинная жертва, предавался въ его въ руки. Была минута, когда онъ, мучимый совѣстію, хотѣлъ отступить отъ своего намѣренія; но стыдъ, глупое упорство и алчность къ деньгамъ превозмогли и это послѣднее усиліе совѣсти.

Когда служители удалились, Матюша далъ Старостѣ сильный приемъ снотворнаго зелья, которое и подѣйствовало въ ту же минуту. Онъ уже готовился класть тѣло въ котелъ, какъ вспомнилъ, что прежде надо извлечь изъ него душу. И эта работа шла удачно; но, къ несчастію, въ попыткахъ, Матюша забылъ закупорить хорошенько сосудъ. Почувствовавъ себя свободною, душа улетѣла.

Дальнѣйшія дѣйствія Матюши надъ трупомъ Старосты шли удачно, и только тогда узналъ онъ свою неосторожность, когда пришло время оживить трупъ и вдохнуть въ него душу. Души уже не было. Напрасно пытался отыскать ее Матюша; всѣ усилія его были безуспѣшны. Онъ готовъ былъ замѣнить ее своею, еслибъ нашелъ къ тому средства. Страшный укоръ себѣ читалъ онъ на бездушномъ лицѣ помолодѣвшаго трупа Старосты. Нѣсколько дней провелъ Матюша въ смертельной агоніи, наединѣ съ своею жертвою; наконецъ онъ рѣшился спастись бѣгствомъ. Изнуренное, убитое печалью и отчаяніемъ лицо его не предвѣщало для слугъ ничего добраго и они начали слѣдить за нимъ. Срокъ, назначенный Матюшею, давно уже кончился, и это еще болѣе увеличивало недовѣрчивость слугъ. На всѣ ихъ вопросы Матюша отвѣчалъ неопредѣленно, нерѣшительно, — откладывалъ срокъ со дня на день, представляя неожиданныя препятствія, посылалъ ихъ за новыми

зельямъ, — словомъ, выворачивался какъ могъ, желая лишь выиграть время и улучить удобную для побѣга минуту.

— Попуталъ меня лукавый взяться не за свое дѣло, говорилъ онъ самъ себѣ, ломая въ отчаяніи руки: сидѣлъ бы я теперь преспокойно дома. Продалъ я свою душу цѣною этого проклятаго золота!

Не видя, наконецъ, никакой надежды къ побѣгу, Матюша предался своей участи и готовился къ неизбежной смерти. Въ одинъ вечеръ, когда всѣ слуги, утомленные безсонными ночами, предались сну, Матюша выбрался за ворота замка, и могъ бы скрыться отъ погони, еслибъ пошелъ боковыми дорогами. Матюша побѣжалъ большою дорогою и тутъ-то настигли его слуги Старосты. Матюшу заковали и бросили въ сырую темницу.

Извѣстіе объ ужасной смерти Старосты подняло тревогу во всей околицѣ. Дали знать всѣмъ роднымъ покойнаго и мѣстнымъ властямъ. Прискакали наслѣдники Староства, ждавшіе съ нетерпѣніемъ смерти своего родственника. Фальшивыми вздохами выражали они свое притворное горе. Изъ ближнихъ городовъ и мѣстечекъ съѣхались ксендзы, и въ тоже время, какъ въ одной комнатѣ служили они панихиды за выметѣвшую изъ склянки душу Старосты, въ другой комнатѣ судъ *in primo impetu*, опредѣлялъ Матюшѣ смертный приговоръ, и осуждалъ его, какъ чернокнижника, на сожженіе.

Похороны Старосты были великолѣпны. За гробомъ, обремененный цѣпями, съ факелемъ въ рукѣ, въ сѣромъ саванѣ, шелъ Матюша, обращая на себя общее вниманіе. Не менѣе великолѣпнымъ образомъ готовились наслѣдники Старосты сжечь на кострѣ Матюшу, которому обязаны они были настоящимъ своимъ счастіемъ.

Такимъ образомъ, алчность Матуши къ деньгамъ вела его на позорный костеръ. Наканунѣ назначеннаго для казни дня мѣщане привезли на городскую площадь дровъ и укладывали ихъ въ костеръ. Изъ ближняго города привезли палача, который долженъ былъ сжечь Матюшу. Это случилось въ субботу, ровно черезъ недѣлю послѣ смерти Старосты. Въ воскресенье должна была совершиться казнь.

Къ чести его, Матюша былъ набоженъ. Ему, какъ урожденцу Кракова, гдѣ съ молокомъ матери всосалъ онъ правила святой католической вѣры, все въ этомъ богохранимомъ городѣ напоминало о милосердіи и благодати Божіей. Теперь, въ по-

сѣднія минуты злополучной своей жизни, онъ думалъ о томъ свѣтѣ, который ожидаетъ его, о вѣчномъ огнѣ, которымъ будетъ сгорать онъ до-поконъ вѣка, какъ святотатецъ, чародѣй и убійца, — и попросилъ священника, которому бы могъ открыть свою душу и просить объ отпущеніи ему тяжкихъ грѣховъ. Помогая Твардовскому въ сатанинскихъ дѣлахъ его, онъ самъ однакожъ никогда не видалъ дьявола, — по малому своему не оцѣнивалъ всей тяжести грѣховъ, и никогда не отрекался отъ Бога. Раскаяніе его въ послѣднія минуты было неподдѣльно и искренно.

— Боже милосердый и праведный! помилуй меня! отврати отъ меня чашу, которую я самъ уготовилъ себѣ! восклицалъ онъ, обливаясь слезами.

Въ то время, когда онъ взывалъ такъ къ Богу, закрипѣли темничныя двери на ржавыхъ петляхъ своихъ и въ комнату вошелъ приѣзжій ксендзъ, потому что мѣстные пропощъ (*) и викарій поѣхали провожать тѣло Старосты въ «фамильный склепъ, находившійся въ монастырѣ Августинцевъ, въ Брестъ-Литовскомъ.

Матюша рыдалъ, стоя на кофѣнахъ. «Отецъ! спаси меня!» говорилъ онъ, всхлиывая.

Отвѣтомъ ему былъ сардоническій смѣхъ.... Вздрогнувъ Матюша отъ этого знакомаго ему смѣха, — поднялъ голову, взглянулъ, — и лучъ свѣта, продравшійся сквозь узкое тюремное окошко, ударявшій прямо въ лицо монаха, позволилъ ему разсмотрѣть его. Такъ! нѣтъ сомнѣній! передъ нимъ стоялъ Твардовскій.

Матюша едва не лишился чувствъ отъ страха. Онъ упалъ на землю и нѣсколько минутъ лежалъ неподвижно. Отъ Твардовскаго онъ вырвалъ былъ ожидать справедливаго мщенія. Твардовскому стало жалко вѣрнаго, но безразсуднаго слуги своего.

— Встань, сказалъ онъ ему: славную заварилъ ты кашу. Видишь ли, куда привела тебя твоя глупость. Теперь ты на одинъ шагъ отъ костра и никакая сила человѣческая не въ состояніи освободить тебя...

— Ахъ, знаю, знаю, добрый, милостивый господинъ мой. Проклятая алчность къ золоту погубила меня. Каюсь тебѣ... прости меня!

(*) Благочинный.

— Не слѣдовало тебѣ мѣшаться не въ свое дѣло, браться за то, что выше твоихъ понятій... До сихъ поръ ты былъ мнѣ вѣрнымъ и усерднымъ слугою и я не ждалъ отъ тебя такой черной неблагодарности. Не ужели и тебя успѣли развратить люди?

— Не укоряй меня, благодѣтель мой, отвѣчалъ, рыдая, Матюша: спокойно пойду на смерть за вину свою, но не напоминай мнѣ о моей неблагодарности... За тысячу золотыхъ рѣшился я измѣнить тебѣ — убѣжать отъ тебя! О, я несчастный!

И Матюша рыдалъ, ломая въ отчаяніи руки.

— Ну, а чѣмъ бы ты заплатилъ мнѣ: сказалъ Твардовскій, еслибъ я спасъ тебя теперь!

— Чѣмъ? вскричалъ Матюша: и ты спрашиваешь меня объ этомъ?... Ты хочешь дать мнѣ жизнь и спрашиваешь меня, пожалѣю ли я для тебя этой жизни?... Она вся твоя, эта жизнь вся твоя, какъ была до той минуты, покамѣстъ проклятое золото не обольстило меня!...

— Поклянись ли ты мнѣ въ томъ, что будешь служить вѣрно, что будешь свято исполнять все, что ни прикажу тебѣ?

— Клянусь, — и сдержу клятву; пойду за тобою хоть въ адъ, всюду, всюду, — во всякую минуту жизни; буду весь твой душой и тѣломъ, — буду для тебя больше, чѣмъ слугою, буду невольникомъ, рабомъ, — псомъ смердящимъ!...

— Помни же слова свои. Вставай и иди за мной. — Но помни, прибавилъ Твардовскій: что при одной мысли объ измѣнѣ, тебя ждетъ жестокая, мучительная смерть.

— Пусть она поразитъ меня при одной мысли объ измѣнѣ тебѣ, моему благодѣтелю, моему спасителю.

— Ступай за мной!

Съ этими словами Твардовскій взялъ Матюшу за руку и, отворивъ дверь, вышелъ изъ темницы. Дивился Матюша, глядя на стражу, которая пропустила ихъ мимо себя, и не было предѣла его удивленію, когда, по выходѣ изъ темницы, Твардовскій указалъ ему изъ окна замка на кипѣвшій народомъ рынокъ.

— Видишь ли, сказалъ онъ — минута твоей казни ускорена; смотри.

И смотрѣлъ — и не вѣрилъ глазамъ своимъ Матюша. Смотрѣлъ онъ на свою собственную казнь, видѣлъ самого се-

бя, видѣлъ, какъ ввели его на костеръ, какъ палачъ привязалъ его къ позорному столбу, какъ подложенный подъ дрова огонь взвился широкимъ пламенемъ, какъ лизнулъ его длинный, змѣиный языкъ этого пламени; — видѣлъ онъ свои предсмертныя мученія и судороги, слышалъ свой собственный голосъ, исторгнутый изъ глубины души невыразимыми словами муками... И вотъ, наконецъ, густое пламя обхватило весь костеръ и закрыло его своей огненной пеленою, заслонило густымъ смолистымъ дымомъ, — и, среди шума, проклятій и рукоплесканій толпы, среди треска дровъ и шипѣнія смолы, замерли его плачевные, раздѣравшіе душу стоны....

Другое зрѣлище представляла въ эту минуту кипящая на родомъ площадь, для тѣхъ, кого привели туда фанатизмъ или любопытство. Едва вспыхнуло пламя, какъ увидѣли, что вмѣсто преступника привязанъ былъ къ столбу кулъ со соломою. Устрашенный этимъ чудомъ народъ началъ разбѣгаться, крестясь и творя молитвы. Вдругъ поднялся страшный вихрь, — разметался пылающій костеръ по всему мѣстечку, зажегъ его со всѣхъ сторонъ... Черезъ минуту въ мѣстечкѣ свирѣствовало адъ. Огонь пожиралъ все, что ни встрѣчалъ. Казалось, и земля и воздухъ горѣли, — и не было ничего, кромѣ огня....

Яркое зарево освѣщало путь освобожденному и освободителю, и долго слышался имъ свистъ и трестъ пламени, да крики погибающихъ жителей....

Конецъ первой части.

БЮГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ШАХОВСКОМЪ.

Статья П. А. Смирнова.

Не смѣю и думать, чтобъ мои немногія строки могли служить матеріямъ для исторіи русскаго театра: но и не лишаю себя надежды, что историкъ, рисуя характеръ нашего даровитаго драматурга, и мнѣ, можетъ быть, скажетъ *спасибо* за тѣ немногія мелочныя подробности, которыми я теперь хочу подѣлиться съ читателями «Пантеона». Изъ помѣщенной уже біографіи (№ 4, 1846 года.) всѣмъ извѣстно, что князь А. А. Шаховской родился въ 1777 году, 24 апрѣля, въ селѣ своемъ *Беззаботнахъ*, названіе котораго, переходя отъ отца къ сыну, осталось главною основою всѣхъ мирскихъ его дѣйствій до самаго конца жизни.

Получа самое скудное воспитаніе, ограничившееся, по собственнымъ словамъ Александра Александровича, единственнымъ, посредственнымъ знаніемъ французскаго языка. Князь Шаховской въ 1796 году былъ вытребованъ въ Петербургъ, на службу въ Преображенскій полкъ, куда былъ записанъ съ самаго дѣтства, и поселился въ почтенномъ семействѣ Ивана Ивановича Валберха, балетмейстера и инспектора тогдашней балетной труппы.

По разсказамъ очевидцевъ, которые и до сихъ поръ еще живы, Князь А. А. тогда былъ необыкновенно

худъ, слабъ и нерѣшительнъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Горя врожденною страстію къ авторству, онъ въ тихомолку сълагалъ вирши и читалъ ихъ, съ собственнымъ ему жаромъ, въ весьма ограниченномъ кругу своихъ знакомыхъ, между которыми главою былъ Иванъ Ивановичъ Валберхъ, о памяти котораго покойный Шаховской отзывался всегда съ особеннымъ уваженіемъ и искреннюю признательностію. Валберхъ въ то время въ Петербургъ былъ для него вторымъ отцемъ. Видя бѣдность Шаховскаго, Валберхъ содержалъ его, какъ роднаго сына, хлопоталъ о выгодахъ его жизни и однажды, слушая какіе-то его стихи, посоветовалъ князю Шаховскому, по обычаю тогдашняго времени, поднести оду Государю Императору Павлу Петровичу.

Эта мысль была принята Княземъ съ такимъ восторгомъ, что на другой же день составленъ былъ планъ, — а черезъ недѣлю ода переписывалась уже на-чисто.

Послѣ долгихъ сборовъ и нерѣшительности, наконецъ Князь А. А., одѣтый, причесанный и приглаженный, въ чинѣ портѣпе-прапорщика, отправился на разводъ: но увы! послѣ продолжительной отлучки, онъ возвратился съ тою же одою, не осмѣлясь рѣшиться на подобный поступокъ. Онъ оправдывался тѣмъ, что не могъ найти удобнаго мѣста, откуда бы можно было подойти къ Императору. На другой день Валберхъ отвелъ его самъ, поставилъ на мѣсто; но и это осталось безъ успѣха. — Восторженная ода осталась у творца и, къ сожалѣнію, какъ первый обдуманый плодъ будущаго замѣчательнаго человѣка, не сохранилась между его бумагами.

Такимъ образомъ, не предугадывая будущаго блестящаго назначенія, князь Шаховской трулился въ тиши скромнаго своего кабинета, и хватался то за одинъ, то за другой родъ литературныхъ занятій, онъ предавался со всемъ жаромъ любознательности исторіи народовъ, и въ особенности изучалъ исторію театра Грековъ, Римлянъ и современной Французской сцены, богатой, какъ литературными, такъ и артистическими знаменитостями.

Не слѣдуя примѣру своихъ разгульных товарищей по службѣ, князь Шаховской рѣдко выходилъ изъ дому; но въ одинъ день (1797), именно въ день Пасхи, онъ рано утромъ оставилъ семейство, въ которомъ жилъ какъ родной. Его ожидали къ обѣду, и всѣ терялись въ догадкахъ: куда могъ дѣваться молодой Князь, который забавлялъ всѣхъ своими шутками, колкостями и естественными забавными рассказами. Наконецъ, часу въ восьмомъ, двери въ большое семейное со-

бране разпахнулись съ шумомъ, и съ радостными криками: *Иванъ Ивановичъ! вотъ она!* князь Шаховской, къ общему удивленію, вбѣжалъ въ комнату.

— Гдѣ же она? былъ общій вопросъ.

— Да, вотъ она! вотъ она!... отвѣчалъ онъ, показывая на бокъ. —

— Да тутъ ничего нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!... — На боку, въ самомъ дѣлѣ, виднѣлась одна только портѣя, а шпагу онъ дорогою потерялъ, бѣжавъ съ радостною вѣстью своего производства въ первый офицерскій чинъ. — Это повышение, а въ особенности написанная имъ около того времени первая комедія: «Женская шутка», дала ему столько вѣсу въ обществѣ, что онъ не только сдѣлался любимцемъ тогдашнихъ русскихъ баръ, но и сталъ пользоваться особеннымъ милостивымъ расположеніемъ общаго покровителя всѣхъ изящныхъ искусствъ, покойнаго Государя Императора Павла Петровича, который въ послѣдствіе зналъ его лично и неоднократно, (что я слышалъ отъ самаго Шаховскаго,) прощалъ ему нѣкоторыя ошибки противъ строгой военной дисциплины, относя ихъ къ его забавной разсѣянности.

Всѣхъ этихъ подробностей, къ сожалѣнію, я не могъ быть очевидцемъ, потому что родился въ то время, когда князь А. А. Шаховской былъ уже въ полномъ развитіи своихъ способностей и своей славы. Я узналъ его лично съ 1832 года. Принадлежа нѣкоторымъ образомъ къ театру, я долго добивался чести узнать поближе нашего драматическаго литературнаго ветерана—и наконецъ, 31 ноября, я въ первый разъ явился къ нему съ рекомендаціею. Князь Шаховской жилъ въ то время у Египетскаго Моста, въ домѣ, тогда принадлежавшемъ Неваховичу.

Былъ полдень. Послѣ кратковременнаго доклада, я былъ введенъ въ обширный кабинетъ. Съ лѣвой стороны его стояли шкафы съ книгами, а на шкафахъ бюсты древнихъ философовъ и нѣкоторыхъ великихъ поэтовъ. По стѣнамъ всего кабинета развѣшены были гравированные портреты великихъ и замѣчательныхъ людей по всемъ отраслямъ человѣческихъ знаній, съ соблюденіемъ строгаго хронологическаго порядка. Число этихъ гравюръ простиралось до шестисотъ. Они были перемѣшаны, для разнообразія, съ гипсовыми барельефами, бюстами на кровштейнахъ и красивыми растеніями; такъ, что цѣлое представляло поучительный, пріятный и даже изящный видъ. Правую стѣну раздѣлялъ бюстъ Петра Великаго, стоявшій на высокой и красивой подставкѣ. По обимъ его сторонамъ находи-

лись два небольшіе шкафика, и на каждомъ изъ нихъ красовалось по группѣ, изваянной славнымъ нашимъ Марто-сомъ. Ближе къ окнамъ помѣщалась конторка. На ней виднѣлись старые часы, въ футлярѣ изъ чернаго дерева, со вдѣланнымъ бронзовымъ крестомъ, на которомъ было изображеніе распятаго Спасителя. Въ двухъ простѣнкахъ между оконъ поставлены были два огромные письменные стола, со всевозможными принадлежностями къ письменному дѣлу. Остальные уголки были заняты шатыми табуретами, разными диванами и диванчиками и многоразличными креслами, на одномъ изъ которыхъ, при входѣ моемъ, я нашелъ хозяина дома. Это былъ очень тучный мужчина въ изношенномъ шлафрокѣ, огромная лысина его была прикрыта вязанымъ шелковымъ колпакомъ. На большомъ, мясистомъ лицѣ его красовался огромный орлиный носъ; брови были узкія и нависшія, какъ я въ послѣдствіи узналъ, отъ постоянныхъ умственныхъ занятій; глаза каріе, маленькіе, но полные огня и блеска; а оконечности губъ и вѣкъ приподняты были ироніею, которая и въ глубоко-задумчивомъ положеніи, никогда не оставляла лица знаменитаго нашего сатирика.

При входѣ моемъ, онъ сидѣлъ въ согбенномъ положеніи; въ двухъ первыхъ пальцахъ его правой руки сжать былъ табакъ, поднесенный почти къ самому носу; но остановленный вновь родившеюся мыслью. Когда я подошелъ ближе, онъ приподнялъ голову, быстро вынулъ табакъ и дружески протянулъ свою руку.

— А! очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ: садитесь и не будьте у меня гостемъ на *финты-фантахъ*, я этакихъ людей терпѣть не могу.

— Но я, кажется, Князь, не во время къ вамъ явился?

— Почему вы такъ думаете?

— Вы заняты были размышленіемъ?

— Помилюйте, отецъ родной, еслибъ мнѣ пришлось щадить всѣ свои мимолетныя мысли, такъ я бы весь вѣкъ и человеческого лица не увидѣлъ. Нѣтъ, сударь мой, мое время раннее утро: — я занимаюсь исключительно по утрамъ. Тогда только я истинно счастливъ—и это счастье зима даетъ мнѣ въ половину—а лѣто, хоть кратковременно, но за то даритъ мнѣ его вполне. Да и можетъ ли быть иначе при моихъ занятіяхъ? Тотъ изъ авторовъ, кто составляетъ планъ со всеми его подробностями, предварительно на бумагѣ, можетъ писать свою пьесу или романъ среди шума и даже веселья; а какъ я сажусь писать пьесу, имѣя въ головѣ одну основную идею, то мнѣ необ-

ходимо нужны ташина и спокойствіе. За то я и пишу часто безъ малѣйшихъ поправокъ цѣлыми листами. Вотъ, примѣръ, взгляните; я ее только сегодня кончилъ.—

При этомъ онъ снялъ съ конторки толстую тетрадь, на которой довольно четко было написано: *Транжиринъ*. Я повернулъ заглавный листъ — и глазамъ моимъ представилось что-то среднее между письменами еврейскими и арабскими. Это были не европейскія буквы, а рядъ ковычекъ, точекъ и іероглифовъ. Я это говорю безъ преувеличенія — а что князь Шаховской, написавъ около ста піесъ, писалъ такимъ неразборчивымъ почеркомъ, то этому причина была очень естественная. Не желая терять нити мимолетныхъ идей, онъ цѣлыя слова изображалъ какимъ нибудь однимъ условнымъ знакомъ, и этимъ единственнымъ способомъ сокращалъ свой механическій трудъ. Потомъ этотъ способъ обрѣлся въ привычку и дошелъ до того, что рукопись его сдѣлалась совершенною тайною для посторонняго лица.

Къ этимъ лицамъ конечно принадлежалъ и я при первомъ моемъ свиданіи, которое продолжалось въ разныхъ сужденіяхъ около часа. Прощаясь со мною, добродушный князь Александръ Александровичъ сказалъ :

— А видѣли-ли вы когда театральную репетицію ?

— Нѣтъ, Князь, никогда не случалось; но желалъ бы быть когда нибудь свидѣтелемъ.

— А когда желаете, такъ пріѣзжайте безъ церемоній: — у меня сегодня въ восемь часовъ репетиція.

Я раскланялся — и въ восемь часовъ вошелъ въ тотъ же кабинетъ, съ тою только разницею, что онъ былъ ярко освѣщенъ свѣчами и лампами и наполненъ значительнымъ числомъ гостей и артистами нашей драматической труппы, которыхъ я въ первой разъ видѣлъ въ общественномъ кругу. Не стану передавать теперь своихъ подробныхъ впечатлѣній, скажу только, что тутъ въ первый разъ я узналъ и увѣрился на опытъ, что каждому артисту необходимо быть вполне образованнымъ, чтобы вѣрно передавать всѣ оттенки многостороннихъ идей, и осуществлять созданныя воображеніемъ лица, которыхъ онъ дѣлается подлиннымъ осуществленіемъ. По моему, образованіе артиста совсѣмъ не къ тому служить, чтобъ онъ въ обществѣ блисталъ многосторонними знаніями; но чтобъ это образованіе дало ему право войти въ общество, сравняться съ нимъ своими свѣдѣніями и въ то же время позволило ему изучить его въ самомъ составѣ, изучить подробно, съ тою цѣлью чтобы артистъ могъ сперва почувствовать свое положеніе, а потомъ уже, являсь передъ зрителями, по этимъ чув-

ствамъ высказывать заученныя имъ фразы. Тогда только онъ вѣрно можетъ идти къ назначенной цели своего искусства, отстранить отъ себя постыдное подражаніе и, увлекая за собою дѣйствующихъ лицъ и зрителей, уклонится отъ той обидной журнальной критики, которая впрочемъ, сравнительно съ критикою князя Шаховскаго, есть посредственная похвала. Хотя князь Шаховской своихъ критикъ объ артистахъ никогда не писалъ, но зато высказывалъ ихъ прямо въ лицо и безъ всякихъ обвиняковъ, чему я былъ личнымъ и неоднократнымъ свидѣтелемъ. Но я удалился отъ настоящаго разсказа.

Когда всѣ артисты собрались, хозяинъ дома, переваляясь съ бока на бокъ, сталъ хлопотать, разставлять и разсаживать дѣйствующихъ лицъ своей комедіи, объясняя при томъ каждому изъ нихъ, со всевозможною подробностію, главный характеръ его роли. Надо было видѣть, съ какою любовію и съ какимъ усердіемъ старался онъ передать свои понятія и въ какой приходилъ восторгъ, когда видѣлъ, что его совершенно поняли, въ особенности безтолковые исполнители. Въ ожиданіи чтенія, гости всѣ разсѣлись по угламъ, Князь А. А. помѣстился на предполагаемой аван-сценѣ, и репетиція началась. Тутъ знаменитый авторъ, углубленный въ исполненіе, дѣлался совершенно другимъ человекомъ. Въ эти минуты онъ забывалъ всѣхъ окружающихъ, забывалъ всѣ отношенія, и вмѣстѣ съ дѣйствующимъ лицомъ смѣялся, плакалъ или приходилъ въ восторженное состояніе и, со слезами на глазахъ, сжималъ въ своихъ объятіяхъ счастливаго исполнителя. Смотря на неподдѣльность чувствъ его, я полагалъ навѣрное, что авторъ пропуститъ много мелочей; но въ предположенія своемъ крайне ошибся, и убѣдился, что отъ вѣрнаго взгляда его не ускользали не только ошибочная дикція, но ни одна мельчайшая мелочь.

Для него было совершенно все-равно: являлся ли на сцену герой, или ничтожное аксессуарное лицо.

«Что ты, братецъ, говорилъ онъ первому: какой ты къ черту баронъ, когда не имѣешь никакого уваженія къ дамамъ и обращаешься съ ними, какъ съ горничными! И какой ты послѣ этого актеръ, когда помнишь, стоя на сценѣ, что тебѣ отпала лучшая роль. Ты будь первымъ, да не забывай, что ты говоришь не съ Василисой Исаевной, которая получаетъ четыреста рублей, а съ графиней, съ которой ты долженъ обращаться съ полнымъ уваженіемъ, какого требуютъ отъ каждаго образованнаго человѣка. Да и гдѣ ты это видѣлъ? Въ какомъ ты это обществѣ подмѣтилъ, что-

бы дѣвицъ и дамъ мужчины хватали за руки. Вѣдь этакъ обращаются одни только *ракаліи* (*), которыхъ выгоняють вонъ. Ну-ка, начини снова, говорилъ онъ, быстро переходя отъ гнѣва къ ласкѣ, и слѣдя за повтореннымъ чтеніемъ, безмолвно выражалъ лицомъ гнѣвъ, важность, насмѣшку или какое нибудь другое ощущеніе души.—А ты что это, батюшка, говорилъ онъ, обращаясь къ вновь явившемуся лицу, игравшему лакея,—какого ты тутъ *шематона* изволишь мнѣ разыгрывать? Какъ ты еще не съѣлъ подлѣ барина? Оно было бы спокойнѣе, да и не такъ совѣстно. Нѣтъ, ужъ ты мнѣ свое франтовство—то оставь и помни, что ты ничто иное, какъ холопъ. Ну, къ чему ты это руку—то въ карманъ опустилъ; къ чему ты это, входя въ гостиную, кричишь во все горло и распаркиваешься? Все это ты можешь позволить себѣ въ сценѣ съ Груней, или съ Дуней, а съ господиномъ никогда!

Подобныя замѣчанія были безпрерывны въ продолженіе всей репетиціи и обращались безъ исключенія къ каждому дѣйствующему лицу, изъ которыхъ большая часть были его кровные ученики. И что мнѣ было прежде странно и непонятно, почему эти рѣзкія и очень часто оскорбительныя замѣчанія сносились артистами равнодушно, впоследствии казалось уже очень понятнымъ. На князя Шаховскаго нельзя было сердиться, во первыхъ, потому что эти слова высказывались изъ единственнаго желанія сдѣлать добро тѣмъ людямъ, которыхъ онъ принималъ къ себѣ, какъ дѣтей, и для которыхъ лишалъ себя драгоценнаго времени. А главное, что все эти, для непосвященныхъ въ откровенность его характера, оскорбленія, высказывались не языкомъ злобнаго сердца, а заботливымъ и добрымъ отцомъ. Да, впрочемъ, кто и могъ оскорбляться замѣчаніями, которыя, исправляя отъ пороковъ, вели каждаго изъ артистовъ къ совершенству и къ занятію первыхъ мѣстъ, какъ на драматической, такъ и на оперной сценѣ. Подобныя дѣльныя замѣчанія составляли истинную школу—и мудрено ли послѣ того, что пьесы, имъ поставленныя, все до одной болѣе или менѣе имѣли успѣхъ.

Видя однажды его усталость, послѣ репетиціи драмы *Двумужница*, я спросилъ его: почему же вы, Князь, не поручите половину своихъ хлопотъ режиссеру?

—Отъ того, мой другъ, отвѣчалъ онъ простодушно, что

(*) Слово *ракалія*, происходя отъ французскаго: *gaspille*, *чернь*, было любимымъ изрѣченіемъ Князя Шаховскаго, когда онъ хотѣлъ выразить крайнее свое неудовольствіе театральному режиссеру.

у насъ до сихъ поръ режиссера не было и нѣтъ. И вотъ какого мнѣнія объ режиссерѣ: режиссеръ, по моему, долженъ быть человекъ вполне образованный, съ полными сценическими свѣдѣніями и глубоко изучившій вкусъ зрителей и тѣ тайные пути, которыми онъ, посредствомъ театраль-ныхъ представлений, какъ необходимою потребностью на-рода, долженъ вести его къ изощренію вкуса и распо-знаванію высокаго отъ гаерства. Всего этого онъ долженъ достигать сортировкой и распределеніемъ пьесъ. Такъ какъ каждый драматическій авторъ всегда въ половинѣ съ артистомъ, то режиссеръ долженъ наблюдать и доводить исполнителей до того, чтобы они во первыхъ, всѣ чи-тали безъ суфлера, во вторыхъ, чтобы они всѣ знали свои мѣста и отыскивали тонкости и такъ называемые эфекты на самыхъ пробахъ, а не надѣялись, въ минуту самаго представленія, на тѣ вдохновенія, которыя даются въ удѣлъ немногимъ избраннымъ и притомъ только гениальнымъ лю-дямъ. — Этого еще слишкомъ мало для режиссера, если онъ всѣхъ актеровъ знаетъ по фамиліямъ и въ силахъ лишать ихъ предоставленныхъ имъ выгодъ. Нѣтъ, онъ долженъ знать ихъ душу, онъ долженъ знать ихъ наклонности и, наконецъ, посылныя средства, чтобы потомъ безошибочно раздавать роли и справедливо требовать отъ нихъ правильной дикціи и правильнаго положенія. Режиссеръ, какъ распорядитель и наставникъ, долженъ быть лицомъ, всѣми уважаемымъ, котораго бы слушали не изъ страха, а по внутреннему убѣжденію. Наконецъ, режиссеръ долженъ быть совершенно отдѣльнымъ лицомъ отъ труппы, и весь его интересъ, дол-женъ заключаться въ одномъ только душевномъ усердіи и въ пламенной любви къ искусству — а не въ мелочныхъ расчетахъ службы. Вотъ тебѣ типъ режиссера, говорилъ онъ мнѣ, какъ я его себѣ создалъ; но другіе думаютъ объ режиссерѣ, какъ о безграмотномъ библіотекарѣ, которому по-ручены умныя книги съ тѣмъ, чтобы онъ, не извлекая изъ нихъ ни добраго, ни злаго, всегда заботился только о томъ, чтобы онъ стояли на своихъ полкахъ по цвѣту переплетовъ.

— Но скажите, Князь, можно ли найти такого режиссера?

— Хотя очень трудно, но можно. Подобнаго режиссе-ра исключительно надо искать между любителями и людьми, посвятившими всю жизнь свою на изученіе лицедѣйства. Жертвуя нѣкоторыми выгодами, можно поощрять таланты не бенефисами, которые нерѣд-ко служатъ къ разоренію артиста, но болѣе вѣрными и положительными средствами. Частые бенефисы, по мо-ему, убиваютъ и актеровъ и драматическихъ писателей.

Первые, обремененные ролями и большею частью пустыми, по краткости времени, не только не имѣютъ возможности, какъ слѣдуетъ, обдумать и изучить ихъ но не могутъ и выучить наизусть, и отъ того, по необходимости, дружатся съ суфлеромъ и мало по малу привыкаютъ къ лѣности и къ упущенію своихъ обязанностей. Вторые являются только вслѣдствіе заманчивости громкихъ рукоплесканій, которыя раздаются въ театральной залѣ въ честь торжествующаго автора. Но увидѣвъ, что долговременный трудъ его, послѣ разныхъ безпокойствъ и неблагодарности, дѣлается по-смертнымъ достояніемъ ничемъ вознаграждающаго его театра, онъ ищетъ выгоднѣйшихъ для себя литературныхъ занятій и навсегда гибнетъ для сцены, которую онъ, можетъ быть, обогатилъ бы, украсилъ и прославилъ своимъ именемъ. — Скажу тебѣ откровенно, ты меня задѣлъ за такую струну, о которой я съ тобой могу протолковать до самого утра; но знатоки жизни дѣло велѣтъ мѣшать съ бездѣльемъ.

При этомъ князь Шаховской всталъ и отправился играть въ вистъ, который составлялся у него почти каждый вечеръ.

Князь Шаховской, исключительно созданный для однихъ умственныхъ занятій, никогда не заботился ни о своемъ маленькомъ помѣстьи, ни о своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Всѣмъ его домомъ распоряжалась, слишкомъ тридцать лѣтъ, незамѣненная до сихъ поръ еще никѣмъ актриса петербургскаго театра Катерина Ивановна Ежова, которая поселилась въ его домъ тотчасъ же по выходѣ изъ театрального училища. Выпущенная на роли субретокъ, она, по волѣ князя Шаховскаго, вскорѣ перемѣнила свое амплуа на роли старухъ, въ которыхъ была неподражаема до самой смерти своей—и въ благодарность за всѣ попеченія и заботы, она любила князя Шаховскаго, какъ только можетъ любить благородная душою женщина, заботясь совершенно безкорыстно о всѣхъ выгодахъ и спокойствіи его домашней жизни. Первою ея заботою было, отстранять отъ него все непріятное и окружать его всѣми удовольствіями, которые могли позволить ихъ средства. Впрочемъ, не смотря на то, что Ежова была женщина совершенно необразованная, князь Шаховской цѣнилъ ее такъ высоко, что два раза предлагалъ ей свою руку, но одаренная природнымъ умомъ, Ежова два раза ему отказывала, отзываясь: *«что любимую Ежову она никогда не промѣняетъ на смѣшную и плохую княгиню»*.

Почти никогда не посѣщая своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, Кн. Шаховской былъ рѣдкій домохозяинъ. И потому каждой вечеръ къ нему собиралось довольно многочисленное общество, состоявшее изъ литераторовъ и артистовъ обѣихъ столицъ.

Не стѣняя своихъ гостей, онъ предоставлялъ каждому изъ посѣщающихъ полную свободу дѣлать, что они хотятъ — и потому вечеръ обыкновенно начинался слѣдующимъ образомъ. Часу въ восьмомъ, послѣ получасоваго сна, Князь Алек. Алек., не снимая шлафрока, садился въ покойное кресло и, углубленный въ какую нибудь идею, дожидаясь своихъ гостей, изъ которыхъ многіе были каждадневными его посѣтителями.

Когда являлись между ними люди, не коротко ему знакомые, онъ при нихъ же надѣвалъ сюртукъ и отправлялся за чайный круглый столъ, за которымъ обыкновенно разливала чай К. И. Ежова.

Это время, большею частію, было самое пріятное изъ цѣлаго вечера. Здѣсь Князь А. А. предавался всей неистощимости своего многосторонняго разсказа, — и переходилъ отъ предмета къ предмету, выказывая вполнѣ свои энциклопедическія свѣдѣнія, всю свою глубокомысленность и весь свой опытъ жизни.

Къ особенно пріятнымъ его воспоминаніямъ принадлежала его заграничная жизнь, проведенная имъ въ кругу всей умственной знаменитости тогдашняго времени; но, къ сожалѣнію, изъ всего мною слышаннаго, я могу припомнить только одинъ слѣдующій замѣчательный съ нимъ случай.

Проезжая Мюнхенъ (въ 1802 г.), князь А. А. Шаховской остановился въ гостиницѣ и, по обыкновенію, отправился за общій столъ. Не понимая господствующаго тутъ нѣмецкаго языка, онъ преисправно занимался угощеніемъ своего желудка, а въ антрактахъ разсматривалъ съ любопытствомъ наблюдателя разнохарактерныя лица всѣхъ вновь являвшихся посѣтителей. Хотя онъ и не вышивался въ общій разговоръ, но когда всѣ нѣмецкіе гости стали часто упоминать имя знаменитаго Гёте, князь Шаховской усугубилъ свое вниманіе, и изъ большаго разговора только и могъ понять, что безсмертный германскій поэтъ находился въ той же отели. Послѣ обѣда, Князь тотчасъ же отправился въ свой номеръ и спросилъ по-французски прислужника: здѣсь ли находится Гёте?

— Какъ же, сударь, отвѣчалъ лакей: отъ того-то у

насъ сегодня такое большое собрание; все ожидали встрѣтить его въ общей залѣ.

— Но вѣдь онъ не показывался?

— Къ несчастію, онъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ.

— Однако онъ еще здѣсь?

— Къ величайшей чести нашего хозяина, онъ обыкновенно останавливается у насъ — и уѣдетъ не ранѣе, какъ завтра вечеромъ.

— Такъ поди же, отнеси ему мою визитную карточку.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился и отъ имени Гёге просилъ Кн. А. А. вечеромъ придти къ нему на чай.

Насталъ вечеръ, и послѣ размына разныхъ учтивостей, относящихся къ обоимъ лицамъ, они вскорѣ познакомились и занялись толкованіемъ о литературѣ германской, а въ особенности русской. Среди разговора, имъ поданъ былъ въ самомъ дѣлѣ чай, но безъ обычныхъ нашихъ кренделей и булокъ. Князь, имѣя обыкновеніе пить чай съ чѣмъ-нибудь сладкимъ, безъ церемоніи позвалъ человека и велѣлъ ему принести нѣсколько *бутербродовъ* или чего-нибудь въ родъ этого. Приказъ былъ исполненъ; вечеръ пролетѣлъ и кончился очень пріятно; но каково было удивленіе князя Шаховскаго, когда утромъ ему подали счетъ, въ которомъ было исчислено, съ показаніемъ цѣнъ, все съѣденное имъ въ гостинницѣ; ибо Гёге отказался отъ платежа, отзываясь, что онъ Князя звалъ на чай, а не на *требуемые бутерброды*.

«Вотъ это, братъ, говорила онъ, называется нѣмецкая акуратность! За то вѣдь они одни только на обухъ рожъ и молотятъ.»

Подобныя выходки часто являлись у нашего драматурга противъ нѣмцевъ, которыхъ онъ въ самомъ дѣлѣ не очень жаловалъ. Правъ ли онъ или виноватъ, разбирать не мое дѣло; но это мнѣніе родилось у него, вѣроятно, отъ незнанія подлиннаго народа, его цивилизаціи и глубокой образованности ученаго сословія. Судя объ германскихъ литераторахъ по французскимъ переводамъ, онъ невольно часто впадалъ въ большіе промахи, и потому самъ уклонялся отъ подобныхъ споровъ, что составляло его крайній недостатокъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ онъ и самъ хорошо чувствовалъ и не скрывалъ этого въ откровенномъ и дружескомъ разговорѣ.

Онъ всегда очень жалѣлъ, что не могъ читать Шилле-

ра въ подлинникѣ, отзываясь объ немъ съ величайшею похвалою и неподдѣльнымъ восторгомъ, — потому что въ Шиллерѣ онъ находилъ одно только нѣмецкое—именно, его фамилію. Обладая прекрасною памятью, кн. Шаховской зналъ множество тирадъ изъ «Разбойниковъ», «Валенштейнова лагеря», изъ «Фіаско», и читалъ наизусть, всегда ставилъ ихъ въ примѣръ, какъ образцы высокаго знанія человеческого сердца, и истиннаго мастерства сценическаго искусства. Подобные отзывы у Князя А. А. были очень рѣдки, потому-что, при всѣхъ своихъ способностяхъ и достоинствахъ, онъ не всегда отдавалъ должную справедливость дарованію. Проникнутый гордостью и внутреннимъ самолюбіемъ, онъ неоднократно, увлеченный какимъ—нибудь личнымъ оскорбленіемъ, произносилъ свой рѣзкій судъ надъ бездарностью тѣхъ молодыхъ людей, которые въ скоромъ времени выплывали надъ посредственностью и дѣлались почетными членами нашей литературы, столь бѣдной истинными дарованіями.

Косвенныхъ обидъ онъ почти никогда не помнилъ,—за то личныхъ оскорбителей онъ нерѣдко каралъ, чему можетъ служить слѣдующій примѣръ:

Въ день представленія *Рославлева*, драмы составленной имъ изъ извѣстнаго романа того же имени, князь Шаховской сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, и, въ антрактѣ между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ, разсуждалъ съ цѣлою толпою, собравшихся около него, знакомыхъ и пріятелей. Между почитателями таланта А. А. стоялъ и одинъ изъ журналистовъ тогдашняго времени, который прежде посылалъ домъ его, а потомъ, какъ бы въ благодарность за радушный пріемъ, сильно и, большею частію, несправедливо нападалъ на него въ своемъ журналѣ.

Увлеченный общимъ участіемъ, забывъ прошлое, журналистъ рѣшился заговорить съ авторомъ, воспользовавшись минутою молчанія.

— Вы, ваше сіятельство, сегодня торжествуете!

—То есть, вы хотите сказать, отвѣчаетъ Князь, показывая видъ, что онъ не узнаетъ вопросителя: что торжествуетъ М. Н. Загоскинъ, котораго романъ я только приспосаблилъ къ сценѣ.

— Но вѣдь и на это надо имѣть необыкновенный умъ и завидную способность Князя А. А., который, вѣроятно, не узналъ стараго своего знакомаго. Я—покорный слуга вашего сіятельства, такой-то

— Съ послѣдняго нашего свиданія, отвѣчалъ Князь,

довольно сухо: вы такъ измѣнились, что я васъ дѣйствительно не узналъ.

— Но вѣроятно, ваше сіятельство, не откажите включить меня въ число вашихъ усердныхъ почитателей и посьтителей?

— Вотъ видите ли, отвѣчалъ кн. Шаховской, показывая на многочисленное около него собраніе: здѣсь все мои искренніе друзья. При всѣхъ нихъ я вамъ скажу откровенно. Для каждаго добраго человѣка въ домѣ моемъ во всякое время открыта дверь, а для двуличныхъ и неблагонамѣренныхъ людей, у меня въ передней, въ углу, всегда стоитъ камышевая палка. Понимайте, какъ знаете.»

Журналистъ съ поклономъ скрылся, а Шаховской, не смотря на успѣхъ піесы, былъ уже на цѣлый вечеръ разстроенъ, потому, что онъ былъ человѣкъ нервный, спыльчивый, и, послѣ всякаго, огорченія не скоро успокоивался.

Впрочемъ справедливыми замѣчаніями онъ никогда не оскорблялся, ибо не былъ эгоистомъ въ своихъ созданіяхъ. Онъ ихъ сокращалъ и измѣнялъ безжалостно. Онъ выслушивалъ охотно дѣльные совѣты каждаго слушателя, и, если этотъ совѣтъ не былъ сопряженъ съ большими затрудненіями, то онъ надѣвалъ очки и тотчасъ же исправлялъ ошибки.

Сколько я отъ него слышалъ, то лучшимъ своимъ сочиненіемъ онъ признавалъ *Аристофана*, работая за нимъ разновременно около шести лѣтъ; а день представленія этой, по всей справедливости, достойной его комедіи, онъ считалъ лучшимъ днемъ своей жизни.

— Съ первой минуты, говорилъ онъ мнѣ: какъ я затѣялъ «*Аристофана*,» у меня въ головѣ были непрерывно двѣ идеи: выполнить со всею силою заданную тому и приготовить публику къ выслушанію высокой комедіи. Не знаю, достигъ ли я перваго, потому — что объ этомъ будетъ судить потомство, но зрителями я былъ вполнѣ вознагражденъ за всѣ прошедшіе, настоящіе и будущіе мои труды — и подобнаго дня уже въ жизни моей никогда болѣе не повторится.

Счастливъ авторъ, который такъ искренно и такъ благодарно можетъ отозваться о своихъ цѣнителяхъ!

Отъ неудачныхъ своихъ сочиненій онъ всегда отрѣкался, говоря: Всѣ думаютъ, что это я писалъ, — и всѣ ошибаются, потому — что это писалъ Макаръ! — Макаръ былъ его камердинеръ, человѣкъ и въ своемъ дѣлѣ весьма недальновидный.

Какъ я уже сказалъ выше, князь А. А. Шаховской изъ всѣхъ временъ года исключительно любилъ одно только лѣто. Познакомясь съ нимъ короче и гостя у него на дачахъ, я всегда удивлялся въ это время неутомимому его труду. Во все продолженіе загородной жизни, онъ постоянно садился за письменный столъ съ семи часовъ утра, и, ограничась одною чашкою кофе, не рѣдко просиживалъ до семи часовъ вечера. Углубленный въ свои занятія, онъ рѣшительно не видѣлъ и не слышалъ, что около него дѣлалось. Тутъ онъ совершенно принадлежалъ идеальной жизни, и, подавая дружески руку явившемуся гостю, послѣ не помнилъ, кто былъ его посѣтитель. Во время письма, онъ разсыпалъ около себя, навѣрное, полтабакерки не вынюханнаго табаку, и съ первой строки до послѣдней, въ продолженіе дня, писалъ однимъ перомъ, какъ бы оно худо ни было.

Какъ онъ садился за столъ очень поздно, то часто обѣдалъ при гостяхъ, завѣшиваясь салфеткою до самого горла, потому-что, въ пылу своихъ разсказовъ, онъ не рѣдко портилъ платье, обливая себя соусами и супомъ. Въ продолженіе всего стола, онъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ блага вина, къ которому вообще никогда не имѣлъ пристрастія — и потому, по собственнымъ его словамъ, въ продолженіе всей своей жизни никогда не былъ пьянъ. Послѣ обѣда онъ или съ полчаса отдыхалъ, или прослушивалъ роли своихъ учениковъ, или выходилъ съ гостями въ садъ и предавался бѣсѣдѣ.

Въ одинъ изъ подобныхъ вечеровъ, князь Шаховской сидѣлъ на терасѣ съ своими гостями, между которыми находился и дальній его родственникъ, М. М. А. — Какъ привзжій въ первый разъ въ столицу, желая взглянуть на артистовъ нашей труппы поближе, онъ просилъ Кн. А. А. ввести его какими-нибудь средствами въ семейный ихъ кругъ. — Обязательный хозяинъ, само собою разумѣется, обещалъ исполнить его просьбу съ удовольствіемъ, и занялся постороннимъ разговоромъ, среди котораго только отдалъ нѣкоторыя приказанія.

Спустя около часа, камердинеръ Кн. доложилъ, что къ нему пришелъ столярный мастеръ, Карлъ Ивановичъ Шмитъ.

— Какъ прикажете, Ваше Сіятельство, подождать ему или придти въ другое время?

— Да что, онъ работу принесъ или пришелъ за деньгами?

— Не могу знать-съ, Ваше Сіятельство.

— А что, господа, спросилъ хозяинъ, обращаясь къ гостямъ: не потѣшить ли васъ? Проси его сюда.

Камердинеръ ушелъ.

— Но только я долженъ васъ предупредить, продолжалъ кн. Шаховской: что этотъ честный немецъ преуморительный человекъ. И съ этимъ вмѣстѣ прошу васъ вести себя повоздержнѣе,—а ты, М. М., пожалуйста ужъ не хохочи, когда этотъ чудакъ, худо говоря по русски, будетъ потѣшать насъ на немецкій ладъ.

Съ этимъ словомъ дверь на террасу отворилась, и низенькая, тощая фигура, съ довольно глупымъ выраженіемъ въ лицѣ, предстала собранію. Это былъ въ полной формѣ немецъ, въ изношенномъ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, въ желтомъ, засаленномъ жилетѣ и съ изношенною шляпою въ рукахъ.

— А! Карлъ Ивановичъ, здорово, братъ, только тебя и не доставало.

— *Ein. Durchlaucht ergebenster Diener.*

— Садись-ка, братъ, съ нами.

— *Verzeihen Excellenz, das ist nicht möglich!* отвѣчалъ тотъ почтительно.

— Да ты свой *меглицх*-та спрячь въ карманъ, а самъ садись къ столу.

Смущенный столаръ долгое время отказывался отъ этой высокой чести; но, уступая просьбамъ всѣхъ гостей, онъ, напослѣдокъ, съ разными церемоніями сѣлъ на край стула и, мѣшая русскія слова съ немецкими, повелъ разговоръ, до того смѣшной, что съ однимъ изъ присутствующихъ, именно съ пріѣзжимъ М. М., сдѣлались колики.

— Ну, вотъ видишь ли, Карлъ Ивановичъ, сказалъ Князь: какое ты намъ доставилъ удовольствіе, а ты еще тутъ *абердохи* подпускалъ.

— *Natürlich, weil ich hier dümmer bin als alle* — и слово черезъ слово переломался свой языкъ; *aber...*

— Ну, хочешь ли ты мнѣ доставить истинное удовольствіе?

— Смѣить ли я отказаться?

— Такъ если ты хочешь, сдѣлай одолженіе, спой ты намъ что-нибудь по-русски.

— *Aber* помилуйте, я совсѣмъ не знаютъ *keine russischen Lieder.*

— Какъ ни одной! а *спѣжки* заблѣлись? Нѣтъ, братъ, немецъ, мнѣ твой Фрицъ рассказывалъ, что ты лихо поешь?

— Но это можно только быть *für Freunde.*

— Такъ ты вообрази, что и здѣсь твои друзья — и пой безъ отговорокъ.

— Ach! mein Gott! Ну, помыльте-съ das ist eine schwere Sache.

— Послушайте, Карлъ Ивановичъ, прибавилъ М. М.: да кого же вамъ здѣсь стыдиться. Вѣдь мы всѣ знаемъ, что вы не записной пѣвецъ, и не театральнѣй артистъ.

— Seien sie so gut, по-крайне-мѣрь, haben sie eine Violine?

— Ну, вотъ тебѣ чортъ, еще скрипку ему подавай. Все равно пой съ фортепѣянами — и, вслѣдъ за Княземъ А. А., всѣ гости перешли въ гостиную, гдѣ, размѣстившись около инструмента, стали съ нетерпѣніемъ ожидать нѣмецкаго соловья.

Прѣзжіи М. М. въ особенности приготовились къ смѣшной потѣхѣ; но, всякой легко себя представить, каково было его изумленіе, когда смѣшной ремесленникъ, едва понимавшій поирусски, съ первымъ аккордомъ фортепѣянь, залился чистымъ русскимъ соловьемъ, съ совершенно правильнымъ произношеніемъ. Слыша мастерское выполненіе всѣхъ переливовъ и переходовъ этой трудной и прекрасной нашей народной пѣсни, М. М. съ смущеніемъ смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ и не могъ придумать, за что принять подобную мистификацію.

— Скажите, пожалуйста, Князь, спросилъ прѣзжіи, когда окончилось пѣніе: что же это такое?

— А то, что я исполняю твою просьбу, отвѣчалъ А. А.: вѣдь ты же просилъ меня познакомить тебя съ нашими артистами.

— Такъ стало быть это?...

— Талантливый нашъ Александръ Васильевичъ Воротниковъ, съ которымъ имѣю честь тебя познакомить.

Но Воротникова уже не было въ гостиной, ибо, предупрежденный, онъ явился къ Князю въ лакейскомъ платьѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, Александръ Васильевичъ вошелъ ловкимъ франтомъ — и, въ продолженіе всего вечера, служилъ предметомъ истиннаго удивленія провинціала.

Покойный талантливый Воротниковъ, по разнымъ обстоятельствамъ жизни, очень рано пережившій свою извѣстность, принадлежалъ также къ школѣ князя А. А. Шаховскаго, который для своихъ учениковъ употреблялъ всѣ свои силы; но вообще не могъ похвастаться особенною ихъ признательностію, потому что, большая часть изъ нихъ, послѣ своего оперенія, являлись къ нему въ домъ исключительно передъ своими бенефисами, съ покорною просьбою написать какую нибудь пьесу.

Подобная непростительная забывчивость, по рѣзкости

своего характера, вошла даже въ пословицу. Однажды, я былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ къ нему явилась очень умная дама Х., съ просьбою заняться съ ней ролями, начавъ ее слѣдующимъ выраженіемъ: «Ваше Сіятельство! сжалятесь надо мною и не откажите принять меня въ число *неблагодарныхъ* вашихъ ученицъ.»

Будучи страстнымъ любителемъ сценическаго искусства, въ послѣдніе годы своей жизни кн. А. А. Шаховской очень рѣдко посѣщалъ театръ — и можно сказать навѣрное, что не видалъ ни одной піесы нашихъ новѣйшихъ драматическихъ писателей. И потому обо всѣхъ явившихся драмахъ и комедіяхъ онъ зналъ только по слуху и очень естественно, не произносилъ объ нихъ никогда суда своего. Появленіе несмѣтнаго числа водевилей онъ считалъ за скудность и даже за упадокъ вкуса, и называлъ *таерствомъ* тѣ спектакли, которые были составлены исключительно изъ однихъ пустыхъ водевилей.

«Подобныя піески, говорилъ онъ, должны выходить изъ подъ пера писателя въ часы отдохновенія, среди серьезныхъ его трудовъ, и смотря на нихъ съ этой стороны, должно и давать водевили какъ бы для развлечения или отдохновенія зрителей, а совсѣмъ не съ тою цѣлю, чтобы они могли приносить когда нибудь существенную пользу. Цѣль каждаго народнаго театра должна стремиться къ изощренію вкуса, къ смягченію нравовъ, къ искорененію пороковъ и къ возвышенію духа и патріотизма. Священная обязанность театра поддерживать каждое благое стремленіе народа, — а не вести его къ нравственной лѣности.»

Что онъ говорилъ дѣло, конечно съ этимъ не станетъ спорить, кто хотя немножко знакомъ съ главною цѣлью основанія, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ театровъ. Да сверхъ того, какъ истинный патріотъ, князь Шаховской обо всемъ родномъ, равно объ выгодахъ или невыгодахъ его, никогда не могъ говорить безъ особеннаго душевнаго потрясенія. Настроенный казнить сатирою порокъ, онъ осуждалъ открыто и сильно все дурное. Въ жаркихъ спорахъ съ недоучками, которые безотчетно, по одному слѣпому предубѣжденію, оуждали все родное, и въ противоположность хвалили даже самые пороки иноземцевъ, онъ доходилъ до изступленія, и не рѣдко эти диспуты кончались тѣмъ, что князь Шаховской прекращалъ ихъ какою нибудь грубою выходкою, высказанною, въ порывѣ гнѣва, спорящему лицу.

Одинъ разъ, разсуждая о дѣлахъ Петра Великаго, предъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, какъ передъ величай-

шею святынею нашей отечественной исторіи, и поднявъ на ноги все прошлое, онъ до того увлекся силою воображенія, что заплакалъ, какъ ребенокъ, и просилъ переменить разговоръ. — Въ другой разъ, передъ нимъ стали сравнивать нынѣ принятое платье съ чисто-русскимъ, и, расхваливая бархатные одnorядки, шубы, охобни и вообще согласную съ климатомъ одежду, нечаянно спросили: что, если бы ее ввести теперь? При этомъ вопросѣ, онъ молча, закрылъ лицо руками, быстро вскочилъ съ своего мѣста, и съ словами: Зачѣмъ осуществлять то прекрасное старое, чего возвратить нельзя! — отъ внутренняго волненія, большими шагами сталъ ходить по огромному своему кабинету.

Какъ истинный патриотъ, отдавъ долгъ отечеству въ тягостный и славный двѣнадцатый годъ, своею безкорыстною службою, князь Шаховской объ этихъ событіяхъ рассказывалъ всегда съ особенною гордостію, и никакъ не могъ удержаться отъ искреннихъ слезъ, когда доходилъ до описанія того зрѣлища, которое представила ему сожженная и разоренная Москва. По изгнаніи непріятелей, князь Шаховской вступилъ въ нее первый, въ качествѣ уполномоченнаго распорядителя, счелъ священною и первою обязанностію отслужить среди развалинъ и пепелищъ благодарственный молебенъ Подателю всѣхъ благъ, желая тѣмъ ободрить изнуренныхъ и морально убитыхъ оставшихся жителей. Очистивъ, сколько позволяли средства, часть города, онъ отыскалъ въ окрестностяхъ столицы священника, составилъ хоръ пѣвчихъ, драгоценные церковные сосуды, расхищенные врагами, замѣнилъ стеклянными — и такимъ-образомъ, устроивъ все на скорую руку, приступилъ къ совершенію двургій. Съ первымъ раздавшимся колоколомъ, жители какъ бы проснулись отъ тягостнаго сна, и едва вѣря дѣйствительности своего освобожденія, радостно, но робко стали стекаться въ давноопустѣлый храмъ Господень, въ который именно — теперь я навѣрное не припомню. Въ продолженіе всей службы народъ, стоя въ церкви, на паперти и въ оградѣ, молился на колѣнахъ, со всѣмъ усердіемъ, какъ только можетъ молиться народъ, освобожденный отъ тягостнаго рабства; но когда, въ благодарственномъ молебнѣ, дошло до хвалебной пѣсни: *Тебѣ Бога хвалимъ*, съ первымъ гласомъ которой, по предварительному распоряженію Шаховскаго, раздался по всей Москвѣ колокольный звонъ, смѣшанный съ пушечными выстрѣлами, умиленные слезы перешли въ такое общее рыданіе, что многіе молящіеся, отъ истощенія

физическихъ силъ, не въ состояніи были подходить даже къ цѣлованію креста. «Въ эти минуты», говорилъ князь Шаховской, «Москва какъ бы воскресла и встала изъ подъ своихъ развалинъ. И я никогда не забуду двухъ случаевъ въ моей жизни», продолжалъ онъ, «московскаго молебна и открытія церквей во Франціи, послѣ неистовой ея революціи.

Проводя каждодневно утренній и вечерній часъ за усердною молитвою передъ древними образами, переходившими изъ рода въ родъ и помѣщенными имъ въ маленькомъ шкафикѣ, онъ между многими и даже своими знакомыми, которые худо его знали, слылъ за лицемѣра. Но это мнѣніе, конечно, могло родиться только въ холодныхъ умахъ тѣхъ людей, которые не вѣрятъ, что можно молиться искренно — и въ чистомъ моленіи забывать все, насъ окружающее. Наложивъ на себя какъ бы обѣтъ прочитывать каждодневно извѣстное число молитвъ и слѣдующее Евангеліе, онъ молился всегда, стоя на коленяхъ, кладя часто земные поклоны, но иногда часть положеннаго къ прочтенію онъ выполнялъ, ходя по комнатѣ или по саду. Что онъ былъ человѣкъ истинно вѣрующій и помнящій христіанскіе законы, то лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить его собственные добрыя дѣла. Выключая нѣкоторыя слабости, которымъ подвержены всѣ, даже люди примѣрные, не найдется ни одного человѣка, которому бы князь Шаховской сдѣлалъ какое нибудь умышленное зло. Напротивъ того, не отказывая никому въ своей сильной помощи, онъ очень часто мирился съ своими недругами, обезпечивалъ снова ихъ горькую участь выгодными мѣстами — и снова терпѣлъ отъ нихъ гоненіе. Конечно, этихъ людей впоследствии преслѣдовала сама судьба, лишая ихъ внезапно всѣхъ своихъ милостей, но отъ этого не легче было тому, кто не искалъ ихъ постыднаго паденія. Напротивъ того, Кн. А. А. скорбѣлъ душою и нерѣдко говорилъ: «Не то обидно, что онъ со мною поступилъ неблагородно; но очень больно, что изъ за одного мерзавца, я могу теперь усомниться въ десяти истинно честныхъ людяхъ.»

Восхищаясь пѣснопѣніями Ветхаго Завета, онъ часто читалъ Псалтирь, и потому превосходно изучилъ славянскій языкъ со всѣмъ его богатствомъ и красотами. Это подало ему случай сдѣлаться невольно замѣчательнымъ корнесловомъ своего отечественнаго языка и участвовать въ составленіи русскаго «Академическаго Словаря», который

до сихъ поръ еще не доведенъ до окончанія (*). Въ последнее время пребыванія своего въ Петербургъ, кн. Шаховской почти совершенно не занимался литературою, отъ которой его отвлекалъ процессъ, вслѣдствіе незаконно отходящей отъ него части имѣнія послѣ смерти князя Кантемира. Въ это время онъ безпрестанно уже занятъ былъ судебными записками, разѣздами по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и частыми совѣщаніями съ нашими законовѣдцами.

Хотя дѣло было чистое и правое, однако, за разными справками и другими свѣдѣніями, оно тянулось очень долго; но, напослѣдокъ, кончилось совершенно въ его пользу — и въ скоромъ времени, къ общей радости всего семейства, кн. Шаховской былъ введенъ законнымъ порядкомъ во владѣніе.

Не смотря на хлопоты и разные непріятности, онъ все таки удѣлялъ нѣкоторые часы любимому своему занятію, которое въ это время уже сдѣлалось для него какъ бы необходимою стихіею. Къ послѣднимъ его трудамъ принадлежатъ во первыхъ:

а) *Малороссійская Сафо*, сочиненіе, помѣщенное во второмъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ». Эта огромная повѣсть, вполнину урѣзанная въ печати, вся почти имъ составлена изъ малороссійскихъ пѣсень. Хотя Шаховской самъ ее цѣнилъ очень высоко, но она далеко вышла изъ ряда достойныхъ произведеній его игриваго и колкаго пера. Повѣсть эта вообще была необыкновенно растянута описаніемъ мѣстностей, которыхъ авторъ никогда не видалъ, и утомительными разговорами, единственно для того вставленными, чтобы соединить пѣсни, взятые за основаніе цѣлому сочиненію. Конечно, она не лишена была и нѣкоторыхъ вѣрныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ и чистой поэзіи; но все достойное похвалы погибло во множествѣ малороссійскихъ изрѣченій, которыя авторъ, по отзывамъ знатоковъ языка, передалъ—или съ непростительными ошибками, или въ совершенно искаженномъ видѣ.

б) *Хризоманія* — драма въ пяти актахъ. Князь Шаховской эту піесу написалъ для бенефиса К. И. Ежовой, и взялъ сюжетъ для этого произведенія изъ извѣстной и прекрасной повѣсти А. С. Пушкина «*Пиковая дама*». Принявшись за постановку на сцену, авторъ до такой степени былъ неувѣренъ въ успѣхѣ новаго своего дѣтища, что хотѣлъ пустить драму на сцену подъ чужою фамиліею. Однако,

(*) Сверхъ того и членомъ Россійской Академіи.

доведя ее до конца, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе—и представилъ ее на судъ зрителей, выставивъ собственное свое имя. На этотъ разъ внутренній голосъ автора говорилъ истину, потому что драма имѣла самый слабый успѣхъ, или, вѣрите можно сказать, упала съ перваго раза — и, если я не ошибаюсь, только два раза была играна.

Первыя роли этой пьесы принадлежали: Г-жѣ Валберховой и Г-ну Каратыгину I-му.

с) *Сонъ на яву*. Эту пьесу онъ написалъ уже въ Москвѣ — и потому я объ ней не имѣю никакого понятія; но, вѣря отзыву московскихъ критиковъ, это неудачное либретто, написанное для композитора Верстовскаго, вышло изъ подъ пера его ниже всякой посредственности. Критикъ очень ясно говорилъ, что въ ней не было: ни толку, ни смыслу.

d) *Щепкинъ, Стѣпка и Боско или должъ платежема красенъ*. Шутка-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣснями, танцами и плясками. Эту пьесу давали на московской сценѣ; но на петербургской она не показывалась. Объ ней я ничего не могу сказать, потому что у меня находится только первый ея актъ, писанный рукою самого автора — и изъ большого числа куплетовъ я могъ только разобрать слѣдующіе три:

1.

Х р і е н к о .

Въ бѣдѣ ростовщиковъ совѣтъ
Страшнѣй подводныхъ камней въ бурѣ.

Г р а ф ъ .

Пусть такъ, да вѣнче развѣ нѣтъ
Ростовщиковъ въ литературѣ.
Минулъ писачкамъ вѣдунъ постъ,
Они за брань берутъ проценты,
И похвалы пускаютъ въ ростъ,
И продаютъ на умъ патенты.

2.

Я отъ нелѣпицы отвыкъ,
Да что за вздоръ меня тревожитъ.
На что же Богъ мнѣ далъ языкъ,
Когда онъ личь пороть не можетъ.
Чтобы безсмыслицу прочесть

Я не пушусь въ головоломню —
 Печатной гили мало-ль есть,
 Такъ изъ нея кой-что припомню.

3.

Оно не то что сочиненье,
 Нельзя сказать, что переводъ,
 А разныхъ авторовъ сплетенье,
 Чтобъ глупостью смѣшить народъ.
 Сюжетъ ей для всѣхъ загадка,
 Въ ней много слезъ, убійствъ и сновъ —
 И нѣтъ другаго недостатка,
 Окромя мыслей и стиховъ.

е) *Послѣдній день Помпеи*. Либретто для большой оперы. Въ ней дѣйствующія лица тѣ же самыя, что и въ картинѣ К. П. Брюлова, потому что мысль создать пьесу, у князя Шаховскаго родилась при взглядѣ на это превосходное произведеніе. Написавъ первый актъ, почтенный А. А. подарилъ мнѣ его на память, потому что исполнить все, имъ предполагаемое, онъ нашелъ невозможнымъ — и потому отказался отъ намѣренія окончить начатое. Объ этомъ трудѣ я могу сказать, что въ немъ много очень удачныхъ сценъ.

г) *Исторія Русскаго театра*, помѣщенная въ «Пантеонѣ». Это не исторія, а скорѣе можетъ назваться обзоромъ или подробнымъ планомъ того, что онъ предполагалъ написать. И всѣмъ любителямъ русскаго слова крайне надо сожалѣть, что эта счастливая идея не осуществилась, ибо исторія нашего театра, по всѣмъ правамъ принадлежала опытному и достойному перу князя А. А. Шаховскаго, котораго труды, если не были оцѣнены при жизни какъ почетнаго русскаго драматурга, то, вѣрно, достойно оцѣнятся признательнымъ и безпристрастнымъ потомствомъ.

ИСТОРИЯ РУССКАГО ИСКУССТВА.

НАЧАЛО ДРАМЫ, ОПЕРЫ И БАЛЕТА ВЪ РОССІИ,

со времени Петра Великаго.

Статья Федора Кони.

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ,
Преданья старины глубокой!

А. Пушкинъ.

Предложивъ себѣ задачею изслѣдовать начало, ходъ и развитие всѣхъ творческихъ искусствъ въ Россіи, я въ теченіе десяти лѣтъ открылъ много достовѣрныхъ источниковъ и собралъ значительный запасъ матеріаловъ по этой части, которыми намѣренъ въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ статьяхъ подѣлиться съ русскими читателями. Полагаю, что изслѣдованіе развитія искусства можетъ быть не бесполезно для его будущности въ Россіи, представя нѣкогда непреложнымъ данныя для историка русскаго искусства и рѣзко обозначивъ переходныя его періоды.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Россія не имѣла, подобно западнымъ государствамъ Европы, своего драматическаго развитія изъ собственныхъ народныхъ началъ: и драма и сценическія представленія занесены къ намъ съ Запада, совершенно готовые, во времена, когда литература наша была еще въ зародышѣ; онѣ занесены какъ и вся остальная цивилизація, начало которой въ Россіи положили Годуновъ и Алексій Михайловичъ, и которую развили и незблѣмо упрочили Петръ Великій.

По этому сценическое и драматическое искусства въ Россіи не имѣли младенчества; онѣ явились у насъ вдругъ и притомъ въ томъ самомъ совершенствѣ, въ какомъ были въ то время повсюду и въ особенности въ Италіи, колыбели европейской роскоши, творческихъ искусствъ и всякаго рода зрѣлищъ. Родившись не изъ народнаго духа, не изъ народной потребности олицетворенія нѣкоторыхъ нравственныхъ идей, и не посреди низшихъ слоевъ русскаго общества, но среди роскоши царскихъ палатъ, по прихоти утонченнѣйшаго сословія, образованнаго на европейскій ладъ, русская драма не могла имѣть своихъ національныхъ типовъ, служащихъ выраженіемъ направленія характера и понятій цѣлаго народа, типовъ, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ основана и изъ которыхъ развилась драма остальныхъ европейскихъ націй.

Италія имѣла своего Пулчинелло, Стентарелло, Панталона, Арлекина, Бригеллу; Франція—Скарамуса, Креспина и Скапина; Испанія — Дона Хуана; (*) Германія — Гавсвурста и Фауста. Типы, въ которыхъ олицетворились и характеръ, и нравственные убѣжденія этихъ народовъ, и которые подали поводъ предлагать главныя ихъ идеи къ подробностямъ гражданской и частной жизни, представляемой въ драмахъ и комедіяхъ.

(*) Намъ извѣстенъ только *Донъ-Жуанъ* Мольера, но французскій драматургъ въ этомъ твореніи поступилъ по общему своему правилу: *je prend mon bien ou je le trouve!* Онъ заимствовалъ содержаніе своей комедіи изъ старинной испанской народной пьесы, того-же имени, извѣстной уже въ половинѣ XVI вѣка, до Сервантеса и Лопеса де-Веги.

У насъ ничего подобнаго не было, если не считать святочныхъ *харь*: *Шамана*, *козы въ сарафанъ* и *Михайлы Иванова* (медвѣдя), которыя ввелись въ обычай народа еще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій и изъ которыхъ первая явно занесена къ намъ изъ Сибири, во времена Годунова. Но въ этихъ харяхъ не было ничего типическаго, хотя онѣ иногда и сопровождались народными прибаутками. Мужикъ выворачивалъ на изнанку свой ежечасный тулупъ, и, позволяя водить себя на пѣши, тяжело плясалъ изъ подъ палки вожатаго, мыча и рыча на свою подругу—*козу*, которая прыгала и кружилась, безпрестанно треща деревяннымъ своимъ ртомъ; вожатый билъ въ барабанъ, припѣвалъ и прибиралъ красныя словца къ палочнымъ ударамъ, которыми понуждалъ свой звѣринецъ къ пляскѣ. Можетъ быть, въ этихъ переряживаніяхъ и таился какой нибудь сокровенный смыслъ, ибо мы находимъ много запретныхъ грамотъ и патріаршихъ указовъ противъ этого обыкновенія, но смыслъ этотъ не послужилъ и не могъ служить основаніемъ для развитія русской драмы.

Во всѣхъ странахъ драматическое искусство началось съ олицетворенія главныхъ чертъ, обрисовывающихъ характеръ народа и, стало быть, имѣющихъ вліяніе на его бытъ общественный и семейный, то есть, на его нравы. Итальянецъ безпеченъ, хитеръ, пронырливъ, сластолюбивъ и жаденъ — въ Италіи родились язвительныя и смѣшныя арлекинады, интермедіи съ пляской и пѣніемъ, грубыя комедіи, въ которыхъ перадавала безпечность въ вѣчной ссорѣ съ смѣтливой хитростію, гдѣ въ равной мѣрѣ расточаются пошлыя остроты и палочные удары, гдѣ любовь служить главнымъ рычагомъ и цѣлю, и гдѣ влюбленный хитрецъ Арлекинъ всегда торжествуетъ надъ эгоистическимъ лѣнливцемъ Панталономъ, если не дѣйствительной силой своего ума, такъ средствами сверхъ-естественными. Французъ веселъ, уменъ, тонокъ, оборотливъ, ставитъ выше всего женщину;—во Франціи образовалась высокая комедія, съ этими тонкими оттѣнками ума и любезности, которыхъ ни одинъ другой народъ ни создать, ни перенять не въ состояніи; тамъ родился водевиль—съ его живой и язвительной игривостію, съ неподдѣльной веселостію, которую нельзя создать, если она не живетъ въ самомъ народѣ; мадригалъ и эпиграмма попеременно—онъ слѣдилъ за развитіемъ французскаго общества, воспѣывалъ славу своего народа и явилъ его пороки и заблужденія. Онъ привился ко всѣмъ событіямъ его исторіи, касался всѣхъ

его политическихъ и нравственныхъ вопросовъ и часто сарказмомъ побѣждалъ то, чего проповѣдники не могли побѣдить всею силою своего нравственного краснорѣчія.

Нѣмецъ не похожъ на своихъ южныхъ сосѣдей, вещественная жизнь для него составляетъ одно простое отправленіе закона природы, настоящая-же жизнь для него заключается въ мечтѣ, въ возвышеніи всего земнаго до идеала совершенства и красоты. Этотъ міръ фантазій, въ который онъ уносится изъ своего протертаго халата, изъ своихъ изношенныхъ туфель, среди облаковъ канастера, составляетъ стихію его души, а порывъ къ совершенству мечтаемому—всю цѣль его бытія. Оттого и самыя искусства въ Германіи, съ самаго начала своего, приняли мистическое направленіе, еще болѣе подкрѣпляемое развивавшеюся философіею.

Это свойство народнаго характера дало и драмѣ ихъ религіозное, мистическое, идеальное направленіе. У нихъ созданъ Фаустъ, олицетвореніе начала добра и зла, противоборства ада опредѣленіемъ неба, стремленія человѣческаго ума къ высшимъ силамъ и его немощь, и, наконецъ, ограниченія всѣхъ человѣческихъ усилій однимъ возможнымъ на землѣ благомъ — *сп-рою*. Этотъ высокій философскій идеалъ, между тѣмъ, созданъ въ самомъ народѣ, сперва на кукольныхъ театрахъ, потомъ въ странствующихъ комедіяхъ и, наконецъ, уже перешелъ на сцену. Домашній бытъ Германіи имѣлъ также свои типы, и *Гансвурстъ*, веселый пересмѣшникъ общества, рожденный между мастеровыми, облагороженный вѣскольکو башмачникомъ Гансомъ Саксомъ, мало-по-малу принималъ всѣ измѣненія и формы, неизбѣжныя при усовершенствованіи самаго общества и успѣхахъ искусства.

Испанія представляла совсѣмъ другіе элементы: вѣковая религіозная борьба грубыхъ романскихъ (германо-римскихъ) народовъ съ просвѣщеннымъ и роскошнымъ Востокомъ, который протѣснился въ Европу чрезъ Пиринейскій полуостровъ, сроднивъ нравы христіанъ и поклонниковъ Пророка, оставила яркій отпечатокъ и на всѣхъ произведеніяхъ искусствъ въ Испаніи. Германцы переняли у аравитянъ ихъ рыцарскую любовь къ женщинамъ, ихъ великодушіе и роскошь ихъ цвѣстистаго воображенія; арабы заимствовали у германцевъ ихъ геройскій духъ и возвышенныя идеи христіанства. Отсюда произошли главные четыре стихіи: *рыцарская любовь, воинская доблесть, непреклонная честь и фанатизмъ*, которыя служатъ рычагомъ

во всѣхъ произведеніяхъ испанской сцены. Драма началась тамъ съ того — же, съ чего она началась и у остальныхъ католическихъ народовъ: съ олицетворенія событій библейскихъ, подвиговъ и понятій народныхъ. Подобно *Фаусту* нѣмцевъ, у испанцевъ родился свой типъ — *Донъ-Хуанъ*, который приводитъ къ тому-же результату, но инымъ путемъ, путемъ, болѣе сообразнымъ съ развитіемъ характера и понятій испанскаго народа. Какъ *Фаустъ* есть олицетвореніе стремленія къ высшимъ идеямъ, къ преобладанію мысли надъ внѣшнимъ міромъ, такъ *Донъ-Хуанъ* — олицетвореніе матеріализма, отвергающаго всякую мысль о мірѣ невещественномъ; это чувственность, доведенная до крайности, и попирающая ногами все, что во внутреннемъ человѣкѣ пробудилось необходимаго для связи его съ міромъ идеальнымъ и обществомъ: законы природы, чувство, вѣру и уставы гражданскіе. *Фаустъ* — любитъ какъ идеалистъ, *Донъ-Хуанъ* — можетъ только наслаждаться любовью, какъ сластолюбецъ; *Фаустъ* — жертва заблужденій своего ума, *Донъ-Хуанъ* — заблужденій своего народа; преступленія *Фауста* — слѣдствіе его нравственныхъ стремленій, преступленія *Дона-Хуана* — слѣдствіе жадности къ удовлетворенію животной природы. Въ самомъ безвѣріи *Фауста* затаена глубокая идея божественнаго начала; — безвѣріе *Дона-Хуана* — простое и грубое отрицаніе всего, что недоступно внѣшней природѣ человѣка. *Фаустъ* не могъ создаться иначе, потому что онъ созданъ среди народа, по преимуществу мечтательнаго и мыслящаго; *Донъ-Хуанъ* — былъ порожденіемъ фанатизма и матеріализма, потому что онъ родился отъ смѣси двухъ народовъ — одного, по преимуществу чувственнаго, другаго — по преимуществу, католическаго. Послушайся *Донъ-Хуанъ* робкаго и усерднаго своего слуги и покайся въ грѣхахъ своихъ снисходительному монаху, передъ появленіемъ каменнаго гостя, не было бы страшной развязки, и онъ могъ бы еще казаться праведникомъ въ глазахъ испанцевъ, потому что преступленія его были слѣдствіемъ общаго народнаго характера, но отъ нихъ непременно надо было очиститься церковнымъ покаяніемъ, этого требовалъ другой народный элементъ — фанатизмъ религіозный. Тотъ-же фанатизмъ продиктовалъ послѣднюю катастрофу жизни *Дона-Хуана*; онъ не далъ ему опомниться на землѣ, испытать всѣ муки сомнѣнія, неуверенности въ вѣчной жизни духа, этотъ адъ моральный внутри мыслящей души; но представилъ ему жизнь за гробомъ въ матеріальной формѣ

мертвеца, вышедшаго изъ могилы, чтобы предать жертву свою въ руки діавола.

Въ Англіи театръ также родился среди народа и на основѣ народныхъ нравовъ и понятій. Еще въ началѣ XI столѣтія Эдуардъ III издалъ указъ, которымъ повелѣвалъ выгнать изъ Лондона шайку лицедѣевъ, которые ходили наряженные по городу и въ кабакахъ и тавернахъ разыгрывали передъ народомъ небылицы — въ — лицахъ, скорбительныя для правительства, аристократовъ и соблазнительныя для вѣры. Въ концѣ XIV—го столѣтія, кромѣ пьесъ народныхъ, явились и драмы духовнаго содержанія. Духовенство сильно возставало противъ религіозныхъ представленій, но обычай до того сложился съ народомъ, что уничтожить ихъ, значило лишить народъ одного изъ самыхъ драгоценныхъ для него правъ. Духовное управленіе придумало особенное средство, чтобы отъ нихъ избавиться: оно подало адресъ королю Ричарду II, въ которомъ, просило запретить людямъ *несвѣдущимъ и непризваннымъ* разыгрывать библейскія событія и страсти Христовы, и предоставить это право исключительно духовнымъ лицамъ и питомцамъ школы Св. Павла, которые, какъ люди, въ дѣло посвященные, будутъ утѣшать народъ подобными зрѣлищами въ недѣлю Рождества Христова. Подъ политическимъ покровомъ, въ этомъ требованіи таилась мысль корыстная: умленные и набожные зрители щедро платили лицедѣямъ, почитая это дѣломъ богоугоднымъ. Такимъ образомъ, духовенство овладѣло рождающимся театромъ, сочиняло, сообразно съ своимъ видамъ, духовныя мистеріи и сильно преслѣдовало всѣ свѣтскія зрѣлища. Но чѣмъ сильнѣе было преслѣдованіе, тѣмъ охотнѣе народъ лакомился запретнымъ плодомъ, и народныя представленія принимали характеръ болѣе ѣдкой, язвительный, касались всѣхъ струвъ общественной и административной жизни, и зародили въ народѣ первое противоборство противъ власти духовенства. Правильная сцена образовалась въ Англіи гораздо позднѣе. Изъ лондонскихъ хроникъ видно, что только 7—го мая, 1520 года, Генрихъ VIII, реформаторъ католицизма въ Англіи, дозволилъ построить въ своемъ Гриничскомъ дворцѣ сцену и присутствовалъ со всѣмъ дворомъ на представленіи Плавтовой комедіи.

Въ рускомъ народѣ временъ до-Петровыхъ не могло быть никакого художественнаго развитія, ибо оно есть слѣдствіе цивилизаціи. Наше отечество не принимало никакого участія въ движеніяхъ и событіяхъ остальной Европы. Нравы наши не измѣня-

лись въ родовой борьбѣ удѣльныхъ князей, не приходили въ соприкосновеніе съ сосѣдственными западными народами, не терпѣли отъ долговременнаго ига монгольскаго, ибо иго это было болѣе контрибуціонное, чѣмъ политическое. Но отъ вѣковаго сближенія съ азіатскими ордами, народъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя ихъ черты: онъ исключилъ изъ общественной жизни женщинъ и построилъ для нихъ терема и вышки. Этимъ исключеніемъ онъ лишилъ себя главнаго побудительнаго средства къ самосовершенствованію и осушилъ жизнь свою на пластическую неподвижность; ибо во всѣхъ странахъ женщины служили главнымъ рычагомъ цивилизаціи и основаніемъ развитія народнаго вкуса, его нравовъ, искусствъ и художествъ. Единственная страна, которая могла имѣть сильное вліяніе на нашу образованность и гражданственность, у которой мы заняли два главные элемента политическаго тѣла—вѣру и грамотность, къ несчастію, пала въ самое то время, какъ Русь готовилась къ развитію.

И такъ, жизнь нашихъ предковъ текла однообразною чередою, не возмущаемая никакимъ нравственнымъ потрясеніемъ. Однажды только, и то на одну минуту взволновалась она неожиданнымъ порывомъ, энергическимъ сознаніемъ, — это было именно въ эпоху, которою такъ жадно, на перерывъ пользовались наши драматурги, въ эпоху Межлударствія. Но за этой кратковременною эпохою послѣдовало опять однообразное одно-и-тоже, во время котораго совершилось механическое построеніе государственнаго тѣла, и уже Великій Петръ влилъ въ него душу.

Стало быть, русская драма не могла почерпнуть своихъ стихій въ народной жизни, потому что въ ней не было ничего драматическаго, она была одинакова во всѣхъ сословіяхъ и не представляла никакой борьбы со стороны условій общества. Типы народныя также не могли образоваться, потому что одинъ стереотипный характеръ лежалъ на всемъ народѣ; не было рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга кастъ, враждебныхъ другъ другу по идеѣ и по своему вліянію; у насъ не было ни городскихъ общинъ, ни феодальныхъ властей, ни рыцарства; у насъ были только крестьяне и господа, низшій классъ народа и князья и бояре, которыхъ преимущества и званіе были опредѣлены вѣками и рожденіемъ, и которые, въ сущности, по правамъ, образованію, образу жизни, вѣрованію и даже по наряду, ничѣмъ не отличались отъ низшихъ сословій.

Петръ Великій, посвятивъ сѣмена европеизма въ Россіи, поло-

жилъ и начало правильному развитію искусствъ и художествъ. Сблизивъ оба пола въ общественной жизни, онъ породилъ любовь къ удовольствіямъ и зрелищамъ, давъ понятъ всю прелесть моральныхъ наслажденій, замѣняемыхъ до-толѣ одними грубыми, чувственными удовольствіями, избыткомъ вина и крепкихъ медовъ. По этому первый правильный театръ въ Россіи не могъ быть русскій и народный: онъ былъ иноземный, какъ и все остальное, послужившее образцомъ для нашей образованности, оторвавшее насъ отъ Азіи и поставившее въ уровень съ Европою.

Правда, попытки театральныхъ зрелищъ бывали и прежде Петра, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, который охотно принималъ въ Россію иностранцевъ и позволялъ перенимать у нихъ все, что могло служить къ устройству и удовольствію гражданскаго общества. Но это были попытки слабыя, оставшіяся безъ послѣдствій.

Въ статьѣ моей: *«Исторія баловъ и маскарадовъ (*)»*, я уже однажды разсказалъ подробности перваго театрального представленія, бывшаго при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, въ 1676-мъ году, заимствованныя мною изъ любопытныхъ сказаній Рейтенфельса: — *De rebus Moscowiticis ad serenissimum, magnum Imperatoris Ducem Cosmum Tertium.*

Миллеръ, въ статьѣ своей *«О началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ»*, помѣщенной въ четвертой части *«Опытъ трудовъ вольнаго русскаго собранія»*, говоря о потѣшномъ дворѣ въ селѣ Преображенскомъ, относитъ основаніе его ко временамъ Алексія Михайловича и упоминаетъ о представленіяхъ, описанныхъ Рейтенфельсомъ.

Въ разрядныхъ записяхъ посольскаго приказа 1676-го года, занесены о томъ слѣдующія обстоятельства: «была комедія въ Преображенскомъ, тѣшили Великаго Государя иноземцы какъ Алаферна царица царю голову отсыкла, и на органахъ играли пѣмцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Того-жъ году другая комедь тамъ-же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана», и въ органы играли и на флюгахъ, и въ штрументы и танцовали. Въ третіе, тамъ-же тѣшили Великаго Государя на заговѣнѣ пѣмцы и люди Ар-

(*) Смотри № 1, *«Пантеона русскаго и всѣхъ европейскіхъ театровъ»* за 1840 годъ.

«тамона Сергѣевича, на органахъ и на фіолахъ и на штрумен-тахъ разныхъ, и танцовали и всякими потѣхами разными.»

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ потѣхъ, и получили Преображенскій дворецъ названіе *потѣшнаго*, какъ и другой дворецъ, извѣстный подъ такимъ-же названіемъ въ Кремль московскомъ. Надо полагать, что царь предварительно приказывалъ себя представлять эти комедіи въ Москвѣ, келейнымъ образомъ, а потомъ уже, увѣрившись, что въ нихъ нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и вреднаго для нравовъ, разрѣшалъ публичное ихъ представленіе предъ всемъ дворомъ и своимъ семействомъ, въ селѣ Преображенскомъ.

Эти-то представленія, вѣроятно, и зародили въ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ мысль сочинять русскія пьесы для театра, которыя и были представлены во дворцѣ во время ея правительствованія; но, къ несчастію, не сохранились для потомства. Современныя свѣдѣнія сберегли намъ только названіе одной пьесы, переведенной ею съ французскаго и разыгранной самой царственной переводчицею вмѣстѣ съ другими благородными дѣвицами, принадлежавшими ко двору: — это была комедія Мольера — *Врачъ противъ воли* (*Le medecin malgre lui*).

Но въ то же время, какъ Софія зарождала въ Россіи *свѣтскій* театръ, на который современники ея смотрѣли съ неудовольствіемъ и приговаривали: *съ нами сила крестная!* — ибо почитали это дѣломъ богопротивнымъ и дьявольскимъ наводеніемъ, духовенство, составлявшее въ то время самый образованный классъ, наиболѣе знакомый съ событіями и литературою Запада, основало первый *духовный* театръ, по образцу французскихъ *confrères de la passion*.

Семинаристы и студенты духовныхъ училищъ, учрежденных при кievскомъ Печерскомъ и московскомъ Заиконоспаскомъ монастыряхъ, переводили на славянскій языкъ французскія и немецкія мистеріи, заимствованныя изъ библейской исторіи, и разыгрывали ихъ въ праздничные дни, въ трапезахъ и рекреационныхъ залахъ.

Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, усовершенствовалъ этотъ родъ духовныхъ комедій и примѣнилъ его болѣе къ русскому быту и понятію. Онъ сочинялъ священныя драмы въ стихахъ, языкомъ, въ то время увлекательнымъ, и приказывалъ ихъ представлять въ *крестовой залѣ* своего архіерейскаго дворца въ Ростовѣ.

Знаменитѣйшія изъ этихъ аллегорическихъ пьесъ были:

Эсфирь и Агаферъ; — Рождество Христово; — Кающийся иррышникъ и — Христово Воскресеніе, съ весьма аллегорическими посторонними дѣйствіями.

Первая изъ этихъ пьесъ, впоследствии, по повелѣнію Елисаветы Петровны, игралась Великимъ постомъ на придворномъ театрѣ; а о второй хроника присовокупляетъ, что — *Марія на театрѣ между дѣйствующими лицами не было, а былъ только образъ ея.*

Во время Петра Великаго въ Россіи появилось все, что только интересовало современную жизнь въ остальной Европѣ, и Русскіе начали понемногу отвыкать отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ и предубѣжденій: они охотно наслаждались плодами западнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что просвѣщеніе это было для нихъ ново, заманчиво, и что они во всемъ видѣли впередъ своего великаго государя.

Государь приказалъ построить на Красной площади Китай-города въ Москвѣ деревянный театръ, по образцу европейскаго, и выписалъ изъ Гданска (Данцига) труппу нѣмецкихъ актеровъ, подъ дирекцію Іогана Кунста. Труппа эта была небольшая и незavidная, но она, однакожъ, давала правильныя представленія, съ пѣніемъ и танцами, и незамѣтно развивала въ народѣ любовь къ такого рода зрѣлищамъ. Цѣль Петра была дѣйствовать не однимъ только примѣромъ, но и возбудить охоту къ подражанію и пересадить чужеземное растение съ корнемъ въ русскую почву. Кунсту или *Куншту*, какъ его называли по-русски, были отданы нѣсколько молодыхъ людей, дѣтей подъячихъ и посадскихъ, для выучки комедіальному художеству.

Черезъ четыре года, (въ 1705 году), эти питомцы Талии и Мельпомены не только участвовали въ нѣмецкихъ представленіяхъ преемника Кунста, антрепренера Отто Фюрста, но и сами переводили и сочиняли русскія піесы и разыгрывали ихъ къ общему восторгу публики. Піесы эти, разумѣется, были плохи и по созданію, и по исполненію, потому что нельзя было ожидать отъ страны, не имѣющей еще литературы и не сознавшей своего назначенія, твореній великихъ; но не смотря на дикій свой языкъ, какое-то смѣшеніе славянскаго съ польскимъ и нѣмецкимъ, и на грубые, простонародные фарсы, которыми онѣ украшались, пьесы эти послужили, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшаго развитія драматическаго искусства въ Россіи.

По основаніи Петербурга и перенесеніи туда резиденціи, и театръ получилъ болѣе правильное устройство и лучшее развитіе, ибо все, что въ то время отличалось малѣйшею образованностію, сосредоточилось около вѣдущаго преобразователя отечества. Сестра Государя, Великая Княгиня Наталія Алексеевна, которая, какъ извѣстно, сама отличалась многими талантами и въ особенности любила искусства, взяла на себя попеченія о театрѣ. При такой покровительницѣ и при посвященіи зрѣлищъ избраннѣйшихъ обществомъ Россіи, вкусъ необходимо долженъ былъ очищаться, а старанія актеровъ удвояться.

Первый антрепренеръ петербургскаго театра былъ нѣмецъ Маннъ. Для него былъ устроенъ особенный театръ въ одномъ изъ домовъ на Мойкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Корпусъ Придворныхъ Пѣвчихъ. Этотъ директоръ позволялъ себѣ иногда довольно забавныя шутки надъ публикою. Профессоръ Яковъ Штелинъ, въ своей нѣмецкой хроникѣ театра въ Россіи, рассказываетъ, между прочимъ, анекдотъ, который едва ли могъ бы повториться въ наше время. Маннъ великоплною афишей извѣстилъ публику о необыкновенномъ, новомъ представленіи, назначенномъ на первый день апрѣля. Стеченіе народа было страшное, за билеты почти дрались и платили втрое, потому что театръ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ видѣть представленіе. Наконецъ, пріѣхалъ и Государь. Музыка загремѣла, занавѣсъ взвился, и вмѣсто спектакля, передъ изумленными зрителями явилось бѣлое полотно, съ гигантскими словами:

«Нынче первое апрѣля!»

«Нечего дѣлать! Ступайте по домамъ!» сказалъ Государь, улыбувшись:—«это вольность комедіантовъ.»

Но Петербургъ, во все время царствованія императора Петра Великаго, Екатерины I-й и Петра II-го, пользовался только однимъ нѣмецкимъ театромъ, хотя уже въ народѣ и пробуждался духъ подражанія, и многіе придворные служители и воспитанники казенныхъ школъ начали составлять у себя домашнія представленія, въ родѣ Манновыхъ. За то въ Москвѣ примѣръ нѣмцевъ и въ особенности русскихъ комедіантовъ пустилъ гораздо глубже корни. Тамъ, лекарскіе ученики, въ Главномъ Госпиталѣ, завели у себя постоянный театръ, настилали доски на порожнія кровати, разгораживали сцену пестрыми ширмами, и вымечивали своихъ больныхъ веселой за-

бавою, а здоровыхъ морали со смѣху—комедіями своего собственнаго издѣлія, въ которыхъ, понемногу начинали появляться и настоящія русскія, народныя лица. Съ ними вступили скоро въ состязаніе питомцы Корабельнаго Училища Сухаревой башни,—а наконецъ, и въ самомъ народѣ образовались шайки досужныхъ людей, которые ходили по городу и по деревнямъ съ вертепами и разыгрывали разныя сцены, составленныя изъ народныхъ прибаутокъ и пословицъ.

Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны все приняло новый видъ. Простота временъ Петровыхъ замѣнилась великолѣпіемъ и пышностію, какими рѣдкій дворъ могъ похвалиться. Россія получила значеніе въ быту европейскихъ государствъ. Со всѣхъ сторонъ съѣздили въ Петербургъ иностранные посланники, всѣ государи наперерывъ желали оказать новой Императрицѣ свою дружбу и сдѣлать ей что нибудь угодное. Придворнымъ праздникамъ и торжествамъ не было конца. Никогда еще коронаваніе русскихъ государей не совершалось съ такимъ блескомъ, какъ коронація Анны Іоанновны.

Къ этому-то торжественному времени польскій король Августъ II съѣхалъ отправить въ Россію отборнѣйшіе таланты своей дрезденской оперы. Это были итальянцы, между которыми находились люди съ европейскою славою, превосходныя пѣвицы, пѣвцы, танцовщики и музыканты. Изъ числа ихъ особенно отличались актриса Казанова (*) и комикъ-пѣвецъ Педрило. Имъ-то была представлена первая итальянская интермедія, съ великою роскошью въ костюмахъ и декораціяхъ.

По возвращеніи Императрицы въ Петербургъ, послѣ коронаціи, итальянскія интермедіи продолжались при дворѣ и породили особенную любовь къ музыкѣ и танцамъ. Это побудило Государыню приказать выписать полную итальянскую оперу и ангажировать ее къ императорскому русскому двору. Для представленій ея былъ выстроенъ въ саду Лѣтняго Дворца (у Полицейскаго моста) особенный придворный театръ, а для зимы его устроили въ одномъ изъ флигелей Зимняго Дворца. Труппа эта съѣхалась въ 1735-мъ году. Она еженедѣльно представляла небольшія оперы — буффа. Главные члены этой труппы были:

(*) Мать знаменитаго туриста Казановы.

пѣвцы—Германо, Константина, Вулкано и Пива; лучшія пѣвцы—Изабелла и Розина.

Но въ труппѣ этихъ артистовъ не было танцовщиковъ, между тѣмъ, страсть къ танцамъ видимо возрастала. Императрица, желая, по возможности, разнообразить придворные спектакли, поручила танцмейстеру Ланде, служившему при Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ (нынѣ Первомъ Кадетскомъ) танцевальнымъ учителемъ, составлять изъ кадетъ балеты. Наставникъ и ученики принялись за дѣло съ особеннымъ рвеніемъ, потому что успѣхъ открывалъ имъ двери дворца и могъ на нихъ обратитъ милостивое вниманіе Императрицы. Такимъ образомъ, итальяскія оперы стали перемѣжаться интермедіями съ танцами и маленькими балетами. Въ этихъ балетахъ принимали участіе и нѣкоторые изъ придворныхъ дамъ, вмѣстѣ съ дочерями итальянскихъ артистовъ. Изъ кадетъ первымъ танцовщикомъ почитался Чеглоковъ, бывшій вносльдствіи камергеромъ.

Успѣхъ итальянцевъ и шедрость русскихъ бояръ, которые изъясняли артистамъ свое одобреніе, бросая на сцену не букеты цвѣтовъ, а полновѣсные кошельки съ имперіалами, вскорѣ привадили въ Петербургъ множество артистовъ во всѣхъ родахъ: поэтовъ, композиторовъ, музыкантовъ, живописцевъ и пѣвцовъ. Между ними находился и знаменитый неаполитанскій композиторъ Франческо Арая, котораго имя гремѣло уже въ Европѣ, и который тотчасъ-же былъ принятъ въ русскую службу, придворнымъ капельмейстеромъ. Жероламо Боно, одинъ изъ отличнѣйшихъ живописцевъ того времени, былъ также принятъ къ придворному театру, въ званіи декоратора.

Стараніемъ этихъ двухъ артистовъ была въ 1737 году поставлена на придворномъ театрѣ первая большая опера—seria, или лирическая драма, съ неизвѣстными дотолѣ совершенствомъ и роскошью; она называлась *Abiasare*. Она произвела фуроре и побудила трудолюбиваго и неистощимаго Арая вскорѣ поставить на сцену вторую свою оперу: *Semiramide ol finto Nino*. Успѣхъ второй былъ еще значительнѣе первой: въ теченіе двухъ лѣтъ, ее играли почти каждую недѣлю.

Между тѣмъ и танцевальное искусство дѣлало большіе ухи. Ланде набралъ дѣвочекъ и мальчиковъ, дѣтей бѣдныхъ родителей, по большей части изъ низкаго сословія, и образовалъ изъ нихъ правильную школу, которую должно почитать началомъ

театральных училищъ въ Россіи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ постоянного труда, онъ поставилъ на сцену замѣчательныхъ танцовщицъ и прекрасный кордебалетъ. Еще въ 1736 году, при заведеніи итальянской комической оперы, для устройства балета былъ выписанъ отличный танцовщикъ и балетмейстеръ Фузано. Онъ ангажировалъ танцовщиковъ Теси и Джузеппе; а изъ женщинъ солистками были жена его Джулія и Тонина или Антонина Константины, дочь буффа, о которомъ мы упомянули выше. Кордебалетъ пока составлялся изъ воспитанниковъ Шляхетнаго Корпуса и немногихъ постороннихъ танцовщицъ, обученныхъ Ланде въ его школѣ.

Въ 1738 году Фузано, не угодивъ Бирону, принужденъ былъ выйти въ отставку, вмѣстѣ съ женою, и уѣхалъ изъ Россіи. Въ отъѣздѣ онъ сманилъ и остальныхъ итальянскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ и отправился съ ними сперва въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, гдѣ имѣлъ огромный успѣхъ. Отсутствіе Фузано и остальныхъ танцовщиковъ, открыло широкое поле для Ланде. Догадливый танцмейстеръ умѣлъ ловко подвернуться къ Герцогу Курляндскому, былъ принятъ къ императорскому театру, съ двумя тысячами рублей жалованья въ годъ, и вслѣдъ за тѣмъ возвышенъ въ званіе придворнаго балетмейстера.

Бирону надо было тотчасъ-же замѣнить балетную труппу, которую онъ разогналъ въ порывѣ горделивой вспышки, и показать, что по одному его властительному слову въ Россіи должно являться все, даже таланты; притомъ онъ не могъ совершенно отмѣнить удовольствія, обратившагося для болѣзненной Императрицы въ привычку. Оборотливый Ланде и тутъ явился съ своими услугами. Онъ предложилъ составить балетъ изъ ученицъ и учениковъ своей школы. Былъ сдѣланъ опытъ и удался сверхъ ожиданія. Русскій балетъ, повѣрялъ, понравился лучше итальянскаго; громы рукоплесканій встрѣчали и провожали каждаго солиста, каждую танцовщицу. Впрочемъ, успѣхъ этотъ очень понятенъ; во первыхъ, громче всѣхъ и прежде всѣхъ хлопалъ грозный временщикъ, на котораго всѣ глаза были обращены или съ рабскимъ трепетомъ или съ низкою лестію; во-вторыхъ, магическое слово — *русскіе, свои*, — производило и здѣсь волшебное дѣйствіе, какое всякое патріотическое явленіе производитъ повсюду и всегда; въ-третьихъ, наконецъ, надо сказать, что между питомцами Ланде дѣйствительно были замѣчательные таланты, какъ мимы, такъ и танцовщики. Молодой французъ Ле-Брѣнь

былъ превосходный танцовщикъ, какого дотошъ еще никогда не видывали; наравнѣ съ нимъ стоялъ Тимошка Бубликовъ; танцовщицы Аксинья Сергѣева, Елисавета Зорина, Авдотья Тимоѣева ловко подражали итальянкамъ и показывали много самобытной способности. Остальные воспитанники и воспитанницы Ланде прекрасно исполняли роли корнеевъ и коръ-дебалетъ, потому что все было напередъ прилажено и придумано въ теченіе многихъ мѣсяцевъ.

Послѣдствія этого представленія были очень важны для русскаго искусства. Ланде, осыпанный богатыми подарками Императрицы и вельможъ, попалъ въ особенную милость Бирона. Школа его была увеличена двѣнадцатю хорошенькими дѣвочками, которыхъ сама Государыня выбрала изъ дочерей дворцовой прислуги, и двѣнадцатю мальчиками, и взята на казенное содержаніе. За обученіе танцамъ въ этомъ первоначальномъ театральномъ училищѣ Ланде было положено особенное жалованье; и надо отдать полную справедливость этому артисту, онъ исполнялъ дѣло свое совѣстливо и съ удивительнымъ, неусыннымъ усердіемъ. Кромѣ танцевъ, онъ обучилъ правиламъ хореографическаго искусства и обстановки балетовъ двухъ прекрасныхъ танцовщиковъ Аванасья Топоркова и Андрея Нестерова. Такимъ образомъ, было положено начало русскаго балета и судьба его обезпечена на будущее время. Другое важное послѣдствіе состояло въ томъ, что высшій кругъ русскаго общества убѣдился въ существованіи талантовъ и на Руси въ возможности обойтись безъ корыстныхъ, самолюбивыхъ и капризныхъ иностранцевъ, и началъ поощрять каждое русское усиліе на поприщѣ драматическаго искусства и всѣхъ художествъ вообще. Въ этомъ состоитъ главная заслуга Ланде, котораго имя достойно остаться на-всегда въ лѣтописяхъ русскаго театра, почерпнувшего впоследствии лучшіе свои таланты изъ основанной имъ первоначально школы.

Императрица Анна, прожившая двадцать лѣтъ въ Курляндіи, между корейными нѣмцами, окруженная и въ Петербургѣ еще своимъ остзейскимъ штатомъ, особенно любила вѣмецкій языкъ. Опера, на языкѣ ей незнакомомъ, и балетъ не представляли ей достаточнаго развлеченія. Притомъ шумная музыка имѣла сильное вліяніе на ея раздражительные нервы; отъ заботъ и болѣзненнаго состоянія она часто впадала въ грустное расположеніе духа и нуждалась въ забавѣ, которая вырывала бы ее изъ этого

непріятнаго состоянія. Не зная языковъ, французскаго и итальянскаго, она болѣе всего желала имѣть нѣмецкую комедію, веселую, шутливую, безъ шума, и вполне ей понятную. Графъ Линаръ, саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ, пользовавшійся особенною благосклонностію Императрицы, поспѣшилъ исполнить ея желаніе, выраженное въ частной бесѣдѣ, и немедленно выписалъ изъ Лейпцига труппу нѣмецкихъ актеровъ.

Они прибыли въ 1739 году, подъ предводительствомъ своего директора Нейбера. Лучшіе актеры и актрисы этой труппы были: Нейберъ, Кохъ, Фабриціусъ, Г-жа Нейберъ и Бухнеръ. Государыня была обрадована этимъ сюрпризомъ и тотчасъ же приказала зачислить нѣмецкую труппу въ службу при императорскомъ дворѣ, съ хорошимъ жалованьемъ.

Представленія ихъ стали перемѣжаться съ итальянскими операми и интермедіями. Они давали преимущественно комедіи и фарсы, которые разыгрывали очень хорошо. Спектакли ихъ сдѣлались любимымъ препровожденіемъ времени государыни, которая видимо охладѣвала къ итальянцамъ. Примѣръ ея, разумется, имѣлъ вліяніе и на знать. Это подало поводъ къ разнымъ придворнымъ интригамъ. Тогдашній Оберъ-Гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, который, кромѣ страсти къ итальянской музыкѣ, былъ еще увлекаемъ особенной любовію къ нѣкоторымъ изъ итальянскихъ пѣвицъ, съ негодованіемъ видѣлъ успѣхъ нѣмцевъ, и сталъ употреблять всѣ, отъ него зависѣвшія, мѣры къ ихъ притѣсненію. Имъ не давали хорошаго гардероба, отказывали иногда даже въ самыхъ необходимыхъ бутафорскихъ вещахъ, не очищали сцены для репетицій и, наконецъ, что всего хуже и ощутительнѣе для нихъ было, — задерживали уплату жалованья и чрезъ то обрекали часто бѣдныхъ актеровъ на печальную участь играть и смѣшныя съ голоднымъ желудкомъ. Жалобы бѣдныхъ комедиантовъ, которые не смѣли слишкомъ громко возвысить голосъ противъ своего начальника, доходили однакожъ до вліятельныхъ придворныхъ и породили въ пользу нѣмецкаго театра особую партію, состоявшую изъ особъ курляндскаго герцогскаго двора, въ главѣ которыхъ находился графъ Линаръ. Какъ министръ саксонскій, онъ обязанъ былъ защищать подданныхъ своего государя; но, сдѣлавшись, угодливымъ своею, виновникомъ этого театра, — онъ и по самолюбію не могъ отказать въ своемъ покровительствѣ бѣднымъ нѣмецкимъ артистамъ. Изъ этого столкновенія различныхъ интересовъ двухъ сильныхъ сановниковъ, между Линаромъ и Левенвольдомъ произошелъ разрывъ,

который имѣлъ вліяніе и на другія дѣла, гораздо важнѣйшія театра, потому что къ каждому изъ нихъ пристала своя партія. *Ex minima scintilla, fit maximum incendium*: такъ уже водитъся. Честолюбивый и корыстный Биронъ уважалъ и ласкалъ Линара; онъ надѣлся чрезъ его посредство приобрести особенныя милости новаго польскаго короля Августа III; кромѣ того, какъ герцогъ Курляндскій, онъ поддерживалъ своихъ придворныхъ и охотно исполнялъ прихоти своихъ клеветовъ. Это обстоятельство спасло нѣмцевъ и Нейберскій театръ уцѣлѣлъ до самой кончины Анны Іоанновны.

Но едва только, въ 1740 году, Анна Леопольдовна приняла бразды правленія, любимецъ ея Левенвольдъ одержалъ верхъ надъ своими соперниками, и нѣмецкая труппа была выгнана изъ дворца, въ буквальный смыслъ этого слова. Не только что, при отпускѣ, актерамъ не выдали изъ придворной конторы заслуженнаго ими жалованья, но нѣкоторые изъ нихъ подвергались даже опасности лишиться свободы и быть жестоко наказанъ. Только ловкій, красивый и оборотливый Линаръ, по своему личному вліянію на правительницу и представительство, успѣлъ спасти ихъ отъ неминуемой бѣды и по добру—по—здорову выпроводить изъ Россіи.

Но драматическій театръ вошелъ уже въ обычай при дворѣ. Одна опера и балетъ не могли удовлетворять безчисленныхъ и притомъ страстныхъ любителей сцены. Надлежало непременно замѣнить нѣмецкій театръ другою драматическою труппою. Левенвольдъ, способствовавшій вмѣстѣ съ Минихомъ къ паденію и ссылкѣ въ Пелымъ — Бирона, презрительно смотрѣлъ на всѣхъ его приверженцевъ и не хотѣлъ имъ доставить даже самаго невиннаго удовольствія; онъ уговорилъ правительницу, вмѣсто нѣмецкихъ актеровъ, выписать французскихъ. Вслѣдствіе того, капельмейстеръ Арая былъ посланъ въ Италію для комплектованія и улучшенія итальянской оперы новыми артистами, а балетмейстеръ Ланде отправленъ за границу, для ангажирования хорошей французской труппы. Ланде нашелъ довольно изрядный театръ въ Касселѣ и началъ переговоры съ его директоромъ и членами. Но французы народъ своенравный и требовательный: условія артистовъ были такого рода, что ихъ никакъ нельзя было согласить съ порядкомъ вещей, существовавшимъ при петербургскомъ придворномъ театрѣ. Ланде велъ свои переговоры слишкомъ годъ. Въ это время правительница была отрѣшена, а Левенвольдъ падъ, не дождавшись французской труппы.

Съ вѣшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы Петровны (1741) начался новый, блистательный періодъ театровъ въ Россіи вообще и нашего отечественнаго въ особенности.

Коронація Елисаветы Петровны сопровождалась въ Москвѣ ежедневными праздниками, маскарадами и спектаклями. Сличеніе иностранцевъ ко двору было чрезвычайно значительное; русскіе вельможи хотѣли ослѣпить ихъ своимъ богатствомъ, роскошью, и показать, что въ дѣлѣ вкуса и общежитія они нисколько не уступаютъ восхваляемой Европѣ. И дѣйствительно, всѣ праздники и зрѣлища приняли характеръ правильный, торжественный, и получили даже нѣкоторое политическое значеніе, ибо представляли въ аллегорическихъ образахъ прошедшее и настоящее состояніе Россіи. Этого дотошъ никогда еще не бывало, на театральныя зрѣлища смотрѣли прежде, какъ на простую забаву, немогущую служить государственнымъ или правительственнымъ органомъ.

Ко дню коронаванія Императрицы, былъ въ Москвѣ нарочно построенъ театръ, на берегу Яузы; онъ былъ обширенъ и прекрасно убранъ. Въ день коронаціи данъ былъ великолѣпный спектакль, на итальянскомъ языкѣ; онъ состоялъ изъ оперы: «Clemenza di Tito» *Титово милосердіе* и «La Russia afflitta e consolata» *Опечаленная и вновь утѣшенная Россія*, большая аллегорическая интермедія, которой смысла не нужно пояснять, потому что онъ видѣнъ изъ самаго заглавія пьесы. За тѣмъ слѣдовалъ балетъ «*Радость народа о явленіи Астреи на российскомъ горизонтѣ и о возстановленіи златаго вѣка*». Не смотря на нѣсколько длинноватое заглавіе, балетъ былъ превосходный и производилъ неизмѣрный восторгъ въ публикѣ.

Въ слѣдующіе дни торжества былъ представленъ еще другой балетъ: «*Золотое яблоко на пирѣ боговъ, или судъ Париса*». Оба балета были сочинены и поставлены на сцену Антоніемъ, Ринальдо Фузано, бывшимъ прежде танцовщикомъ на придворномъ театрѣ. Фузано, при Аннѣ Іоанновнѣ, имѣлъ счастье обучать танцованію Великую Княгиню Елисавету Петровну и пользовался ея благоволеніемъ. При первомъ извѣстіи о вѣшествіи ея на русскій престолъ, Фузано, бывший тогда въ Парижѣ, посѣщавшій въ Петербургѣ, чтобы представиться вѣнценосной своей ученицѣ и изъявить свое желаніе служить подъ августѣйшимъ ея покровительствомъ. Императрица тотчасъ-же наименовала его вторымъ придворнымъ балетмейстеромъ, для комиче-

скихъ балетовъ; хореграфомъ трагическихъ, по прежнему, оставался Ланде, котораго заслуги Елисавета вполне оцѣняла.

Но какъ Ланде находился за границею, то сочиненіе балетовъ для коронаціи было поручено Фузано и онъ со славою оправдалъ лестную къ нему довѣренность. Замѣчательно то, что въ этихъ балетахъ танцовали одни русскіе артисты, питомцы Ланде.

Съ этихъ поръ придворный балетъ имѣлъ двухъ балетмейстеровъ, и каждый изъ нихъ былъ отличенъ въ своемъ родѣ. Жена Фузано притомъ почиталась европейской знаменитостію: это была танцовщица, которою въ то время повсюду восхищались, какъ нынѣ Фанни Эльслеръ. Такой талантъ долженъ былъ имѣть вліяніе на русскій балетъ; примѣръ ея возбуждалъ соревнованіе нашихъ танцовщицъ и, въ скоромъ времени, въ параллель къ ней начали ставить Аксинью Сергѣеву, которая дѣйствительно отличалась замѣчательнымъ искусствомъ, по тогдашнему объ немъ понятію. Новый міръ балета въ то время не зналъ еще своего Коломба — Маріи Тальони, и та волшебная грація, та античная скульптура танца, которыя поставили его теперь на высокую чреду въ области искусствъ, тогда еще не грезились поклонникамъ балета. Даже легкіе *Зефиры* и *Флоры* начала нынѣшняго столѣтія еще очень далеки были отъ идеала и сильно отзывались *земнымъ*.

По возвращеніи двора изъ Москвы въ Петербургъ, послѣ коронаціи, возвратился и Ланде съ ангажированною имъ группою французскихъ артистовъ, состоявшихъ подъ дирекцію Сериньи.

Елисавета Петровна любила французскій языкъ и говорила на немъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Присутствіе значительнаго дипломатическаго корпуса при русскомъ дворѣ заставило и у насъ ввести этотъ языкъ въ общее употребленіе, тѣмъ болѣе, что онъ и во всей остальной Европѣ сдѣлался языкомъ дипломатіи. Притомъ, Франція, по произведеніямъ своей литературы, стояла выше всѣхъ остальныхъ просвѣщенныхъ государствъ. Всеобщій вкусъ невольно долженъ былъ обратиться къ французской драмѣ, которой въ то время подражали повсюду и которая имѣла представителями Мольера, Корнелья, Расина и Вольтера.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ французскій театръ явился у насъ очень кстати. Съ Сериньи былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ долженъ былъ получать

25,000 рублей ежегодно на содержаніе своей труппы, играть два раза въ неделю на придворномъ театрѣ. Ему давались казенныя декораціи, освѣщеніе и оркестръ; но гардеробъ онъ долженъ былъ имѣть свой. Въ труппѣ его были нѣкоторые замѣчательные таланты, какъ напримѣръ, трагикъ Префлѣри, комикъ Розамондъ и славная комическая и трагическая актриса г-жа Префлѣри. Они еженедѣльно давали при дворѣ трагедіи Расина и Корнеля и комедіи Мольера. Этотъ новый, болѣе обогороженный родъ представленій, чрезвычайно нравился публикѣ и заставилъ ее скоро совершенно позабыть оныяцѣхъ и ихъ грубыхъ фарсахъ. Французскія трагедіи имѣли огромный успѣхъ: придворные выучивали ихъ наизусть, декламировали изъ нихъ цѣлыя тирады въ обществѣ и приводили стихи Расина и Вольтера даже въ простомъ разговорѣ, кстати и некстати.

Сперва для французовъ былъ отведенъ придворный театръ Зимняго Дворца; но какъ страсть къ нему возрастала не по днямъ, а по часамъ, онъ сталъ тѣснѣе для охотниковъ до этого новаго удовольствія. Для представленій французскихъ былъ передѣланъ манежъ герцога Курляндскаго, который находился въ одномъ изъ флигелей Зимняго Дворца. Всякій образованный и хорошо ослѣгый человѣкъ имѣлъ доступъ въ этотъ театръ, безденежно, но мѣста были распределяемы по чинамъ. Но скоро и эта зала оказалась недовольно вмѣстительною; очистили другой большой манежъ, находившійся близъ Казанской церкви, и обратили его въ храмъ Талія и Мельпомены. Но музы комедіи и трагедіи на этотъ разъ должны были подѣлиться квартирою съ своими сестрицами Эвтерпою и Терпсихорою. На сценѣ этого театра стали давать, кромѣ французскихъ спектаклей, большія италіянскія оперы и балеты. Такимъ образомъ, театръ этотъ сдѣлался первымъ казеннымъ общенароднымъ театромъ, ибо на придворные спектакли дотолѣ имѣли доступъ одни только избранныя и близкія ко двору особы.

Обстоятельство это очень важно, потому что оно сдѣлало театръ общимъ достояніемъ и послужило къ образованію вкуса въ зрителяхъ и пробужденію національнаго искусства, какъ мы вскоре увидимъ.

Театръ этотъ существовалъ недолго. 6-го декабря, 1749 года, онъ сгорѣлъ, послѣ представленія любимой тогда оперы «Селевкъ». Опера эта была нарочно сочинена въ 1743 году, для торжественія мира между Россіею и Швеціею, и представлена въ пер-

вый разъ въ годовщину коронаціи Ея Величества. Авторъ либретто былъ флорентинецъ Джузеппе Бонекки, служившій тогда въ званіи придворнаго поэта, а музыку сочинялъ Франческо Арая. Это была первая опера, которую маэстро написалъ по возвращеніи своемъ изъ Италіи и которая была спѣта вновь привезенными имъ артистами. Она была обставлена съ удивительнымъ великолѣпіемъ, и не столько привлекала публику музыкою, какъ роскошными декораціями и балетомъ, сочиненнымъ Фузано. Замѣчательно, что въ этой оперѣ въ первый разъ участвуютъ въ хорахъ *русскіе* придворные пѣвчіе.

Пожаръ театра приостановилъ на нѣкоторое время публичныя представленія. Впрочемъ, на слѣдующій-же годъ былъ наскоро выстроенъ деревянный театръ у Лѣтняго Дворца, на каналѣ, а вслѣдъ за тѣмъ Императрица поручила архитектору Валерьяну начертить планъ каменнаго театра. Планъ былъ составленъ, одобренъ Императрицею, но исполненіе его, по разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, отложено до дальнѣйшаго времени.

Вмѣсто того, занялись расширеніемъ и украшеніемъ театра Петергофскаго, который былъ построенъ еще при Аннѣ Іоанновнѣ. Театръ этотъ назначался для французскихъ спектаклей и итальянскихъ интермедій, во время пребыванія двора въ Петергофѣ, лѣтомъ.

За годъ до пожара публичнаго театра, въ 1748 г. пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый въ то время, въ Гамбургѣ и въ Берлинѣ, актеръ Акерманъ, съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей. Онъ дополнилъ свою труппу остатками прежнихъ театровъ и нѣсколькими безмѣстными и бездомными ремесленниками, которые предпочитали разгульную и беззаботную жизнь комедіанта — труду и умѣренности, и, такимъ образомъ, основалъ весьма хорошій нѣмецкій театръ. Но спектакли его не могли имѣть успѣха. Италіянская опера, великолѣпный балетъ и въ особенности французская трагедія овладѣли вполне любовью и исключительнымъ вниманіемъ публики, которая не хотѣла болѣе и слышать о нѣмцахъ. Одни иностранные ремесленники и простолюдины заглядывали еще въ театръ Акермана; но изъ знатныхъ никто къ нему не ѣздилъ; а этого было довольно, чтобы разрушить его труппу, потому что тогда, какъ и нынѣ, всѣ классы брали примѣръ съ высшаго сословія и почитали неприличнымъ и предосудительнымъ позволить себѣ удовольствіе, котораго не раздѣляла или не одобряла знать. Жалкій предразсудокъ! который, къ несчастію,

слишкомъ укоренился въ народѣ и вовлекъ средніе классы Россіи въ пагубную для нихъ роскошь и расточительность, а въ то же время удалилъ надолго отъ самобытнаго развитія. Высшій классъ того времени исполнялъ свое назначеніе: Россія начинала занимать важное мѣсто въ составѣ европейскихъ государствъ, глаза двора были преимущественно обращены на виѣшнюю политику; знать должна была стать въ уровень съ остальною Европою своею образованностію, своими правами и вкусомъ. Этого требовали обстоятельства времени; но, увлекаясь духомъ времени, порожденнымъ на Западѣ, она не могла служить образцомъ для народа, у котораго были совсѣмъ другія наклонности, обычаи, привычки — и передъ которымъ лежала широкая, самобытная будущность. Хотя въ царствованіе Елисаветы дворъ нашъ избавился отъ вліянія нѣмцевъ, дотолѣ занимавшихъ первыя ступени у трона; но, освободясь отъ ига, такъ сказать—*физическаго* Германіи, онъ не спасся отъ другаго иноземнаго ига, ига *моральнаго*, тѣмъ болѣе увлекательнаго, что оно было нечувствительно и ново. Франція замѣнила для насъ Германію; господствуя надъ духомъ всей Европы своимъ мощнымъ умственнымъ развитіемъ, своею блистательною литературою, своимъ первенствомъ на политической аренѣ и въ области искусствъ, мудрено-ли, что она стала законодательницею и для нашей младенчающей образованности? Языкъ ея сдѣлался господствующимъ въ обществѣ, а вмѣстѣ съ языкомъ, незамѣтно прививались и понятія и обычаи чуждаго намъ общества. Но, къ чести Елисаветинскаго вѣка, надо сказать, что если онъ породилъ въ Россіи обезьянство французамъ, за то онъ развилъ и участіе ко всему русскому, сколько нибудь сообразному съ требованіями современности.

Въ вѣкъ Елисаветы родился коренной *русскій* театръ, котораго первыя, слабыя попытки тотчасъ-же нашли поощреніе при дворѣ и, подъ благотворнымъ покровительствомъ самой Императрицы, получили съ перваго своего шага, прочное основаніе — для будущаго развитія.

Въ то самое время, какъ нѣмецкій театръ рухнулъ за недостаткомъ зрителей, а оперный становился тѣсенъ — для удовлетворенія любителей французской трагедіи, Москва и Петербургъ одинаково содѣйствовали къ основанію въ Россіи народнаго театра. Москва, примѣромъ своихъ училищныхъ и больничныхъ представленій, носившихъ болѣе или менѣе от-

печатокъ русской національности, возбудила въ провинціяхъ страсть къ лицедейству. Петербургъ, увлекаемый красотами французскихъ драматическихъ твореній, стремясь къ подражанію, сдѣлался посредникомъ русской драмы передъ русскимъ дворомъ, источникомъ всякаго успѣха и усовершенствованія въ нашемъ отечествѣ.

Кадеты Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, Бекетовъ, Остервальдъ, Мелиссино и Свистуновъ, зная прекрасно французскій языкъ, были увлечены представленіями Расиновыхъ трагедій на сценѣ. Они выучивали изъ нихъ монологи и сцены и декламировали ихъ въ кругу товарищей. Наконецъ, имъ пришла мысль выучить цѣлую трагедію Корнелья, которую они и разыграли во время святокъ въ одномъ изъ дортуаровъ Корпуса, преобразивъ его, по возможности, въ подобіе театра. При этомъ представленіи присутствовали корпусные офицеры съ своими семействами и нѣсколько постороннихъ лицъ изъ родственниковъ актеровъ. Одобренія зрителей живо подбѣивали на самолюбіе молодыхъ людей, и они рѣшились не останавливаться на этомъ первомъ опытѣ. Корпусные спектакли слѣдовали одинъ за другимъ, молва объ нихъ стала ходить по городу, долетала до двора, и многіе изъ вліятельныхъ придворныхъ стали ихъ посѣщать и поощрять кадетовъ къ совершенствованію. Въ то время Ломоносовъ и Сумароковъ, который воспитанъ былъ въ томъ же Корпусѣ, сочиняли уже трагедіи и оперы русскими стихами, по образцу французскому, но произведенія ихъ, частью напечатанныя, частью въ рукописяхъ, ходили только по рукамъ и производили дѣйствіе на однихъ читателей.

Въ 1750 году Свистуновъ и Мелиссино, прочитавъ трагедію Сумарокова *«Семіру»*, рѣшились ее разучить и сыграть. Предпріятіе было ново; съ русскимъ стихомъ они не умѣли еще такъ хорошо совладать, какъ съ французскимъ, и потому, чувствуя необходимость въ руководителѣ, они пригласили на пробу самого автора. Александръ Петровичъ былъ восхищенъ счастливою мыслью молодыхъ людей, охотно помогъ имъ своими совѣтами и проводилъ цѣлые дни въ Корпусѣ, обучая ихъ декламациі. Наконецъ, трагедія была поставлена на сцену и сыграна. И авторъ и актеры были осыпаны похвалами. На повтореніе этаго представленія Сумароковъ осмѣлился пригласить Графа Разумовскаго, своего милостивца, который всегда поощрялъ его своимъ покровительствомъ.

Графу русскій спектакль до того понравился, что онъ до-
несъ о немъ Императрицѣ. Государыня приказала представить
кадетъ во дворецъ. Тамъ, на малой сценѣ, они продекламиро-
вали передъ нею *Семиру* и заслужили особенное ея благоволе-
ніе. Такимъ же образомъ были ими разучены и прочитаны
предъ Императрицею, на малой половинѣ Зимняго Дворца, тра-
гедіи «*Артистона*» и «*Синавъ и Труворъ*» Сумарокова. Вскорѣ
потомъ кадеты-артисты были произведены въ офицеры и оста-
лись на службѣ при Корпусѣ, гдѣ, кромѣ того, обучали сво-
ихъ товарищей декламации. Въ тогдашній вѣкъ внѣшности и
поверхностнаго взгляда на предметы психологическіе, почитали
возможнымъ—мышленію, творчеству и чувству, словомъ, всѣмъ
проявленіямъ внутренней жизни человѣка,—дать извѣстную,
общую форму и опредѣлить границы. Для изложенія идей на
бумагѣ — сочиняли правила *риторическія*, для выраженія
всѣхъ неумовимыхъ и неизъяснимыхъ чувствъ души — при-
думали особенную науку, *декламацию*. Кто писалъ книгу,
преисполненную глубокихъ воззрѣній на природу и на свѣтъ,
но писалъ ее не по правиламъ риторики, безъ троповъ и фи-
гуръ, безъ хрипъ и форменной оболочки, — почитался плохимъ
авторомъ. Актеръ, который вздумалъ бы передавать свое глу-
бокое чувство просто, человѣчно, разговорно, безъ дикихъ за-
ываній, безъ эффектныхъ возгласовъ, безъ принятой музы-
кальной скалы въ голосѣ, безъ рѣзкихъ жестовъ и размахи-
ваній — былъ бы освистанъ. Въ этой-то инструментации го-
голоса и въ правилахъ жестикуляціи заключались великія тай-
ны — науки *декламированія*. Наука шла за вѣкомъ и приду-
мывала разныя усовершенствованія: ею созданы *драматичес-
кая икота*, *трагическая походка* съ подвoločкою ногъ, *сце-
ническая растяжка*, состоящая въ растягиваніи и вымѣчи-
ваніи чувствительныхъ мѣстъ роли, и, наконецъ, *финальный
взрывъ*, то есть, неистовый крикъ и всплескиваніе руками при
концѣ тирады, для возбужденія аплодисмана. Всѣ эти рѣдкія
достоинства старой драматической школы дошли и до насъ
по сценическимъ преданіямъ, и, къ несчастію, мы донынѣ еще
видимъ образцы этой теоріи въ одряхлѣвшихъ обломкахъ
старого театра и даже въ артистахъ, пользующихся современ-
ной извѣстностію, но не имѣющихъ достаточной силы воли,
чтобы отстать отъ дурныхъ привычекъ своего дѣтства, или
довольно таланта, чтобы замѣнить эти привычки болѣе эсте-
тическими средствами. *A force de forger, on devient forgeron*!

говорятъ французы, и поговорку ихъ можно примѣнить не къ одному усовершенствованію, но и къ развитію дурныхъ наклонностей. *Фарсеръ* — никогда не будетъ великимъ комикомъ, *декламаторъ* — никогда не сдѣлается художникомъ.

Но обратимся къ театру пятидесятихъ годовъ. И такъ, кадеты приучили нѣсколько дворъ къ мысли о возможности существованія русскаго театра, и государыня стала серьезно думать о средствахъ основать его. Сама судьба хотѣла, чтобы благая мысль монархини осуществилась какъ можно скорѣе.

Въ Москвѣ, какъ мы уже сказали, любовь къ театральнымъ представленіямъ развилась раньше и самобытнѣе. Примѣръ учениковъ Сухаревой башни и Главнаго Госпиталя, заставилъ и студентовъ Московскаго Университета устроить у себя театръ, въ которомъ они разыгрывали нѣкоторые русскія пьесы и комедіи, переведенныя съ нѣмецкаго. Въ театръ этотъ пускали они всѣхъ, бесплатно. Сынь ярославскаго купца, Федоръ Волковъ, бывалъ часто, по торговымъ порученіямъ отца, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, видѣлъ представленія студентовъ и болѣе устроенный театръ Акермана, съ которымъ успѣлъ лично познакомиться. Увлекаемый страстію къ сценическимъ представленіямъ, онъ затѣялъ образовать изъ своихъ братьевъ и нѣсколькихъ семинаристовъ русскую труппу въ Ярославлѣ. Презирая всѣ гоненія и препятствія, поставляемыя ему со стороны родныхъ и сословія, къ которому онъ принадлежалъ и которое, по невѣжеству своему, почитало его замыселъ богопротивнымъ, онъ, наконецъ, достигъ до цѣли. Усилія его были увѣнчаны восторгомъ зрителей и покровительствомъ первыхъ сановниковъ провинціи, воеводы Мусина-Пушкина и боярина Майкова, который даже отдалъ ему свой домъ, для устройства правильной сцены. Русскій театръ родился въ Ярославлѣ, въ 1751 году. Я не стану исчислять всѣхъ подробностей, сопровождавшихъ это важное событіе въ области русскаго искусства, потому что имѣлъ ужъ разъ случай говорить о нихъ въ довольно полной статьѣ: «*Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, главный Русскій актеръ*», [*] но скажу только, что успѣхъ при дворѣ ярославскихъ актеровъ, двухъ приказныхъ Поповыхъ, семинариста Нарыкова [Дмитревскаго], регистратора Иконникова,

(*) Смори: «*Пантеонъ Русскаго и всѣхъ европейскіхъ театровъ*» — книга III, за 1840 годъ.

Оедора и Григорія Волковыхъ, цирюльника Шумскаго и купеческихъ дѣтей Бухарина, Дьяконова и Скочкова, побудилъ Императрицу составить изъ нихъ русскую труппу, которая, обучаясь, по повелѣнію государыни, въ Шляхетномъ Корпусѣ, въ тоже время, подъ руководствомъ Остервальда, Мелиссино и Свистунова, начала рядъ публичныхъ спектаклей, въ нарочно устроенномъ для нихъ театрѣ, въ домѣ Головкина, на Васильевскомъ островѣ. Труппа эта, увеличенная еще нѣсколькими придворными пѣвчими, была поручена попеченіямъ оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова.

Подъ попечительствомъ просвѣщеннаго и ревностнаго вельможи, истиннаго русскаго барина, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ привыкли видѣть и понимать до начала нынѣшняго столѣтія, русскій театръ созрѣвалъ не по днямъ, а по часамъ. Черезъ два года, въ 1754, во время празднествъ, по случаю рожденія Великаго Князя Павла Петровича, маленькой этой труппою были представлены три трагедіи при дворѣ и въ томъ числѣ «Гамлетъ» Шекспира, въ переводѣ Сумарокова, назвавшаго эту трагедію *собственнымъ своимъ сочиненіемъ*. Что дѣлать! тогда авторы драматическіе не знали еще хитрой уловки, изобрѣтенной нашими современниками, — перелагать французскія и нѣмецкія драмы — *въ русскіе нравы*, и давать ихъ героямъ названія русскихъ историческихъ лицъ.

Эти представленія рѣшили окончательно участь русскаго театра. Къ нему были приняты и женскія лица: дѣвица Пушкина, дочь музыканта Елисаветъа Бѣлограсская, танцовщицы Зорина и знаменитая Авдотья Тимоѣева, и двѣ офицерскія дочери, Марья и Ольга Ананьины, изъ которыхъ первая вышла замужъ за Григорія Волкова, а вторая — за Шумскаго. Пушкина вскорѣ послѣдовала ихъ примѣру и сдѣлалась женою — Дмитревскаго. Изъ мужчинъ, для пополненія труппы, поступили на русскую сцену: придворный пѣвчій Сѣчкаревъ и пѣвчіе графа Разумовскаго — Гаврилушка (Марценковичъ), прекрасный теноръ, Степанъ Рожевскій, Николай Клутаревъ и Степанъ Евстафьевъ.

При такомъ комплектѣ русская труппа была въ состояніи, въ 1755 году, дать на русскомъ языкѣ первую оперу «Цефалъ и Прокрисъ» Сумарокова, для которой музыку сочинилъ Арая, а декораціи и машины создалъ Валерьяни, получившій пышный титулъ *перваго историческаго живописца, перспективы профессора и театральной архитектуры инженера при Импе-*

раторскомъ Россійскомъ Дворѣ. Опера эта, въ которой въ главныхъ партіяхъ особенно отличались Марценковичъ и дѣвица Бѣлоградская, произвела такой фуроръ, что авторъ и композиторъ получили по богатой собольей шубѣ, а все актеры по парѣ новаго платья. Изъ этого видно, какъ тепло принимали въ то время каждое національное явленіе; но важнѣе всего то, что вслѣдъ за тѣмъ состоялся имънной указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ русскаго опернаго и драматическаго театра (30-го августа, 1756 года.)

Вслѣдъ за обнародованіемъ указа, былъ открытъ и самый театръ для публики, ибо все уже заранѣе было приготовлено и устроено. Представленія начались въ недавно-отстроенномъ, деревянномъ театрѣ на Парицыномъ Лугу, близъ Лѣтняго Сада, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии стоялъ памятникъ Суворова. Директоромъ театра былъ наименованъ Александръ Петровичъ Сумароковъ. На жалованье русскимъ актерамъ и актрисамъ отпускалось 5000 рублей, а директору, сверхъ жалованья по чину, ежегодно выдавали 1000 рублей. Сумма эта была слишкомъ ничтожна, а потому Сумароковъ выпросилъ у Императрицы разрѣшеніе давать представленія за деньги и сборъ отъ спектаклей раздѣлять между артистами поровну.

Эта была хитро-придуманная и превосходная мѣра. Кромѣ того, что она обезпечивала бѣдныхъ актеровъ, она побуждала ихъ къ совершенствованію и заставляла разыгрывать каждую пьесу съ особеннымъ стараніемъ и совокупностію, а не ограничиваться личнымъ самолюбіемъ, потому что отъ успѣха цѣлой пьесы зависѣлъ ихъ общій доходъ. Только авторъ драматическій и директоръ съ знаніемъ дѣла и любовью къ нему, могъ придумать такую мѣру. Человѣкъ, котораго личная слава не была бы такъ тѣсно связана съ успѣхомъ сцены, навѣрное, предоставилъ бы дѣло на произволъ судьбы и сталъ бы только думать объ удовлетвореніи своихъ корыстныхъ и сластолюбивыхъ видовъ. И кто знаетъ, тогда, можетъ быть, театръ русскій, при сильномъ соперничествѣ двухъ иностранныхъ, не устоялъ бы съ самаго начала, пришелъ въ упадокъ и былъ бы отданъ на жертву, какъ нѣмецкій, низкому классу ремесленниковъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и невѣжественной толпѣ разночинцевъ, которая въ состояніи, не образовать вкуса актеровъ и авторовъ, а только погубить всякое разумное и эстетическое направленіе.

Сумароковъ умѣлъ заинтересовать въ пользу своего театра дворъ, высшее сословіе, Императорскую фамилію, словомъ все, что могло благотѣтельно дѣйствовать на его судьбу. Самъ онъ трудился неуспѣшно, ставилъ пьесы съ рачительностію и знаніемъ, приводившими въ изумленіе самихъ иностранцевъ; вездѣ и во всемъ онъ дѣйствовалъ лично, какъ душа цѣлаго, и ни одной, даже самаго малѣйшей отрасли своего управленія не предоставлялъ на произволъ людей непривзванныхъ, необразованныхъ и корыстныхъ. Ни одинъ изъ его подчиненныхъ не смѣлъ нагло похвалиться передъ авторомъ или артистомъ: «что я захочу, то и сдѣлаетъ директоръ!» Нѣтъ, что хотѣлъ директоръ, то дѣлалось и дѣлалось охотно, ибо каждый видѣлъ, что директоръ требуетъ разумнаго, справедливаго и полезнаго для искусства. Сумароковъ былъ человѣкъ, который вышелъ въ люди умомъ своимъ, а не низкими интригами, какъ хотѣли его представить нѣкоторые изъ нашихъ писателей. Онъ удержался на своемъ мѣстѣ тѣмъ-же умомъ и высокимъ уваженіемъ, которое умѣлъ внушить и подчиненнымъ и современникамъ своей жизнью, трудами и всѣми своими дѣйствіями. Заслуги этого дѣятельнаго человѣка весьма велики, не только относительно русскаго театра, но и русскаго просвѣщенія вообще. Чтобы показать, до какой степени онъ былъ возвышенъ умомъ надъ современниками, мы когда нибудь, позднѣе, приведемъ его предисловіе къ «Гамлету», изъ котораго всякій увидитъ, что Сумароковъ постигалъ Шекспира такъ глубоко, какъ никто еще въ Европѣ при немъ и долго послѣ него не понималъ и не умѣлъ оцѣнить великаго англійскаго писателя.

Императрица принимала живѣйшее участіе въ заботахъ и стараніяхъ Сумарокова. Чтобы чаще присутствовать въ представленіяхъ русской труппы и въ то же время не лишать ее дохода, а публику возможности наслаждаться игрою русскихъ артистовъ, она въ 1757 году повелѣла перевести театръ въ зданіе, назначенное некогда для итальянцевъ въ саду Лѣтняго Дворца, у Полицейскаго моста, гдѣ нынѣ построенъ домъ Косиковскаго. Театръ этотъ былъ связанъ корридоромъ съ внутренними покоями Лѣтняго Дворца, и Государыня почти каждый вечеръ проходила прямо въ свою ложу и личнымъ своимъ присутствіемъ поощряла усилія и успѣхи русской сцены.

Кромѣ трагедій и оперъ Сумарокова и Ломоносова, на этой сценѣ давались комедіи и драмы, переведенныя съ нѣмецкаго

и французскаго языковъ. Въ особенности господствовалъ на ней Мольеръ, и это не мало послужило къ развитію и образованію истинныхъ сценическихъ талантовъ. Произведенія этого автора требовали глубокой обдуманности и провѣрочности, игры тонкой и естественной, выраженія для страстей—правдиваго и сильнаго, однимъ словомъ, возможнаго сценическаго совершенства. Къ чести тогдашнихъ актеровъ надо сказать, что публика въ комедіяхъ Мольера ставила ихъ гораздо выше французовъ, а французская труппа Сериньи, какъ мы уже знаемъ, была тогда очень хороша. Изъ комедій Мольера игрались и имѣли наибольшій успѣхъ: *Амфитріонъ*; въ ней роль Созія игралъ Шумскій и былъ неподражаемъ; *Дворянствующей купецъ* (т. е. *Мещанинъ во дворянствѣ*); (*) *Жоржъ Данденъ или въ смятеніе приведенный мужъ* (переводъ Ивана Чадаева); *Мизантропъ или Нелюдимъ*, (переводъ И. Е.) Главную роль игралъ Дмитревскій и приводилъ зрителей въ восторгъ; *Принужденная женидьба*; *Рогоносецъ по воображенію*; *Скапиновы обманы* (переводъ Василія Теплова). Шумскій, и впоследствии Ожогинъ, въ роли Скапини, пожинали обильныя рукоплесканія. *Скупой* (переводъ Ивана Кропотова); въ роль Гарпагона отличался Волковъ. *Школа жense* (переводъ Кропотова); *Школа мужей* (переводъ его же). *Тартюфъ или лицемеръ* (переводъ его же). Эта пьеса имѣла неимовѣрный успѣхъ и была разыграна съ рѣдкимъ совершенствомъ. Сумароковъ написалъ объ ней слѣдующее двустишіе, которое тогда ходило по рукамъ и почиталось вершиною остроумія:

«Мольеровъ лицемеръ до тѣхъ поръ не падетъ

«Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пробудетъ свѣтъ.

(*) Вотъ что гласитъ по случаю этой пьесы драматическая хроника: «Во время представленія сей комедіи, сочиненной господиномъ Мольеромъ, славнымъ французскаго театра комикомъ, въ разсужденіи большаго спектакля, великаго числа людей, какъ-то, пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ, действующихъ въ интермедіяхъ, лицедѣевъ, балетовъ и богатыхъ декораций, на театрахъ за входъ была двойная, противъ обыкновеннаго, цѣна.»

Изъ этого должно заключить, что аксессуарныя лица и фигуры, во время большихъ представленій на русскомъ театрѣ, нанимались со стороны и что въ значительныхъ издержкахъ обстановки участвовали сами артисты.

Этотъ репертуаръ дополнялся пятью пьесами Шекспира: «Гамлетъ», «Юлій Цезарь», «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье», «Жизнь и смерть Ричарда III, короля англискаго», «Тимонъ нелюдимъ;» нѣсколькими трагедіями Публія Теренція; трагедіями Расина, Корнелья и Вольтера; и драмами и комедіями сочиненія и перевода Дмитревскаго.

Открытіе публичнаго русскаго театра въ Петербургѣ, зачисленіе его ко Двору, развязало руки тѣмъ, которые давно уже думали о подобномъ учрежденіи, но не смѣли приступить къ нему; оно открыло широкое поле русскимъ талантамъ, во всѣхъ ролахъ; быстро явились писатели, переводчики, актеры, пѣвцы, музыканты и живописцы. Званіе артиста не почиталось болѣе зазорнымъ и ничтожнымъ; сама Императрица жаловала артистовъ, знать осыпала ихъ похвалами и наградами, высшій кругъ наперерывъ искалъ ихъ знакомства; талантъ вступилъ въ свои права, актеръ — почитался и былъ — художникомъ.

Въ 1759 году Намѣстникъ Московскій получилъ высочайшее соизволеніе на открытіе въ Москвѣ публичнаго русскаго театра. Зданіе для него было воздвигнуто на Красномъ Прудѣ. Труппа состояла изъ Троепольскаго съ женою, г-жи Пушкиной и студентовъ московскаго Университета. Первая пьеса, представленная на этомъ театрѣ, называлась: «Сердечный магнитъ,» драма увеселительная съ музыкою, въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ Италіянскаго студента Егора Булашницкаго, бѣлыми стихами. За нею послѣдовала другая пьеса съ великолѣпнымъ спектаклемъ, подъ названіемъ: «Обращенный миръ» (т. е. «свѣтъ на выворотъ») драма увеселительная, съ музыкою, въ трехъ дѣйствіяхъ, изобрѣтенная живописью, театральнымъ украшеніемъ Антіоломъ Карбономъ (Анджело Карбоно) инженеромъ Болонескимъ. Танцы Гаспера Сантини.»

Въ отношеніи великолѣпія обстановки, пѣнія и танцевъ, Москва естественно должна была уступить пальму первенства Петербургу, который имѣлъ къ тому всѣ возможныя средства, купленные на вѣсъ золота и подготовленныя временемъ. Москва не могла давать такихъ блистательныхъ оперъ и балетовъ, какія были даны въ томъ же 1759 году на петербургской русской сценѣ, какъ, напримѣръ, опера Сумарокова «Альцеста,» съ музыкою Раупаха; прологъ «Новые лавры», написанный Сумароковымъ въ стихахъ, для торжественія побѣды, одер-

жанной русскими войсками 1-го августа при Франкфуртѣ. Для украшенія этаго пролога соединились всѣ первые иностранные художники, служившіе тогда при дворѣ или находившіеся въ Петербургѣ. Музыку къ нему писали Раупахъ и знаменитый придворный концертмейстеръ Старцеръ; балетъ сочинялъ и обставлялъ Гельфердингъ; декорации писали Валерьяни и Перезинотти; машины устраивалъ Бригонци. Это былъ первый примѣръ торжественнаго политическаго событія на русской, народной сценѣ.

Но за то Москва впервые вывела на сцену новаго драматическаго писателя Хераскова, съ необыкновеннымъ успѣхомъ представя его *героическую комедію въ стихахъ* — «*Безбожники*.» Но театръ московскій не могъ долго держаться, именно потому, что не имѣлъ постоянной труппы. Актеры — студенты, окончивая курсъ наукъ къ Университетѣ, поступали на государственную службу или уѣзжали въ Петербургъ и провинціи. Новое ихъ званіе и занятія не позволяли имъ продолжать сценическаго поприща — и театръ видимо скудѣлъ и сиротѣлъ.

Въ 1761 году онъ рушился совершенно, и лучшіе его артисты, Троепольскій съ женою, Пушкина и Михайлова, перешли на придворную сцену, въ Петербургъ. Но и съ петербургскою сценою произошелъ переворотъ. Въ 1762 году, Сумароковъ былъ съ пансіономъ уволенъ отъ званія директора. Театръ поступилъ въ вѣденіе оберъ-гофмаршала; штатъ театральнѣйшій былъ увеличенъ еще тремя тысячами рублей въ годъ; въпускъ за деньги прекратился и мѣста стали раздавать по чинамъ.

Между тѣмъ, былъ отстроенъ театръ въ Ораніенбаумѣ, и открытъ, въ 1759 году, новою оперою Метастазія и Арая, переведенною на русскій языкъ подъ названіемъ: «*Александръ въ Индіи*.»

Театръ этотъ, въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, имѣлъ свою самобытную жизнь, своихъ авторовъ, композиторовъ, артистовъ и свой исключительный репертуаръ.

Показавъ первоначальное основаніе и первые успѣхи русскаго театра, мы на этомъ остановимся и обратимъ опять вниманіе на иностранные театры въ Россіи, которые и возлѣ русскаго не переставали играть значительную роль въ общественномъ мнѣніи и необходимо должны были имѣть сильное вліяніе на развитіе нашего національнаго искусства. На русскую сцену мы опять взглянемъ въ ту минуту, когда новое солнце,

войдя надъ Россією, въ лицѣ Великой Екатерины, и озаривъ наше отечество неуважаемою славою, и на сценическій міръ бросило свои благотворные лучи, взлѣтѣвшіе и пышво распустившіе изящныя художества на русской почвѣ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

(Из Платона.)

Когда придетъ мой часъ и мракъ могильной ночи,
Ложась мнѣ на чело, сомкнетъ уста и очи,
И буду истлѣвать въ могильной тишинѣ:
О, не грусти тогда, мой ангелъ! Не хочу я,
Чтобы душа твоя, здѣсь каждый мигъ тоскуя,
Воспоминаньями страдала обо мнѣ.
Я не хочу, чтобъ вздохъ изъ этой бѣлой груди
Подслушалъ кто нибудь! О, ты не знаешь, люди
Любовь двѣичю всегда клеймятъ стыдомъ.
Нѣтъ, страсть моя сильнѣй ихъ злобы ненавистой.
Мой ангелъ! Я люблю такъ свято, безкорыстно,
Что смерти я хотѣлъ и въ сердце бы твоёмъ.
Клянись же все забыть! все, все: и эту руку,
Чертившую въ тоскѣ на вѣчную разлуку
Последнее прости, последнюю мольбу,
И имя милое душъ твоей когда-то;
И, пусть забвеніе твоею будетъ платой
За безвозмездную любовь мою въ гробу!

Н. ГРЕКОВЪ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ
ИЗЪ В. ГЮГО.

1.

Приди, когда я сплю, въ тотъ часъ, какъ на свиданье
Къ Петраркѣ страстному являлась красота!

И къ ложу подойдя, коснись меня дыханьемъ!

И въ этотъ мигъ, полны внезапнымъ обаяньемъ,

Мои откроются уста.

Пусть надъ челою моимъ печальнымъ, гдѣ кончается,

Быть можетъ, страшное видѣнье долгій сонъ —

Пусть взоръ твой, какъ звѣзда въ мгновенья твѣ сіяетъ,

И сонъ, который такъ мнѣ душу омрачаетъ,

Внезапно будетъ просвѣтленъ.

Потомъ въ уста мои, гдѣ съ жаждой упоенья

Разлитъ огонь любви, что Богъ вдохнулъ въ меня,

Влей жгучій поцѣлуй и, ангелъ въ воплощеньи,

Стань страстной женщиной! Внезапно въ то мгновенье

Душа пробудится моя.

2.

Другъ! прерви младыя грезы,

Пробудись и посмотри:

Подъ росой ужъ блещутъ розы,

Ужъ горятъ лучи зари.

Милый другъ! я съ полуночи

Подъ окномъ твоимъ стою.

Посмотри, какъ плачутъ очи,

И послушай пѣснь мою!

Все къ тебѣ на поклоненье

Здѣсь спѣшитъ, о ангелъ мой:

День съ лучами, птички съ пѣньемъ,

Сердце съ страстью роковой.

Милый другъ! я съ полуночи

Подъ окномъ твоимъ стою.

Посмотрижъ, какъ плачутъ очи,

И послушай пѣснь мою!

Богъ мнѣ душу далъ, чтобъ ею
Могъ дѣлиться я съ тобой,
Далъ глаза мнѣ, чтобъ твоею
Любоваться красотой.

Милый другъ ! я съ полуночи
Подъ окномъ твоимъ стою,
Посмотри жъ, какъ плачутъ очи,
И послушай пѣснь мою.

Н. ГРЕКОВЪ.

РАЗЛУКА СЪ ЖИЗНІЮ.

(Изъ Гервега.)

Отраднo умереть подобно блеску дня
Въ багряномъ зеркалѣ залива :
Какъ блѣдная звезда, къ землѣ лучи склоня,
Угаснуть тихо, молчаливо.

Отраднo умереть, какъ свѣтлая роса
Отъ жара сохнетъ надъ листьями ;
Исчезнуть, какъ пѣвицъ крылатыхъ голоса,
Какъ звуки арфы подѣ перстами.

Отраднo умереть, какъ въ воздухѣ полей,
Цвѣтовъ уносится куренье,
Когда летитъ оно изъ вѣнчиковъ лилей,
Какъ ошмѣамъ благодаренья.

Но нѣтъ ! Не будетъ смерть избранниковъ легка,
Тиха, какъ запада мерцанье ;
Нѣтъ ! не исчезнешъ ты, какъ ароматъ цвѣтка
И струнъ минутное бряцанье....

Нѣтъ! ты пройдешь надъ міромъ безъ слѣда,
 Но прежде скорбь твою разрушить силу,
 И сердце разобьетъ на части, и тогда
 Соидеешь ты, мученикъ, въ могилу.

Н. КРЕШЕВЪ.

(Изъ Рюкерта.)

Пѣвецъ, когда на голосъ свой
 Въ сердцахъ людей ты ждешь созвучья, —
 Пой не весну любви живой,
 Но темной жизни злополучья....

За тѣмъ, что многимъ не дано
 Извѣдать въ мірѣ наслажденья,
 Но въ каждой груди есть зерно
 Тяжелой скорби и сомнѣнья.

Н. КРЕШЕВЪ.

ЮМОРИСТИКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ НАРОДНАГО ДРАМАТИЧЕСКАГО
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ:

МАРОА ЕГОРОВНА ВОРЕЦКАЯ,

ПОСАДНИЦА НОВОГОРОДСКАЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ—ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Прошу васъ, милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ, помѣстить въ *«Пантеонъ театровъ»* прилагаемые при письмѣ моемъ отрывки изъ сочиненнаго или, лучше сказать, *составленнаго мною драматическаго представленія: «Мароа Егоровна, посадница новгородская,»* въ пяти дѣйствіяхъ и девяти картинахъ, имѣющихъ слѣдующія отдѣльныя названія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

НѢМЕЦЪ ВЪ НОВЪГОРОДѢ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Мароа Егоровна, красное солнышко.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Русскій кулакъ или Нѣмецъ въ тискахъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЮРОДИВЫЙ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Послы.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слезы женщины и сердце матери.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Господинъ Великій Новгородъ, побѣдная головушка.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА И ВОЛХОВЪ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Послѣднее въче.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Нѣмецъ хитеръ на выдумки.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

УЗЫ — И КОРОНА.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Лучъ свѣта въ темницѣ.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Страшная смерть.

Надѣюсь, что вы найдете произведеніе мое достойнымъ напечатанія, не смотря на то, что оно, безъ сомнѣнія, не можетъ стать на ряду съ великими созданіями знаменитыхъ драматурговъ нашихъ, которымъ, какъ обновителямъ русской сцены, я тщился подражать по мѣрѣ силъ своихъ. Вмѣстѣ же съ ихъ произведеніями принялъ я за образецъ и драматическія сочиненія гг. Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго и Александра Дюма. Но не желая подражать людямъ, которые скрываютъ, изъ какого колодца черпаютъ, я, при всякомъ заимствованіи, ссылаюсь на образецъ, потому что не считаю постыд-

нымъ поступать подобно величайшимъ нашимъ драматургамъ и брать мое добро, гдѣ его найду.

За смѣхъ, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, честь имѣю быть и проч.

Устьсысольскъ.

О. У. ЖГУТИКОВЪ.

Отрывокъ первый.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Нѣмецъ въ Новогородъ.

Картина первая.

Марья Егоровна, красное солнышко.

Театръ представляетъ бѣдную избу. На полкахъ и на полатяхъ лежатъ разныя бутылки, штофы, крынки, реторты и банки. Дверь въ глубинѣ сцены, возлѣ русской пенки, и другая на-право отъ зрителей.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гансъ Шварценгерцъ (*) и Нахомъ Долбило (**).

Долбило.

Ну, что жъ, Нѣмецъ, согласишь? Кажись, не мало я тебя посулилъ за пустую продѣлку.

Гансъ.

Да, не мало! А знаешь ли ты, чего мнѣ стоитъ каждый шагъ, который дѣлаю въ сообществѣ съ тобою? Знаешь ли, что если только узнаютъ, кто ты, — то и меня и тебя народъ забросаетъ камнями? Знаешь ли, что еслибъ не ненависть моя

(*) Гансъ Шварценгерцъ — жилъ, колдунъ.

(**) Нахомъ Долбило — шпионъ, посланный Іоанномъ III и находящійся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Гансомъ.

къ Марѣ, то я бы и не подумалъ о твоёмъ предложеніи? И ты хочешь соблазнить меня какой-нибудь сотней червонцевъ.

Долбило.

А, такъ ты ломаешься, поганый Нѣмецъ! Тебѣ мало сотни червонцевъ? Ты не хочешь вывѣдать за нихъ, что на душѣ у этой окаянной Марѣ? Такъ не хочешь ли сотни русскихъ кулаковъ?... Да ты, пожалуй, и не знаешь, нехристь этакой, что такое русской кулакъ? О, русской кулакъ—это добрая русская пята, сжатая въ комъ и подъятая на врага! Онъ разить, какъ молоть, убиваетъ, какъ камень изъ пращи! Какъ молнія летаетъ онъ, и вездѣ оставляетъ ужасные слѣды: разбитые носы, фонари подъ глазами и шашки на лбу!

Гансъ (съ ужасомъ).

Вотъ люди!—Чего не сдѣлаетъ такой народъ! (Онъ съ испугомъ отскакиваетъ отъ Долбилы, который наступаетъ на него съ угрожающимъ видомъ и поднятыми кулаками. Нѣмая сцена. Оркестръ играетъ торжественный маршъ. При послѣднихъ звукахъ музыки, переходящей въ адажіо, Гансъ знаками покорности изъясняетъ свое согласіе).

Долбило.

То-то же, согласился, не-бось струсилъ русскаго кулака! Отъ него, братъ, ни пестомъ, ни дьявольскимъ навожденіемъ не отдѣлаешься! Тутъ самъ бѣсъ не помога! Такъ слушай же! Черезъ часъ придетъ къ тебѣ здѣшняя посадица поворожить, такъ ты, знаешь, похитрѣ и вывѣдай, что она задумываетъ, да потомъ мнѣ и Расскажи всю подноготную, да чуръ не врать, не утай зерна гречичнаго! Слышишь? Не то; я тебя...

Гансъ (со страхомъ).

Будетъ, будетъ по вашему!

Долбило.

То-то же! Ну, лално; такъ прощай, колдунъ окаянный! Да помни мое слово: уговоръ лучше денегъ. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гансъ (ходитъ, задумавшись, по комнатѣ).

Наконецъ, я держу въ рукахъ твою судьбу твою, гордая Новогородка! Наконецъ, могу я отомстить тебѣ за... Но

тише! мнѣ кажется, что и у стѣнъ есть уши, когда я вспоминаю объ этой ужасной тайнѣ. (Послѣ краткаго молчанія). Пора къ дѣлу. (Обводитъ около себя магическіе круги; въ избѣ становится темно; свѣтъ, подобный молніи, изрѣдка освѣщаетъ ее).

Гансъ (поетъ).

Звѣри, гады

Собирайтесь!

Ада чалы,

Всѣ слетайтесь!

Тма сгустись!

Къ намъ спустись

Демонъ ночи!

Мракъ сгуститъ,

Обольсти

Дерзкихъ очи!

Слетайтесь, сплетайтесь создания ада!

Людей обольщайте! Зло — ваша награда!

Сплетайтесь, свивайтесь въ волшебныхъ кругахъ,

Вездѣ разливайте и трепеть и страхъ!

Ахъ лети!

Вѣчной тмой

Омути

Умъ людской!

Обольсти

И прельсти

Гордый умъ;

Задуши,

Заглуши

Радость думъ!

Слетайтесь, сплетайтесь, создания ада!

Людей обольщайте! Зло — ваша награда!

Сплетайтесь, свивайтесь въ волшебныхъ кругахъ,

Вездѣ разливайте и трепеть и страхъ!

Хоръ кошекъ.

Мяу, мяу! Мы сбѣжались,

Собралися на твой зовъ!

Для тебя мы всѣ разстались

Съ мирнымъ кровомъ чердаковъ!

Мяу, мяу! Что желаешь,

Поскорѣе возвѣщай!

Нашу хитрость, когти знаешь:

Порученья намъ давай!

Мы съ тобою непритворны,

Одному тебѣ покорны:

Нами ты повелѣвай!

Хоръ филиновъ.

Изъ среды дѣсовъ дремучихъ,
 Гдѣ храпѣли цѣлый день,
 Мы отъ словъ твоихъ могучихъ
 Собрались въ волшебну сѣнь.
 Мы средь тмы прекрасно видимъ,
 Зримъ лишь ночью Божій свѣтъ,
 Солнца блескъ мы невидимъ...,
 Что намъ дѣлать? дай отвѣтъ.
 Вѣрны мы, хоть не проворны,
 И тебѣ всегда покорны
 И у насъ обмана нѣтъ!

Хоръ воронъ.

Каръ, каръ, каръ! Съ высокихъ сосенъ
 Мы на зовъ слетѣлись твой!
 Намъ противенъ, намъ неспосенъ
 Весь презрѣнный родъ людской!
 Каръ, каръ, каръ! Мы ожидаемъ,
 Что прикажешь дѣлать намъ?
 Мы съ покорностью внимаемъ
 Повелительнымъ словамъ!
 Мы съ тобою непритворны,
 Мы тебѣ во всемъ покорны:
 Въ дѣлѣ ты увидишь самъ!
 Каръ, каръ, каръ! скажи скорѣй:
 Нѣтъ ли труповъ да костей (*)?

Гансъ.

Внимайте же моимъ повелѣнямъ, и (**)
 Знайте, что воля моя должна свершиться!
 Нитью мрачной жи искусно и хитро обольстите
 Гордый жепскій разумъ!
 Пусть хитрость ада всѣ слова вашихъ устъ наполняетъ
 И соблазнить духъ гордости и властолюбия!

(*) Все это явленіе и слѣдующее написаны въ подражаніе извѣстнымъ сценамъ *Макбета* г. Шекспира и нѣкоторымъ подобнымъ же, русскими писателями.

(**) Нѣтъ надобности напоминать читателю, что это явленіе есть подражаніе г. Шекспиру и что оно написано стихами употребленнаго уже нами размѣра, изобрѣтеннаго въ Россіи, который нѣкоторые хулители называютъ *рублевою прозою*, но который, какъ всякій безпристрастный цѣнитель изящнаго самъ усмотритъ, очень хорошъ и удобенъ для писанія.

Пусть совершитъ дѣла, которыя
Ее погубятъ и на жертву
Мнѣ отдадутъ ненавистную! Пусть
Исполнится воля моя, какъ воля судьбы!

Кошки, филины и вороны (вмѣстѣ).

Да будетъ, да будетъ,
По волю твоей!
Нашъ голосъ пробудитъ
Немедленно въ ней
Стремленіе къ власти!
Гордыни полна,
Въ бѣдахъ и напасти
Погибнетъ она!

Хоръ кошекъ.

Ее мы обманемъ...

Хоръ воронъ.

Свершимъ мы свое...

Хоръ филиновъ.

Ее отуманимъ....

Всѣ вмѣстѣ.

Погубимъ ее!

(Всѣ умолкаютъ; громъ и молніи. *Марѳа посадница* выходитъ на сцену. Вся изба вспыхиваетъ. Ударъ грома).

Хоръ воронъ, (махая крыльями).

Привѣтствуемъ тебя, Посадница Новгородская!

(Ударъ грома).

Хоръ филиновъ, (моргая).

Привѣтствуемъ Княгиню Новгорода и Пскова.

(Другой ударъ грома).

Хоръ кошекъ, (вилья хвостами).

Привѣтствуемъ тебя!

(Третій ударъ грома. Хижина разваливается съ трескомъ. Таинственная музыка, — звуки арфы. Театръ превращается въ цветущее мѣсто среди лѣса. На возвышеніи Посадница видитъ себя въ двойникѣ, ей подносятъ ключи Пскова; болѣе на колынахъ лобзаютъ ея руку).

Отрывокъ второй.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Площадь Новгородская. Направо башня Ярослава съ вѣчевымъ колоколомъ; на лѣво лобное мѣсто и статуя Валима).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Пахомъ Долбило, Карлъ Гельдлицъ (1), Адольфъ Фростъ (2), Якобъ Швермеръ (3), Никола Дергунъ (4) и Оебулка (5) (последніе двое въ глубинѣ сцены говорятъ между собою).

Долбило (Гельдлицу, Фросту и Швермеру). Ужъ наглупилъ же вы, нѣмцы! Чѣмъ-бы по добру, да по здорову убираться во свояси, а вы затѣяли биться за Новгородъ! Неча сказать, умныя головы, а живете по нашему, заднимъ умкомъ.

Гельдлицъ. А шутъ ли онъ не прафта каворилъ! Вдругъ Фюрстъ Іоганъ взялъ городъ и взялъ съ насъ контрибуціонъ! Нофкортъ не лекче, а намъ слишкомъ лѣгке будетъ.

Швермеръ. Васъ шприхстъ ду да, Гельдлицъ! Нашъ шесть требовалъ эта жертва!

Долбило. То-то шесть, а цѣла-ли будетъ шерсть!

Фростъ. Что ты кавариль пра шерсть? Зачѣмъ она не будетъ цѣла? Она лежитъ нахъ амбаръ и запертъ на ключъ.

Долбило. Не про ту шерсть я говорю, а про кожу вашу.

Швермеръ. Поц-таузенд-доннер-веттеръ! У насъ есть руки, штобъ коша зашишать! Ми дрались и съ Гамбургъ, и съ Берлинъ; я булъ начальникъ отъ авангардъ и самъ сражалъ: ми побѣдили и заклюшили миръ на наша авантажъ.

Долбило. Да вы бились-то не съ Русскими! Эко, вздумалъ сравнить нѣмецкихъ барановъ съ московскими волками; да она съ васъ кожу снимутъ, да живьемъ съѣдятъ. Ужъ просиди бы скорѣе пошалы, да положили бы оружіе, такъ другое дѣло! А то вздумали съ Русскими тягаться! Да Русскій гдѣ ногой ступить, тамъ улица; гдѣ рукой махнетъ, тамъ площадь цѣлая. Вотъ и новгородцы: дрались и со шведами, дрались и съ литовцами, а не устоятъ противъ Великаго Князя Московскаго.

Дергунъ, (подкравшись сзади и подслушавъ послѣднія слова). Типунъ тебѣ на языкъ, сорока этакая! Стояли новгородцы за вольность прежде, постоятъ и теперь!

Долбило. Прямой новгородецъ! безмозглый затылокъ! Какъ заладилъ вольность, да вольность, такъ изъ него другого слова и не выдолбишь! Да, что ваша вольность? Сиорате, да кри-

---

(1) Карлъ Гельдлицъ. купецъ ганзейскій, вооружившійся на защиту Новгорода. (2) Тоже. (3) Тоже. (4) Старый Новгородецъ. (5) Юродивый.

чите на вѣчѣ, а проку мало. Да вотъ гонецъ и съ войска, узнаемъ, много ли вы взяли... Чай, князь Холмскій задастъ вамъ порядочную потасовку!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тѣ же и гонецъ.

Одудка, (бросаясь къ вечевому колоколу, звонитъ). Сюда, сюда, люди добрые! Что дадите за хорошую вѣсть? Красную шапку или красный кафтанъ? Дайте и то другое, не будетъ изъять!

Долбило. Что ты дѣлаешь, дуракъ?

Одудка. Самъ ты не умный! Развѣ не видишь, что звоню? (Начинаетъ сильнѣе звонить и, бѣгая съ веревкою въ рукахъ изъ стороны въ сторону, сшибаетъ Долбилу съ ногъ). Вишь, какъ растаялся! Словно бояринъ на пуховикахъ! (*)

Гонецъ (выходитъ на лобное мѣсто; народъ собирается). — Добрыя вѣсти, граждане новгородскіе!

Голоса изъ народа. — Что? Что такое? Говори скорѣе!

Гонецъ. — Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, говорю я вамъ! Радуйтесь и веселитесь! Да ставьте свѣчу Св. Софіи!

Голоса изъ народа. — Да что такое? Полно ломаться то, выговори проворнѣе! Отпусти душеньку.

Гонецъ. — Едва вышло войско наше изъ города, какъ встрѣтило сильный отрядъ подъ предводительствомъ самаго князя Холмскаго; храбро бросились мы на воиновъ московскихъ, храбро сражались мы съ ними, но многолюдство одолѣвало мужество; мы начинали отступать, и помышляли уже только о защитѣ собственной, какъ вдругъ, подобно молніи, является Марѳа Посадница, наше красное солнышко, верхомъ на ворономъ конѣ. Шлемъ пернатый на главѣ ея, мечъ стальной въ десницѣ, а лѣвая рука на лукѣ сѣдла. «За мною, храбрые воины, люди вольные, стратеги Новгорода!» вскричала она, и какъ громъ небесный, упалъ мечъ ея на голову Холмскаго. Смутился вождь молодой, пораженный женщиной, но скоро воспрянулъ и

(*) Это паденіе напоминаетъ многіе подобные эффектные случаи, которые всегда возбуждали живѣйшее участіе и рукоплесканія публики Александринскаго театра.

какъ левъ бросился на нашу дружину. Тогда, воскликнуть: кто противъ Бога и господина Великаго-Новгорода! мужественная Марѳа ринулась на вопиовъ московскихъ, и побѣдоносною десницею обратила ихъ въ бѣгство. Кто представить себѣ смущеніе холопа московскаго Холмскаго, побѣжденнаго женщиною? Кто изобразить восторгъ храброй дружины нашей? Кто опишетъ мужественный видъ Марѳы Борецкой на конѣ, съ мечемъ, омытымъ кровію враговъ нашей вольности? Кто выразить восхищеніе героини при видѣ полной побѣды? Все войско наше съ восторгомъ кричало: да здравствуетъ Марѳа Борецкая! Ай гулай! Разлюли малина!

Народъ.—Да здравствуетъ Марѳа Егоровна! Да здравствуетъ спасительница Новгорода, отъ нынѣ и до вѣка. Да здравствуетъ наше красное солнышко! На колѣна, братія! Богу милосердному поклонъ земной; русское спасибо отъ души нашей спасительницы!

Юродивый, (прыгая).— Кричите, кричите, дѣтки! Вотъ и matka идетъ!

Вдали показывается Марѳа Посадница и вся дружина. Народъ, бросаясь къ нимъ на встрѣчу, кричитъ: ура! Юродивый звонитъ въ вечевой колоколъ. Несутъ хоругви и играютъ въ трубы.

ОТРЫВОКЪ ТРЕТІЙ.

Монологъ Марѳы Посадницы изъ пятаго дѣйствія, 9-я картина

СТРАШНАЯ СМЕРТЬ.

Что мнѣ дѣлать? Вотъ вопросъ! Что лучше (*),
Жить въ оковахъ или безвременна могила?
Что не такъ страшно? Жить одной въ темницѣ,
Иль умереть, платкомъ стянувши шею?
Въ темницѣ страшно, но и смерть не легче!
Смерть... морозъ по кожѣ подираетъ,

(*) Этотъ монологъ написанъ любимымъ размѣромъ русскихъ драматурговъ. Содержаніе взято изъ извѣстнаго монолога г. Шекспира — *Быть или не быть!*

Какъ вспомню я объ адѣ и чертяхъ!
Быть можетъ, будутъ жечь меня
На раскаленныхъ угольяхъ, и мучиться
Я буду отъ боли!... Стынетъ кровь! А тамъ
Въ тюрьмѣ сырой... одна, и призраки
Появятся ко мнѣ во мракѣ ночи...
Измучать жалобой, упрекомъ и слезами,
И язвы обнажать полускрививши лица!
Сама не знаю я, на что рѣшиться!
Жизнь, — что ты? Переходъ отъ почестей
Къ тюрьмѣ, отъ славы — къ униженью!
А умереть — о тяжело, тяжело!... Что дѣлать?...
Ужасное недоумѣнье!...

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДѢТОШИСЬ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ — ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обозрѣнію нашихъ драматическихъ и сценическихъ явленій, мы почитаемъ за нужное однажды навсегда условиться съ читателемъ въ точкѣ зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на нихъ, и въ способъ ихъ обсуживанія.

Театръ, по нашему мнѣнію, есть одно изъ тѣхъ важныхъ народныхъ учрежденій, которое можетъ имѣть наибольшее вліяніе на умственное, нравственное и политическое развитіе народа, потому именно, что оно доступно для всѣхъ классовъ, и выражается языкомъ не письменнымъ, а такъ сказать, *нагляднымъ*. Олицетвореніе, въ рукахъ умнаго и хорошаго художника, всегда произведетъ гораздо живѣйшее впечатлѣніе на зрителя, чѣмъ мертвая буква, которой дѣйствіе предоставлено на произволъ воображенія читателя, иногда не довольно развитаго, или вовсе ограниченнаго.

Весьма ошибочно мыслятъ тѣ, которые думаютъ, что въ этомъ отношеніи сцену надо дѣлать, по возможности, *простонародною*, для того, чтобы поставить ее въ уровень съ понятіями и потребностями низшихъ слоевъ народа, черни, еще не озаренной грамотностію до той степени, чтобы понимать высшія произведенія литературы. Конечно, въ такомъ случаѣ, театръ будетъ достигать одной изъ своихъ цѣлей, но за то онъ будетъ одностороннимъ, неудовлетворительнымъ для большинства публики и, обнажая изящныя искусства отъ всякой

эстетической красоты и художественности, непонятных для грубого чувства, онъ поведетъ ихъ прямо къ гибели.

Но пусть театръ касается всѣхъ социальныхъ и нравственныхъ вопросовъ, пусть онъ переиживаетъ высшія проявленія жизни со вседневнымъ, скуднымъ, житейскимъ обиходомъ, пусть рисуетъ идеалы и карикатуры, философію высокихъ убѣждений и всѣ паутинныя сѣти дурныхъ наклонностей и предрасудковъ, связующихъ и раздѣляющихъ общество, составляющихъ его нравы и въ противоположность къ нимъ — стремленіе къ ихъ облагороженію, къ сознанію высшихъ назначеній, борьбу новыхъ идей съ законами привычками, — однимъ словомъ, пусть онъ беретъ изъ школъ — *натуральной* и *идеальной* все, что въ нихъ есть лучшаго, и тогда онъ удовлетворитъ всѣмъ потребностямъ, будетъ доступенъ для всѣхъ сословій, будетъ имѣть вліяніе на жизнь и на нравы, и достигнетъ своего великаго назначенія.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ театръ поставленъ уже на эту высокую точку. Но тамъ онъ шелъ наравнѣ съ политическимъ и гражданскимъ развитіемъ и всегда былъ зеркаломъ общества, органомъ его страстей, понятій, заблужденій и возвышенныхъ стремленій. Тамъ онъ родился въ самомъ народѣ, который придумалъ въ лицахъ передавать заблужденія и дурныя наклонности высшаго общества, поражающія простой и здравый умъ простолюдиновъ, увлеченный духомъ времени. Постепенно роли измѣнились: изъ рукъ простаго народа онъ, вмѣстѣ съ образованностію, перешелъ въ руки высшаго класса, который тѣмъ же оружіемъ сталъ дѣйствовать на массу, чтобы исторгнуть ее изъ лабиринта пороковъ и предрасудковъ и дать ей направленіе, сообразное съ ея политическимъ или нравственнымъ назначеніемъ. Такимъ образомъ, театръ, слѣдя за ходомъ просвѣщенія и за событіями вѣка, наконецъ дошелъ до апогея, какъ въ отношеніи искусства, такъ и въ отношеніи своего народнаго значенія. Такъ, на-примѣръ, во Франціи, театръ начался съ представленій *Собратій страстей Христовыхъ* (*confères de la passion*) и съ простонароднаго водевиля, а кончился комедіями Скриба, разбирающими высшіе социальные вопросы, и исторической драмою Гюго и Дюма, разлагающею предметы государственной политики.

У насъ обо всѣмъ позаботилось мудрое правительство. Оно сразу дало намъ и просвѣщеніе и всѣ плоды его, взятыя

зрѣлыми отъ другихъ народовъ. Мы не можемъ и не должны требовать отъ нашего младенчествующаго театра того-же, чего требуютъ отъ своей сцены на Западѣ. Для него эпоха полнаго развитія пока еще—центральное солнце, не открытое Лаверье. Но можно и должно желать для него большого художественнаго развитія, большого расширенія круга его дѣйствій, направленія болѣе эстетическаго, разумнаго и нравственнаго! Надо желать, чтобы онъ дѣйствовалъ благотѣльно на просвѣщеніе, образовывалъ вкусъ народа, облагораживалъ его чувство, очищалъ его понятія, словомъ, чтобы онъ сознательно совершалъ великій подвигъ, который лежитъ на немъ, какъ на одномъ изъ самыхъ мощныхъ органовъ народнаго образованія.

Этой цѣли можетъ онъ достигнуть, пріучая зрителей своихъ къ мысленію, къ явленіямъ возвышеннымъ и изящнымъ, къ исполненію истинному и художественному, но отнюдь не потворствомъ грубымъ требованіямъ толпы, баловствомъ ей минутной, часто необдуманной, и даже вредной прихоти; явленіями потѣшными, но лишенными вкуса и внутренняго достоинства. Народъ жаденъ къ зрѣлищамъ: но онъ не разборчивъ въ своихъ удовольствіяхъ, потому что въ немъ пробуждена одна потребность чувственная, а не нравственная. Онъ съ одинаковымъ наслажденіемъ смотритъ на рыскастый бѣгъ, на медвѣжью травлю, на канатнаго плясуна и на волевиля, въ которомъ таскаютъ другъ друга за волосы, бьютъ палками, поютъ грубыя двусмысленности, или на драму, въ которой главный герой валиется по сценѣ, неистово реветъ и размахиваетъ руками. Причина этому самая простая: умъ толпы не очищенъ, понятія ея не зрѣлы, вкусъ еще не пробудился; она не можетъ дать себѣ отчета въ собственныхъ своихъ ощущеніяхъ, не можетъ отличить возвышеннаго отъ низкаго, художества—отъ гаерства, истиннаго чувства—отъ крикливаго шарлатанства.

Указать этой толпѣ истинный путь, развить въ ней чловѣческій инстинктъ, облагородить ея наслажденія, вотъ настоящее назначеніе нашего театра, и съ этой точки зрѣнія ему нужна критика, но критика сознательная, безпристрастная, чуждая мелочныхъ закулисныхъ дразгъ, всегда вѣрная своему убѣжденію и своей цѣли. Она не только необходима, но даже спасительна.

Очищая сцену отъ явленій ничтожныхъ и невыносимыхъ для образованнаго чувства, удерживая представителей отъ привычекъ грубыхъ и несовмѣстныхъ съ правилами искусства и

обычаями хорошаго общества, требуя отъ самыхъ драматическихъ произведеній—нѣкоторой разумной и благородной тенденціи, а не однихъ *хлопушекъ* т. е. натянутыхъ эффектовъ, такъ вѣрно называемыхъ нѣмцами *Kulissenerei* — *кулисоломаніемъ*, народный театръ снова привлечетъ въ свои залы отборнѣйшее общество, высшій кругъ, людей образованныхъ, которые примутъ въ судьбѣ его живѣйшее участіе, вырвутъ орудіе успѣха изъ рукъ райка, и своимъ вкусомъ и знаніемъ прольютъ новый свѣтъ на сцену, обративъ къ ней вниманіе всѣхъ лучшихъ писателей и постепенно образуя вкусъ и чувство толпы, для которой у насъ высшее общество всегда было и должно быть образцомъ.

Къ достиженію этой цѣли, видимо стремятся всѣ усилія благотѣльнаго нашего правительства. Оно учредило императорскіе и правительственные театры во всѣхъ столицахъ и важнѣйшихъ городахъ Россіи; оно почтило нѣкоторые изъ нихъ наименованіемъ *придворныхъ*, чтобы населять ихъ спектакли отборнѣйшимъ обществомъ; оно отпускаетъ на ихъ содержаніе, независимо отъ значительныхъ сборовъ, огромныя суммы, чтобы не подвергать ихъ, подобно частнымъ театрамъ другихъ странъ, горькой необходимости прибѣгать къ пошлымъ и унижительнымъ для искусства средствамъ — для поправленія своего бюджета; оно ясно показываетъ свое желаніе, чтобы сцена была органомъ образованія и благороднаго наслажденія для народа, а не прибыльнымъ источникомъ доходовъ; оно устроило театральныя училища, для свѣтскаго и художественнаго образованія будущихъ лицедѣевъ,—заслуга передъ искусствомъ, въ которой одни русскіе Монархи могутъ похвалиться передъ всей остальною Европою. Оно призываетъ съ великими пожертвованіями, въ столицы наши величайшихъ артистовъ всѣхъ странъ и во всѣхъ родахъ, чтобы они могли образоватъ своимъ примѣромъ наши отечественныя таланты и дать должное направленіе ихъ средствамъ и вкусу. Правительство, наконецъ, поощряетъ каждый совѣстливый трудъ драматическій — щедрою платою, каждую заслугу сценическую — обезпечивающимъ пенсіономъ и даетъ свое соизволеніе — на критику, то есть, справедливую оцѣнку того и другаго, которую почитаетъ полезною и необходимою, для образованія, какъ художниковъ, такъ и зрителей.

Укажите мнѣ страну, гдѣ бы со стороны правительства было такъ много сдѣлано для театра? Гдѣ бы его отеческія

заботы такъ живо клонились ко благу народа и къ преуспѣнію искусствъ и художествъ? Гдѣ-бы къ достиженію трудной цѣли сцены — были даны такія огромныя и легкія средства?

Отчего-же, при такихъ огромныхъ, побудительныхъ средствахъ, при такомъ тепломъ усердіи Монарховъ, сцена наша возбуждаетъ такъ мало участія въ высшихъ слояхъ общества? можетъ выставить такъ мало истинно-художественныхъ произведеній авторовъ съ талантомъ и именемъ, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ развѣ какъ нибудь ненарокомъ заблудятся на ея помосткахъ и опять быстро съ нихъ исчезаютъ? Отчего даже переводныя произведенія, имѣвшія заслуженный и постоянный успѣхъ на сценахъ иностранныхъ театровъ Россіи, при переходѣ на народныя доски — падаютъ, а иногда даже лишаются смысла? Отчего, наконецъ, наши домашнія произведенія такъ слабы, нескладны, грубы и безцѣльны, а критика театральная — такъ немоцна, неопредѣленна, индифферентна?

Вотъ вопросы, которыхъ разрѣшеніе необходимо, если мы хотимъ показать настоящее состояніе русскаго театра и возможность его совершенствованія въ будущемъ — въ чертахъ искреннихъ и правдивыхъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ золъ, по нашему мнѣнію, есть меркантильное или иначе *бенефисное* направленіе, которое приняла у насъ творчество драматическое и сценическое, въ подражаніе остальнымъ литературнымъ отраслямъ. Оно подвигло на мелкій промыселъ цѣлыя толпы людей непризванныхъ и бездарныхъ; оно заграмоzdило сцену созданіями эфемерными, прямо поддѣлывающимися подъ грубый и невѣжественный вкусъ толпы — для вѣрнѣйшаго успѣха; оно удалило артистовъ отъ ихъ настоящаго назначенія, отъ развитія художественнаго, обременя ихъ трудомъ непрерывнымъ, ничтожнымъ и не требующимъ усилій ума и таланта; оно отучило зрителей отъ тѣхъ ощущеній тонкихъ и возвышенныхъ въ искусствѣ, которыя одни доставляютъ истинное наслажденіе и достаточную пищу для ума и воображенія; оно, наконецъ, научило и авторовъ обходиться безъ усилій, размышленія, изученія и опыта, необходимыхъ для хорошихъ созданій, и довольствоваться пошлыми переводами и передѣлками на скорую руку, которыя, чѣмъ грубѣе, тѣмъ скорѣе сходятъ съ рукъ и приносятъ болѣе прибыли.

Бенефисныя представленія, даваемые каждому актеру и

обязывающія его составлять спектакль изъ *новыхъ* пьесъ, поступающихъ въ *безвозмездную* собственность сцены, слѣдуютъ другъ за другомъ съ такою быстротою, что не даютъ артистамъ очнуться, не только, что выучить и еще менѣе того обдумать роли свои. Отсюда проистекаютъ неизбежные недостатки исполненія, которые тѣмъ пагубнѣе, что отъ частаго повторенія обращаются въ дурныя привычки и отучаютъ отъ размышленія, т. е. отъ всякаго внутренняго участія въ представленіи. Художникъ безъ этого необходимаго элемента — становится ремесленникомъ. Численность потребныхъ пьесъ для бенефисовъ не допускаетъ строгой разборчивости, особливо, когда и безъ того чувствуется сильный недостатокъ въ талантливыхъ писателяхъ и когда съ подобною разборчивостію необходимо должны сопрягаться особенные расходы бенефицианта. Въ такомъ случаѣ, для него — *всякое даяніе благо*, и никто не возметъ на себя обязанности разсудить, что отъ этого частнаго и личнаго блага происходитъ общественный вредъ, ибо пьесы бенефисныя становятся законнымъ наслѣдіемъ спектаклей не-бенефисныхъ.

Въ 1842 году, я, изъ любопытства, свелъ итогъ нашей сценической дѣятельности. Оказалось, что въ теченіе года поставлено на сцену *шестьдесятъ девять* новыхъ пьесъ. Это легко выговорить, но каково ихъ разучить, обставить, сладить и сыграть, и притомъ въ самое короткое время, потому что весь *театральный срокъ* (saison) состоитъ у насъ не болѣе, какъ изъ пяти мѣсяцевъ, если исключить десять недѣль поста, сорокъ двѣ субботы и три мѣсяца, которые составятся изъ праздничныхъ и лѣтнихъ дней, когда не бываетъ спектаклей. Значитъ, на каждый мѣсяцъ приходится по четырнадцати пьесъ или на каждые два дни по одной новой пьесѣ, среднимъ числомъ — въ два акта. Возможно-ли какое нибудь совершенство или развитіе художественное при такой быстротѣ? Почти никто изъ значительныхъ и талантливыхъ авторовъ нашихъ не трудится для нашей сцены, потому, во первыхъ, что бенефисная лепта не можетъ вознаграждать его за долговременный трудъ, а во вторыхъ, потому что ни одинъ мыслящій и дорожащій своимъ именемъ писатель не рѣшится отдать плодъ своего воображенія, можетъ быть, своей задушевной мысли, на произволь слѣпаго случая, или, говоря прямѣе, на произволь лицедѣевъ, не только не увѣренныхъ въ истинѣ своего олицетворенія, но даже и въ роляхъ своихъ.

Бенефициантъ смотритъ на свой бенефисъ, какъ купецъ на ярмарку; полагая на нее всѣ свои корыстные расчеты и начиная къ тому времени уплату по своимъ векселямъ: это для него *торговый оборотъ*. Прежде всего ему нуженъ полный домъ, полный сборъ. Для сбора необходима приманка, т. е. новыя пьесы. Но бенефисы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ такою быстротою, что за ними не поспѣетъ ни одно авторское перо, хотя бы оно приводилось въ движеніе парами. Гдѣ-же взять новыхъ пьесъ? Сознательный драматургъ не станетъ писать на заказъ и на скорую руку; да притомъ смѣтливый бенефициантъ, хлопоча о хорошемъ сборѣ, въ тоже время заботится и о сбереженіи лишнихъ расходовъ, а какой же расходъ можетъ быть для него болѣе *лишнимъ*, какъ не расходъ на вознагражденіе хорошаго автора, за хорошую пьесу. Да притомъ оно лежитъ и въ его средствъ.

И такъ бенефициантъ обращается къ итенцамъ литературнымъ, которые набиваютъ себѣ руку въ переводахъ при помощи словарей и которыхъ самолюбіе особенно щекотливо при взглядѣ на свою фамилію, повторяемую печатно въ сбро-бумажномъ царствѣ афишъ. И вотъ пьесы сыплются градомъ на сцену; въ два, три дни бенефисъ составленъ, афиша отпечатана, названій и подраздѣленій тьма-тьмуцая, и всѣ довольны: публика въ полной увѣренности увидѣть чудеса изъ чудесъ, — театръ въ полномъ удовольствіи, что приобрѣлъ подлюжину пьесъ, безъ траты полушки, бенефисъ — съ полнымъ сборомъ, авторы—въ полномъ убѣжденіи, что они люди гениальные; но увы! полный театръ—вполнѣ недоволенъ представленіемъ, которое послѣ двухъ, много трехъ разъ, отправляется въ Лету, то есть, въ область забвенія, на темныя полки темнаго царства театральной бібліотеки. Вотъ результатъ всего!

Это приводитъ къ тому, что у насъ никогда не можетъ образоваться главной стихіи сценическаго искусства, поставившей театръ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ на такую высокую степень совершенства, не можетъ быть — *совокупности игры* (ensemble). Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, нетвердое въ сдѣлѣ, т. е. нетвердое въ роли, думаетъ только о томъ, какъ бы по добру по здорову выпутаться изъ собственной бѣды, и предоставляетъ остальныхъ соиграющихъ на произволъ ихъ добраго генія. Не все и не всѣ дѣйствуютъ для одной главной цѣли: *выразить общими силами мысль пьесы и намѣреніе автора—въ правдивой и естественной формѣ, и жертвовать, для*

успѣха цѣлаго, частными интересами отдѣльных характеровъ, но каждый старается отыскать эффекты въ своей роли и, не взирая на отсутствіе связи этихъ эффектовъ съ мыслью цѣлаго, выставить себя въ выпукломъ видѣ. Оттого теряется колоритъ цѣлаго, всякая гармонія между частями, исчезаютъ всѣ мелкіе оттѣнки, которые на сценѣ, какъ въ картинѣ, составляютъ главное достоинство, а иногда даже и самый смыслъ. Хорошія пьесы, при такомъ порядкѣ вещей, неминуемо гибнутъ: бѣдное созданіе автора тащатъ въ разныя стороны, кто въ лѣсъ, кто по дрова. А посредственному творенію никогда нельзя дожить даже до сноснаго успѣха, между тѣмъ, какъ мы часто видимъ, что самыя скудныя издѣлія драматическія на иностранныхъ сценахъ, отъ совокупной игры, производятъ огромный эффектъ.

Вотъ вредъ, который бенефисное направленіе причиняетъ сценическому искусству; на драматическую литературу оно дѣйствуетъ еще пагубнѣе. Критика, стало быть, можетъ отличать только людей съ истиннымъ и великимъ дарованіемъ и удерживать ихъ въ минуты, когда они готовы сбиться съ истиннаго пути, а жалкую посредственность и бездарность — она должна поручить ихъ печальной участи, и переходить молчаніемъ дѣйствія лицъ, не постигающихъ ни цѣли, ни важности своего дѣйствія, и которыя неисправимы до гроба, потому что при рожденіи не были отмѣчены божественною искрою самосознанія и постиженія.

Впрочемъ, нашей народной драмѣ и безъ того не широкій разгулъ. Кромѣ недостатка въ людяхъ, душою преданныхъ искусству — безъ побочныхъ цѣлей, и въ истинныхъ дарованіяхъ, мы скудны и въ предметахъ къ олицетворенію, взятыхъ съ родной почвы. Наша политическая жизнь слишкомъ молода, чтобы могла служить источникомъ для драмы. Предъ-историческая жизнь нашихъ предковъ носятъ на себѣ образъ чего-то миѳическаго для насъ самихъ, а ежедневный общественный нашъ бытъ слишкомъ одностороненъ. Наша жизнь гражданская тѣсно связана съ административною, и не всѣхъ пружинъ ея можно касаться въ драмѣ. Кивая на Петра — того-и-гляди смахнешь на Ивана; а драма изъ общественнаго современнаго быта, въ настоящихъ его проявленіяхъ, рѣшительно невозможна; формы нашей жизни слишкомъ опредѣленны и положительны, чтобы можно было допустить мысль, что страсти у насъ могутъ иногда шагать за показанныя предѣлы. Оттого хорошія комедіи наши очень похожи на драмы,

смѣшся, но съ сжатымъ сердцемъ, какимъ-то судо-
рожнымъ смѣхомъ, потому что подъ каррикурою узна-
ешь черты, близкія душѣ. Такое чувство, вѣрно, испы-
талъ всякій, кто поглубже вникъ въ смѣшную сторону
«Горя отъ ума» или «Ревизора». И такъ, нашему театру остают-
ся въ достойніе однѣ драмы, съ трескучими эффектами, безъ
истины и силы моральной, съ громкими фразами, безъ внут-
ренняго чувства, и водевилъ—съ карикатурами, не изобра-
жающими, а корчащими общество, и исключенія изъ
общихъ чертъ народныхъ — *pièces de genre*. Весь оби-
ходъ русскаго воображенія и юмора на сценѣ ограничи-
вается *въ драмѣ*: тремя общими характерами *добродѣтель-
ныхъ лицъ*, двумя эпохами нашей исторической жизни; а въ
комедіи: двумя, тремя стереотипными формами мелкихъ чинов-
никовъ и купцовъ Щукина Двора, которыхъ авторы, въ ка-
ждой новой пьесѣ, какъ куколъ, переодѣваютъ только въ новый
костюмъ, смотря по времени и мѣстности дѣйствія. Муд-
рено-ли, что это наконецъ надоѣстъ и публикѣ, и самимъ
авторамъ и артистамъ? Притомъ у насъ такой уже обычай:
всѣ живутъ чужимъ умомъ. Если хорошій писатель напишетъ
эффектную пьесу,—не разбирая средствъ, употребленныхъ имъ
для успѣха, не смотря на внутреннее достоинство его произ-
веденія и направленіе, которое оно даетъ искусству, тот-
часъ же за нимъ потянется вереница жалкихъ подражателей,
какъ стадо журавлей за маткою, и пойдетъ, по его выкройкѣ,
точать на живую нитку изъ апробованныхъ сценъ и фразъ
такое количество пьесъ, что даже пьеса перваго созданія, или
прототипъ ихъ творчества, теряетъ всю свою цѣну и стано-
вится пошлою и противною. Глубокая драма и высокая комедія
изъ русскаго быта на нашей сценѣ рѣшительно существовать
не могутъ, и вотъ главная причина упадка нашего народнаго
театра.

По этому взглядъ эстетика на нашу драматическую литера-
туру самый печальный: это обширная пустыня, гдѣ больше
миражей, чѣмъ существности, гдѣ капля воды—кажется уже
моремъ, одна искорка мысли—глубокой идеею. Тѣмъ только и
поясняется часто колоссальный успѣхъ самыхъ посредствен-
ныхъ произведеній, которые въ иное время и при большемъ
развитіи умственной дѣятельности — показались бы больше
чѣмъ ничтожными.

Нѣкоторые близорукіе цѣнители искусства, съ непроститель-

нымъ самодовольствомъ убаюкивая себя мыслью, что мы во всемъ стали въ уровень съ Европою, и забывая, что намъ послѣ этого предлежитъ еще великій подвигъ самобытнаго развитія нашей національности, къ чему стремятся нынѣ и всѣ народы Запада, съ какимъ-то ребяческимъ восторгомъ встрѣчаютъ всякое нововведеніе въ русской драмѣ и называютъ простое усиліе быть оригинальнымъ — обновленіемъ русской сцены. Но эти люди забываютъ, что обновленіемъ можно почестъ только основаніе новой школы, покоющейся на новыхъ идеяхъ, опровергнувшей всѣ старыя начала, и отъ развитія которой предвидится новая жизнь и новое направленіе для искусства. Такой переворотъ на сценѣ можетъ воспослѣдовать только при измѣненіи самаго общества, котораго она составляетъ зеркало. Но мы въ сущности не подвинулись впередъ ни на шагъ: наши современныя драмы напоминаютъ Крюковского, Озерова и Ильина; комедіи Гоголя возобновляютъ только направленіе, данное было нашему театру Фонъ-Визинимъ. Къ чему же обманывать самихъ себя? Къ чему вводить въ заблужденіе другихъ и останавливать стремленіе къ совершенствованію, подстилкою обильныхъ лавръ для самодовольнаго отдохновенія?

Вотъ гдѣ критика должна вступить въ свои права и своимъ анатомическимъ ножомъ отдѣлить зараженные части искусства отъ свѣжихъ органовъ, способныхъ воспроизвести жизнь на сценѣ. Постараемся, чтобы она въ нашихъ статьяхъ, при разборѣ произведеній драматической литературы, всегда клонила къ этой цѣли.

✓ Критика безъ эстетическихъ основаній, безъ положительнаго взгляда на цѣль и направленіе искусства, безъ определенныхъ убѣжденій, какъ она доселѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ изданій, у насъ существовала, должна приносить театру болѣе вреда, чѣмъ пользы. Отъ неясности ея взгляда—сужденія ея становятся безотчетными; отъ несознанія, къ чему и для чего она существуетъ, — изрѣченія ея принимаютъ всѣ характеры, кромѣ истиннаго; отъ неопредѣленности ея цѣли — она не имѣетъ никакого направленія и, дѣйствуя только по однимъ отношеніямъ личнымъ или партіальнымъ, она часто бываетъ въ приговорахъ своихъ уклончива и неискренна. Оттого мнѣнія ея объ одномъ и томъ-же предметѣ мѣняются съ каждой статьею, и статьи эти, переставая быть критикою въ тѣсномъ значеніи слова, становятся простыми, без-

участными и мертвыми отчетами, въ которые, по несчастію, вмѣсто дѣйствительной арены искусства, закрадывается темная закулисная жизнь, бесполезная для дѣла, оскорбительная для однихъ и нисколько неинтересная для другихъ. Она раздражаетъ мелкія самолюбія, и безъ того черезъ-чуръ воспримчивыя, унижаетъ святое назначеніе критики и пускаетъ въ ходъ дразни, которыя гораздо приличнѣе было бы скрывать отъ глазъ свѣта, чтобы не разочаровывать его и, въ лицѣ художниковъ, не охлаждать и къ самымъ художествамъ.

Не будемъ разоблачать того, что болѣе относится къ артистической жизни, чѣмъ къ области искусства, и вспомнимъ стихъ:

Quand le héros s'évanouit, l'homme reste !

За чѣмъ же отнимать у художника то, что заставляетъ забыть въ немъ челоуѣка, полверженнаго слабостямъ, какъ и весь родъ людской, и приподнимать завѣсу съ таинствъ, которыя именно потому только и заманчивы, что представляются воображенію въ туманныхъ образахъ иллюзій.

Въ западной Европѣ, гдѣ образованность и грамотность нынѣ разлита во всехъ классахъ народа, театръ сдѣлался потребностію, какъ нравственная пища. У насъ онъ пока простое удовольствіе, пріятное время препровожденіе, и мы рады, когда онъ въ залы свои привлекаетъ шумныя толпы, которыя, можетъ быть, нашли бы иные способы убить время, менѣе пристойные и благородные. Но мы никакъ не можемъ согласиться смотреть на театръ съ той точки зрѣнія, съ которой смотреть на него иногда иностранцы, — какъ на спекуляцію или выгодное предпріятіе. Спекуляція можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть потребность, а мы уже сказали, что театръ у насъ пока еще не сдѣлался потребностію народа, который часто замѣняетъ его картами, попойками и другими забавами въ томъ-же родѣ. У насъ, гдѣ большинство посѣтителей театра стоитъ еще на первой ступени образованія, сцена можетъ и должна быть не одною простою забавою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и практическою школою, которая давала бы направленіе народной мысли и народному вкусу. Съ этой точки зрѣнія намѣнены мы всегда смотреть на нашу сцену. Можетъ быть, мнѣнія наши иногда будутъ противорѣчить громкимъ рукоплесканіямъ толпы, но на этотъ разъ мы изложимъ здѣсь снова мнѣніе наше, уже высказанное однажды въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ оно:

«Критика, не должна полагаться на авторитетъ пестрой массы зрителей, разнообразной и несходной и въ степени своего образованія, и въ развитіи вкуса, и даже въ самыхъ взглядахъ и требованіяхъ своихъ. Критика дѣйствуетъ на основаніи положительныхъ данныхъ и правилъ, предписываемыхъ ходомъ самаго просвѣщенія и степенью развитія искусства вообще, а не на основаніи минутнаго, безотчетнаго увлеченія или странной прихоти вкуса. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ, служить основаніемъ критикѣ; какъ наука, она имѣетъ постоянные и непреложные законы, которые не могутъ быть измѣняемы. Потому-то мнѣнія критики часто находятся нѣ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ мнѣніями массы, дѣйствующей произвольно и безотчетно. Что для прихоти публики можетъ казаться прекраснымъ, не признается иногда за прекрасное по законамъ эстетики. Иногда минутное увлеченіе и прихоть публики могутъ происходить и отъ испорченности вкуса: тутъ-то и должна являться критика съ своимъ карающимъ жезломъ, чтобъ открыть заблужденіе и направить вкусъ на путь истинный. Она не можетъ смотрѣть на отрасль литературы, на отрасль искусства, два важнѣйшіе органа народной жизни, какъ на забаву — за что ихъ принимаютъ многіе, какъ на спекуляцію — за что принимаютъ ихъ *нѣкоторые*.

Театръ для нея есть одно изъ самыхъ могучихъ средствъ къ распространенію просвѣщенія, къ развитію народнаго вкуса, и потому она не можетъ оставаться равнодушною, когда видитъ непривзванныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, дающихъ превратный смыслъ искусству, проповѣдующихъ ложныя основанія съ театральныхъ помостовъ, которые, въ этомъ смыслѣ, становятся кафедрой, откуда должны бы истекать только слова истины, знанія, убѣжденія и вдохновенія, чистаго и прекраснаго.

Къ несчастію, у насъ этого многіе не понимаютъ или не хотятъ понять: они видятъ въ критикѣ какую-то враждебную стихію для ихъ замысловъ и видовъ, не постигая того, что если искусство возвысится, то оно найдетъ болѣе поклонниковъ въ народѣ, пристраститъ народъ къ наслажденіямъ, которыя доставляетъ, и чрезъ то возвыситъ и самыя ихъ выгоды. Но до этого результата искусство можетъ достигнуть только при посредствѣ строгой, безпристрастной критики. Критикъ, по ихъ мнѣнію, прямо *врагъ* театру; но —

Часто полезень и врагъ : чего въ себѣ сами не видимъ,
Онъ подмѣчаетъ, и тѣмъ насъ же наводитъ на слѣдъ !

говорить Шиллеръ, а ему въ дѣлѣ искусства можно бы, кажется, повѣрить. Невѣжество даже называетъ критику — *бранью*, не понимая, что открывать въ предметъ недостатки, побуждать его къ совершенствованію, и здравымъ сужденіемъ лавать слѣпой толпѣ направленіе къ прекрасному и истинному, — есть величайшая заслуга, какую умъ человѣческій можетъ оказать человечеству. А попробуйте-ка у насъ сказать актеру, что онъ не понимаетъ требованій искусства, что онъ не такъ постигаетъ свое призваніе, что онъ ложно схватилъ характеръ, не соблюлъ исторической или эстетической вѣрности, — его самолюбіе тотчасъ ударитъ тревогу, пойдутъ толки, жалобы, просьбы — «онъ де меня *обручалъ*.» — и найдутся люди, которые его выслушаютъ, съ нимъ согласятся — въ противность самой очевидной истинѣ, — и, пожалуй, васъ же осудятъ.

У насъ живописцы, литераторы, ваятели, архитекторы, музыканты, вообще всѣ художники подвергаются критикѣ, выслушиваютъ критику, пользуются замѣчаніями критики — и не ропшутъ, но часто даже благодарятъ. Они не боятся ея, а желаютъ, потому что хотятъ совершенствоваться. Одни актеры родятся у насъ непогрѣшительными геніями, для которыхъ нѣтъ судей, нѣтъ совершенствованія, — а должно быть только одно нѣмое изумленіе и раболовное поклоненіе. Но они забываютъ, что въ этомъ легкомъ стяжаніи славы именно славы-то и нѣтъ :

A vaincre sans obstacle

On triomphe sans gloire!

Иностранные артисты иначе смотрятъ на критику, они жаждутъ ея, они обижены до глубины души, если объ нихъ не судятъ. ибо знаютъ, что не судятъ только о томъ, что не стоитъ сужденія, что чуждо всякаго достоинства, что не въ состояніи навести на какую бы то ни было мысль. Художникъ творитъ, чтобы услышать приговоръ своему творенію : безъ приговора — и творчество его не существуетъ. Тамъ говорятъ критику :

Строго, какъ совѣсти гласъ, ты судишь мои начинанья ;

Вотъ почему я тебя, друга, какъ совѣсть люблю.

Въ Италіи, Германіи, Англіи и Франціи одни ремесленники художественные, одни поденщики искусства — боятся и не

любятъ критики, потому что, открывая ихъ ничтожность, ихъ невѣжество, ихъ безгаланность — она можетъ лишить ихъ нѣкоторыхъ житейскихъ выгодишекъ, кой-какихъ денежныхъ барышковъ. За то въ этихъ странахъ искусства и достигли такой апогеи, за то тамъ мы и встречаемъ великіе таланты, подобные Рубини, Тамбурини, Тальмъ, Леметру, Зейлеману, г-жѣ Гагнъ, Эмилю Девриену, Плесси, Аланамъ и проч. Всѣ они прошли чрезъ строгую школу критики, выгранились, выподировались и являются нынѣ самоцвѣтными алмазами.

Само собою разумеется, что всѣ не могутъ родиться геніями, но каждый трудомъ, прилежаніемъ, старательностію можетъ болѣе или менѣе искутиться въ своемъ дѣлѣ. Шиллеръ даетъ такой совѣтъ художникамъ:

Kannst du nicht schön empfinden, dir bleibt doch vernünftig zu wollen,
Und als ein Geist zu thun, was du als Mensch nicht vermagst!

то есть:

Не можешь *прекрасно* ты *чувствовать*, старайся *разумно хотѣть*, —
И пусть то свершаетъ твой *духъ*, чего не возмогъ *человѣкъ*.

Лучшимъ руководствомъ для этого могутъ служить уроки критики.

При нашей *неприкосновенности* мелкихъ самолюбій, критику всего лучше замолчать, по крайней мѣрѣ, до болѣе благопріятнаго времени, до времени *терпимости чужихъ мнѣній*, до того просвѣщеннаго времени, когда образованность и ученіе сдѣлаются необходимостію сценическаго поприща и когда оно оживетъ подъ благотворными лучами истинныхъ понятій объ искусствѣ и любви къ нему.

Нынѣ театръ нашъ переживаетъ періодъ по опредѣленію Гёте (*), но настанетъ время, когда онъ, можетъ быть, вступить и въ періодъ, опредѣляемый Шиллеромъ, который говоритъ:

Das Theater ist eine moralische Anstalt.

И такъ, мы однажды навсегда поставимъ себя за правило только тогда говорить объ артистѣ, когда видимый шагъ къ усовершенствованію, явный успѣхъ его въ искусствѣ, или истинно-прекрасное его созданіе — вызоветъ насъ на похвалу; но мы будемъ переходить молчаніемъ все остальное, не разру-

---

(*) Das Theater ist eine speculative Anstalt.

шая мечты тѣхъ, которые, едва зная азбуку искусства, уже почитаютъ себя гениями, на основаніи апплодисмановъ, заслуживаемыхъ иногда такими средствами, которыя отвергаетъ образованный вкусъ и высокое значеніе искусства. Давать совѣты и указывать на заблужденія тѣмъ, которые ни по нравственнымъ, ни по физическимъ силамъ идти впередъ не могутъ — рѣшительно бесполезно; эти указанія, конечно, могли бы служить назидательными уроками для молодыхъ талантовъ, у которыхъ такъ много еще впереди — да гдѣ эти таланты и, притомъ, кто же нынѣ учится? Теперь все выходитъ прямо съ школьной лавки — *совѣтъ* готовыми великими людьми, какъ некогда Минерва вышла изъ головы Зевеса. Все, объ чемъ мы будемъ упоминать въ статьяхъ — достойно особеннаго вниманія, о чемъ умолчимъ — достойно молчанія. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, необходимое и для насъ *небольшое* условіе, мы съ читателемъ будемъ понимать другъ друга.

Прступимъ же къ дѣлу.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Двойникъ. Драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. П. Каратыгина.

Женитьба на скорую руку, или Дурной женихъ сватается, хорошему дорогу прокладываетъ. Оригинальная (?) комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. А. П-ча.

Приключеніе въ жидовской корчмѣ, или Удача отъ неудачи. Опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Семенова, музыка Ленгарда.

(Бенефисъ г. Каратыгина 2-го.)

Въ древнія времена многіе народы вѣрили въ метемпсихозъ, то есть, въ переселеніе душъ изъ одного человека въ другого, и даже въ предметы, не одаренные разумною жизнью. Одинъ изъ умнѣйшихъ людей древности, греческій философъ Пифагоръ, извѣстный въ области математики по своимъ—пзвините за техническое выраженіе—по своимъ... словомъ, по своему нижнему платью, изображенному въ видѣ геометрической теоремы, составилъ объ этой вѣрѣ даже особенное ученіе. По его мнѣнію, души первоначально носятся въ пространствѣ безсознательно, выглядывая, куда-бы имъ пріютиться, и потому часто выбираютъ себѣ для жилья тѣла безъ разбора. Но обманувшись одинъ разъ въ своемъ помѣщеніи, онъ еще съ большею ревностію и торопливостію ищутъ себѣ новаго притона, вылетѣвъ однажды изъ своей квартиры, по смерти брэнной оболочки. Чѣмъ болѣе природа тратитъ даровъ на украшеніе тѣла, тѣмъ менѣе остается простора для души. Бѣдная душа въ такомъ случаѣ отыскиваетъ себѣ какой нибудь темный уголокъ, гдѣ бы она была совершенно незамѣтна, или, въ крайно-

ети, забывается въ ноги. Оттого красавицы и танцовщицы бѣгаютъ, по большой части, — *бездушны*. Въ древности, души были не такъ палки къ золоту, какъ въ новѣйшія времена, когда онѣ льнуть къ блестящему металлу, какъ мотыльки къ свѣчку. По этому, тогда было гораздо меньше скаредныхъ и полденькихъ душъ, чѣмъ нынѣ, а какъ въ тѣ времена еще не знали стряпчихъ и приказныхъ, то души и не такъ скоро изнашивались и черствѣли. Пифагоръ основывалъ свое ученіе на чрезвычайной памяти своей души. Онъ могъ сказать, чрезъ какія тѣла она, по наследству, дошла до него. Память эта простиралась около тридцати пяти лѣтъ до осадъ Трои, которая, какъ извѣстно, началась въ 1218 году до Рождества Христова. Въ то время душа Пифагорова принадлежала Эгалиду, сыну Меркурія и Эвполемы, который служилъ въ походѣ Аргонавтовъ въ Колхиду — за *золотымъ руномъ*. Стало быть, душа эта была самаго аристократическаго происхожденія, хотя не изъята была въ которой склонности къ корысти, какъ мы это нѣсколько видимъ и въ новѣйшія времена. Потомъ она перешла въ Эвфорба, того самаго труса, который былъ раненъ Менелаемъ при осадѣ Трои, и за трусость свою, стяжалъ важный чинъ и безсмертіе — въ *лѣтописяхъ Гомера*. Изъ тѣла Эвфорба, трусливая душа его перешла въ Гермотима. Тутъ-то для нея началось настоящее житье! Тѣло это было тучное, сластолюбивое, пьяное, несмыслящее и нечувствующее, созданное только для виднаго мѣста, для пищи и сна: душѣ въ немъ дѣлать было нечего, и потому она, по-временамъ, отлучалась и летала путешествовать по отдаленнымъ землямъ. Во-время ея отсутствія владѣлецъ ея бывалъ всегда *еле-живъ*. По смерти Гермотима, душа, утомленная тревоженіями большаго свѣта и суетою міра сего, переселилась въ рыбака, до того безвѣстнаго, что даже мудрый Пифагоръ не могъ сохранить для потомства имени этого предка. Наконецъ, она отдохнула въ уединеніи, надумалась и рѣшилась пуститься въ философскія умствованія, почему и перешла въ Пифагору, величайшему мечтателю своего вѣка.

Вотъ древнее вѣрованіе въ переселеніе душъ, по ученію Пифагора. Оно не совсѣмъ безумно, несмотря на забавную форму, въ которую облечено, ибо въ немъ заключается первая великая идея о безсмертіи души. Греческій мудрецъ былъ вполне убѣжденъ въ непогрѣшимости своихъ мнѣній, что дѣлаетъ ему честь; но увѣренность его доходила иногда до смѣшнаго. Такъ, видя разъ челоуѣка, который немилосердно билъ свою со-

баку, онъ пришелъ въ ужасъ и умиленіе отъ визга несчастнаго животнаго, и вскричалъ, останавливая руку сердитаго хозяина: «Стой несчастный! что ты дѣлаешь: это душа искреннаго моего друга, я узнаю его по голосу!»—Еслибъ Пифагоръ былъ еще живъ, онъ непременно слѣзлся-бы однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ *Общества противъ угнетенія животныхъ*, единственно для спасенія своихъ друзей!

Въ настоящее время, метампсихозъ существуетъ только въ литературѣ. Онъ состоитъ въ переселеніи душъ изъ сочиненія одного автора въ сочиненіе другаго, въ переходъ души, т. е. идеи или мысли, изъ англійскаго или нѣмецкаго романа — во французскую повѣсть, изъ французской повѣсти — въ русскую драму, изъ драмы — въ водевилъ, изъ водевиля — въ журнальную смѣсь и такъ далѣе. Пифагоромъ — этого рода метампсихоса былъ покойный Жанъ Полеванъ Мольеръ, который говорилъ:

Je prend mon bien, où je le trouve!

Онъ былъ Пифагоромъ—и по генію своему и по изобрѣтенію этого способа переселенія чужаго духа въ свое созданіе. Ревностнѣйшимъ его послѣдователемъ во Франціи явился Александръ Дюма, который довелъ систему Мольера до значительнаго усовершенствованія и сталъ брать чужеземное достояніе цѣликомъ въ свои произведенія, то есть, съ душой и тѣломъ, и наряжалъ ихъ только въ костюмъ по послѣднему французскому покрою. Такъ, на примѣръ, поступилъ онъ съ Шиллеромъ, у котораго взялъ изъ драмы «Коварство и любовь» почти цѣлый актъ и вставилъ его безъ всякихъ измѣненій, кромѣ именъ дѣйствующихъ, въ свой романъ—«Альбина.»

Мы, Русскіе, кромѣ многихъ другихъ похвальныхъ качествъ, обладаемъ, по преимуществу, способностію подражанія и перениманія или обезьянства: у насъ Дюма нашелъ искреннихъ поклонниковъ и система его съ большимъ успѣхомъ перенята нѣкоторыми драматическими писателями. У насъ Шаллеръ и Шекспиръ почти цѣликомъ явились въ русской формѣ и въ народной драмѣ. Даже «Разбойники»—перваго, невозможные у самихъ немцевъ, нашли олицетвореніе на русской сценѣ, въ русскихъ нравахъ, и притомъ подъ видомъ русскихъ историческихъ лицъ!—Занимательно и похвально!

Г. Петръ Каратыгинъ принадлежитъ къ числу драматиче-

ских метампсихистовъ; онъ старыя комедіи пересочиняетъ въ водевили и повѣсти передѣлываетъ въ комедіи и драмы. Мы весьма далеки оттого, чтобы прицѣплять такой родъ творчества, напротивъ, мы даже олобreamъ его, ибо думаемъ, что гораздо лучше взять чужую разумную душу, чѣмъ создать свою—вялую, грубую и мелочную. Но полагаемъ, что при этомъ фокусъ-покусъ, для того, чтобы онъ былъ удаченъ и вполне изумительнъ, должно напередъ хорошо ознакомиться съ душою, принадлежащею другому, изучить и понять ее, уловить то важное и часто скрытое значеніе, которое затаено въ ея глубинѣ, и потомъ уже переводить ее въ новое тѣло, котораго физическая организація соответствовала бы моральному направленію новой ея гостыи. Иначе можетъ съ этой бѣдной душою случиться тоже, что случилось съ душою Пиеагора, при переходѣ ея изъ тѣла Евфорба, или съ душою его друга, которая въ новой формѣ своей подверглась такимъ печальнымъ результатамъ. Чѣмъ былъ владѣлецъ собаки для несчастной души друга Пиеагорова, тѣмъ можетъ сдѣлаться и критика для драматической души, которую зря засунуть въ пьесу, безъ соблюденія приведеннаго выше правила.

Душу для своего «Двойника» г. Каратыгинъ вынулъ изъ повѣсти Поля Февала. Душа эта уже много пострадала подъ типографскими станками и подъ ножницами нашихъ литературныхъ закройщиковъ, при переложеніи своемъ на русскій языкъ. Несмотря на то, она сохранила много своего разумнаго начала. Посмотримъ, что съ ней произошло въ русской драмѣ.

Въ повѣсти, Поль-Феваль передалъ намъ слѣдующее: Англичанинъ — банкиръ, которому во всю жизнь везло безумное счастье, который не испыталъ никакихъ нравственныхъ потрясеній, наконецъ утомляется своимъ ежедневнымъ — одно и то же и дѣлается жертвою весьма извѣстной британской болѣзни — *сплина* или, по нашему — хандры. Случай заводитъ его въ игорный домъ, онъ начинаетъ играть, проигрываетъ, волнуется и находитъ незнакомое ему дотоле наслажденіе въ этомъ судорожномъ ожиданіи, въ этихъ обманчивыхъ расчетахъ, въ поразительныхъ проигрышахъ, которые ведетъ за собою азартная игра. Понемногу — онъ дѣлается страстнымъ игрокомъ. Дорожа своимъ именемъ, какъ человекъ съ честью, и достоинствомъ, которое принадлежитъ не ему одному, но и его семейству, онъ однакожъ не хочетъ, чтобы въ городъ кто нибудь узналъ объ его слабости и ночныхъ похоженіяхъ,

весьма опасныхъ для репутаціи и кредита торговаго человека. Для избѣжанія огласки, онъ заказываетъ восковую фигуру, совершенно на него похожую, которую одѣваетъ въ такой — желать, какой самъ носить, и по вечерамъ, во время своихъ отлучекъ, сажаетъ ее къ своему рабочему столу. Возбужденный въ высшей степени безпрерывнымъ проигрышемъ, онъ во что бы то ни стало хочетъ переломить счастье и обратить его къ себѣ своими комбинаціями. Для этого онъ придумываетъ мнимый отъѣздъ, передаетъ управленіе дѣлами своему главному контористу, переодевается, и уже проводитъ дни и ночи съ игроками. Между тѣмъ, контористъ подрываетъ его кредитъ ложными слухами, которые распускаетъ на биржѣ, возбуждаетъ страшныя безпокойства въ его семействѣ, выдаетъ, вмѣсто его фальшивые векселя подбирается къ его кассѣ и къ его дочери, и все это на основаніи куклы, которую онъ открылъ и которую выдаетъ за дѣйствительнаго, но помѣшаннаго своего хозяина. Молодой человекъ, женихъ дочери банкира, также заходитъ въ игорный домъ, попытать счастья; проигрываетъ и уплачиваетъ векселемъ, подписаннымъ банкиромъ. Тотъ узнаетъ поддѣльную подпись, обвиняетъ молодаго человека въ мошенничествѣ, возвращается съ нимъ домой, и ясно видитъ несчастіе, въ которое ввергъ было своимъ безразсудствомъ бѣдную жену и дочь. Конторщикъ оправдывается, какъ можетъ, и думаетъ только завладѣть сундукомъ съ деньгами, которыя называетъ своими. Но банкиръ предупредилъ его. Сундукъ имѣетъ механической замокъ, который можно запереть на разныя манеры, такъ-что только тотъ, кто его заперъ, въ состояніи его послѣ отпереть. Возвратясь домой, онъ хотѣлъ убѣдиться, цѣлы-ли его деньги, и заперъ сундукъ по своему. «Хорошо, говоритъ онъ контористу, если эти деньги твои и ты самъ ихъ положилъ въ сундукъ, то вѣроятно самъ и заперъ его. Такъ отпери-же его теперь.» Контористъ напрасно старается надъ замкомъ, сундукъ не отпирается. Тогда банкиръ беретъ у него ключъ и отпираетъ свой сундукъ съ перваго раза. Это служить уликою обмана конториста.

Авторъ видимо хотѣлъ показать, до чего разумнаго человека можетъ довести прихоть, обращающаяся часто въ пагубную страсть, если не поборешь ее разсудкомъ въ самомъ началѣ. Для этого онъ выбралъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ англичанина, потому-что англичане, по оригинальности и причудливости своего характера, способны на всякую крайность,

отъ которой умный человекъ другой націи скорѣе бы воздержался. У него каждое дѣйствіе имѣетъ свою основательную причину, и разсказъ его оттого становится простъ, понятенъ и естественъ.

Г. Каратыгинъ поступилъ не такъ: онъ—вмѣсто оригинала, хандрика, выставилъ какого-то мизантропа, декламирующаго громкія фразы противъ свѣта и людей, которые кромѣ добра ничего ему не сдѣлали, противъ жизни, — которая, благодаря его счастливой звѣздѣ, течетъ, какъ по-маслу. Его герой толкуетъ непрерывно объ привязанности своей къ примѣрной женѣ, объ важной отцовской страсти къ дочери, объ заслуженномъ уваженіи согражданъ, и при всемъ-томъ хочетъ лишиться себя жизни, сдѣлаться самоубійцею, отнять у достойной жены—мужа, предметъ ея страсти, у обожаемой дочери отца, который для нея все на свѣтѣ, и почтенное имя свое опозорить—гнуснымъ малодушіемъ, непростительнымъ и пагубнымъ для семейства поступкомъ. Не правда-ли, такой человекъ — или просто безъ всякаго характера, или сумасшедшій. Выходки этого банкира противъ людей и жизни нелѣпы и въ высшей степени не — нравственны. Жизнь не есть глупость, безсмысленная комедія, какъ онъ говоритъ, когда она дава человеку Провидѣніемъ, ничего не творящаго безъ великихъ назначеній. Она стоитъ бытія, когда судьбой доставлены человеку всѣ средства сдѣлать ее полезною для человечества. Человекъ съ душою и умомъ, не можетъ пренебрегать ею и не вправе презирать людей, за то только, что между милліонами, нашелъ нѣсколько неблагодарныхъ, которые во зло употребили его благодѣянія, или выманили ихъ обманомъ, если только онъ самъ, творя добро, руководствовался внутреннимъ чувствомъ благородной души, а не побужденіями тщеславія. Можно допустить въ умномъ, образованномъ и чувствительномъ человекѣ минутную слабость, увлеченіе прихоти, но нельзя допустить расчитаннаго разврата, въ какомъ каждый разсудительный зритель обвиняетъ этаго гражданина-самоубійцу, этаго семьянина — игрока.

Стало быть, главный недостатокъ драмы г. Каратыгина, заключается въ характерѣ, или лучше сказать, въ отсутствіи характера его главнаго лица. Оно не возбуждаетъ участія собою, и еще менѣе своими дѣйствіями и ихъ послѣдствіями, которыя ничто иное, какъ обыкновенныя послѣдствія, неизбежныя въ случаяхъ, когда порочный человекъ, ни съ-того, ни

съ-другаго, . спрыгнуть съ ума. Его обыкновенно сажаютъ въ домъ безумныхъ, а печальное семейство, хотя огорчено, но покоряется наконецъ волю судьбы, неизмѣнной вѣчной печалю, и начинается жить по прежнему, ничего не утративъ въ обществѣ съ утратою одного изъ своихъ членовъ. Г. Каратыгинъ не допустилъ, чтобы въ драмѣ его приняли эту благоразумную мѣру: сумасшедшій вырвался и надѣлалъ тѣмъ проказъ, изъ которыхъ, какъ ихъ ни разсматривай и не соображай, никакъ не выходитъ драмы. Драма можетъ быть только тамъ, гдѣ есть борьба неизмѣнныхъ законовъ человеческой природы съ уставами общества; гдѣ сердце не въ ладу съ направлениемъ вѣка; однимъ словомъ, тамъ, гдѣ есть столкновение разнородныхъ стихій жизни. Эти столкновения произвольны, и чѣмъ они противоположны, чѣмъ насильственны, тѣмъ положеніе лицъ становится интереснѣе и страданія ихъ глубже и истиннѣе. Этого намъ не нужно болѣе пояснять почтенному автору «Двойника», онъ имѣетъ столько сценической опытности, что самъ это пойметъ и согласится съ нами, что въ его пьесѣ нѣтъ ни одной стихіи драмы.

Всѣ остальные лица пьесы очерчены слабо и темно. Дочь банкира — Женни, больше говорунья, чѣмъ дѣвушка съ чувствомъ; жена банкира — самая обыкновенная плакса, какихъ почетное купечество нанимаетъ иногда на богатые похороны, какъ вывѣску семейнаго прискорбія, по случаю радостнаго полученія наслѣдства. Негодйй и злодѣй конторщикъ, самый невинный и недалновидный мелкій плутъ, котораго смѣло можно опять отпустить на волю, послѣ легкаго полицейскаго исправительнаго назиданія. Изъ всѣхъ лицъ, лучше очерченное, трактирнаго слуги, Патро: въ немъ есть комизмъ и потому натура. Чтобы люди, которыхъ мы ставимъ на ходули, могли выполнить затѣйливый танецъ, надо ихъ сперва выучить ходить на деревяжкахъ. Не будетъ умѣнья — не будетъ и естественности и граціи.

Величайшій эффектъ драмы г-на Каратыгина основанъ на куклѣ, на мѣсто которой въ концѣ третьяго дѣйствія, садится самъ банкиръ и нечаяннымъ своимъ появленіемъ поражаетъ злодѣя конторщика и жену, которые почитали его погибшимъ. Но сцена эта набросана не довольно энергически и потому не производитъ того дѣйствія, котораго бы можно отъ нея ожидать. Авторъ напрасно упустилъ изъ виду превосходную сцену въ игорномъ домѣ, когда банкиръ узнаетъ свой фальшивый

вексель; она такъ и просится въ драму и ею не слѣдовало пренебрегать. Легко представить себѣ положеніе банкира — который въ эту минуту видитъ бездну, открытую подъ его ногами, и благороднаго молодого человѣка, котораго публично обвиняютъ въ гнусномъ мошенничествѣ! Вотъ истинно драматическій эффектъ.

За то, у г-на Каратыгина вылилась другая, очень счастливая сцена, въ Парижскомъ трактирѣ, между банкиромъ, который хочетъ застрѣлиться отъ нечего-дѣлать и трактирнымъ слугою, Патро, который сошелся съ нимъ въ идеи самоубійства изъ безумной любви. Это самое яркое мѣсто во всей драмѣ, которая, впрочемъ, не смотря на всѣ свои недостатки, все-таки лучшая изъ всѣхъ, появившихся въ прошломъ годѣ на нашей сценѣ. Если это не можетъ служить для нея слишкомъ лестною похвалою, то мы прибавимъ, что она написана хорошимъ, разговорнымъ языкомъ и иногда очень замысловата въ выборѣ своихъ изреченій. Но, не подумайте, чтобы мы относили къ тому каламбуры, которыми она изобилуетъ, въ родѣ слѣдующихъ: «бываютъ душевныя тайны, отъ которыхъ становится душно;» — «я не люблю толковать сны, потому что они безтолковы;» — «для своихъ цифръ и оборотовъ онъ не хочетъ даже оборотиться ко мнѣ;» — «я разсчитался съ людьми и они меня общитали;» — «дома онъ мнѣ не давалъ отдыху, злѣсь не далъ отдохнуть;» — они принадлежатъ къ существеннымъ недостаткамъ всѣхъ пьесъ г-на Каратыгина вообще, и этой въ особенности, именно потому, что не отличаются остроуміемъ и недостойны таланта почтеннаго автора. Мы всегда замѣчаемъ въ пьесахъ г-на Каратыгина похвальное желаніе дѣйствовать на образованныхъ зрителей и потому, для его же пользы, советуемъ бы ему избѣгать этихъ средствъ, рѣшительно несовмѣстныхъ со вкусомъ и образованностію.

Драма «Двойникъ» была разыграна, какъ и всѣ драмы на нашей сценѣ, безъ особенныхъ претензій на тонкости сценическаго искусства и безъ особенныхъ эффектовъ, независимыхъ отъ тѣхъ, которые придумалъ самъ авторъ, и происходящихъ отъ совокупности игры артистовъ. Главную роль, банкира, героя пьесы, исполнялъ г-нъ Каратыгинъ 1. Онъ былъ герой, въ полномъ значеніи слова, Гамлетъ лондонской биржи, и удовлетворилъ всѣхъ зрителей, которые не требовали отъ англійскаго чудака ни особеннаго колорита характера,

ни національных формъ. Этотъ артистъ не можетъ играть дурно, это дѣло рѣшеное и поконченное, и притомъ рѣшеное не нами; онъ можетъ ошибаться въ концепціи характеровъ, но въ выраженіи ихъ онъ всегда вѣренъ себѣ. Г-жа Вѣра *Самойлова*, въ роли Женни, истощила весь запасъ своего тонкаго ума, своей благородной игры и олушевила этотъ характеръ, довольно бѣзный и бѣдный, своею приличною и наивною веселостію. Въ рукахъ этой артистки, какъ у хорошаго гранильщика, каждыи камень получаетъ блескъ алмаза. Г-нъ *Максимовъ* — игралъ злодѣя, — и былъ злодѣй *вполнѣ*. Прекрасенъ по натурѣ и простотѣ игры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по неподдѣльному чувству, — былъ г-нъ *Марковецкій*, въ небольшой, но игривой роли *Патро*, трактирнаго слуги. Г-нъ *Сосницкій* одинъ придавъ характеру *Тома*, камердинера банкира, типъ британской національности: онъ насквозь — англичанинъ. Придавать ролямъ цвѣтъ мѣстности не такъ легко, на это нужны размышленія, наблюдательность и большая сила воли надъ собою. Г-нъ Сосницкій, въ этомъ отношеніи, единственный актеръ на нашей сценѣ. Объ остальныхъ лицахъ мы не скажемъ ни слова.

Вѣзъмъ вѣроятно пришлось испытать въ жизни, что все, что дѣлается *на скорую руку* — рѣдко выходитъ хорошо. Но *женитьба на скорую руку* — должна быть хуже всего. Что въ жизни, то и на сценѣ, потому-что сцена означаетъ жизнь. Отставной полковникъ *Хромаевъ* и сестра его, отставная жена *Грибокова*, люди весьма недалекие, живутъ-себѣ, вѣять, снѣть, перевариваютъ пищу и ни о чемъ не думаютъ. У нихъ есть общія племянница — *Машенька*, которую они общими силами взлѣляли среди своей безмятежной жизни и въ столь же безмятежныхъ правилахъ. *Хромаевъ*, который, какъ надо полагать, уже весьма давно въ отставкѣ, потому-что по манерамъ своимъ нисколько не подходитъ къ полковникамъ нашего времени, вздумалъ отъ нечего-дѣлать, самъ жениться на *Машенькѣ*, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, по пословицѣ: *стѣдина въ бороду — бѣсъ въ ребро*. Въ ту же племянницу влюбленъ — стиходѣй *Вишинъ*, котораго *свѣтъ* не понималъ, по двумъ весьма важнымъ причинамъ, во-первыхъ, потому-что онъ самъ себя не понимаетъ, во вторыхъ, потому-что онъ не успѣлъ еще познакомиться съ свѣтомъ вдохновеніи своей музы, *зане* — для сообщенія поэта съ вѣчнымъ міромъ и приобрѣтенія диплома на безсмертіе нужны бумага, печать, переплетчики, журнальные

друзья, или иначе, нужны деньги, а таковыхъ у г-на Виршина не имѣется. Это большая потеря для Россіи, потому-что г. Виршинъ пишетъ стихи по системѣ *натуральной школы*, т. е. на самые пустѣйшіе предметы, но съ дикими приемами, безъ всякой гармоніи, безъ всякаго поэтическаго украшенія и колорита, только съ огромными претензіями на идеи, которыхъ у него нѣтъ. Онъ непременно занялъ бы въ нашей журнальной литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, между двумя свѣтилами, нынѣ другъ-друга прославляющими. Молодой дѣвушка, которой пора выйти за-мужъ, рѣшительно все равно, за кого-бы не выйти: Машенька готова сдѣлаться отставной полковницей и даже лучше того, подругою *мечты и вздоховъ* еще не выслужившагося поэта. Но является новое лицо. *Святкинъ*, племянникъ Хромаева, и порѣшаетъ дѣло въ свою пользу. Фракъ на немъ спитъ по послѣдней модѣ, шаркаетъ онъ по столичному, выражается на тонкой деликатности, какъ-же ему не одержать побѣды надъ слишкомъ убогими соперниками. Дядюшка одураченъ по недалекости и по глубокому чувству самоуваженія, тетюшка ничего не понимаетъ до самой развязки, потому-что ей свыше не дано таланта разумнѣя.

Конецъ—свадьба. Пьеса вялая, лишенная всякой тѣни изобрѣтенія. Г. *Мартиновъ* — очень хорошъ въ роли поэта. Онъ играетъ *дурнаго* жениха: будь я на мѣстѣ Машеньки—мой выборъ палъ бы на него.

Приключеніе въ жидовской корчмѣ—оперетка добраго стараго времени, безъ особенныхъ затѣй, безъ претензій на остроуміе, но веселая, игривая, полная военной удали, малороссійскаго юмора, прекрасныхъ мотивовъ и притомъ вѣрная картинка обычая начала нынѣшняго столѣтія—лихой уланской вербунки. Ее, лѣтъ тридцать тому, написалъ Семеновъ, котораго слава не сохранилась въ литературныхъ летописяхъ, хотя пьеска его до сихъ поръ, даже при Дебюссиновомъ наводненіи водевилями, все еще всплываетъ на поверхность репертуара. Музыку къ ней писалъ Ленгардъ, человекъ съ большимъ талантомъ, съ игривымъ воображеніемъ и образованнымъ вкусомъ, который могъ только существовать въ тѣ времена, когда артисту удавалось стяжать музыкальную славу однимъ талантомъ и заслугами, а не мелкой дребеденною полекъ и гапонцовъ. Я видалъ въ этой пьесѣ, за двадцать лѣтъ предъ симъ, малороссійскихъ актеровъ: знаменитаго Щепкина, Тарновскаго, Калиновскаго; они были превосходны и приводили публику въ восторгъ своею игрою.

Въ нынѣшнемъ ея изданіи, просмотренномъ и значительно *укороченномъ*, мы не узнали прежней *Жидовской корилы*. Хоры, пѣсни, отдѣльныя аріи изъ нея исключены; многія эффектъныя, и необходимыя для уразумѣнія дѣйствія, сцены выкинуты: остался годій остовъ и вся пьеса стала похожа на ископаемое, надъ которымъ невольно задумаешься, къ какому разряду его отнести. И Семеновъ и Ленгардъ — оба затмѣлись и не безъ причины могли бы пожалѣть о своихъ именахъ, выставленныхъ, за давнишніе грѣхи, на афишкѣ. А жаль, пьеса въ настоящемъ своемъ видѣ могла бы еще нравиться.

Г. Самойловъ очень хорошъ въ роль жида Израила.

Еще комедія съ дядюшкой, или Водевиль съ племянниками, въ одномъ дѣйствіи, Соч. П. Григорьева 1-го.

Дипломатъ и наборщикъ или съ больной головы на здоровую. Комедія въ одномъ дѣйствіи П. Фурмана.

Два брата съ Арбата и третій къ нимъ хватъ. Шутка — водевиль, въ одномъ дѣйствіи, взятая съ французскаго Д. Ленскимъ.

Горка на именинахъ, или Анекдотъ съ четырьмя тузами. Русская оригинальная картина съ куплетами. П. Григорьева 1. (*Бенефисъ 2. Григорьева 1-го.*)

Г. Григорьеву удалось развѣ написать очень счастливый водевиль, подъ названіемъ: «*Комедія съ дядюшкой*», который, благодаря искусной игрѣ артистовъ, до нынѣ держится на сценѣ. Въ дружку къ этому водевилю, ему вздумалось теперь написать другой и дать ему названіе: «*Еще комедія съ дядюшкой*», и онъ сдѣлалъ очень хорошо, потому что это повтореніе старой идеи на новый ладъ смотрится и слушается съ удовольствіемъ.

Дядюшка Оома Оомичъ, жившій долго, по торговымъ дѣламъ, за границую, по пріѣздѣ въ Россію, хочетъ поиспытать своихъ племянничковъ и будущихъ наследниковъ, и для этого является въ свой домъ подъ видомъ своего управляющаго. Одинъ изъ его племянниковъ такой скромный, привѣтливый, деликатный, тихій, такъ что кажется водой не замутить; другой, напротивъ, повѣса, кутила, буянъ, такъ, что хоть святыхъ неси воръ. По испытаніи оказывается, что въ тихомъ омутѣ черти водятся: племянникъ—скромникъ ничто иное, какъ волкъ въ овечьей шкурѣ, который добирается до дядюшкиной касы и больше ничего. А племянникъ—сорви-голова малый благородный, который въ дядѣ любитъ больше человека, чѣмъ капиталиста.

Это иногда случается въ жизни, хотя не всегда кончается, какъ въ водевилѣ. У г. Григорьева добродѣтель награждена рукой хорошенькой и богатой невесты, а пороки наказаны—лишеніемъ наслѣдства. Назидательно и весело.

Въ этомъ водевилѣ г. Мартыновъ въ первый разъ сыгралъ для него совершенно новый и весьма трудный характеръ — добродушнаго повѣсы хорошаго тона — и сыгралъ, какъ только можетъ сыграть великій художникъ. Первая сцена его появленія, сцена за столомъ, когда мнимый управитель предлагаетъ за деньги склонить дядю въ его пользу и лишить наслѣдства его брата, и, наконецъ, послѣдняя сцена, въ которой онъ по своему вымаливаетъ у дяди прощеніе брату, — созданы и выполнены съ мастерствомъ непогрѣжимымъ. Сколько правды и простоты во всѣхъ движеніяхъ! Какъ вѣрно выливается весь характеръ въ малѣйшихъ отбѣнкахъ! Какъ сильны эти простыя, но полныя искренняго чувства сцены! Здѣсь у г. Мартынова явилась даже *веселость*, элементъ комизма, которымъ его природа не надѣлила. Роль *Рассторгуева* одна изъ лучшихъ созданій нашего гениальнаго артиста и можетъ служить образцомъ сценическаго постиженія и высокаго искусства!

Въ той-же пьесѣ явилась молоденькая воспитанница Театральнаго Училища, г-жа Жюлева, которая обещаетъ, если только одушевлена любовью къ своему искусству, весьма полезную и милую артистку для нашей сцены. Органъ ея пріятенъ, въ выраженіи виднѣтъ природный умъ и стараніе войти въ положеніе представляемаго лица, физіогномія ея одушевлена, голосъ звучный, хотя не слишкомъ обширный, и много внутренняго чувства проглядываетъ въ мѣстахъ патетическихъ. Водевилъ нашъ сильно нуждается въ хорошихъ актрисахъ на молодыя роли: г-жа Жюлева, въ этомъ отношеніи, весьма отрадное явленіе. Надо только пожелать, чтобъ она развивалась самобытно, а не увлекалась подражаніемъ образцамъ прославленнымъ, но въ сущности весьма не изящнымъ.

Дипломатъ и наборщикъ! Какія двѣ крайности! Одинъ скрываетъ, дѣйствуетъ тайкомъ, маскируетъ свои мысли; другой все обваруживаетъ свѣту, говоритъ во всеуслышаніе и притомъ самъ никогда не разсуждаетъ, а только передаетъ чужія мысли! Одинъ разбираетъ дѣла людей, другой ихъ набираетъ! Одинъ производитъ иногда перевороты въ судьбѣ государствъ, другой — развѣ что ставитъ вверхъ ногами невинныя буквы; одинъ поверстываетъ выгоды народовъ, другой верстаетъ страницы,

по большей части, къ невыгодѣ авторовъ. Какъ же соединить интересы двухъ такихъ противоположныхъ людей? Это задача трудная: но г. Фурманъ разрѣшилъ ее съ талантомъ и умъньемъ, ко всеобщему удовольствію.

Графъ де Марпа, президентъ совѣта, при Людовикѣ XVI, сочинилъ ѣдкую пасквиль на Австрію, выставилъ политику ея въ довольно забавномъ свѣтѣ и пустилъ брошюру въ свѣтъ, безъ имени автора. Брошюра надѣлала много шуму и сильно встревожила австрійскаго посланника, герцога фонъ-Бригена, который лично пострадалъ отъ сарказмовъ этого анонимнаго сочиненія. Король поручаетъ президенту непременно отыскать автора брошюры. Герцогъ самъ наблюдаетъ за дѣйствіями президента, который, будучи увѣренъ, что никто не можетъ открыть его имени, назначаетъ огромную награду тому, кто откроетъ правительству имя автора. Бѣдный наборщикъ, комикъ, изъ любви къ Маріаннѣ, на которой не можетъ жениться по недостатку денегъ, объявляетъ себя творцомъ пасквиля, чтобы получить обѣщанную награду. Вотъ все содержаніе пьески, обильной самыми эффектными и свѣжими положеніями и полной благороднаго комизма.

Г. Самойловъ, въ роли наборщика, показалъ, что можетъ выполнять характеры, которые основаны не на одномъ переодѣваніи и передразниваніи, но имѣютъ болѣе важныя стороны. Веселость, чувство, простодушіе — смѣняются въ игрѣ его съ такой истиной и ненатянутой простотою, что невольно возбуждаютъ участіе зрителей. Но главное достоинство его выполненія состоитъ въ томъ благородствѣ, которымъ проникнуты всѣ его дѣйствія на сценѣ. Достоинства этого у насъ многіе артисты вовсе не постигаютъ, полагая, что если имъ въ удѣлъ досталось лицо изъ низшихъ слоевъ общества, то его непременно надо вылить въ *площадную форму*; а если лице это дѣйствуетъ въ драмѣ, то надо изъ него сдѣлать *героудальца*, рыцаря Баярда или Карла Мора. Они забываютъ, что благородство образа мыслей и чувствъ облагораживаетъ и самый способъ ихъ выраженія, хотя бы выраженіе это выливалось и не въ кудрявыхъ и изысканныхъ фразахъ. Г. Самойловъ торжествовалъ въ этой роли одну изъ тѣхъ трудныхъ побѣдъ въ области искусства, которая, при постоянномъ его стремленіи къ той-же цѣли и при твердой волѣ надъ собою, можетъ очистить ему одно изъ первѣйшихъ мѣстъ на русской сценѣ.

Два брата съ Арбата и третій къ нимъ хватъ! — Какъ грустно, какъ прискорбно намъ, что горькая обязанность рецензента, заставляетъ насъ говорить объ этомъ жалкомъ продуктѣ московской фабрикаціи, который ниже всякой посредственности. Г. Ленскій перевелъ весьма удачно нѣсколько хорошихъ французскихъ водевилей, встарину у него бывали очень остроумные куплеты и даже весьма ловкія примѣненія. Но, увы! все проходитъ съ годами, особливо все случайное, всякій внѣшній блескъ, всякій временный успѣхъ! Время, разсѣвая постепенно густые туманы съ умовъ, очищая вкусы, рождаетъ и новыя требованія; что когда-то казалось забавнымъ—становится пошлымъ; что почиталось вершиною остроумія—оказывается плоскостью, и люди, сльвишіе геніальными, во времена, когда геніальность доставалась легкою цѣною, являются предъ взыскательнымъ въкомъ—въ жалкомъ видѣ, обнаженные отъ воображенія и ума, въ яркихъ лохмотьяхъ своей, прежде блистательной, мишуры, съ растрепанными и засохшими лаврами, и имъ остается только употребить ихъ въ супы и соусы! Таковъ неминуемый законъ судьбы!

Не можно въкъ носить личинъ

И истина должна открыться!

Давно-ли, кажется, одинъ услужливый и незыскательный журналистъ, вѣроятно для мистификаціи, сравнивалъ г. Ленскаго съ Беранже и объявлялъ его законнымъ наследникомъ Пушкина въ русской литературѣ? А теперь и онъ уже развѣнчалъ своего лауреата и говоритъ, что последнее произведеніе г. Ленскаго *ниже всякой критики*. Авторы, ищущіе особенныхъ похвалъ и превознесеній не по заслугамъ, всегда должны бы помнить, что — чѣмъ выше ихъ поставятъ на пьедесталъ, тѣмъ болѣе будетъ ихъ паденіе, когда восторжествуетъ истина.

Что сказать объ этой новой *шуткѣ* г. Ленскаго? Что она *плохая* шутка, этого мало, потому-что она не только плоха, какъ пьеса, но еще открываетъ во всей наготѣ — средства, къ которымъ, на бѣду нашего театра, прибѣгаетъ жалкая посредственность за неостаткомъ воображенія и изобретенія. И только съ этой точки зрѣнія стоятъ войти въ нѣкоторыя подробности о «двухъ братцахъ съ Арбата».

Тихонъ Калинка и Романъ Калинка, извольте видѣть, галантерейные торговцы — на Арбатѣ, на аристократической улицѣ въ Москвѣ, на которой, кромѣ мелочныхъ лавочекъ и,

кажется, одной только кондитерской, ни какихъ лавокъ не было и вѣтъ. Романъ Калинка—прикащикъ Тихона Калинки. Этотъ Романъ—настоящій романическій герой прилавка и сочинилъ цѣлый романъ въ жизни: на Коренной ярмаркѣ, отмѣривая курской барышнѣ аршинномъ лентѣ, онъ успѣлъ плѣнить ее разными галантерейностями и, наконецъ, похитилъ ее и тайно съ нею обвѣнчался. Она живетъ съ нимъ на квартирѣ старшаго брата, которому, какъ русскому человѣку и притомъ коренному москвичу, незнакому съ идеями социализма и эмансипаціи, этотъ романтизмъ жизни вовсе не нравится, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ намѣренъ обзавестись супругою, по всѣмъ формамъ закона гражданскаго и христіанскаго. Но онъ въ этомъ отношеніи поступилъ, какъ настоящій классикъ; онъ сопрягаетъ брачный союзъ съ выгодами житейскими и торговыми. Онъ беретъ жену изъ дома курскаго мѣщанина, у котораго забираетъ товаръ. Притомъ беретъ ее по всѣмъ правиламъ, заповѣданнымъ предками: при посредствѣ свахи и съ приличествующею радною. Во оживленіи своей суженой, ему хочется очистить домъ отъ запрещеннаго товара, который туда занесъ его братецъ, въ видѣ мамзель Софьи. Братъ ее защищаетъ со всей горячіестью, къ какой только способенъ въ минуты, когда не бываетъ особенно одушевленъ пылкимъ горскимъ. Тихонъ—(отчества знать чести не имѣетъ—) человѣкъ, хотя и не отборной деликатности, но извѣдалъ по опыту, что силою не вездѣ возьмешь, и что за избытокъ силы надо иногда платиться, а это не совсѣмъ согласно съ коммерческими расчетами:—онъ хочетъ поддѣйствовать на брата своего нравственными пружинами, т. е. увѣрить его, что Софья *шалитъ*, что на лавочномъ нарѣчій означаетъ — «Софья де-молъ тебѣ не-вѣрна.» Вотъ обстоятельства, въ которыхъ находятся два брата съ Арбата, когда совершается слѣдующій изумительный курьозъ. Есть, видите—ли, нѣкто Волчекъ, знаменитый русскій скрипачъ, который, въ званіи артиста, по-европейски, объѣзжаетъ русскіе города и даетъ въ нихъ концерты. Побывавъ въ Волоколамскѣ, Подольскѣ, Каротоякѣ, Чухломѣ, Сапожкѣ и другихъ артистическихъ городахъ русскаго царства, онъ заѣзжаетъ и въ Курскъ. Одна изъ курскихъ мѣщанокъ, такъ же великая артистка на фортепьяно, въ него влюбляется въ концертъ. Лиза (такъ зовутъ пѣвицку) разсуждаетъ очень здраво: что фортепьяно само по себѣ—такъ, —ничего особеннаго не представляетъ, но при акампаньеманъ скрипки,

можетъ быть весьма пріятнымъ дѣломъ и привести къ дуэтамъ самымъ уповительнымъ. Посему, по отъѣздѣ знаменитаго Волчка, хитрая лисичка рѣшается бѣжать за нимъ, оставляетъ домъ родительскій, переодевается въ мужское платье, вѣроятно, нечаянно захватываетъ отцовскія деньги, ибо своихъ суммъ не имѣетъ, и летитъ въ почтовой каретѣ въ Москву, къ своему возлюбленному, съ которымъ хочетъ жить по-артистически и давать уроки. Но Москва, столица огромнаго размѣра: хотя возлюбленный ея и знаменитый виртуозъ, но и его съ разу неотыщешь, а потому она рѣшается прежде помѣститься у своей пріятельницы, Софьи Калинкиной, какъ и она, курской бѣглянки. Тихонъ подмѣтилъ, что вошелъ мужчина въ комнату Софьи: — это для него настоящая находка. Но этого мало, вдругъ врывается въ комнату человекъ со скрипкою и съ носовымъ платкомъ въ рукѣ и спрашиваетъ молодую особу, которая здѣсь живетъ. «Софью — вамъ, — что-ли?» — Да Софью, коли ее такъ зовутъ. — «Да вы ее развѣ знаете?» — Какъ-же не знать, вѣдь это она, та самая, которую я обожаю и на которой хочу жениться. — «Такъ вы хотите ее взять отсюда? очень радъ. Я васъ благословляю и сейчасъ ее вышлю.» Изъ этого глупаго явленія выходитъ путаница. Мужъ ревнуетъ Софью къ скрипкѣ, скрипка ревнуетъ такъ же Софью, вмѣсто Лизы, которой имени не знаетъ, къ ея мужу. Общаются другъ друга притупить самымъ артистическимъ образомъ, но, къ крайнему сожалѣнію райка, эта изящнѣйшая сцена эстетическаго творенія не приводится въ исполненія, потому-что прежде, чѣмъ сидѣлецъ сходилъ за аршиномъ, а великій виртуозъ наострилъ кулаки, все дѣло приходитъ въ ясность. Лиза оказывается невѣстой Тихона Калинки, который, разумеется, по правиламъ здраваго разсудка и доброй старины, на ней не женится, а вручаетъ ее со всеми ея талантами Волчку. Куплеты этого водевиля соответствуютъ своимъ приличіемъ и художественностію остальнымъ частямъ творенія.

Спрашивается: есть ли какая-нибудь возможность вслѣпнать на русскій бытъ и русскіе нравы событіе болѣе не правдоподобное и нелѣпое?

Гдѣ у насъ званіе странствующихъ виртуозовъ? Кто занимается музыкою, какъ призваніемъ, составляющимъ всю цѣль его жизни? Гдѣ у насъ тѣ губерскіе города, гдѣ мѣщанки возвышены образованіемъ своимъ до высокихъ музыкальныхъ идей и до понятія объ эманципаціи женщинъ? Кто

видать, чтобы въ почтовыхъ каретахъ можно было разъѣзжать по Россіи безъ форменнаго вида? У города у Курскіи мѣщанки дюжія и наипривлекательнѣйшія дѣвчатки, которыя ходятъ въ повязкахъ, носятъ сарафанъ съ таліей выше груди и ни въ какихъ художествахъ не обращаются. Вся музыкальность ихъ состоитъ въ весьма пронзительныхъ и крикливыхъ пѣсняхъ, которыя онѣ на сговорахъ и свадьбахъ (замѣтьте, всегда законныхъ) своихъ подружекъ, сопровождаютъ битьемъ въ тазы, сковороды и кастрюли. За что-же обвинять этихъ невинныхъ голубицъ въ высшихъ музыкальныхъ взглядахъ и продѣлкахъ французскихъ гризетокъ?

Когда, наконецъ, московскій гостинный дворъ, этотъ почтенный музей древнихъ повѣрій, предразсудковъ, обычаевъ, это высокое училище русской подчиненности, русскаго послушанія, усиленія всякаго чувства, кромѣ чувства — стяжанія, отличался сидѣльцами — романтиками, которые увозили бы молодыхъ барышень, на нихъ женились тайкомъ и жили съ ними открыто, свѣдома родныхъ и стороннихъ лицъ изъ достопочтеннаго купечества?

Какъ правы этой пьесы, такъ и всѣ происшествія чисто-французскія, возможны только во Франціи, а въ Россіи составляющія анахронизмъ, тѣмъ болѣе непріятный, что всѣмъ лицамъ и мѣстамъ дѣйствія даны русскія названія.

Эта манера сочинять водевили самая легкая: взявъ французскую пьеску, Mr. Michot — перемѣнилъ въ Трифона Васильча, Mlle Adele — въ Акулину Савину; Діэппъ — въ Курскъ или Владимиръ, marchand de comestibles, rue St. Jaques, въ галантерейнаго торговца на Поварской или на Арбатѣ, наконецъ; Mr. St.—Albin, jeune artiste, — въ Егора Смычка или Кузьму Варгана — и пьеса готова. Стоитъ только подобрать къ ней полный заглавіе — и она будетъ чисто *россійскаго произведенія*, перваго сорта, восемьдесятъ-четвертой пробы — и приведетъ непремѣнно въ восторгъ судей искусства съ *высшимъ воззрѣніемъ на сцену*, т. е. блаженныхъ посѣтителей райка, которые именно тѣмъ и блаженны, что не вѣдаютъ, что творять.

Русская жизнь имѣетъ много своего оригинальнаго комизма, надо только имѣть талантъ подмѣчать его и довольно воображенія, чтобы передавать въ правдивыхъ образахъ. Ужъ если непремѣнно надо выставять смѣшныя стороны нашего купеческаго быта, то пусть авторы выставляютъ ихъ съ та-

кой точки зрѣнія, которая, не оскорбляя цѣлаго сословія, и сословія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, очень почтеннаго, въ тоже время служила бы ему къ исправленію. *Deridendo castigantur mores!*

Пусть для этого берутъ примѣръ хоть съ двухъ Гг. Григорьевыхъ, 1-го и 2-го, и ищутъ картины изъ русскаго быта, можетъ быть, не слишкомъ изящныя, но яркія и вѣрныя, въ родѣ

Горки на именинахъ. Здѣсь нѣтъ сюжета, нѣтъ завязки, нѣтъ развязки, но много высказано такого, чего, можетъ быть, иной *поштенный* — увидѣвъ на сцѣнѣ — постыдится быть представителемъ въ своемъ обществѣ.

Горка—кушеческая карточная игра, чисто русское національное изобрѣтеніе, которое свидѣтельствуетъ, что характеръ нашего народа живъ, горячъ и впечатлителенъ, потому что это—игра азардная. Названіе сдачи и прикупокъ — *фалля, брадобылъ, хлюстъ, фу-фу* — ясно указываютъ на русское происхожденіе этой игры, которая есть ничто иное, какъ усовершенствованіе другой игры, называемой — *въ три листика*. Кушцы собираясь другъ къ другу на вечеринки, утѣшаются этой игрою, и часто, въ азардѣ, рискуютъ огромными суммами, что составляетъ разительный контрастъ съ ихъ мелкимъ барышничествомъ въ торговлѣ и копѣчной скаредностію въ дѣлахъ домашней жизни. Игра сопровождается обыкновенно попойкою, съ приличными подчиваніями со стороны хозяина или хозяйки, до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ потемнѣетъ въ глазахъ — и всѣ пойдутъ *темнѣть*, т. е., играть на *темную* или *не открытую* сдачу. Этой минутой иногда пользуются ловкіе промышленники, для подтасовки картъ и фальшивой сдачи, вслѣдствіе которой игра разгорается, страсти вскипаютъ и дѣло кончается не рѣдко потасовкою и ущербомъ почтенныхъ бородъ. Благовѣрныя супружницы играющихъ въ это время чинно драпируютъ стѣны комнаты, сидя въ струнѣ, перебирая пальчиками, перешептываясь, и изрѣдка, по оличкѣ, путешествуютъ въ маленькую боковую комнатку, чтобы тамъ, сохраняя все внѣшнее приличіе, одушевляться нектаромъ наливокъ и *хересовъ*, Россійскаго произведенія.

Всѣ эти обстоятельства выставлены въ живой и рѣзкой картинѣ въ небольшой пьескѣ г. Григорьева, который ловко подмѣтилъ смѣшную и оригинальную сторону подобныхъ пирушекъ. Такія олицетворенія на сценѣ мы почитаемъ.

весьма полезными, ибо они должны живо представлять воображенію подлинниковъ этихъ копій — все неприличіе и безобразіе подобной жизни и слѣдовательно, благотѣльно дѣйствовать на ихъ нравы. Ничѣмъ нельзя такъ рѣшительно исправлять закоренѣлые пороки, какъ посмѣяніемъ.

Въ этой ничтожной, въ сущности, пьескѣ, всѣ артисты играютъ съ рѣдкимъ совершенствомъ, а г. Мартыновъ, въ роли Вавилы Крупчаткина — есть дивный типъ купца подхмѣльникомъ. Одна его игра можетъ обезсмертить эту шутку, видимо написанную для бенефиса.

Школа мужей. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Мольера*. Переводъ въ стихахъ *А. Григорьева*.

Невидимка. Комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сюжетъ заимствованъ изъ старинной оперы.

Королевская Охота. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

Москаль-Чаривникъ. Малороссійская опера въ одномъ дѣйствіи. Соч. *И. П. Котляревскаго*.

(Бенефисъ г. *Сосницкаго*).

Бенефисъ г. *Сосницкаго* можно почти назвать волшебнымъ представленіемъ, не по магическому дѣйствію на зрителей, но по колдовству, которое составляетъ главный элементъ этого спектакля. Въ водевилѣ «Невидимка» — колдуютъ, въ оперѣ «Москаль - Чаривникъ», опять колдуютъ, водевиль «Королевская Охота» такъ - же родъ колдовства, потому что въ немъ не доберешься до смысла, и наконецъ, по какому-то волшебству — Мольеръ опять попалъ на русскую сцену! Добро-пожаловать, добрый и рѣдкій гость! Милости просимъ.

Школа мужей — одна изъ самыхъ удачнѣйшихъ комедій Мольера, по своему мастерскому составу, по оригинальности мысли, по истинно комической развязкѣ. Вольтеръ былъ правъ, говоря въ своемъ сужденіи о Мольерѣ: «Еслибъ Мольеръ написалъ только одну «Школу мужей», онъ все таки былъ-бы превосходнѣйшимъ драматургомъ.»

Но и въ «Школѣ мужей» Мольеръ поступилъ по принятому имъ правилу: онъ заимствовалъ мысль ея у Теренція, а форму — у Лопе-де-Веги. Теренцій выставилъ въ своихъ «Адельфахъ» двухъ стариковъ, которые воспитываютъ своихъ дѣтей, каждый по своему. Одинъ изъ нихъ строго,

брюзга и скупецъ; другой веселъ, великодушенъ и нѣженъ. Тоже самое мы видимъ и у Мольера въ лицахъ Сганареля и Ариста. Вся разница въ томъ, что изложеніе Теренція холодно, вяло, безцвѣтно: лица его проповѣдуютъ, но не дѣйствуютъ и Юлій Цесарь очень справедливо упрекалъ за то римскаго комика. у Мольера, напротивъ, дѣйствіе кипитъ, разговоръ — не сентенціи, а прямое осуществленіе жизни, и каждая сцена одушевлена веселостію и благороднымъ комизмомъ.

Итальянскій писатель Боккачіо, еще гораздо прежде Мольера, взялъ изъ комедіи Теренція основу для повѣсти. У него молодая дѣвушка, живущая подъ строгимъ надзоромъ, влюбившись въ молодаго человѣка, который объ ней и не думаетъ, прибѣгаетъ къ помощи францисканскаго монаха, объявляетъ ему, что молодой человѣкъ преслѣдуетъ ее своею страстію, старается обольстить и, полная негодованія, проситъ добраго патера подѣйствовать на душу обольстителя своимъ пастырскимъ назиданіемъ. Этимъ способомъ, она невольно заставляетъ молодаго человѣка обратить на нее вниманіе и наконецъ полюбить ее взаимно. Знаменитый испанскій драматургъ, Лопе-де-Вега, воспользовался интригой Боккачіо и обработалъ ее для сцены, подъ названіемъ: *La Discreta epamogada* (*Ловкая любовница*.) Лопе-де-Вега, какъ искренній католикъ, не могъ допустить, чтобы суетная женщина употребляла орудіемъ своей любви священную особу монаха, притомъ духовное лицо было невозможно на театрѣ, въ странѣ, гдѣ существуетъ инквизиція. Онъ замѣнилъ ее старикомъ—селадономъ, который влюбленъ въ молодую дѣвушку, а юноша, къ которому дѣвушка ему даетъ порученія, собственный сынъ его. Мысль замѣнить холоднаго, безучастнаго монаха лицомъ, которое дѣйствуетъ противъ воли и притомъ во вредъ себѣ, принадлежитъ къ самымъ счастливымъ комическимъ вымысламъ. Но за то, съ другой стороны, въ этомъ переложеніи страдаетъ нравственное чувство, потому что весьма непріятно видѣть отца, одураченнаго и обманутаго сыномъ.

Мольеръ, съ удивительнымъ тактомъ и мастерствомъ, воспользовался своими образцами. Онъ исправилъ ихъ погрѣшности и своимъ гениемъ пополнилъ ихъ недостатки. Въмѣсто отца — онъ вывелъ на сцену опекуна, скупаго и самолюбиваго старичишку, который угнѣтаетъ свою питомицу и насильно хочетъ на ней жениться. Молодой чело-

вѣкъ, съ которымъ сносится молодая дѣвушка, въ нее влюбленъ, слѣдить за нею, и страстію своею оправдываетъ ее поступки: у кого-же ей и просить помощи, какъ не у человѣка ее любящаго? Притомъ Валеръ не сынъ и не родственникъ Станареля, а просто—его соперникъ, и потому не заслуживаетъ упрека за то, что дурачить и наказываетъ стараго глупца. Мольеръ умѣлъ мастерски соединить требованія комизма съ нравственными условіями пьесы. Въ *«Школы мужей»* есть только одинъ недостатокъ: развязка ея немножко натянута и неправдоподобна. Но этотъ недостатокъ произошелъ отъ понятій того вѣка объ искусствѣ, и потому извинителенъ. Въ свое время пьеса эта имѣла необычайный успѣхъ и никогда не перестанетъ правиться. Новый переводъ ея на русскій языкъ, по большей части, очень хорошъ, правда, есть мѣста, которыя отзываются иногда поспѣшностію, гдѣ стихъ нѣсколько натянута или небреженъ, но въ цѣломъ, языкъ довольно разговоренъ и простъ.

Пьеса разыгрывается на нашей сценѣ, безъ особенныхъ затѣй. Мызамѣтили бы только нѣкоторымъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, что играя въ пьесѣ Мольера и притомъ въ пьесѣ, написанной стихами, отнюдь не излишне знать роли наизусть; иначе, не говоря уже о недостаткахъ въ созданіи характеровъ, зритель лишается еще возможности судить о достоинствѣ перевода, ибо вмѣсто стиховъ переводчика, слышитъ безпрерывно какую-то дикую прозу, иногда весьма не дружную съ здоровымъ смысломъ.

Королевская охота — столь искусно переведена и съ такимъ совершенствомъ представлена, что мы не беремся передавать ея содержанія читателю.

Невидимка. Въ старину, когда жилали дѣды веселѣй своихъ внучатъ, — все забавляло и приводило въ восторгъ добродушныхъ зрителей. Тогда-то была создана оперетка, *Невидимка*, съ весьма хорошенькой музыкою и отменно глупымъ героемъ пьесы. Герой этотъ, трактирный прислужникъ, влюбленный, какъ перепелъ, въ свою хозяйку, молодую содержательницу гостиницы, на большой военной дорогѣ, и ревнивый, какъ Отелло. Хозяйка забавляется иногда разными шуточками съ господами офицерами, для того собственно, чтобы позабыться отчаяніемъ своего пламеннаго Ганса. Гансъ, впрочемъ, не совсѣтъ такъ глупъ, какъ кажется, онъ непремѣнно хочетъ быть увѣренъ, точно — ли Каролинхенъ шутитъ, и потому уже

на ней жениться. Начитавшись волшебныхъ сказокъ г. Перо, которыхъ умишка его не переварилъ, онъ ломаетъ себѣ голову надъ средствомъ, какъ бы сдѣлаться невидимкою и подстеречь хозяйку въ ту минуту, когда она приходитъ расчитываться къ молодымъ ротмистрамъ и корнетами. Одинъ изъ нихъ сговаривается съ товарищами разыграть съ бѣднымъ Гансомъ комедію и отучить его отъ ревниваго любопытства. Ротмистръ наряжается магомъ и обучаетъ легковѣрнаго кельнера двумъ тарабарскимъ словамъ, по первому онъ можетъ сдѣлаться не зримымъ, по второму—опять видимымъ. Тутъ начинается потѣха: Гансъ, полагая, что онъ невидимъ, вслѣдъ подглядываетъ, подслушиваетъ, узнаетъ о себѣ разныя горькія истины, и въ одну критическую минуту, когда молодой корнетъ хочетъ объясниться въ любви и расцѣловать Каролину, — онъ рѣшается предстать предъ ихъ очи, какъ грозный судія. Но не тутъ — то было: онъ позабылъ волшебное слово, снимающее очарованіе. Позабавясь его отчаяніемъ, ловкая Цирцея — трактирщица, наконецъ, его прощаетъ и выходитъ за него за мужъ, взявъ напередъ слово, что онъ никогда уже подглядывать и ревновать ее не будетъ.

Эту маленькую шутку нынѣ переложили на водевильную музыку и на русскіе нравы. Въмѣсто простаго прислужника — является уѣздный русскій трактирщикъ, Долгостоловъ, вмѣсто увертливой Каролины, добродѣтельная супруга трактирщика, Марья Ивановна, вмѣсто ротмистра — болдунъ, — полковой вахмистръ Шельменко — и такъ далѣе. Поступлено съ пьесой по методу г. Ленскаго. Водевиль, хотя и не сдѣлался оттого русскимъ, но не перестаетъ быть забавнымъ, для тѣхъ, кто любить крупную аттическую соль. Въ роли трактирщика у г. Мартынова есть минуты неподражаемыя.

Москва — Чаривникъ всѣмъ извѣстенъ. Слава его связана съ именемъ М. С. Щепкина, который въ роль Чупруна, не можетъ имѣть двойника; потому что это типъ малороссійской лѣни, хладнокровія, юмора и прожорливости. Г. Самойловъ скопировать очень удачно г. Щепкина, въ той — мѣрѣ въ какой можно скопировать великаго актера; онъ перенялъ его движенія, его мины, его манеры, но внутренней игры, источника всего этого, онъ перенять не могъ, потому что это не перенимается. Какъ конія г. Щепкина, г. Самойловъ очень хорошъ, какъ Михайло Чупрунъ — онъ слабъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижская корреспонденція.

Отверженіе Фауста (*La Damnation de Faust*), легенда въ четырехъ частяхъ, положенная на музыку *Гекторомъ Берлиозомъ*. (Исполнена на сценѣ *Комической Оперы*, въ Парижѣ.)

Я помню вечеръ на взморьѣ: солнце тонуло въ яркомъ пурпурѣ; на золотомъ горизонтѣ мелькали черныя силуэты кораблей; облака раскидывались широкими формами, какъ образы боговъ, взваянные изъ блестящаго мрамора; кругомъ было все безмолвно, и я чуткимъ ухомъ прислушивался къ величайшей гармоніи, которую называютъ тишиною. Я читалъ легенду про любовь Розамунды, старинную, простую легенду, и въ душѣ моей пробуждалось теплое, тихое, отрадное чувство, какого давно я не испытывалъ, по неволѣ питаюсь скороспѣлыми плодами нынѣшней поэзіи, этой гордой серьезной сибиллы, которая, во что бы не стало, карабкается на идею и хочетъ, поднимая человечество на блокъ, перевести его на какую-то новую планету. Скажите, могъ ли я не радоваться при мысли, что Берлиозъ разскажетъ мнѣ легенду, правда страшную, съ Фаустомъ и Мефистофелемъ, когда я зналъ, что подлѣ нихъ будетъ и Маргарита, это нѣжное, кроткое созданье, увѣнчанное двойнымъ ореоломъ—любви и страданія?

Взглядъ на картину заставляетъ подумать и о характерѣ художника. Господинъ Берлиозъ при первомъ дебютѣ своемъ, въ 1830-мъ году, нашелъ себя защитниковъ, во-первыхъ, въ молодыхъ артистахъ, которымъ хотѣлось разрушить всѣ правила, потому что они сами никогда не учились имъ, во вторыхъ—

въ журналахъ, враждебныхъ всему, что только имѣетъ форму закона, будетъ ли онъ написанъ для музыкальной гармоніи или для уличнаго воровства. Послѣ трудностей неслыханныхъ, перенесенныхъ съ твердостью, благородствомъ и предусмотрительностью, господинъ Берліозъ нашелъ двухъ писателей, Леона-де-Вальи и Барбье, которые сшили ему либретто для оперы, имѣвшей неоспоримыя достоинства. Композиторъ представилъ свое произведение директору Большой Оперы, этотъ посоветовалъ ему обратиться съ партитурою въ комическую оперу. Берліозъ отправился. Члены театральнаго совѣта велѣли ему сократить оперу изъ трехъ актовъ въ одинъ, потомъ нашли, что она слишкомъ коротка. Новый сотрульникъ, одно изъ самыхъ блестящихъ именъ въ литературѣ, Альфредъ де-Вивьи, бросилъ щепотку жемчугу въ либретто, и опера *les Ciseleurs*, послѣ долгаго мытарства, явилась на сценѣ.

Такъ дебютировалъ Берліозъ, композиторъ съ несомнѣннымъ ларованіемъ, имѣющій столько же враговъ, сколько поклонниковъ.—честь, которая дается на долю очень немногимъ. Но дѣйствительно ли онъ принадлежитъ къ числу гениевъ, непонятныхъ временною эпохою, потому—что они опередили ее и говорить языкомъ будущаго, для нея непонятнымъ? Если это справедливо, можно предположить, что музыкальное искусство въ той формѣ, въ какой представили его намъ величайшіе композиторы, Моцартъ, Веберъ, Бетховенъ, Мейерберъ и Россини (не смотря на различіе ихъ гения, чувствъ и стила) можетъ сравниться только съ лирикой, предшественницею высшаго художественнаго развитія, именно драмы. Пожалуй! Но въ этотъ разъ наша разумная гордость живо возстанетъ противъ такого страннаго предположенія.

Если Берліозъ иногда увлекаетъ насъ, передавая свою смѣлую мысль въ звукахъ, соединенныхъ своеобразно, но всегда поэтически и выраженныхъ оркестромъ стройнымъ и могучимъ, мы однакожь, не въ силахъ слѣдить за узловатыми линіями фантастическаго узора, по которымъ онъ старается вести человѣческіе голоса. Это нарушеніе естественныхъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, нарушеніе требованій сердца и слуха, требованій, получившихъ законность, невольно возмущаетъ наше чувство. Известно каждому, что діатоническая скала не вездѣ одинакова и измѣняется съ различіемъ народовъ и образованности. Мелодіи, которыя чаруютъ наши чувства, симфоніи, приводящія нашу

душу въ восторгъ, заставили бы китайцевъ и арабовъ бѣжать изъ театра.

Еще разъ, Берліозъ не гений, опередившій свою эпоху. Стараясь разорвать цѣпи, соединяющія его съ прошедшимъ, онъ все-таки не слишкомъ подвинулся къ будущему. На дорогу, которую выбралъ себѣ Берліозъ, гоняясь за оригинальностью, онъ могъ только заблудиться и слѣзаться страннымъ. Ошибка автора симфоній «Ромео и Джульетта» и «Отверженіе Фауста» есть слѣдствіе истины, дурно понятой и натянутой. Музыка не живопись, не можетъ предложить себѣ исключительную задачу — рисовать природу: если нѣкоторыя сцены, высокія, грозныя или нѣжныя и выражаются въ физическомъ мірѣ звуками, слышенными болѣе или менѣе гармонически, то ими невозможно, однакожъ, выражать положеній патетическихъ, нравственныхъ, драматическихъ, взятыхъ изъ исторіи одного человѣка или цѣлаго народа. Поэтическое подражаніе можетъ только случайно находить себѣ въ музыкѣ примѣненіе, скромное и осторожное.

Прослушавъ *Отверженіе Фауста* только одинъ разъ, нельзя произнести приговора объ этомъ странномъ произведеніи. Партитура продолжается не менѣе трехъ часовъ. Она написана Берліозомъ на отрывки изъ Гётева *Фауста*, связанные вставочными тирадами, надъ которыми трудились три музы, одна Паржера де-Нерваля, другая—Гандовьера и третья—самого композитора. Съ каждою сценою Фаустъ переходитъ къ новымъ удовольствіямъ, но постоянно мрачный, разочарованный, до того, что Мефистофель даетъ ему, наконецъ, возможность осуществить идеалъ своихъ мечтаній, видѣть, слышать, любить прекрасную, чистую, невинную Маргаритту, но даетъ ему все это за ужасную цѣну—за небесное проклятіе.

Въ Лейпцигѣ, Мефистофель ведетъ Фауста въ погребъ. Здѣсь разочарованный философъ слышитъ пѣнье *отравленной мыши*, «такой скупой, такой несчастной, какъ будто у нея въ тѣлѣ была любовь»: но Фаустъ не въ состояніи развеселиться отъ вакхической пѣсни. Мефистофель предлагаетъ ему выслушать, вмѣсто *мышинной* аріи, куплеты *миловидной блохи*; но человѣкъ, которому наука высушила душу и помутнила разумъ, не находитъ себѣ сочувствія въ этой оргіи, въ этомъ сборищѣ пьяныхъ студентовъ, солдатовъ и бюргеровъ, отталкиваетъ отъ себя кружку, наполненную дарами винограда, и убѣгаетъ. Могутъ говорить, что это остроумно, игриво, но это скорѣе

смышно, въ смыслъ музыкальномъ и литературномъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобныя испытанія не стоили Фауста; для Маргариты была не великая слава возвысить его надъ такими несостоятельными искушеніями.

Но допустимъ, что здравый смыслъ, — для котораго впрочемъ существуютъ тѣже правила, какъ и для вкуса, — не всегда требуется въ произведеніяхъ искусства, тогда артистъ, по крайней мѣрѣ, долженъ дѣйствовать на меня вдохновеніемъ ирривымъ, нѣжнымъ, трогательнымъ или граціознымъ. Что мнѣ за дѣло до ученой музыки. Публика не хочетъ брать циркуль, чтобы математически измѣрять пропорціи всѣхъ частей музыкальнаго произведенія: если она увлечена, растрогана, если пульсъ у ней бьется сильнѣе, она заглушитъ композитора аплодисманами, восторгомъ. Точно такъ многіе, которые упорно противились фантастическимъ несообразностямъ господина Гектора Берліоза, нашли, что въ этой новой партитурѣ «венгерскій миршъ», аранжированный изъ стараго національнаго мотива — отрывокъ превосходный, смѣлый, полный чувства, жара, воображенія. Въ видѣннѣ, въ которомъ Мефистофель открываетъ Фаусту снѣжную Маргаритту, музыкантъ провелъ прелестный мотивъ вальса сквозь таинственное *morendo* струнныхъ инструментовъ и гармоническіе звуки одной арфы.

Есть еще нѣсколько другихъ инструментальныхъ страницъ, правда, слишкомъ эксцентрическихъ по идеѣ, но которыя живо тронули и восхитили слушателей. Такъ, фантастическій галопъ Фауста и Мефистофеля на двухъ черныхъ коняхъ, летящихъ по безпредѣльности времени и пространства, чтобы потомъ ринуться въ адскую пропасть, — картина, поразительная своею осязательною истинною.

Не говоримъ о финальномъ тріо, поражающемъ легкостью, простотою и оригинальностью мелодіи: это оазисъ, прекрасный только потому, что кругомъ его бесплодная пустыня. Пѣсня *Оулейскій царь* блеститъ очаровательнымъ колоритомъ; въ этомъ сліяніи звуковъ женскаго голоса съ звуками альта было что-то поэтическое, полупрозрачное, эффектъ чрезвычайно живописный. Къ сожалѣнію, въ ту минуту, какъ умъ и чувство начинаютъ успокаиваться на этой нѣжной мелодіи, ее тотчасъ сменяютъ звуки фантастическіе, толпятся, толкаютъ другъ друга, спотыкаются, разрушая свѣтлые призраки, мелькнувшіе передъ глазами слушателя, и онъ невольно долженъ подумать, что эти

три прелестныя партіи легенды Берліоза—три жемчужины подъ грудю граненыхъ стеколъ...

Берліозъ ведетъ васъ отъ удивленія къ удивленію. Если угодно и это доставляетъ удовольствіе, но неужели этимъ ограничивается назначеніе музыки? Не думаемъ.

Многіе прекрасные люди, когда я жаловался на скуку, производимую на меня музыкой, которою они такъ невстово восхищались, говорили мнѣ: «надобно слушать ее нѣскольکو разъ». Ловушка эта показалась мнѣ очень не ловкою: какъ, я буду только одинъ разъ слушать музыку, которая меня восхищаетъ, и слушать нѣсколько разъ ту, которая наводитъ на меня скуку?.. Нѣтъ, добрые друзья, я не попаду на эту удочку. Я какъ можно чаще слушаю музыку пріятную для меня и если случается мнѣ слышать музыку другого качества, я очень сожалею, что для сужденія о музыкальныхъ красотахъ пьесы у меня нѣтъ другой мѣрки, кромѣ скуки и удовольствія, и я не пойду въ другой разъ на *Отверженіе Фауста*.

Планета въ Парижѣ (Planète à Paris), *Обозрѣніе* въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Габріеля, Дювера и Дюпѣти.

Вата-Порохъ (Poudre-Coton), *Обозрѣніе* въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Дюмануара и Клервиля.

Нѣкоторые театры и водевильные писатели поставили себѣ непремѣнною обязанностью давать въ концѣ каждаго года оглавленіе всѣхъ его происшествій, сплетней, проэктовъ, выдумокъ, палевій. Эти обозрѣнія—крошки вчерашняго ужина; счетъ, представленный отъ портнаго, когда платье износилось, пепелъ сигары, которой вы топчете на полу. Я не люблю пережевывать жизнь: это довольно горькая пилюля; чтобы одинъ разъ проглотить ее, и для того надобно имѣть не мало смѣлости. Да и что представляетъ этотъ градь обозрѣній? Положимъ, вы идете въ Пале-Рояльскій театръ слушать эпиграмы на разныя пьесы, сыгранныя въ теченіе года, въ васъ стрѣляютъ мелкою дробью изъ пистолета, заряженнаго огнестрѣльною ватою; ташутъ за хвостъ планету Леверье, подкапываются подъ театръ Монпансье.. Вы оглушены какамбурами; у васъ рябитъ въ глазахъ отъ живыхъ картинъ; но дѣлать нечего: какъ пламенный театраль, вы отправляетесь ex officio, по долгу, въ театръ *Водевилл*. Опять таже *вата-порохъ*, опять живыя картины покойниковъ, о которыхъ вы, къ счастью, позабыли; таже какамбуры, тотъ же *Монте-Кристо* въ глазетовомъ мундирѣ, серебряномъ жилетѣ; на

вась сыплются тѣже эпиграмы, которыя вы только что проглотили въ Пале-Рояльскомъ театрѣ,—и очень понятво: оба обозрѣнія почерпнуты изъ одного источника: это славки или пѣна маленькихъ газетъ, литературныхъ инфузорій.

Агнеса Мерани (Agnes de Méranie), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Понсара. (Представлена на Второмъ—Французскомъ—Театрѣ: *Одеонъ*).¹

Два года назадъ, Понсаръ, бѣдный, неизвестный прѣхалъ изъ провинціи съ своею *Лукреціею*, трагедіей, замѣчательною во многихъ отношеніяхъ, особенно по прекрасному слогу. Молодой поэтъ, дѣйствуя подъ знаменемъ Корнелья, въ то время, какъ публика потеряла вѣру въ возможность прекрасной драмы, вполне наслаждался прелестью славы, пробрался сквозь лавры до академическихъ креселъ, и, самъ не замѣчая того, нанесъ жестокой ударъ своимъ литературнымъ собратьямъ.

Теперь все утихло. Новое произведеніе Понсара является передъ публикой, освобожденное отъ всякихъ вѣнскихъ обстоятельствъ. Второе произведеніе писателя, встрѣченнаго съ восторгомъ при его первомъ дебютѣ, должно жать суда и сула строгаго. Понсаръ могъ предвидѣть это; онъ зналъ, что, какъ бы ни были велики достоинства его новой пьесы, ему труднѣе будетъ увлечь публику, труднѣе сорвать пальму успѣха. И поэтъ не могъ жаловаться. Молва объ его первомъ торжествѣ проснулась и привлекла въ залу *Одеона* всѣхъ любителей искусства и литературы, и число ихъ было огромное. Эта избранная публика слушала съ участіемъ, съ благосклонностью, и если, отдавая справедливость многочисленнымъ красотамъ *Агнесы Мерани*, она не выражала такого фанатическаго восторга, какой обнаруживали нѣкоторые классики при появленіи *Лукреціи*, по крайней мѣрѣ, эта публика не произносила насмѣшекъ, которыя скользили въ первое представленіе римской трагедіи. Содержаніе пьесы, менѣе извѣстное, дѣйствіе безъ движенія, оправдывало отчасти эту холодность зрителей! Лица, дѣйствующія въ новой комедіи, превосходны въ литературномъ отношеніи, изящно обрисованы, рельефны; но чтобъ восхищаться этими холодными изваяніями, зрителю должно прежде охладѣть самому, потому что въ наше время немного *Пигмалионовъ*.

Для *Лукреціи* авторъ долженъ былъ много изучать, много соображать, справляться; для *Агнесы Мерани* исторія давала драму почти готовую; довольно было только выполнить ее.

Филиппъ-Августъ, государь очень непостоянный въ любви и очень мало питавшій уваженія къ священнымъ узамъ брака, овдовѣвъ послѣ Изабеллы Генуэ (Hainaut), вступилъ въ бракъ съ принцессою датскою Ингебергою, которую скоро удалилъ, неизвестно почему. Черезъ вѣсколько времени, Филиппъ началъ искать и получилъ руку *Агнесы Мерапи*. Между тѣмъ, Ингеберга и ея родственники громко и справедливо возстали противъ развода, который былъ произнесенъ, тогда какъ несчастной королевы не дали даже оправдаться. Напрасно хотѣли заглушить ея вопли: ничто не могло склонить ее, ни изгнаніе, ни жестокіе поступки короля, ни бѣдность, приносящая безчестіе не столько ей самой, сколько Филиппу. Однакожъ, жалобы злополучной королевы дошли до Рима. Папа написалъ французскому королю, чтобы онъ удалилъ Агнесу Мерапи, на которой женился противъ законовъ Церкви, и опять соединился съ Ингебергою, своею законною супругою. Филиппъ противился. Папа наложилъ интердиктъ на Филиппа и на все его королевство. Разгнѣванный этой чужою властію, возставшею противъ его воли, онъ изгналъ епископовъ изъ ихъ епархій, канониковъ изъ церквей, священниковъ изъ приходовъ, конфисковалъ ихъ дѣвнія, завладѣлъ ихъ богатствомъ и потомъ, наконецъ, не смотря на все, долженъ былъ уступить папѣ, который снялъ интердиктъ, съ условіемъ, чтобы Филиппъ соединился съ Ингебергою, и въ теченіе шести мѣсяцевъ, шести недѣль, шести дней и шести часовъ, отказался отъ своего развода чрезъ двухъ папскихъ легатовъ, прелатовъ королевства, и въ присутствіи родителей королевы, назначенныхъ защищать ея дѣло.

Ингеберга избрала мѣстомъ сѣзда Соассонъ. Защитники Филиппа приводили свои причины съ возможнымъ краснорѣчіемъ и тѣмъ успѣхъ, что никто не осмѣлился явиться для защиты королевы. Между тѣмъ, когда президентъ три раза спросилъ, будетъ ли кто говорить за королеву, изъ толпы вышелъ молодой человѣкъ, и, спросивъ позволенія у легатовъ и короля, съ такимъ искусствомъ защищалъ дѣло королевы, что привелъ всѣхъ въ изумленіе, и какъ никто не зналъ этого оратора и съ тѣхъ поръ не видалъ болѣе, то рѣшили, что это былъ ангелъ, посланный съ неба. Судьи не хотѣли тотчасъ произнести свое мнѣніе. Филиппъ, подавая видъ, будто признаетъ себя виновнымъ, увезъ Ингебергу, приказавъ сказать легату, что король не намѣренъ обдумывать, справедливъ ли

разводъ или пѣть, потому что примирился съ Ингебергой и хочетъ имѣть ее своею супругой.

Такъ кончается пятилѣтній споръ, вступая только въ точку исхода!... Бѣдная Агнеса Мерани, вступившая въ бракъ въ полной увѣренности на прочность развода, сдѣлалась жертвою своего легкомыслія. Удаленная въ Савой, она умерла отъ горести въ самый годъ своего разлученія съ мужемъ, оставивъ двоихъ дѣтей, признанныхъ папою законными.

Вотъ самая исторія. Въ этомъ разсказѣ находятся все элементы драмы и драмы занимательной, полной движенія, съ условіемъ, чтобы авторъ не ограничился только половиною сюжета, какъ это сдѣлалъ Понсаръ, но представилъ ее вполнѣ. Я лучше объясню эту мысль, показавъ планъ, начертанный Понсаромъ.

Агнеса, вступившая, пять лѣтъ назадъ, въ бракъ съ Филиппомъ, наслаждается нѣжностью, которая выражается въ поступкахъ ея супруга, славою и блескомъ своего положенія. Филиппу готовятся еще новые лавры: онъ собирается наказать Іоанна Безземельнаго и присоединить Норманію къ своей коронѣ. Уже Филиппъ надѣлъ латы, Агнеса застегнула его каску, но въ это время является монахъ: это папскій легатъ, онъ передаетъ Филиппу приказаніе папы — удалить Агнесу и примириться съ Ингебергой. — А если король не захочетъ повиноваться? — Если не захочетъ, будетъ наложенъ интердиктъ на него и на его государство.

Филиппъ противится легату: интердиктъ пропзнесенъ; дворецъ короля опустѣлъ, все слуги покинули его, кромѣ одного, храбраго, вѣрнаго Вильгельма. Но Вильгельмъ понимаетъ, что бой не равенъ между духовнымъ оружіемъ папы и мірскою силою Филиппа, и советуетъ ему повиноваться. Филиппъ отвергаетъ это мнѣніе. Между тѣмъ, легатъ продолжаетъ исполнять свое дѣло: если въ продолженіе срока, опредѣленнаго въ интердиктъ, французскій король не отошлетъ свою вѣнчанницу, онъ лишится своего вѣнца; бароны и вассалы будутъ освобождены отъ ихъ присяги, и онъ — болѣе не король!

Гнѣвъ Филиппа возрастаетъ съ упорствомъ легата: ни молитвы, ни угрозы не могутъ смягчить несокрушимаго монаха. Агнеса съ отчаяніемъ видитъ, что ея присутствіе останавливаетъ благородныя намѣренія ея супруга; она боится, чтобы ея любовь не замѣнила королю потерянную славу, и, въ свою очередь, обращается къ легату, который советуетъ ей пожер-

твовать своимъ величіемъ для спокойствія мужа. Убъжденная, что только этимъ средствомъ можно возвратить миръ, Агнеса повинуется: она поѣдетъ, подъ защитою вѣрнаго Вильгельма, въ домъ своего отца.

Агнеса хотѣла исполнить это намѣреніе; но Филиппъ догналъ ее на дорогѣ, и, не смотря на упреки народа, проложивъ себѣ путь мечемъ, возвратилъ Агнесу въ свой дворецъ, созвалъ своихъ бароновъ и велѣлъ имъ готовиться къ крестовому походу. Римъ будетъ доволенъ этимъ поступкомъ... Но Римъ не измѣняетъ своей воли, и легатъ повторяетъ неумолимый законъ. Срокъ кончился. Филиппъ долженъ былъ отказаться отъ своей короны!.... Тогда, побѣжденная отчаяніемъ, Агнеса рѣшается на послѣднее и страшное средство: она умретъ! Филиппъ будетъ свободенъ, можетъ взять свою первую супругу, тогда осуществить онъ свои обширные замыслы... Агнеса поручаетъ своихъ дѣтей заботливости своей вѣрной подруги и готова исполнить страшную мысль.

Филиппъ собираетъ бароновъ, напоминаетъ имъ клятву, напоминаетъ свои заслуги Франціи, и спрашиваетъ, что предпочитаютъ они — повиноваться папѣ или быть вассалами короля, который ведетъ ихъ къ славы. Всѣ молчатъ.... Но въ это мгновеніе является легатъ, чтобы рѣшить вопросъ: онъ однимъ словомъ хочетъ низложить Филиппа съ престола... Но присутствіе умирающей Агнесы удерживаетъ легата, и она умоляетъ его только объ одномъ—простить ей преступную смерть.

Эта простота расположенія частей исполнена величія и благородства, но очень однообразна; дѣйствіе, заключенное только въ трехъ лицахъ, ограничивается варіаціями на темы: *надежда* и *страданіе*. Характеръ легата, глубоко задуманный и широко выполненный, но безстрастный, естественно очень холоденъ. Наконецъ, борьба этой драмы только политическая, но не страстей. Манера Понсара, слишкомъ ровная, плавная, чисто-литературная, вредитъ ему. Эта ровность, это желаніе избѣгать всякаго блеска, всякой сверкающей мысли, всякаго эффекта, неизбежнаго на сценѣ, растягиваетъ, ослабляетъ разговоръ: горизонтъ Понсара ясенъ, тихъ, прозраченъ; не мыслало бы разсыпать на немъ нѣсколько облаковъ и оживить идиллическій пейзажъ блескомъ молніи.

Во всякомъ случаѣ, это произведеніе господина Понсара — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ области драматическаго

искусства и пользуется вполне заслуженнымъ успѣхомъ. Роль *Агнесы* была превосходно исполнена госпожею Дорваль, назначенною самимъ авторомъ вмѣсто *Аральи*, которая, по этому случаю, начала съ *Понсаромъ* процессъ. Чѣмъ кончатся это дѣло — покажетъ неизвѣстно. Подождемъ развязки юридическаго волевія.

Робертъ-Брюсъ (Robert-Bruce), опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова *Альфонса Ройе* и *Гюстава Ваэза*; музыка *Россини*; танцы *Мазвиле*.

Въ одной сказкѣ говорятъ принцессы: «Народъ кричитъ: у него вѣтъ хлѣба». — «Дайте ему корку пирога!» — отвѣчаетъ ея свѣтлость. Директоръ большой оперы, господинъ *Леонъ Пиле*, поступаетъ по примѣру этой заботливой принцессы. Онъ умѣлъ обратить театральную залу въ огромную пустыню, въ которой толпа умираетъ съ голоду и проситъ манны, проситъ такимъ голосомъ, что отъ него разрывается сердце. И господинъ *Пиле* приготовилъ для своихъ слушателей пирогъ, булку, брешку, гдѣ не будетъ недостатка въ коркахъ: четырнадцать старыхъ нумеровъ въ двухъ первыхъ актахъ новой оперы!!

Здѣсь позволюте разсказать въ скобкахъ одинъ замѣчательный случай, вмѣсто предисловія.

На дверяхъ провинціального театра была прибита афиша: «*Блалъ волшебница*. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ; слова *Скриба*; музыка *Бозльдь*». Толпа бросилась въ театръ. Поднимается занавѣсъ. Актеръ выходитъ на сцену и говоритъ: «Звучитъ труба. У шотландскихъ горцевъ каждый найдетъ гостепріимство...»

Не много спустя, другой актеръ говоритъ: «Въ самомъ дѣлѣ, пріятно быть военнымъ».

— Да позволюте, замѣтилъ одинъ изъ зрителей, слышавшій эту пьесу въ Парижѣ: здѣсь были куплеты.

— О, какое удовольствіе, какое великое удовольствіе быть солдатомъ! продолжаетъ актеръ.

Между-тѣмъ замѣчаніе пошло въ ходъ: поднимается свистъ, крикъ, шиканье; вызываютъ режиссера. Онъ выходитъ, дѣлаетъ три поклона и говоритъ:

— Чего желаетъ публика?

— Музыки!

— Позволюте; вы не прочитали афиши: на ней напечатано, правда, нѣсколько мелкимъ шрифтомъ, слѣдующее: «Музыка

вредить дѣйствию пьесы, и потому будетъ замѣнена живымъ и благоразумнымъ разговоромъ».

Публика отправилась въ театръ слушать Роберта Брюса: публика слышала отрывки изъ Donna del Lago, Bianca e Faliero, Zelmira, Towaldoe, Derliska, и осадила театральную кассу, требуя, чтобы ей возвратили деньги. Публика была права: она ждала новой оперы великаго маэстро, — ей предложили на серебряномъ блюде подогрѣтый пуддингъ. Но кассиръ не возвращалъ денегъ, говоря, что на афишѣ не было сказано «*новая опера*», но просто «*опера*», что такъ-же справедливо. Господинъ Пилье не давалъ покоя Россини, прерывалъ его на половинѣ самаго сладостнаго *far niente*, мышалъ ему сочинять глубокомысленную теорію самата, мышалъ ему мышать макароны. Согласитесь, что все это чрезвычайно непріятно. Вотъ знаменитый маэстро и наказалъ своего скучнаго гостя, нанести по-слѣдній ударъ его хилому театру своею *новой оперой*. Россини ничего не потерялъ отъ этого; мнѣ даже кажется, что онъ выигралъ — названіе болонскаго Мефистофеля, владыющаго злымъ, острымъ и жестокимъ сарказмомъ.

Альфонсъ Роіе и Густавъ Вагнеръ поставлены были въ затруднительное положеніе — написать поэму на данныя рѣмы, не измѣняя ихъ порядка, и на заданный сюжетъ, или, что все равно, пріискать новыя положенія, новыя сцены для музыки, созданной во все не для нихъ, скрывать эти сцены занимательною завязкою, такъ, чтобы изъ Donna del Lago, Zelmira, и проч., вышелъ Робертъ Брюсъ. Бѣдные поэты почерпнули вдохновеніе въ легендѣ Вальтера-Скотта.

Дѣйствіе происходитъ въ 1314-мъ году. Робертъ Брюсъ, защитникъ шотландской независимости, ведетъ войну съ королемъ Англіи. — Артуръ, офицеръ Эдуарда II, влюбленъ въ дочь Дугласа Чернаго, привязаннаго самою рѣдкою вѣрностью къ Роберту Брюсу. Шотландскій графъ поклялся, что Марія никогда не будетъ женою «*неблагодарнаго*», который сражается за англійскаго короля и завтра же готовъ пролить кровь своего отца.

Сердце Маріи принадлежитъ Артуру, ему одному, Артуру, любимцу и рыцарю Эдуарда. Повинуясь долгу, бѣдная дѣвушка скрываетъ отъ отца свои слезы, старается заглушить свои страданія, между-тѣмъ, какъ англичане, не давая непріятелю ни мира, ни перемирія, обступаютъ замокъ Дугласа, куда скрылся Брюсъ, и вбѣгаютъ во весь галлерей. Предводитель

войска—Артуръ, храбрый англійскій офицеръ. Изъ любви къ Маріи онъ хочетъ спасти Дугласа отъ смерти, которую приготовилъ ему капитанъ Мортанъ. Дѣвушка старается обмануть своего любовника, чтобы спасти шотландскаго короля, но страшное подозрѣніе, какъ молнія сверкнуло въ умъ Артура, когда онъ узнаетъ, что Дугласъ скрылся изъ замка: «Кого хотѣли вы спасти?... Не отвѣчаете... Да, я понимаю, угадалъ: это супругъ, котораго вамъ готовить, это ненавистный соперникъ!...» Сцена очень драматическая: въ то мгновеніе, какъ Артуръ хочетъ убить мнимаго жениха дѣвушки, она хватается изъ-за пояса кинжалъ и смѣло становится передъ Робертомъ Брюсомъ. «Артуръ», гордо произноситъ она: «страшитесь моего гнѣва!... Клянусь, если вы слышите хотя одинъ шагъ къ нему... вы будете въ могилѣ!...»

Изгнанный король, пораженный такою преданностью, сознаетъ въ себѣ воскресающее мужество,—и готовъ дорого продать свою жизнь; но Артуръ дѣлается его защитникомъ—изъ любви къ Маріи.—Въ это же время, Дугласъ съ предводителями шотландскихъ клановъ, прибѣгаетъ освободить короля, такъ великодушно спасеннаго Артуромъ.—«Дочь моя принадлежитъ тебѣ!» восклицаетъ Дугласъ, подавая руку Артуру. Роковая любовь! Храбрый и благородный офицеръ не можетъ быть измѣнникомъ; онъ долженъ возвратиться подъ знамена чести, подъ знамя своего короля. — Эдуардъ II, узнавъ, что Робертъ Брюсъ ускользнулъ изъ его рукъ, спасенный англійскимъ офицеромъ, не можетъ удержаться отъ гнѣва, вырываетъ шпагу Артура: «Палачъ разобьетъ твой гербъ и твою жизнь, какъ я разбиваю ногами твою честь».

Вдругъ изъ толпы выбѣгаетъ женщина, блѣдая, въ отчаяніи — это Марія. «Я вмѣстѣ съ нимъ виновата... Не клялась ли я умереть въ тобою!...»

Солдаты ведутъ ихъ обоихъ на казнь... Но раздается радостный звукъ трубъ... Шотландія торжествуетъ... Эдуардъ взятъ въ плѣнъ; Артуръ освобождается отъ присяги англійскому королю... «Шотландія свободна!.. Безсмертіе Роберту Брюсу!...»

Хорошая музыка не старѣется и не теряетъ цѣны, какъ золото, въ какую бы форму не переливали его... Совершенная правда. Но только грустно видѣть произведеніе таланта, сшитое безъ всякаго участія его души, чувства, воображенія. «Робертъ Брюсъ» оставляетъ въ сердцѣ слушателя печальное чувство, ка-

кое бываетъ, когда мы видимъ человѣка, на которомъ наятѣ платьѣ нашихъ друзей, давно умершихъ, давно засыпанныхъ землею. Мрачное, тяжелое чувство!.. Если огромный талантъ Россини рѣшительно опустилъ крылья, къ чему было составлять эти *psodim*? Композиторъ уже составилъ себѣ всемірную славу и хочетъ спать на лаврахъ, — и прекрасно пусть спитъ. Неужели крики журналовъ, обвинявшихъ его въ бездѣйствіи, испугали его и онъ вздумалъ оправдаться? Въ такомъ случаѣ, Россини долженъ бы разогнать литературную саранчу партитурою, достойною *Вильгельма-Теллы*, а не оперой-попурри.

Впрочемъ судить объ успѣхѣ *«Роберта Брюса»* по первому представленію довольно трудно, потому что тутъ случилась исторія, не совсѣмъ приличная для сцены. Госпожа Штольцъ, назначенная для главной партіи въ оперѣ, нѣсколько разъ получала безыменныя письма, въ которыхъ ей совѣтывали не брать на себя первую роль въ новой пьесѣ, однакожъ она не обращала никакого вниманія на таинственные совѣты. Занавѣсъ подняли. Опера шла и нѣкоторые нумера возбудили живѣйшій восторгъ въ публикѣ. Между тѣмъ, лица, бывшія близко къ сценѣ, не ограничиваясь жестами, простительными развѣ только простому народу, посылали госпожѣ Штольцъ фразы, до того дерзкія, что поставили ее въ нестерпимое положеніе. Въ порывѣ негодованія, госпожа Штольцъ разорвала у себя въ рукахъ батистовый платокъ и сказала: «Это нестерпимо!... Низко оскорблять женщину!...» Дѣйствительно, права женщины выше обязанностей актрисы, и если вторая должна быть снисходительна къ публикѣ, то, въ свою очередь, и публика должна уважать ее, какъ женщину. Госпожа Штольцъ имѣла полное право сдѣлать подобный упрекъ и она произнесла его не на свистъ и шиканье, но въ защиту себя отъ оскорбительныхъ словъ какого-то мужика въ желтыхъ перчаткахъ. Разказываютъ, будто г-жа Штольцъ хотѣла сойти со сцены, но дѣвица Но удержала ее, сказавъ: «Что вы дѣлаете?... Вы бѣжите, какъ негодный солдатъ въ минуту опасности!..» Неизвѣстно, эти ли слова, или собственное размышленіе заставили госпожу Штольцъ вспомнить свой долгъ и свое достоинство, только она осталось на сценѣ и продолжала роль смѣло, спокойно, и нѣсколько разъ должна была повторить нѣкоторыя аріи, по требованію публики и при громкихъ аплодисманахъ. — Госпожа Штольцъ, въ оправданіе своего неудовольствія, напечатала длинное письмо въ газетѣ *Siecle*, помѣщенное потомъ и въ другихъ журналахъ. Этотъ бур-

ный вечеръ останется надолго памятнымъ въ летописяхъ театра. Должно, однакожъ, отдать справедливость господину Пиле: опера была обставлена великолепно; декораціи Тьерри в костюмы, сдѣланные по рисункамъ Сешана, отличались необыкновенною роскошью. Дѣйствующія лица: Робертъ-Брюсъ — *Баруале*, Эдуаръ II — *Поленъ*, Дугласъ — *Анconi*, Артуръ — *Беттини*, Муротъ — *Ролли*, Марія — г-жа *Штолицъ*, Нелли — г-жа *Но*, Пажъ — г-жа *Муассонъ*.

Тайное покровительство (*La Protégée sans le savoir*), комедія въ одномъ дѣйствіи съ куплетами. Соч. *Скриба*.

Вы знаете, что нѣкоторые дамы понимаютъ подъ словомъ *покровитель*, *protécteur*, сдѣловательно объяснять это почетное званіе было бы дѣломъ излишнимъ.

Восемьдесятъ лѣтъ назадъ, напечатана маленькая повѣсть, «*Ernestine*,» которую Лагарпъ называетъ алмазомъ госпожи Риккобони. Изъ этой-то маленькой повѣсти плодовитый академикъ взялъ сюжетъ и даже подробности для своей новой комедіи. Но Скрибъ, съ удивительнымъ званіемъ сцены, умѣлъ придать своей героинѣ несравненно болѣе драматизма, нежели сколько находится въ *Эрнестинѣ*, которую, впрочемъ, г-жа Риккобони никогда и не назначала для театра. Лакло, очень умный писатель, укололъ себя ногу, въ 1777-мъ году, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, три недели назадъ, Скрибъ нарвалъ душистый букетъ. Лагарпъ и Гримъ, въ своихъ письмахъ, много шутятъ надъ несчастною судьбою *Эрнестины*, комической оперы въ трехъ дѣйствіяхъ, для которой написалъ музыку знаменитый мулатъ Сенъ-Жоржъ, и говорятъ, что эта бѣдная пьеса поэта Лакло пала радикально. Парижскіе журналы вышшняго года въ восторгъ отъ пьесы Скриба. Только онъ одинъ былъ достоинъ и способенъ ограничить для сцены алмазъ мадамъ Риккобони, такъ долго лежавшій подъ пылью забвенія.

Вотъ въ какомъ видѣ представилъ *Эрнестину* счастливый академикъ:

Лордъ Клерверингъ открылъ въ окрестностяхъ своей отелы, въ Лондонѣ, большую женщину, за которою съ самою важною заботливостію ходила ея четырнадцатилѣтняя дочь, и захотѣлъ облегчить существованіе этихъ бѣдныхъ людей; но его услуги были отвергнуты, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Мать умерла и завѣщала дочери существовать честными трудами... но много ли достанетъ работою бѣдный художникъ?... Клариса занимается живописью... Однажды, является купецъ

и заказываетъ ей картину, для опыта. Мало по малу приобрятая навыкъ, артистка получаетъ и большую плату; наконецъ, спустя три года, она начинаетъ жить съ маленькими удобствами и тѣмъ болѣе счастлива, что всѣмъ обязана единственно своему таланту и трудолюбію. Впрочемъ, она ведетъ жизнь очень уединенную и не принимаетъ къ себѣ никого, кромѣ лорда Клеверинга, который беретъ у нея уроки рисованья, за очень умеренную цѣну, и мистера Кресби, великодушнаго покупателя картинъ.

Въ такомъ положеніи живетъ молодая художница, въ прелестномъ загородномъ домикѣ, у Лондонскихъ воротъ, когда является къ нейстаринный другъ ея родителей, французскій живописецъ. Дѣла этого бѣдняка такъ дурны, что буквально оправдываютъ пословицу: «бѣденъ, какъ живописецъ». Молодая подруга, по чувству и по занятиямъ, рассказываетъ ему про свои успѣхи, про свое довольство. — Да, скажите на милость, чѣмъ вы нажили это? спрашиваетъ откровенный художникъ, осматривая комнаты. — Работою. — Значитъ, у васъ большой талантъ. — Посмотрите! — О, о!.. вотъ мило!... Да за это дай Богъ получить пять франковъ. — Не угадали! — Въ самомъ дѣлѣ, приходитъ покупатель картинъ и даетъ сто гиней за пейзажъ. Живописецъ разинулъ ротъ отъ удивленія; но скоро все объясняется. Онъ узнаетъ, что лордъ Клеверингъ — *покровитель* молодой артистки, что она — и это всеобщая молва — его любовница. Въ негодованіи онъ возвращаетъ потерянной женщиной деньги, которыя надѣялся получить изъ честныхъ рукъ. Дѣвушка, въ испугѣ, открываетъ глаза, понимая свое положеніе. Объясненіе между Кларисой и Клеверингомъ; они кланутся во взаимной любви... любви безнадежной, потому что лордъ Клеверингъ долженъ жениться на молодой леди... Но онъ разтроганъ преданностью своей подруги, онъ готовъ отказаться отъ самыхъ блестящихъ предложеній; бывшая дѣвушка возвращается къ надеждѣ — принадлежать тому, кого она такъ тепло, такъ нѣжно любитъ... но этотъ мигъ блаженства — только одинъ мигъ. Клеверингъ узнаетъ, что отецъ его невесты разорился и рассчитывалъ на него, чтобы обезпечить судьбу своей дочери. Что дѣлать? Клариса (точь-въ-точь Эрнестина) велитъ своему любовнику — не измѣнять данному слову!.. Но добрый французскій живописецъ выводитъ ихъ изъ этого труднаго положенія: онъ убѣждаетъ невесту Клеверинга сдѣлаться супругою денди, котораго она любила уже прежде, и освобо-

ждаетъ любовника молодой артистки. Пьеска очень мила и составляетъ обильные сборы театру. Роль артистки играетъ *Роза Шери*, лорда Клеверинга — *Брессанъ*, а бѣднаго живописца — *Нюма*.

Семплисъ (*Simplice*), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. Фурнье и Преморе.

Это одна изъ пьесокъ, составленныхъ по рецепту, который извѣстенъ каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ закулиснымъ міромъ: это госпитальный настой изъ грудной травки.

Въ загородномъ домикѣ живутъ лиценстъ, наивный, робкій, простодушный, однимъ словомъ, *Семплисъ*, и капитанъ африканскаго егерскаго полка (африканскіе егеря въ такой-же модѣ у нынѣшнихъ водевилистовъ, въ какой были гусары во время Имперіи). Вышесказанный капитанъ — человекъ горячій, бойкій, дерется на-пропалую, однакожь готовъ соединиться узами брака. Въ деревнѣ живутъ три особы прекраснаго пола: двѣнца, вдова и замужняя дама. Онѣ безпрестанно получаютъ самыя важныя записки. Вы напередъ знаете, что во всемъ обвиняютъ капитана, но что на самомъ дѣлѣ виноватъ дерзкій лиценстъ; вы знаете также, что дѣло не обойдется безъ ссоры, что капитанъ будетъ рвать на себѣ волосы, что дружба его съ милою вдовою разрушится, но правда восторжествуетъ, что *cherubino di amore* окажется виноватымъ и добродѣтельный капитанъ получитъ награду. Вы предвидѣли всѣ эти обстоятельства, неизбежныя, необходимыя, вы знаете ихъ, какъ свои пять пальцевъ, и аплодируете тому, что уже видѣли девять-сотъ девяносто-девять разъ. Бомарше сказалъ: «никто не написалъ новой комедіи.»

Для чего же родился *Семплисъ*, для чего вышелъ на сцену?

Вѣрный мужъ. (*Un mari fidèle*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г. Варена и Дюжара?

Мужъ состоитъ при особѣ своей супруги въ качествѣ управляющаго, швейцара, секретаря, горничной; предупреждаетъ всѣ мысли, слова, желанія своей прекрасной спутницы на *тернистомъ пути бытія*, такъ, что, наконецъ, ей становится душно отъ такой любезности и она обращаетъ снисходительный взоръ на москѣ Октава. Что дѣлать мужу? Какое употребить ему средство, чтобы остановить зло?... Мужъ вспомнилъ старинный водевиль, вспомнилъ три дюжины старинныхъ водевилей, и рѣшился разыграть у себя въ домѣ роль невѣрнаго мужа, роль измѣнника, и возбудить ревность своей супруги. Хоро-

пенская гризетка соглашается начать приступъ къ добродѣтельному мужу. Онъ съ удовольствіемъ попадаетъ въ сѣти. «О коварный!» вскрикиваетъ супруга, увидѣвъ его tête-à-tête съ милою модисткою. Но дѣло кончается благополучно. Зять миритъ супруговъ и счастливый мужъ бѣжитъ на цвѣточный рынокъ, купить корзинку букетовъ для благодѣтельныхъ водевиллистовъ, которые научили его выпутаться изъ бѣды.

Марія, или наводненіе (Marie ou l'inondation), мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, соч. * * *

Мелодрама, какія всякій день наводняютъ драматическую литературу: лавина приключеній, утопающихъ въ потопахъ фразъ и эффектовъ. Впрочемъ, это огромное наводненіе едва ли выступитъ золотымъ разливомъ черезъ края театральной кассы.

Царица водъ (La reine des eaux), водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. * * *

Это балетное названіе угрожало мнѣ озеромъ, аллеями плакучихъ ивъ, феями, пери.... Но, благодаря судьбу, я боялся напрасно.

Вотъ вамъ піеса въ двухъ словахъ:

Въ Баньеръ съѣхалось многочисленное общество лечиться отъ здоровья, отъ спина и тому подобныхъ вещей, очень обыкновенныхъ. Царицею сезона, прекраснѣйшею изъ очаровательныхъ дамъ, была молодая вдова, мужъ которой имѣлъ горькую участь скончаться на плантаціяхъ сахарнаго тростника, въ Гаваннѣ. Мадамъ Луиза де-Саверни окружена покорною толпою поклонниковъ, но презираетъ ихъ мольбы, и между тѣмъ — странныя существа эти женщины! — любитъ бѣднаго чичероне, Доминика. Впрочемъ, можно ли и не любить его, когда онъ, послушный одному ея взгляду, бросался въ пропасть — поднять вѣрѣ мадамъ Луизы. Любовь ихъ доходитъ до того, что въ одинъ прекрасный вечеръ все Баньерское общество застаетъ бѣднаго Доминика у ногъ вдовы.... Зависть торжествуетъ, но не долго. Чичероне былъ ни больше, ни меньше, какъ достойный мужъ Луизы, который пропалъ и нашелся.

Вотъ и все.

Самая интереснѣйшая театральная новость послѣдней недѣли комедія остроумнаго Мери: *L'univers et la maison*. Комедія эта съ своими пятью актами и тяжелыми школьными александринскими стихами явилась впервые на помостъ Одеона. Не будь этихъ несчастныхъ шереховатыхъ стиховъ, комедія, безъ со-

мнѣнія, имѣла бы болѣе успѣха, потому что она хотя и не образцовое произведеніе драматургін, но все-таки отличается счастливою основною идеею, интересными положеніями и преимущественно острымъ, текущимъ языкомъ.

Авторъ переноситъ зрителя въ контору богатаго негоціанта Доріа, котораго корабли разсѣкаютъ волны всѣхъ морей земнаго шара, и имя котораго также извѣстно и славно въ Калькутѣ, въ Пондишери и на Цейлонѣ, какъ и на парижской биржѣ. Доріа богатъ, какъ набобъ. — Но какую цѣною покупаетъ онъ это богатство! День и ночь работаетъ онъ съ своимъ повѣреннымъ Дюбланомъ; онъ не знаетъ ни минуты покоя; ему некогда даже взглянуть на лѣтей, некогда молвить слово съ женою, некогда подумать о друзьяхъ, если только у него есть они. Доріа не человѣкъ, а счетная машина; онъ непрерывно считаетъ и считаетъ, и наконецъ жена его, которую онъ считаетъ за простой нуль, находитъ, что, не смотря на все окружающее богатство, такого рода жизнь весьма скучна и печальна. У Доріа есть сынъ и дочь. Последняя должна выйти за нѣкоего Божона, современнаго Тартюфа, акцію желѣзной дороги въ образѣ человѣческомъ. Доріа чрезвычайно высокаго мнѣнія о своемъ будущемъ зятѣ, а тотъ только и думаетъ, какъ бы посредствомъ мнимыхъ спекуляцій выманить у тещинки милліончикъ другой. Молодой Доріа, по мнѣнію отца, образецъ сына и наследника негоціанта, ведущаго всесвѣтную торговлю; батюшка отправилъ его въ Италію закупать рисъ, а сыночекъ, вмѣсто занятія торговыми дѣлами, занялся какою-то пѣвицею, и вмѣсто рису, покупалъ шампанское и драгоценные подарки для своей возлюбленной. Но счастію, благодаря Дюблану, эти проказы кой-какъ скрыли отъ отца. Итальянскую пѣвицу ангажировали въ Парижѣ. Людвигъ Доріа видитъ ее и снова влюбляется; но любовь его превращается въ бѣшенство, когда онъ узнаетъ, что у итальянской соловушки есть уже другой, болѣе его счастливый обожатель. Людвигъ дерется съ нимъ наединѣ, въ то самое время, когда въ домѣ отца его блестящій балъ. Людвигъ раненъ. Мать, сестра, кузенъ спятъ къ нему, а отецъ ничего не знаетъ объ этомъ происшествіи.

Наконецъ, онъ узнаетъ обо всемъ и разгадываетъ, что за птица будущей злѣтекъ его, которому послѣ этого остается только убраться подальше. Доріа сознаетъ свое заблужденіе,

постигаетъ, что онъ ставилъ на карту свое семейное счастье и—il quitte l'univers et garde la maison.

Во «Французскомъ-театрѣ» такимъ же успѣхомъ пользуется пяти-актная драма г-жи Каза-Майоръ: *Le Noeud gordien*. Планъ этой пьесы показываетъ большую драматическую способность, но въ интригѣ есть кое-что невѣроятное и эпизоды слишкомъ растянуты.

Новый театръ Монпансье быстро приближается къ окончанію. На бульваръ возвышается уже величественная колониада, которой не достаетъ только нѣкоторыхъ наружныхъ украшеній. Для перваго этажа, очень мало возвышающагося отъ земли, назначены двѣ колоссальныя статуи, представляющія Комедію и Трагедію. На высотѣ бель-этажа поставлены будутъ двѣ группы: Гамлетъ и Офелія и Сидъ и Селимена. На самомъ верху парящій геній. Внутреннее украшеніе будетъ величественно и изящно. Надъ тремя горами музъ: Пиндомъ, Парнасомъ и Геликономъ, парить поэзія и подаетъ одну руку Комедіи, а другую Трагедіи; первая улыбается и машетъ своею маскою; вторая серьезна и держитъ въ рукахъ классическій кинжалъ. Съ обѣихъ сторонъ группируются величайшія знаменитости драматическаго искусства; съ одной Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Сенека, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Шиллеръ, Тальма, Нурри, Глукъ и Мегюль,—съ другой Аристофанъ, Менадъръ, Плавтъ, Теренцій, Мольеръ, Гете, Лопе де-Вега, Сервантесъ, Реньяръ, Мариво, д-ца Марсь, Моцартъ, Гретри. Подъ этими группами возвышается храмъ Бахуса. Вакханка подаетъ поэту чашу нектара, который долженъ развязать ему языкъ. Пространства между колоннами украсятся сценами изъ «Федры», «Отелло», «Эрины», «Фауста», «Магомета», «Теля» и т. п. Вся эта живопись, по заключенному контракту, нынѣ должно быть уже окончена. Театръ будетъ названъ: «Историческимъ».

Габенекъ, капельмейстеръ Большой Парижской Оперы, въ слѣдствіе продолжительной болѣзни своей, совершенно отказался отъ этой должности. Мѣсто его занялъ Жираръ, бывшій до сихъ поръ капельмейстеромъ Комической Оперы.

Францъ Антонъ Габенекъ родился въ 1781-мъ году, въ Мезьеръ (Mézières). Отецъ его, ролонъ изъ Мангейма, былъ полковой музыкантъ и самъ преподавалъ сыну первыя познанія въ музыкѣ. Только на 20-мъ году Габенекъ вступилъ въ Консерваторію, гдѣ вскорѣ и отличился подъ руководствомъ Бальо.

Въ 1804 году получалъ онъ первую премію за игру на скрипкѣ.

Въ то время воспитанники Консерваторіи, получившіе первую премію, поочередно дирижировали небольшимъ оркестромъ въ концертахъ, даваемыхъ этимъ заведеніемъ, и Габенекъ такъ отличился въ подобномъ случаѣ, что во время Реставраціи, когда Консерваторія была на нѣсколько времени закрыта, долго удерживалъ за собою капельмейстерскую должность въ такихъ концертахъ. И въ этихъ то концертахъ онъ впервые познакомилъ парижскую публику съ чудными произведеніями Бетховена. Въ 1821-мъ году онъ сдѣлался директоромъ Оперы, а потомъ капельмейстеромъ ея.

Въ 1828 году, подъ руководствомъ Габенека, образовалось концертное общество и, благодаря его терпѣнію и отличному знанію своего дѣла, сдѣлалось образцовымъ въ своемъ родѣ и прославило имя своего основателя и руководителя.

Г Е Р М А Н І Я.

Ученики Карловской школы, драма Лаубе, (Karlsschüler.)

(Дрезденъ 14 ноября).

2-го нынѣшняго мѣсяца, въ день рожденія великаго Шиллера, дана была на здѣшней сценѣ пьеса Лаубе: «die Karlsschüler.»— Полковой лекаръ Шиллеръ, стихами своими къ Лаурѣ уже возстановившій противъ себя нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ герцога Карла Виртембергскаго, написалъ «Разбойниковъ» и тайно напечаталъ ихъ. Узнавши объ этомъ, Герцогъ ужасно разгнѣвался и хочетъ жестоко наказать автора, если онъ самъ не осрамитъ позоромъ своего произведенія и не обяжется на будущее время не писать ничего безъ позволенія и безъ цензуры самого Герцога. Поэтъ, разумѣется, не соглашается; его бросаютъ въ тюрьму и готовятъ ему участь Шубарта, а можетъ быть и казнь, но онъ успѣваетъ спастись бѣгствомъ, при помощи друга своего Коха и одной покровительствовавшей ему придворной дамы. Герцогъ приказываетъ преслѣдовать бѣглеца, какъ вдругъ приходить письмо отъ Дальберга, возвышающее объ огромномъ успѣхѣ «Разбойниковъ» на Мангеймской сценѣ. Пораженный Герцогъ тотчасъ отменяетъ приказъ преслѣдовать Шиллера. Название пьесы: die Karlsschüler происходитъ отъ того, что въ ней эпизодически введены уче-

ники училища Карла (Karlschule), которые подружились съ Шиллеромъ, составили союзъ и назвали его «Шайкою». (Шиллеръ взялъ себѣ имя Карла Моора, Кохъ—Шпигельберга и т. д.) Союзъ этотъ составлялъ табачныя и пуншевыя вечеринки, на одной изъ которыхъ Шиллеръ читаетъ Шубартову свою *Fürstengruft*, и за этимъ чтеніемъ застаетъ его Герцогъ. — Кромѣ-того, въ пьесѣ введены любовь Шиллера къ Лаурѣ, побочной дочери Герцога; представленіе Шиллеромъ и его товарищами трагедіи Клавиго при герцогскомъ дворѣ. — Пьеса прекрасно и вполне драматично придумана, полна жизни и дѣйствія, полна остроумія и особеннаго юмора, но завязка слишкомъ авеклестическая, такъ что ей не достаетъ внутренней органической связи и подкрѣпленія, и въ особенности благородной, строго-выдержанной характеристики, не говоря уже о томъ, что юношеская жизнь и характеръ Шиллера, какъ намъ кажется, выставлены ложно и съ весьма дурной стороны, а строгій Герцогъ представленъ слишкомъ подчиненнымъ вліянію своихъ придворныхъ дамъ. Сыграна была пьеса превосходно. Емиліу Девріену можно сдѣлать только одинъ упрекъ, что онъ нѣсколько серьезно понялъ молодого, пламеннаго Шиллера. Вингеръ, какъ Герцогъ, былъ вполне на своемъ мѣстѣ, потому что этотъ характеръ имѣетъ много сходства съ характеромъ Фридриха Вильгельма въ пьесѣ Гуцкова, а Вингеръ чудесно понималъ и исполняетъ эту роль. Д-ца Бауеръ, быть можетъ, въ настоящее время первая нѣмецкая актриса, въ роли сунруги Герцога, была лучшимъ украшеніемъ пьесы.

На мѣсто Тика назначенъ авторомъ при Дрезденскомъ театрѣ Гуцковъ и ожидаютъ только утвержденія короля. Между тѣмъ здѣсь разучиваютъ новую драму его «*Uiel Acosta*» отъ которой ожидаютъ весьма многого.

В Ѣ Н А.

Гуттенбергъ, новая романтическая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Ф. К. Фукса.

Г. Фуксъ, извѣстный уже въ музыкальномъ мірѣ многими удачными сочиненіями, написалъ эту оперу назвалъ тому нѣсколько лѣтъ. Послѣ долгихъ хлопотъ и стараній, ему блеснула, наконецъ, два года тому, надежда увидѣть свое

произведеіе поставленнымъ на вѣнскомъ оперномъ театрѣ. Опера была принята, все устроено, роли розданы, стоило только разучить ихъ; какъ вдругъ явились какія-то новыя препятствія и опера не была поставлена. Тогда композиторъ рѣшился поставить ее на другой какойнибудь сценѣ, и въ слѣдствіе этого она явилась сперва въ Грецѣ, и потомъ въ Бременѣ, гдѣ имѣла блестящій и вполне заслуженный успѣхъ. Произведеніе это уже по одному преобладающему въ немъ благородному музыкальному стремленію заслуживаетъ полнаго вниманія строгой музыкальной эстетики. Фуксъ доказалъ въ немъ, что талантъ его не изъ числа обыкновенныхъ и что онъ избралъ себѣ цѣль гораздо выше и достойнѣе обыкновенной цѣли большей части композиторовъ настоящаго времени, т. е. успѣха посредствомъ общихъ мѣстъ и музыкальных пошлостей. Стилъ его музыки, хотя конечно нисколько не самостоятельный, но, по крайней мѣрѣ, имѣетъ уже то достоинство, что отличается солиднымъ музыкальнымъ направленіемъ и прекраснымъ стремленіемъ соединить глубокую гармонию съ пріятною мелодіею. Конечно, нѣкоторыя эффектные мѣста могли бы быть обработаны построже, другія, чрезъ сокращеніе и устраненіе повтореній, сами собою вышли бы гораздо сильнѣе, но главнаго — обладанія драматико-музыкальнымъ талантомъ и музыкальною декламаціею нельзя не признать вполне въ произведеніи Фукса, и одна уже обработка речитативовъ показываетъ прилежное и вполне успѣшное изученіе лучшихъ образцовъ въ этомъ отношеніи. Композитору-же, не умѣющему писать речитивы, всегда будетъ чужда музыкальная декламація.

Текстъ оперы одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго Отто Прехтлера. Гуттенбергъ, не понятый своими соотечественниками и почти изгнанный изъ роднаго города, покидаетъ родину и съ тѣмъ вмѣстѣ возлюбленную свою, дочь сенатора Вернера, Клару. Потомъ, когда онъ, послѣ исполненія своей геніальной идеи, возвращается въ триумфъ въ Майнцъ, сознавшій наконецъ вину свою и готовящій ему почести и торжество — онъ находитъ свою Клару женою Фауста. Фаустъ, узнавши о любви жены своей къ Гуттенбергу, рѣшается отмстить и погубить этого уже и прежде ненавистнаго ему соперника. При помощи своего повѣреннаго, Курта, онъ успѣваетъ подкупить цыганку Хіорбу, и та доноситъ суду, что будто Гуттенбергъ заказалъ ей волшебное питье, посредствомъ котораго хочетъ обольстить Клару и отравить ея мужа. Вслѣдствіе этого по-

казанія, Гуттенберга сажають въ тюрьму и Фаустъ торжествуетъ, а Клара въ отчаяніи. Но наконецъ невинность и истинна одерживаютъ верхъ. Хіорба, которую Фаустъ для обезпеченія себя вздумалъ отправить на тотъ свѣтъ, открываетъ на смертномъ одрѣ его преступленіе и Гуттенбергову невинность. Фаустъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, а Клара, вѣрная первой любви своей, спѣшитъ къ Гуттенбергу, съ триумфомъ оставляющему тюрьму свою. Цѣлое хорошо сценировано и стихи прекрасны.

Особенно замѣчательные нумера слѣдующіе: кромѣ чрезвычайно-эффектно инструментованной увертюры, въ которой особенно хороши кантабиле віолончелей въ интродукціи и огненная блестящая выходка скрипокъ въ концѣ аллегро; въ первомъ дѣйствіи: арія Гуттенберга, а именно первая часть ея, и прекрасный мотивъ: «Ein Mal noch», въ слѣдующемъ за тѣмъ дуэтъ съ Кларою; далѣе истинно блистательно инструментованная и характеристически выдержанная сцена Фауста съ его соумышленниками.

Во второмъ дѣйствіи произвелъ фуроръ: прекрасный хоръ оргіи въ d-mol и пылкій переходъ въ f—dur въ кантленѣ Фауста: «All mein Fühlen», въ продолженіе которой хоръ продолжаетъ прежній напѣвъ съ отрывистыми афоризмами; также какъ и застольная пѣсня Фауста, превосходно исполненная г-мъ Штаудигелемъ; оба нумера были по общему требованію повторены. Слѣдующая за тѣмъ сцена заговора Фауста съ товарищами противъ Гуттенберга понята не такъ, какъ бы она этого заслуживала, но въ музыкальномъ отношеніи это одинъ изъ лучшихъ нумеровъ въ оперѣ. Кантлена Клары произвела болѣе эффекта, чѣмъ требующая большей страсти арія «Sticht der Schmerz». Напротивъ того въ дуэтъ съ Гуттенбергомъ, который кончается это дѣйствіе, много вредило эффекту повторенія.

Въ третьемъ актѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія граціозный прелестный мотивъ цвѣточницы: «Rose hier, Tulpe dir», также прекрасно компонированная и инструментованная сцена обвиненія Гуттенберга Фаустомъ и полный эффекта большой финалъ, въ которомъ въ особенности эффектна живая стретта. По нашему мнѣнію, цѣлое финала еще болѣе выиграло бы, если бы заключеніе largo было нѣсколько болѣе развито.

Въ четвертомъ дѣйствіи живѣйшее одобреніе заслужила арія Клары; но еще болѣе драматическій дуэтъ ея съ Фаустомъ, который впрочемъ и исполненъ былъ превосходно.

но; а также прекрасная, съ большимъ чувствомъ пропѣтая, арія Гуттенберга. Какъ композиторъ, такъ и артисты, занимавшіе главные роли, были по нѣскольку разъ вызываемы. Ансамбль оперы былъ чудесный, хоры исполнили свое дѣло отлично. Цыганка Хіорба эффектиѣе была бы въ видѣ старухи, чѣмъ молодой дѣвушки, потому что въ молодой дѣвушкѣ какъ — то ненатуральны подобная жадность къ деньгамъ и готовность на преступленіе. Не худо бы также исключить маршированіе алебардистовъ въ торжественно-освященной ратушѣ. Во всемъ прочемъ обстановка достойна полной похвалы. Игра г-на Дитта въ роли Гуттенберга заслужила полное одобреніе, въ особенности имѣла успѣхъ заключительная арія его, послѣ которой онъ былъ единодушно вызванъ публикою. О г-нѣ Штаудигль (Фаустъ) нечего и говорить; онъ пѣлъ и игралъ какъ всегда — превосходно.

Намъ кажется сомнительнымъ, чтобы партія Клары первоначально была написана для меццо-сопрано, потому что во многихъ общихъ нумерахъ замѣтна потребность высшаго сопрано. Вѣроятно, партія эта передѣлана для д-цы Берггауеръ (меццо-сопрано). Но вѣрно, по крайней мѣрѣ то, что настоящее сопрано многимъ отдельнымъ мѣстамъ придало бы болѣе живости и эффекта. Въ цѣломъ однакожъ исполненіе д-цы Берггауеръ достойно всякаго одобренія, и нѣкоторые отдельные моменты были дѣйствительно постигнуты и исполнены съ талантомъ, какъ, напримѣръ, кантилена въ 2-мъ актѣ, *Schweige Sturm in meinem Herzen*, и въ особенности прекрасный дуэтъ съ Фаустомъ, въ 4-мъ актѣ, который также сыгранъ былъ ею вполне драматически.

А Н Г Л І Я.

Лондонскія театральныя новости. отъ 5-го ноября. 1-го ноября на Геймаркетскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ представлена была новая комедія Ловеля: *Look be fore you leap* (*Не спрайся броду, не суйся въ воду.*) Хотя въ сюжетѣ пьесы и мало дѣйствія, въ особенности для пяти-актной комедіи, но интересъ поддерживается прекрасною и вѣрною обрисовкою характеровъ и остроумнымъ, чудесно веденнымъ діалогомъ. Театръ «Принцессы» открытъ въ тотъ же вечеръ, новою оперою Лодера: *The Night Dancers* (*Ночные танцоры*). Упомянутый композиторъ, познакомявшій съ собою публику въ первый разъ въ 1834 году оперою своею: *Nourschadah*, представленною при

открытіи вновь выстроеннаго, на мѣсто сгорѣвшаго лондонскаго опернаго театра, съ тѣхъ поръ ни съ чѣмъ не являлся предъ публикою, за то, тѣмъ сильнѣе былъ энтузіазмъ этой публики, когда она убѣждалась, что Лодеръ съ успѣхомъ употребилъ это время на усовершенствованіе своего уже признаннаго таланта. Сюжетъ его оперы тотъ — же, что и сюжетъ балета «Жизель», только съ избѣжаніемъ неправдоподобностей и замѣною счастливой развязки. Либретто написано г-мъ Soape. Участвовавшіе въ оперѣ артисты: г-жи Альбертацци, взявшая на себя главную роль, писанную сперва для д-цы Но (Nau), миссъ Смитсонъ и Миссъ Флонесръ и г-да Алленъ, Лефлеръ и Бодда вполне соответствовали требованіямъ публики, и были вмѣстѣ съ композиторомъ вызваны по нѣскольку разъ. Представленіе было на нѣсколько минутъ прервано весьма серьезнымъ происшествіемъ, угрожавшимъ г-жѣ Альбертацци трагическою кончиною. Именно когда Жизель, въ сценѣ Вилисовъ, призывается своимъ любезнымъ, появляется изъ пучины, у нея вдругъ загорѣлось отъ лампы, помѣщенной за цвѣточными кустами, газовое покрывало. За кулисами раздался вопль ужаса; пѣвцы и хористы, бывшіе на сценѣ бросились туда, и по счастью имъ удалось отвратить опасность, артистка отдышалась только испугомъ. Публика, узнавши въ чемъ дѣло, единодушно изъявила желаніе, чтобы г-жа Альбертацци успокоилась и не продолжала спектакля, но артистка не согласилась, и, оправившись немножко, кончила свою роль при непрерывныхъ рукоплесканіяхъ восхищенной публики. — На театрѣ «Адельфи» имѣла порядочный успѣхъ пародія «Gisella»; тамъ же поставлена новая передѣлка французской шутки: Madame Pochet et madame Gibou. Ванбругова драма, The Relapse перешла съ Геймаркетской сцены на сцену Олимпійскаго театра, и мало имѣетъ успѣха. — Въ Астлей-театрѣ даетъ представленія волтижеръ Штейнбрехтъ, называющій себя шталмейстеромъ короля прусскаго. Чрезвычайно-правильная школа этого нѣмца, несравненная дрессировка жеребца его «Setel venat» обращаютъ вниманіе знатоковъ, и потому представленія его посѣщаются многочисленною публикою.

Англичане отыскали Нельсонову шпату. Неподложность ея засвидѣтельствована ветераномъ, хранившимъ ее со смерти адмирала при Трафальгарѣ. Лордъ Сауе купилъ ее за 100 гиней и подарилъ Гринвичскому морскому госпиталю.

СМѢСЬ.

НОВЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ ПО ПОВОДУ ЗНАМЕНИТОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ МАСКИ.

Таинственная исторія желѣзной маски занимала нѣкогда цѣлую Европу и подала поводъ къ составленію множества драмъ, изъ которыхъ въ новѣйшее время Александръ Дюма, выжавъ весь сокъ, своимъ необыкновеннымъ талантомъ драматизированія, заставилъ вниманіе Европы снова обратиться на эту давно забытую политическую загадку. Но и въ новой драмѣ А. Дюма, *желѣзная маска*, съ разными историческими неправдоподобностями является опять братомъ Людовика XIV.

Новѣйшія изысканія показываютъ, однакожъ, что эта догадка не совсѣмъ справедлива. Вотъ одна изъ самыхъ приблизительныхъ догадокъ къ разрѣшенію этой тайны. Эрколе Антоніо Маттіоли, происходившій отъ очень древней и занимавшей значительныя посты фамиліи, родился 1 декабря, 1640 года. Онъ былъ сынъ Валеріано Маттіоли и Жироламы Магги. Здѣсь надобно сдѣлать важное замѣчаніе, что въ томъ же 1640 году, 21 сентября, родился въ Сенъ-Жерменскомъ замкѣ единственный братъ Людовика XIV, названный Филиппомъ, бывшій отцомъ Регента, и умершій 9 Іюня, 1701 года, на 61-мъ году отъ рожденія. Слѣдовательно, рожденіе Филиппа двумя мѣсяцами и девятью днями предшествовало рожденію Антоніо Маттіоли. Одно это сближеніе числъ уже опровергаетъ всѣ выводы тѣхъ, которые утверждали, что желѣзная маска былъ никто иной, какъ младшій братъ Людовика XIV. Маттіоли, водворившись въ Мантуѣ, обратилъ на себя вниманіе своими политическими способностями и получилъ мѣсто статсъ-секретаря Карла III—Гонзаго, герцога Мантуанскаго. Въ царствованіе Фердинанда Карла IV (родившагося 31 Августа 1652 года, сдѣлавшагося Герцогомъ Мантуанскимъ въ 1663, и умершаго, послѣ потери, всѣхъ своихъ владѣній, въ Падуѣ, въ 1708 году) Маттіоли былъ сверхъ-комплектнымъ сенаторомъ Мантуанскимъ, и получилъ потомственное графское достоинство. Будучи самымъ

близкимъ лицомъ къ молодому Герцогу и первымъ его совѣтникомъ, графъ Маттіоли, въ декабрѣ 1677 года, завелъ съ аббатомъ д'Эстрадъ, французскимъ посланникомъ въ Венеціи, чрезъ побѣдомъ средство и редактора разныхъ газетъ Бенедетто Джуліани, переговоры о продажѣ важнаго укрѣпленія Казаль въ Монфератѣ. Въ сопровожденіи хитраго Джуліани, который въ послѣдствіи измѣнилъ ему и выдалъ его, графъ Маттіоли, снабженный полномочіемъ герцога Мантуанскаго, пріѣхалъ въ Версаль, и въ декабрѣ 1768 года заключилъ тамъ съ аббатомъ Помпоною, министромъ иностранныхъ дѣлъ, трактатъ на продажу Казаля. Герцогъ Мантуанскій, въ случаѣ успѣха этой негодіи, обѣщалъ Маттіоли возвратитъ мѣсто статсъ-секретаря и сдѣлать его первымъ министромъ. Возвратившись въ Италію въ началѣ 1679 года, графъ Маттіоли открылъ секретно о заключенномъ имъ договорѣ съ Франціею, сначала Туринскому Двору, потомъ графу Мелгару, испанскому губернатору въ Миланѣ, государственнымъ инквизиторамъ въ Венеціи и т. д. Онъ постоянно употреблялъ все усилія, чтобы помѣшать исполненію этого договора, и дѣйствительно, исполненіе это послѣдовало не ранѣе, какъ черезъ два года, т. е. 30 сентября, 1681. По интригамъ Маттіоли, баронъ Асфельдъ, драгунскій полковникъ, отправившійся изъ Венеціи въ Пиньероль, для совѣщанія съ Катина на счетъ исполненія договора и движенія французскихъ войскъ къ Казалю, былъ арестованъ, въ первыхъ числахъ марта, на испанской землѣ и отвезенъ въ Миланскій замокъ. Аббатъ д'Эстрадъ, заступившій въ Туринѣ мѣсто маркиза де Вилларъ, раздраженный этимъ обманомъ Маттіоли, успѣлъ искуснымъ образомъ завлечь его въ западню, и 2 мая 1679 года Маттіоли былъ схваченъ на французской землѣ, въ виду Пиньероля, былъ перевезенъ Сентъ-Марсомъ въ крѣпость д'Эксиль, въ 10-ти лье отъ Пиньероля, а въ апрѣлѣ 1687 года на острова Св. Маргариты и Санктъ-Оноре, въ 2 миляхъ отъ Антибы, куда Сентъ-Марсъ былъ назначенъ губернаторомъ. Здѣсь надо сдѣлать замѣчаніе, которое въ послѣдствіи поидетъ къ дѣлу въ большей части рукописныхъ документовъ, касающихся этого запутаннаго дѣла, имя итальянскаго министра писалось: Маттіоли; но въ официальной перепискѣ Сентъ-Марсъ часто называлъ его Мартіоли. Въ 1698 году Сентъ-Марсъ назначенный губернаторомъ Бастиліи, перевезъ туда и Маттіоли. Маттіоли вступилъ въ бастилію 18 сентября, 1698 года, въ три часа пополудни. Сначала онъ былъ посаженъ въ башню de la Basiniere, а въ 9 часовъ вечера былъ переведенъ въ третью комнату башни, de la Bertaudiere. Дюжонкою, королевскимъ лейтенантомъ въ Бастиліи, который, по приказу Сентъ-Марса умѣлировалъ эту комнату всемъ нужнымъ, еще до прибытія плѣнника въ Бастилію.

Маттиоли умеръ въ этой комнатѣ 19 ноября, 1703 года, около 10 часовъ вечера. И такъ, заточеніе Маттиоли, со 2 мая 1679 года, когда онъ былъ схваченъ въ виду Пиньероля, до 19 ноября, 1703 года, дня его смерти, продолжалось *двадцать четыре года, шесть мѣсяцевъ и 18 дней*, а жизнь этаго лица, столь долго таинственная, съ 1 декабря, 1640 года, дня его рожденія до 19 ноября 1703 года, день его смерти — *шестдесятъ два года, одиннадцать мѣсяцевъ и 19 дней*. За нѣсколько дней до смерти, онъ говорилъ аптекарю Бастилинъ, что считаетъ себя *шестдесятъ лѣтъ*. Слѣдовательно, онъ ошибался только двумя годами одиннадцатью мѣсяцами и двумя днями — ошибка очень возможная со стороны человѣка-рѣшительно и столь долго лишеннаго даже малѣйшаго сообщенія съ вѣншимъ свѣтомъ. Маттиоли былъ похороненъ 20 ноября, 1703, въ 4 часа по-полудни, на кладбищѣ прихода Св. Павла въ Парижѣ въ присутствіи Росаржи, майора Бастилинъ и де Рейля, главнаго ея хирурга. Въ метрической книгѣ имя покойника съ намѣреніемъ было измѣнено и онъ названъ Маршіали, (выше мы упомянули, что Сень-Марсъ часто называлъ его Мартіоли). По всему этому почти утвердительно можно сказать, что знаменитая желѣзная маска была именно ни кто другой, какъ графъ Эрколе Антоніо Маттиоли, секретарь Карла IV, герцога Мантуйскаго и невѣрный уполномоченный для заключенія трактата на уступку Франціи укрѣпленія Казаль. Эти доказательства, кромѣ того, согласуются и съ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ Вольтеромъ, что въ эту эпоху не исчезло въ Европѣ ни одного важнаго лица, какъ на поприщѣ политическомъ, такъ и на какомъ либо другомъ.

Все это было напечатано въ одной французской газетѣ, но въ слѣдующемъ номерѣ той-же газеты было напечатано въ опроверженіе всѣхъ этихъ доводовъ слѣдующее:

Статья о желѣзной маскѣ, напечатанная въ вчерашнемъ номерѣ, извлечена изъ книги, изданной въ 1825 году Ж. Делоромъ, который старается въ ней доказать, что таинственное существо въ желѣзной маскѣ былъ никто иной, какъ Эрколе Антоніо Маттиоли, Болонскій уроженецъ, возведенный въ графы и сенаторы герцогомъ Мантусанкимъ. Не подвержено никакому сомнѣнію, что Маттиоли участвовалъ въ интригѣ на счетъ сдачи Казалья Франціи, и что онъ кончилъ эту интригу измѣною, но всѣ прочія доказательства г-на Делора о тождествѣ этаго лица съ человѣкомъ въ желѣзной маскѣ нисколько не могутъ убѣдить человѣка безпристрастнаго. Ру-Фацильянъ, въ своихъ *изысканіяхъ* не былъ счастливѣе. Неоспоримо, что человѣкъ въ желѣзной маскѣ не былъ ни графъ Вермандуа, ни герцогъ Бофортъ, ни герцогъ Монмутъ, ни Фуке, младшій братъ Людовика XIV; но съ чѣмъ же согласить и тѣ исторически-извѣстные знаки высокаго уваженія, съ которыми Сень-Марсъ обращался съ вѣрнымъ ему плѣнникомъ, если

этотъ плѣнникъ былъ не болѣе, какъ простой секретарь или агентъ герцога Мантуанскаго? Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе о связи между этою таинственною загадкою человѣка въ желѣзной маскѣ съ извѣстными близкими отношеніями Анны Австрійской съ кардиналомъ Мазарини. Лудовикъ XIII подозрѣвалъ королеву участницею въ заговорѣ, составленномъ въ Калѣ; между супругами царствовала величайшая холодность, и только непредвидѣнный случай заставилъ короля раздѣлить ложе съ королевою; послѣ чего черезъ 9 мѣсяцевъ родился Лудовикъ XIV. Что было тогда дѣлать съ ребенкомъ, рожденнымъ прежде, воспитаннымъ втайнѣ котораго существованія Лудовикъ XIII, и не подозрѣвалъ даже. Нельзя же было открыть тайну его рожденія и объявить его незаконнымъ. «По смерти Лудовика XIII, говоритъ Вольтеръ, Лудовикъ XIV не нашелъ лучшаго средства, какъ то, которое онъ употребилъ для упроченія собственнаго своего спокойствія и спокойствія государства: средство это избавляло его отъ совершенія акта жестокости, который политики представили бы необходимою всякому другому государю менѣе совѣстливому и великодушному, нежели Лудовикъ XIV. Если это мнѣніе не истинно, то, по крайней мѣрѣ, правдоподобно. Но всего лучше оставить въ покоѣ вопросъ, который никогда не можетъ быть и не будетъ разрѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ.

МАГНЕТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Въ Парижской газетѣ *Courcier des spectacles* напечатано:

Мы недавно присутствовали при чрезвычайно-интересномъ магнетическомъ сеансѣ, въ залахъ г-жи Лафонтенъ. Тамъ двѣ молодыя особы, приведенныя въ состояніе сомнамбулизма и дошедшія до магнетическаго экстаза, представили, подъ вліяніемъ музыки, зрѣлище, превосходящее всякое описаніе. Въ особенности одна изъ этихъ дѣвицъ Луиза, пріобрѣтаетъ отъ могущественной магнетической матеріи такую степень граціи, красоты, пластической эластичности и выразительности взгляда, что никакая кисть живописца не въ состояніи воспроизвести ничего подобнаго. Въ этомъ экстазическомъ кризисѣ, молодая ясновидящая, покоряясь вліянію гармоніи и силѣ магнетическаго притяженія, создаетъ позы самыя живописныя, контуры самыя очаровательныя, то оставаясь неподвигною, то исполняя граціозныя движенія. Ни какой образецъ искусства хореографіи, никакой типъ Королевской Академіи Музыки не можетъ идти здѣсь въ сравненіе; ибо то, что производитъ магнетическая матерія (эта таинственная загадка

нервовъ, которую мы не беремся разрѣшить), рѣшительно не подлежитъ никакому сравненію.

Еще болѣе сообщало пріятности этому зрѣлищу то, что обѣ упомянутыя сомнамбулки были магнетизированы дамою, г-жою Лафонтенъ, которая, какъ видно, приобрѣла могущественную магнетическую силу отъ своего мужа, весьма искуснаго магнетизера. — Все это конечно чудно, необъяснимо; но какъ же и не вѣрить тому, что тысяча честныхъ людей видѣли своими собственными глазами!

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ПРАХА КЕРУБИНИ.

11-го ноября, прошлаго года, брѣнные останки Керубини были вынуты изъ временной могилы и перенесены въ прекрасный мавзолей на кладбищѣ отца Лашеза, воздвигнутый великому композитору любителями музыки и артистами. Монуменъ этотъ исполненъ знаменитымъ ваятелемъ Дюмономъ, по проекту архитектора Ахилла Леклерка. Идея его: Кліо, увѣчивающая безсмертнаго композитора. Церемонія перенесенія происходила въ присутствіи семейства покойнаго, многочисленнаго собранія отличнѣйшихъ виртуозовъ, членовъ Французскаго Института, профессоровъ Консерваторіи, друзей покойнаго и множества другихъ особъ высшаго круга общества. Гробъ несли Галеви, Рауль-Рошетъ, Оберъ и Фогтъ. Мавзолей поставленъ на небольшомъ возвышеніи, на которомъ симметрически группируются памятники Тальмы, Лесюера, д-цы Бургунъ, Делиля, Мегюля, обоихъ Крейцеровъ, Мартини, Бульи, Цера, Беллини, Гретри, Госсекка и другихъ славныхъ артистовъ.

РЕЦЕПТЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ РОМАНОВЪ.

Въ наше время, романъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ *четыре*хъ частей, въ каждой по двѣсти—пятидесяти страницъ. Публика глотаетъ залпомъ по двадцати томовъ; для нея романъ въ *четыре*хъ частяхъ — гомеопатическая порошинка, литературная инфузорія. Страсть къ огромному, чудовищному составляетъ отличительную черту нашего вѣка, которой взваливаетъ Оссу на Геликонъ, и все-таки становится не выше пятого этажа. Впрочемъ, я удался отъ цѣли. Если вы хотите написать модный романъ, если вы хотите подорвать Александра Дюма, Сулье, Мери, Сю, Вальзака, съ компаніей, если вы хотите, чтобы слава полилась золотымъ дождемъ на вашу голову, украшенную вѣнкомъ изъ розовыхъ и голубыхъ обвертокъ вашихъ твореній, предлагаю вамъ самый вѣрный рецептъ для составленія романовъ, извлеченный мною изъ долготѣнаго наблюденія. Вамъ надобно вытянуть эластическое воображеніе на

тысячу страницъ; распредѣлить ваши мысли въ слѣдующихъ раз-
мѣрахъ :

Вступленіе, съ прибавкою нѣсколькихъ отрывковъ изъ
исторіи и съ современными тенденціями . . . . . 60 стран.

Любовныя сцены въ сумракѣ сиреней и при свѣтѣ
лампы 120

Описаніе природы въ разныхъ видахъ 73

Два блестящіе бала, гдѣ комнаты украшены един-
ственно Флорою Австраліи, и негры разносятъ моро-
женое на золотыхъ блюдечкахъ 30

Сцены въ театрѣ; о бархатѣ ложъ и закулисныхъ
тайнахъ. 40

Похищеніе невесты отчаяннымъ любовникомъ 15

Ревность тридцати-лѣтней дѣвы 90

Неожиданная смерть богатаго родственника 36

Удивительное завѣщаніе 17

Мелкія подробности о туалетѣ героя 150

Описаніе будуаровъ 200

Эпизоды, вовсе не идущіе къ роману 105

Таинственныя свиданія при лунѣ 45

Герой романа попадаетъ за долги въ тюрьму: опи-
саніе тюремныхъ таракановъ и прочихъ непріятностей. 28

Герой спасается изъ тюрьмы бѣгствомъ (приключе-
нія въ лѣсу, на заливѣ, у подошвы горы); онъ питается
стебельками и корнями 87

Благополучная развязка романа неожиданнымъ на-
слѣдствомъ, свободою и проч. 56

Возьмите все это, перемѣшайте, пересыпьте фразами, и полу-
чите романъ, самый живой, самый современный, романъ въ пяти
частяхъ, съ эффектами, блескомъ, ужасами, однимъ словомъ, са-
мый занимательный.

ЛИСТЬ И ГИРЛЯНДА ГИМЕНЕЯ.

Листъ женился. Мелодическій дятель порхнулъ въ золотую
кѣтку. Три милліона упали въ кошелекъ странствующаго музы-
канта. Вотъ что называется бить сильно, играть вѣрно, и упо-
требить въ дѣло свои десять пальцевъ, потому что, если вѣрить
современной хроникѣ гостиныхъ, знаменитый пѣвистъ обязанъ
приобрѣтеніемъ невесты единственно волшебству своего фортепя-
но. Вотъ какъ это случилось :

Листъ жилъ въ Парижѣ. Въ одно утро приходитъ къ знамени-
тому артисту бѣдный музыкантъ, въ истертомъ фракѣ, и проситъ

себѣ пособія. Листъ, человѣкъ очень щедрый, тотчасъ выдвигаетъ ящикъ своего бюро, и, къ сожалѣнію, находитъ въ немъ только три червонца. Можно ли дать такую бездѣлицу-своему собрату по искусству! Листъ въ замѣшательствѣ, но добрый геній шепнулъ ему на ухо, что дѣлать, и маэстро отдалъ несчастному артисту медальонъ съ портретомъ Императора, украшенный алмазами. Музыкантъ, безъ памяти отъ такого счастья, бѣжитъ къ ювелиру продать драгоценный подарокъ. Разумѣется, въ головѣ бриллианщика тотчасъ родилось подозрѣніе, какъ могла попасть въ руки скрипача вещь, которая стоитъ двѣнадцать тысячъ франковъ? Онъ ведетъ артиста въ полицію. Несчастнаго музыканта сажаютъ въ тюрьму. Тотъ посылаетъ письмо къ Листу. Атилла съ фортепьянъ хватается шляпу и бѣжитъ къ ювелиру:

— Вы обвинили невиннаго; я подарилъ ему этотъ медальонъ.

— А вы кто?

Вмѣсто отвѣта, Листъ садится къ фортепьяно и начинаетъ играть акроматическій галопъ. Едва только артистъ ударилъ по клавишамъ, дверь отворилась и въ комнату вбѣжала дѣвушка, съ каштановыми локонами, разумѣется, хорошенькая, и съ изумленіемъ остановилась въ трехъ шагахъ отъ рояля, устремивъ на артиста свѣтлые, голубые глаза.

— Bravo, г. Листъ! Божественно!—вскричала она, какъ только затихли мужественные звуки галоппа.

— Развѣ ты знаешь этого господина? спросилъ ювелиръ у своей дочери.

— Нѣтъ, но такъ играть можетъ только Листъ!

На другой день, маэстро, какъ слѣдуетъ, былъ приглашенъ къ ювелиру.

— Скажите, г. Листъ, правится ли вамъ моя дочь?

— Очаровательна!

— Что думаете вы о трехъ милліонахъ приданого?

— Возьму ихъ съ удовольствіемъ.

— Вы поняли меня. Вамъ понравилась моя дочь, вы понравились ей; приданое лежитъ на столѣ; будьте моимъ зятемъ и радуйтесь.

Бракъ Листа останется самою блестящею изъ его импровизаций.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Городской совѣтъ Версаля славится необыкновенною любовью къ искусствамъ и награждаетъ ихъ золотыми медалями, съ тѣхъ поръ, какъ въ городѣ существуетъ музей, очень образованный.

Недавно, узнавъ о блестящемъ успѣхѣ мадмоазель Гримъ на сценѣ Комической Оперы, совѣтъ назначилъ чрезвычайное засѣданіе.

— Эта молодая пѣвица родилась въ нашемъ городѣ, сказали члены совѣта: она достойна такой же чести, какъ и мадмоазель Добре, которая такъ-же родилась въ Версальѣ.

Президентъ похвалилъ эту мысль и заплакалъ отъ радости. Но въ ту минуту, какъ совѣтъ хотѣлъ присудить золотую медаль пѣвицѣ, кто-то замѣтилъ, что въ Версальѣ не было никого по имени Гримъ.

— Правда! совершенная правда! сказалъ президентъ, пересматривая списокъ городскихъ жителей: я не вижу Грима; впрочемъ у насъ есть Гриль, прибавилъ онъ, показывая пальцемъ на совѣтника, дремавшаго въ углу во время засѣданія.

— Можетъ быть, господа, какія нибудь особенныя причины заставили мадмоазель Гриль дебютировать подъ именемъ Гримъ. Это часто встрѣчается въ театрѣ. Вольтеръ не былъ пѣвцомъ, а между тѣмъ отказался отъ имени Аруа.

— Мольеръ тоже не захотѣлъ называться Покленомъ, можно привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Господинъ Гриль! проснитесь же, господинъ Гриль! мы хотимъ предложить золотую медаль вашей дочери.

— У меня никогда не было дочери!—сказалъ Гриль, протирая узенькіе глаза.

— Безчувственный отецъ! закричали члены совѣта: онъ отказывается отъ своей дочери, молодой, прелестной пѣвицы, которая принесетъ славу Версалью!....

Совѣтъ осадилъ господина Грilia, уговаривалъ его, умолялъ, растрогалъ до слезъ, и заставилъ, наконецъ, признать себя отцомъ дебютантки Комической Оперы.

Золотая медаль была предложена единогласно, и совѣтъ отправился въ четырехъ вагонахъ по желѣзной дорогѣ къ мадмоазель Гриль.

—Здравствуйте, мадмоазель Гриль, сказалъ президентъ.

—Гримъ, милостивый государь; моя фамилія Гримъ, отвѣчала дѣвица.

—Гриль, или Гримъ, это одно и то же. Дебютъ вашъ, мадмоазель Гриль, былъ торжествомъ для вашей родины, для Версаля.

—Помиуйте, я вовсе не изъ Версаля; не знаю, съ чего вы взяли, будто меня зовутъ Гриль!

—Перестанемъ спорить объ этомъ предметѣ, у артистовъ есть свои фантазіи, которыя должно уважать. Но, скажите, зачѣмъ вы не хотите родиться въ Версальѣ? Вотъ и вашъ почтенный батюш-

жа, господинъ Гриль, городской совѣтникъ Версаля. Онъ едва не плачетъ отъ умиленія.

— Не смѣшивайте Гриль и Гримъ, проговорилъ совѣтникъ дрожащимъ голосомъ.

— Все равно, сказалъ президентъ; обнимите вашу дочь.

Господинъ Гриль простеръ къ ней свои объятія.

— Я не думала родиться въ Версальѣ, сказала пѣвица двумя тонами выше.

— Неблагодарная! закричалъ президентъ. Вы хотите отнять у своей родины частицу славы, которую вы доставили ей своимъ торжествомъ? Взгляните, взгляните на мадмоазель Добре! Развѣ она отказалась отъ своей родины? Развѣ она не приняла медали изъ нашихъ рукъ? Отказалась ли она отъ своего имени, потому только, что Амьень называлъ себя ея отечествомъ? Но вы будете наказаны за неблагодарность. Вы не принимаете нашей дани добровольно, — мы наложимъ ее на васъ силою: помѣстимъ вашъ портретъ въ Версальскомъ музеѣ, поставимъ вамъ конную статую, а эту золотую медаль повѣсимъ надъ дверьми господина Гриля.

Господинъ Гриль поднесъ къ глазамъ носовой платокъ.

Пѣвица, чтобы спастись отъ конной статуи, рѣшилась принять золотую медаль версальскаго совѣта. —

МУЖЪ, ОТЫСКИВАЮЩІЙ ЖЕНУ.

Андрей Бюлеръ, зажиточный поселянинъ изъ Нейбурга, получилъ прошедшимъ лѣтомъ письмо изъ Америки, отъ одного родственника, переселившагося туда лѣтъ за двадцать, и успѣвшаго въ это время нажить порядочное состояніе. Бюлеръ, увлеченный совѣтами этого родственника, рѣшился продать свое имущество и тоже переселиться въ Америку. Вздумано, сдѣлано. Бюлеръ выручилъ за свое имущество до 10,000 флориновъ, и оставивъ у себя денегъ только на необходимые расходы, остальные отдалъ женѣ, которая и зашила ихъ въ свой корсетъ. Переселенцы поѣхали въ Мюльгаузенъ, чтобы оттуда ѣхать въ дилижансѣ въ Парижъ, а изъ Парижа въ Гавръ. Жена Бюлера съ шестью дѣтьми сѣла во внутренность дилижанса, а самъ онъ въ такъ называемую ротонду. Вечеромъ, при перемѣнѣ лошадей, Бюлеръ вылезъ изъ дилижанса, вошелъ въ почтовой домъ, и что-то тамъ замѣшкался; когда онъ возвратился, дилижансѣ уже уѣхалъ. Полагая догнать его, Бюлеръ пустился бѣжать за нимъ по большой дорогѣ, какъ вдругъ его схватили полевые сторожа, и какъ онъ не зналъ по-французски, то его сочли за бро-

дигу и отвели сначала къ мѣру ближайшаго селенія, а потомъ препроводили къ окружному мирному судѣ. Только на третій день, наконецъ, возвратили ему свободу. Онъ спѣшилъ въ Троа, въ надеждѣ найти тамъ свою дорогую супругу. — Не тутъ-то было: семья его продолжала свое путешествіе. Написали въ Парижъ, въ полицейскую префектуру, и получили въ отвѣтъ, что такая-то г-жа Бюлеръ уѣхала въ Гавръ. Написали въ Гавръ. — Изъ Гавра отвѣчали, что г-жа Бюлеръ сѣла на корабль и отправилась въ Америку. Несчастный покинутый мужъ остался безъ всякихъ средствъ, и только, благодаря покровительству полиціи города Троа, нашелъ кое-какъ возможность возвратиться въ отечество.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Театральный бюджетъ Парижа въ 1846 году, въ сравненіи съ бюджетомъ прежнихъ лѣтъ, былъ весьма значительный, не смотря на то, что въ 1845-мъ году было представлено сорокъ пьесъ больше, нежели въ прошломъ. Причиною этого огромный успѣхъ нѣкоторыхъ пьесъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикою, именно *Mousquetaries de la Reine*, *Clarisse Harlowe*, *Gentil-Bernard*, *Closerie des Genêts*, *Docteur noir*, и другихъ. Парижскіе театры отличались постоянною дѣятельностью, которая, безъ сомнѣнія, удвоится съ открытіемъ *Историческаго Театра* Александра Дюма.

Въ 1845 году явилось 269 пьесъ, написанныхъ двумястами авторами.

Въ 1846 году поставлены на сцену 2 трагедіи, 2 балета, 12 оперъ, 12 комедій, 29 драмъ и 170 водевилей; всего 227 новыхъ пьесъ, надъ которыми трудились 193 автора и 12 композиторовъ. — Самымъ плодотворнымъ изъ этихъ авторовъ былъ *Клервилъ*, написавшій *одинадцать* пьесъ, различнаго объема. *Данри* произвелъ только *семь*, *Балль* и *Дюманоръ* по *шести*, *Мельвилъ* и *Варенъ* по *пяти*; *Дюверъ* и *Поль-де-Кокъ* по *четыре*, *Скрибъ* далъ только двѣ маленькія пьески для театра Гимназіи, и не далъ ни строчки ни Французскому — театру, ни Комической оперѣ. Знаменитый академикъ, вѣроятно, вознаградитъ ихъ въ 1847-мъ году. — Въ театральной администраціи также произошли перемѣны. Ипполитъ Коньяръ, заступившій, въ 1846 году, послѣ Ансело, мѣсто директора *Водевиля*, взялъ отставку, и вмѣсто его министръ назначилъ Локруа. Ни одинъ годъ не проходитъ безъ какихъ-нибудь несчастій для драматическаго искусства. Въ 1846-мъ году сгорѣли четыре театра, въ Квебекѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Лондонѣ, и въ Авиньонѣ.

Двѣ сестры Миланоло дали въ Ліонѣ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, двадцать четыре концерта, и каждый разъ огромная зала была полна слушателей; некуда было протянуть рукъ, чтобы аплодировать. Ліонскіе музыканты поднесли вдохновеннымъ артисткамъ золотую медаль; живописцы соорудили имъ великолѣпной альбомъ, а ліонскій поэтъ Викторъ Ла-Прадъ воспѣлъ ихъ волшебный смычекъ прелестными стихами.

Двадцать третьяго декабря исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ *Фрейшюцъ* явился въ первый разъ на Лейпцигскомъ театрѣ. Въ продолженіе этого времени превосходное созданіе Вебера исполнено сто-двадцать-шесть разъ. Сто-двадцать-седьмое представленіе, данное въ день юбилея, происходило съ особенною торжественностью. По окончаніи оперы былъ исполненъ хоръ, сочиненный въ честь композитора, и на сцену вынесли его бюстъ, увѣнчанный короною изъ семи звѣздъ, на которыхъ были написаны названія его оперъ.

При вѣздѣ Листа въ Темешваръ построили въ честь знаменитаго піаниста трумфальную арку, обвитую гирляндами изъ цвѣтовъ; послѣ третьяго концерта, поднесли ему золотой вѣнокъ.

Прогулки Вѣчнаго Жида—ничто въ сравненіи съ путешествіями Леопольда Майера. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ ломалъ клавиши въ Луизіанѣ; теперь собирается нагрѣть себѣ руки въ Огненной-землѣ.... Счастливый путь! Древніе, желая выразить силу Геркулеса, говорили, что онъ можетъ поднять на плечахъ весь земной шаръ. Американцы обнаруживаютъ свое удивленіе не совсѣмъ по европейски: одинъ Ново-Орлеанской журналъ напечаталъ огромную біографію неутомимаго виртуоза съ его портретомъ. Леопольдъ Майеръ представленъ въ сапогахъ а la Juif Errant, съ сигарою во рту и огромнымъ мѣшкомъ за спиною, онъ отправляется въ Гаванну, держа подъ мышками два рояля.

Актриса Дозъ вышла замужъ за остроумнаго романиста, господина Роже-де-Бовуара. Театръ лишился прелестнаго таланта, свѣтъ выигралъ женщину, очаровательную наружностью, надѣлен-

ную прекрасными качествами души и поэтическим талантомъ. Госпожа Роже-де-Бовуаръ пишетъ очень милые стихи, извѣстные въ образованномъ кругу, хотя она и не помещаетъ ихъ въ журналахъ.

Мадамъ Вейсъ, капитанша фаланги вѣнскихъ танцовщицъ, претерпѣвъ жестокия гоненія въ Парижѣ и Лондонѣ за несправедливости при наборѣ своихъ рекрутовъ, прибыла наконецъ въ Америку съ летучимъ батальономъ, состоящимъ изъ тридцати шести нѣмочекъ и дюжины англичанокъ. Но съ дѣтскимъ балетомъ случилось маленькое несчастіе: дѣти незамѣтно подрастали, выросли, и хотятъ освободиться изъ подъ опеки. Мадамъ Вейсъ не-прочь отъ этого, но только общаетъ сама выбрать имъ попечителей.

Фелисьенъ Давидъ окончилъ новую симфонію «Le nuage». «Синай» былъ сухъ и бесплоденъ, какъ песокъ «Пустыни»; опасаются, чтобы «Туча» не разлилась водою.

Превосходный пьянистъ Калькбреннеръ давалъ на дняхъ большой обѣдъ и какъ глубокій гастрономъ, самъ отправился на рынокъ выбрать огромную форель. Въ самомъ дѣлѣ, онъ нашелъ рыбу, какой не видалъ въ Парижѣ. — Что стоитъ форель? — Ничего. — Какъ, ничего? — Она продана за два луидора. — Я даю три. — Невозможно. — Четыре. — Никакъ нельзя: это для господина Ротшильда. — Послушайте, моя милая: возьмите пять луидоровъ. — Нѣтъ. — По-крайней-мѣрѣ, постарайтесь доставить мнѣ другую такую рыбу къ четыремъ часамъ; вотъ мой адресъ. — Какъ! вскричала торговка, прочитавъ карточку: вы Калькбреннеръ? — возьмите мою форель. — А Ротшильдъ? — Господинъ Ротшильдъ можетъ обойтись и безъ нея: артистъ, какъ господинъ Калькбреннеръ, выше банкира Ротшильда. — Этотъ случай разсказанъ самимъ Калькбреннеромъ другу его Альфонсу Карру.

Адамъ Эленшлегеръ, датскій драматическій поэтъ, кончилъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ: *Гамлетъ*, которая была въ первой разѣ представлена семнадцатаго ноября, въ день рожденія этого славнаго писателя. Ему исполнилось шестьдесятъ семь лѣтъ. По окон-

чаніи пьесы, принятой съ живѣйшимъ восторгомъ, артисты увѣнчали бюстъ Эленшлегера, а самому автору вручили лавровый вѣнокъ, между тѣмъ, какъ публика пѣла куплеты, написанные нарочно для этого случая. Король пожаловалъ Эленшлегера командоромъ ордена Данеброга.

Вѣнскіе композиторы работаютъ не на шутку. Фуксъ окончилъ комическую-оперу «Саламанкскіе студенты», Николаи — дописываетъ новую партитуру «Виндзорскія кумушки»; романъ Виктора Гюго Notre-Dame de Paris послужилъ сюжетомъ для двухъ оперъ, одна — Праха, другая — Леви.

Театръ Гаррика, въ Лондонѣ, сдѣлался добычею пламени. Полагаютъ, что пожаръ произошелъ отъ пыжа. Наканунѣ пожара играли въ этомъ театрѣ большую пьесу: «Битва при Ватерло.»

Слѣдующее приключеніе доказываетъ, что старшій предразсудокъ противъ театра и актеровъ, теперь обратился, если не во всей еще Франціи, то, по-крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ другую крайность. Теперь всѣ льстятся знакомствомъ съ первымъ трагикомъ или комикомъ какого бы то ни было бульварнаго театра; даже суфлеры и буталофы играютъ важную роль въ среднихъ классахъ общества. Многіе родители, видя, какія почести и выгоды доставляетъ ремесло актера, съ малолѣтства начинаютъ приучать дѣтей своихъ къ сценѣ. Такъ точно поступили и родители Леокадіи Д....., помѣстивъ ее съ самаго юнаго возраста въ труппу дѣтскаго театра Конта, гдѣ она долго играла второстепенныя роли. Но какъ видно было, юная Леокадія вовсе не имѣла никакого призванія къ драматическому искусству, потому что она никакъ не умѣла владѣть своими чувствами, волненіемъ и робостію. Бѣдное дитя мечтало о скромной семейной жизни, но, не смѣя противиться твердой волѣ своихъ родныхъ, рѣшилась наконецъ на самоубійство. На дняхъ она заперлась въ своей комнатѣ и зажгла жаровню съ каменнымъ углемъ. По счастью, мать обеспокоенная тѣмъ, что дочь не сходитъ внизъ, чтобы отправиться на репетицію, пошла къ ней и dospѣла еще во-время, чтобы спасти несчастную. Леокадія держала въ рукахъ письмо, въ которомъ просила благословенія у родителей и объявляла имъ причину, понудившую ее къ самоубійству. Страшный примѣръ жестокаго упрямства родителей, чтобы дѣти ихъ шли

по такому поприщу, къ которому они рѣшительно не чувствуютъ никакого призванія!

Въ циркъ Елисейскихъ полей въ Парижѣ привлекаютъ теперь многочисленную публику пластическія представленія и живыя картины г-на Келлера. Вотъ что говорятъ объ этихъ представленіяхъ французскіе журналы.

«Представленія г-на Келлера верхъ очарованія и мы не удивляемся, что циркъ Елисейскихъ полей въ дни этихъ представленій привлекаетъ многочисленную публику.

Не думайте, чтобы эти представленія оскорбляли стыдливость. Искусство никогда не оскорбитъ ее, если только оно опозитизировано. Развѣ оскорбляютъ наше чувство сокровища ваянія, собранныя въ музеяхъ?—почему же должны оскорблять его живыя копія съ этихъ сокровищъ

Вотъ три Граціи, восхитительная группа превосходныхъ правильныхъ формъ, которыхъ не можетъ скрыть защищающій ихъ газъ. Вотъ Аріадна, съ нѣжными легкими формами Діаны охотницы. А эти войны, посреди которыхъ плачущая женщина, съ простертыми руками — это картина *Давида: похищеніе Сабинокъ*.

Осмотрите весь Музей и повѣрьте, вы не найдете Каина или Геркулеса—лучше г. Келлера, Венеры—правильнѣе г-жи Келлеръ, Грацій приличнѣе г-жъ Келлеръ и Даннекеръ. Живописцы, скульпторы никогда не мечтали о созданіяхъ болѣе совершенныхъ и болѣе цѣломудренныхъ.»

Зрѣлище звѣринца неоспоримо чрезвычайно интересно и привлекательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не вполне безопасно. Малѣйшій недосмотръ со стороны содержателя звѣринца, малѣйшая неосторожность со стороны зрителей, могутъ легко быть причиною трагическаго происшествія. Въ особенности строго надобно воспрепятствовать зрителямъ дразнить звѣрей, даже отнимать у нихъ всѣ средства къ этому, отгораживая кѣтки съ звѣрями барьеромъ на довольно значительное разстояніе отъ того мѣста, гдѣ находятся зрители. Вотъ случай, бывшій не давно въ Англіи, который хотя слѣдуетъ болѣе приписать ложному страху, но который все-таки доказываетъ необходимость подобныхъ мѣръ осторожности. Въ городъ Херлутъ пріѣхалъ содержатель звѣринца, и въ тотъ же вечеръ къ нему собралось множество любопытныхъ, такъ, что

все зрители не могли помѣститься въ звѣринцѣ и огромная толпа дожидалась очереди у входа. Часовъ около десяти вечера, кто-то изъ дѣтей, бывшихъ въ числѣ зрителей, принялся дразнить сильную гienну. Разсерженное животное начало драться съ другою гienною, бывшею съ нею въ одной клѣткѣ. Крикъ ихъ разбудилъ льва, онъ привсталъ и страшно зарычалъ. Зрители невольно содрогнулись; какъ вдругъ раздался крикъ: Левъ ушелъ изъ клѣтки, левъ ушелъ изъ клѣтки! Тогда толпою овладѣлъ паническій страхъ и все пришло въ невыразимое смятеніе. Все съ крикомъ бросились къ дверямъ, опрокидывая другъ друга. Но какъ двери отворялись внутрь, а не наружу, то приливомъ толпы прихлопнули ихъ и выйти было не возможно. Наконецъ, проломали одну стѣну звѣринца, и толпа устремилась на улицу. Паническій страхъ тотчасъ же сообщился и тѣмъ, которые стояли около звѣринца, и все съ крикомъ: Левъ ушелъ! бросилось въ разныя стороны. Больше двухъ сотъ человѣкъ было опрокинуто, многіе растоптаны почти до полусмерти. Городскіе медики тотчасъ же явились подавать помощь жертвамъ этого несчастнаго происшествія. По счастью, никто не лишился жизни, но нельзя утвердительно сказать, чтобы жертвы этого случая были въ опасности.

На большой дорогѣ близъ Фонтенеблэ, слѣланъ былъ удачный опытъ ѣзды въ экипажѣ съ парусами. Говорятъ, что экипажъ этотъ шелъ почти также быстро, какъ вагоны на желѣзной дорогѣ! Былъ ли онъ притомъ запряженъ лошадьми или нѣтъ — не упомянуто. Экипажъ этотъ на трехъ колесахъ,—переднее служить вмѣсто руля.

ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ.

На одномъ провинціальномъ театрѣ играли «Разбойниковъ» Шиллера. Роль Карла Мора занималъ какой-то приѣзжій артистъ. Въ этой трагедіи, какъ извѣстно, есть сцена, въ которой Карлъ Моръ, желая разбудить разбойниковъ, спящихъ за кустами, изъ-за которыхъ видны ихъ ноги, кричитъ: «Вѣчно что ли вы будете спать!» и стрѣляетъ изъ пистолета. Представьте же себѣ изумленіе приѣзжаго артиста, когда ни на крикъ его, ни на выстрѣлъ, ни одинъ изъ спящихъ разбойниковъ даже не пошевелинулся. Что бы это значило? А вотъ что. Директоръ театра, по недостатку въ пер-

сонажахъ, вмѣсто того, чтобы положить за кулисы статистовъ, выставилъ изъ-за кулисъ одни только сапоги.

Одинъ великій трагикъ, который криками и сильнымъ размахиваніемъ рукъ приводилъ воскресную публику въ неописанный восторгъ, имѣлъ артистическую привычку, въ порывахъ своего трагическаго жара, забывать всякое приличіе и уваженіе, котораго каждый благовоспитанный человѣкъ обязанъ имѣть къ дамамъ. Играя разъ въ драмѣ съ молодой, нѣжной и прекрасно воспитанной артисткою, онъ въ любовной сценѣ сжалъ ее такъ сильно и такъ неловко въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, что она невольно покраснѣла и вскрикнула. По окончаніи спектакля, она обратилась къ великому трагiku и сказала трогательнымъ голосомъ: «Имѣйте хоть на сценѣ какое нибудь снисхожденіе къ моимъ лѣтамъ и полу! Объ этомъ умоляю васъ, не какъ артиста, а какъ *человѣка*!»

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, играйте съ другими, а не со мной! — отвѣчалъ ей самодовольный герой и гордо пошелъ далѣе.

Тотъ же великій артистъ, въ минуту подобнаго забвенія, вмѣсто того, чтобы выгнать актера, игравшаго его соперника, сильно ударилъ его въ грудь. За кулисами, по этому случаю между ними произошло объясненіе.

«Любезный другъ!» — говорилъ великій артистъ, — «когда я вхожу въ пассію, я ни за что не отвѣчаю. Въ этомъ то и состоитъ превосходство моей игры!»

— А, такъ вотъ оно что! — отвѣчалъ смѣтливый соперникъ: потому то я никогда и не могъ сравниться съ вами, до сихъ поръ я не зналъ этой тайны. За то ручаюсь, что въ первое представленіе, въ которомъ мы будемъ играть вмѣстѣ — я войду въ такую пассію, — (тутъ онъ значительно поднялъ дюжій кулакъ), что дамъ себя знать и непременно съ вами поровняюсь.»

Лондонскій актеръ Кили (Keely), жившій въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ чрезвычайно оригинальный человѣкъ. Замаравъ какъ-то въ маслѣ новой кафтанъ, онъ все-таки продолжалъ носить его, потому что сшить другой былъ не въ состояніи. Разумѣется, гдѣ бы онъ ни появлялся въ обществѣ, ему сейчасъ же замѣчали: у васъ на кафтанѣ масляное пятно. — Наконецъ, эти повторенія надобно ему до нельзя и чтобы избавиться отъ нихъ, онъ придумалъ слѣдующее. Входя въ какое бы то ни было обще-

ство, онъ, вмѣсто привѣтствія, говоритъ: «У меня на кафтанѣ масляное пятно—но это въ сторону; теперь о чемъ нибудь другомъ.»

—Извѣстно, что знаменитая актриса Клеронъ, первая ввела на сценѣ Французскаго-театра употребленіе костюмовъ, сообразныхъ съ вѣкомъ и націею того лица, которое актеръ долженъ былъ представлять, а до того времени во всѣхъ трагедіяхъ актеры одѣвались рѣшительно въ одинъ и тотъ же костюмъ, который назывался *римскимъ*, а въ сущности былъ *французскій*. Лекенъ первый послѣдовалъ примѣру г-жи Клеронъ и заказалъ себѣ греческій костюмъ для роли Ореста въ «Андромахѣ.»

Одинъ изъ сотоварищей его, Добервиль, случившійся у него въ то время, когда портной принесъ ему этотъ костюмъ, съ любопытствомъ спросилъ: Что это такое?—Это называется—греческій костюмъ, сказалъ Лекенъ.—«О, да это чудесная вещь, возразилъ Добервиль, въ слѣдующій же разъ, какъ буду заказывать себѣ новый *римскій* костюмъ, велю сдѣлать его по *гречески*.»

Одинъ актеръ, съ большимъ успѣхомъ игравшій роль Карла Мора, послѣ спектакля строго выговаривалъ бутафору, за то, что тотъ не прибралъ чудеснаго краснаго султана, который Карлъ Моръ бросаетъ отъ себя въ послѣдней сценѣ трагедіи. Бутафоръ, маленькій безобразный человѣчекъ, намоталъ это себѣ, какъ говорится, на усь, и въ слѣдующее же представленіе «Разбойниковъ», съ самаго начала пьесы стоялъ у первой кулисы и дожидаясь послѣдней сцены.—«Прочь отъ меня этотъ кровавый султанъ. Пусть возьметъ его тотъ, у кого есть охота быть послѣ меня атаманомъ!» вскричалъ Карлъ Моръ и бросилъ султанъ къ самой почти рамѣ.

Въ тоже мгновеніе крошечный безобразный человѣкъ, съ огромными очками на носу, является изъ-за кулисъ, поднимаетъ султанъ и, тщательно обдувая съ него пыль, при громкомъ хохотѣ цѣлаго театра, преспокойно удаляется опять за кулисы.

7012

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА :

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіяся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальныя театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно*

15-го числа каждаго мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ приложеніями, состоящее изъ 12 книжекъ. 10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на домъ: 11 руб. 50 коп. сер.

—
Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнаго.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамта.

—
7962.

Просятъ покорно всѣхъ имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона» обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу Коши, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.